

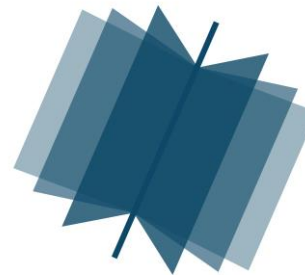
№ 12 (114) ▪ 2021
Часть 5 ▪ Декабрь

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

ISSN 2227-6017 ONLINE

Екатеринбург
2021

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: Соколова М.В.
Главный редактор: Меньшаков А.И.
Адрес издателя и редакции: 620137, г. Екатеринбург, ул.
Академическая, д. 11, корп. А, оф. 4.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org
16+

**№ 12 (114) 2021
Часть 5
Декабрь**

Дата выхода 17.12.2021
Цена: бесплатно.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких-либо ограничений. Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Актуальная информация об индексации журнала в библиографических базах данных <https://research-journal.org/indexing/>.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ЭЛ № ФС 77 - 80772.

Члены редколлегии:

Филологические науки:

Растягаев А.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Московский Городской Университет (Москва, Россия);
Штрекер Н.Ю. к. филол. н., Калужский Государственный Университет имени К.Э. Циолковского (Калуга, Россия);
Вербицкая О.М. к. филол. н., Иркутский Государственный Университет (Иркутск, Россия).

Технические науки:

Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия);
Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия);
Герасимова Л.Г. д-р техн. наук, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И.В. Тананаева (Апатиты, Россия);
Курасов В.С. д-р техн. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Оськин С.В. д-р техн. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия).

Педагогические науки:

Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия);
Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);
Лукьянова М.И. д-р пед. наук, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия);
Ходакова Н.П. д-р пед. наук, проф., Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

Психологические науки:

Розенова М.И. д-р психол. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия);
Ивков Н.Н. д-р психол. наук, Российская академия образования (Москва, Россия);
Каменская В.Г. д-р психол. наук, к. биол. наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

Физико-математические науки:

Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия);
Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Государственный Научный Центр ЦНИИЧермет им. И.П. Бардина (Москва, Россия);
Свиштунов Ю.А. д-р физ.-мат. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Географические науки:

Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к. техн. наук проф., Военный авиационный инженерный университет (Воронеж, Россия);
Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
Огурева Г.Н. д-р геогр. наук, проф., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Биологические науки:

Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Аникин В.В. д-р биол. наук, проф., Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия);
Еськов Е.К. д-р биол. наук, проф., Российский государственный аграрный заочный университет (Балашиха, Россия);
Ларионов М.В. д-р биол. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева (Москва, Россия).

Архитектура:

Янковская Ю.С. д-р архитектуры, проф., Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Ветеринарные науки:

Алиев А.С. д-р ветеринар. наук, проф., Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Россия);
Татарникова Н.А. д-р ветеринар. наук, проф., Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова (Пермь, Россия).

Медицинские науки:

Никольский В.И. д-р мед. наук, проф., Пензенский государственный университет (Пенза, Россия);
Ураков А.Л. д-р мед. наук, Ижевская Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

Исторические науки:

Меерович М.Г. д-р ист. наук, к. архитектуры, проф., Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск, Россия);
Бакулин В.И. д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (Киров, Россия);
Бердинских В.А. д-р ист. наук, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия);
Лёвочкина Н.А. к. ист. наук, к. экон. наук, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Блейх Н.О. д-р ист. наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Россия).

Культурология:

Куценков П.А. д-р культурологии, к. искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Искусствоведение:

Куценков П.А. д-р культурологии, к. искусствоведения, Институт востоковедения РАН (Москва, Россия).

Философские науки:

Петров М.А. д-р филос. наук, Института философии РАН (Москва, Россия);
Бессонов А.В. д-р филос. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Цыганков П.А. д-р филос. наук., МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия);
Лойко О.Т. д-р филос. наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия).

Юридические науки:

Костенко Р.В. д-р юрид. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Северо-Кавказский федеральный университет в г. Пятигорске (Пятигорск, Россия);
Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Всероссийская академия внешней торговли (Москва, Россия);
Ергашев Е.Р. д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия).

Сельскохозяйственные науки:

Важов В.М. д-р с.-х. наук, проф., Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия);
Раков А.Ю. д-р с.-х. наук, Северо-Кавказский федеральный научный аграрный центр (Михайловск, Россия);
Комлацкий В.И. д-р с.-х. наук, проф., Кубанский государственный аграрный университет (Краснодар, Россия);
Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Белгородский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (Белгород, Россия);
Наумкин В.П. д-р с.-х. наук, проф., Орловский государственный аграрный университет.

Социологические науки:

Замараева З.П. д-р социол. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия);
Солодова Г.С. д-р социол. наук, проф., Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
Кораблева Г.Б. д-р социол. наук, Уральский Федеральный Университет (Екатеринбург, Россия).

Химические науки:

Абдиев К.Ж. д-р хим. наук, проф., Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Мельдешов А. д-р хим. наук, Казахстанско-Британский технический университет (Алма-Аты, Казахстан);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия).

Науки о Земле:

Горяинов П.М. д-р геол.-минерал. наук, проф., Геологический институт Кольского научного центра Российской академии наук (Апатиты, Россия).

Экономические науки:

Лёвочкина Н.А. д-р экон. наук, к. ист. н., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия);
Ламоттке М.Н. к. экон. н., Нижегородский институт управления (Нижний Новгород, Россия);
Акбулаев Н. к. экон. н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан);
Кулиев О. к. экон. н., Азербайджанский государственный экономический университет (Баку, Азербайджан).

Политические науки:

Завершинский К.Ф. д-р полит. наук, проф. Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Фармацевтические науки:

Тринеева О.В. к. фарм. н., Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия);
Кайшева Н.Ш. д-р фарм. наук, Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград, Россия);
Ерофеева Л.Н. д-р фарм. наук, проф., Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия);
Папанов С.И. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Петкова Е.Г. д-р фарм. наук, Медицинский университет (Пловдив, Болгария);
Скачилова С.Я. д-р хим. наук, Всероссийский Научный Центр По Безопасности Биологически Активных Веществ (Купавна Старая, Россия);
Ураков А.Л., д-р мед. наук, Государственная Медицинская Академия (Ижевск, Россия).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

Артамонова М.В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ В. СОЛОУХИНА.....	6
Vechkanova E.Yu. FUNCTIONALISM AND CULTURAL RELATIVISM IN THE FRAMEWORK OF INTERCULTURAL COMMUNICATION	10
Герасимова Е.С. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.Е. КУЛАКОВСКОГО)	13
Ткачёва Р.А., Михайлова Н.Д., Аксенова Е.Д. «...ПРОЗВИЩЕ У НЕГО БЫЛО ПОЧЕМУ-ТО – БРОНЗА» (ПО РАССКАЗУ А.П. ЧЕХОВА «СКРИПКА РОТШИЛЬДА»).....	16
Горина Е.В. ПОЧЕМУ ТАК МНОГО ОШИБОК? К ВОПРОСУ О ГРАМОТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ	20
Готовцева Л.М. СИНОНИМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕКСТЕ ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ».....	25
Громенко М.В., Черникова О.Ю. КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.....	28
Коптева Г.Г. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О СЧАСТЬЕ: ОБЩАЯ ИДЕЯ И МОТИВ.....	32
Курчаткина О.А. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ	36
Коннова О.В., Хабарова Ю.И., Саулебаева А.Н. ФУНКЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	40
Лазарева А.А., Хабдаева А.К. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО СТРАНОВЕДЕНИЮ.....	43
Латыпова Ю.А. КОНЦЕПТЫ «LIGHT» И «DARKNESS» В ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ ДЖО БАЙДЕНА	47
Леонова Ю.Ю. ОФОРМЛЕНИЕ ДАННЫХ ОБ АДРЕСАНТЕ В ЧЕЛОБИТНЫХ XVII ВЕКА.....	51
Ноева С.Е. ОСОБЕННОСТИ ОЛЬФАКТОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЯКУТСКОМ ТЕКСТЕ	54
Оцомиева-Тагирова З.М. СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОРОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА	57
Павленко А.Е., Червоный А.М. «ПРАВИЛО СЕВЕРНОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРНЫХ АНГЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА)	60
Павлова О.К., Яковлева С.К. ПАНТЕОН БОЖЕСТВ ВЕРХНЕГО МИРА В ЯКУТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	66
Петрова С.А. «ЧЁРНЫЙ» И «БЕЛЫЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОК-ПОЭЗИИ ВИКТОРА ЦОЯ.....	70
Посельская В.Д. ПОЭТИЧЕСКАЯ СКАЗКА И. Д. ВИНОКУРОВА – ЧАГЫЛГАНА «ТУЛЛУКТАЙ»: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕПРЕТАЦИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ	76
Сенько Е.В. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИЗАЦИИ	79

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

Кучуков М.М. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	84
Мерзлякова И.Л. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКРЕТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.....	89
Цай Юнхун, Эмих Н.А. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ КОНФУЦИЯ И МО-ЦЗЫ (МО ДИ) ОБ ОБРАЗОВАНИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ	93

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

Дашиева Л.Д. КУЛЬТ ЛЕБЕДЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ	97
Дроздова М.А. ЦИКЛ РАБОТ «СОТВОРЕНИЕ МИРА» К. ЮОНА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА РУБЕЖА ВЕКОВ	101
Лю Юйцзю СОВРЕМЕННОЕ МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	106
Чжан Фан ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ИНТОНАЦИЯ» И «ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ ИНТОНИРОВАНИЕ» В РОССИЙСКОМ МУЗЫКОЗНАНИИ	110
Шэнь Лянь Кан ИЗ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МУЗЫКИ КАМЕРНО-ВОКАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ....	114

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

Исакиева З.С. ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ	119
Камалов И.Ф. РАЗВИТИЕ СПИРТОВОДОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТАТАРСТАНЕ В 1921–1929 ГГ.	127
Коновалов А.Б. МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х – НАЧАЛО 1990-х ГОДОВ)	133
Микаэлян А.С. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СМУТЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	139
Молчанова В.В. ПРОБЛЕМЫ В РАЗВИТИИ АСТРАХАНСКОГО ТУРИЗМА (1991-2012 гг.)	144
Фролов А.Ю. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УЛЬЯНОВСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ 1920-Х–1930-Е ГОДЫ	148

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

Алавердян А.А. ПЕСЕННЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	153
Афанасьев Н.В., Хомус С.С.К. ТРАДИЦИИ И ФАКТЫ ЯКУТСКОГО ШАМАНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРЯДА ИСПРАШИВАНИЯ ДУШИ РЕБЕНКА)	158
Сун Гуйцзюань РОЛЬ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОКАЛИЗОВ В ВУЗОВСКОМ ВОКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ..	164

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.152>

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ В. СОЛОУХИНА**

Научная статья

Артамонова М.В.*

ORCID: 0000-0002-1352-5274,

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
Владимир, Россия

* Корреспондирующий автор (vladphilolog[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье описан один из видов обеспечения семантической и синтаксической связности текстовых отрезков в произведениях В. Солоухина – сведение и разведение компонентов бинарных конструкций синтагматического типа, служащее не только для обеспечения текстовой когезии, но и для изображения двойственности наблюдаемого мира, которое создается авторским способом удвоения или раздвоения сигнификата, эксплицированного в разных частях синтагматической конструкции, называющей двойственные явления и предметы действительности. Такое удвоение или раздвоение сигнификата выступает как одна из особенностей языка В. Солоухина, репрезентирующая концептуальную идею двойственности, парносоставности авторской языковой картины мира.

Ключевые слова: художественный текст, когезия, авторская языковая картина мира.

**LINGUISTIC MEANS OF DEPICTING THE DUALITY OF THE WORLD
IN V. SOLOUKHIN'S LITERARY WORKS**

Research article

Artamonova M.V.*

ORCID: 0000-0002-1352-5274,

Vladimir State University, Vladimir, Russia

* Corresponding author (vladphilolog[at]yandex.ru)

Abstract

The article describes one of the types of ensuring semantic and syntactic coherence of text segments in the works of V. Soloukhin, which is the reduction and dilution of components of binary constructions of the syntagmatic type serving not only to provide textual cohesion but also to depict the duality of the observed world created using an original method of doubling or splitting the significatum explicated in different parts of the syntagmatic construction that names dual phenomena and objects of reality. Such doubling or bifurcation of the significatum acts as one of the features of Soloukhin's language representing the conceptual idea of duality, pair-composition of the author's linguistic worldview.

Keywords: artistic text, cohesion, author's linguistic worldview.

Введение

Текст и языковая личность В. Солоухина являются интересными, но малоизученными не только в аспекте использования автором способов организации и обеспечения структурно-смысловой связности художественного текста, но и в создании авторской картины мира средствами языка [1]. Вместе с тем В. Солоухина можно рассматривать как мастера слова, искусно создающего художественное пространство весьма разнообразными языковыми способами. В солоухинском тексте можно выделить известные виды когезии («формы связи - грамматические, семантические, лексические - между отдельными частями текста, определяющие переход от одного контекстно-вариативного членения текста к другому» [2]), обеспеченной при помощи выраженных лексико-грамматических средств и смысловых, представляющих собой развертывание во времени причинно-следственных отношений.

При всей традиционности видов когезии, используемых В. Солоухиным для обеспечения связности текста, его особым художественным решением можно считать комбинацию разных способов использования бинарных сочинительных конструкций: сведение компонентов конструкции и получение контекстуально воспроизводимого сочетания и, наоборот, разведение частей конструкции по разным синтаксическим отрезкам. Эти способы заключаются в синтаксической аттракции или разделении лексем, создающих бинарную сочинительную конструкцию, части которой называют один обобщенный, цельный сигнификат, представляющий собой понятие о двойственных, парносоставных сущностях, в чем обнаруживается особое видение автором двоemiрного существования человека и природы [3].

Методы и принципы исследования

Текстовым материалом, использованным для анализа роли синтагматических конструкций в организации художественного пространства В. Солоухина, послужили его известные художественные произведения «Владимирские проселки» (1957 г.), «Белая трава» (1961 г.).

Основным методом анализа средств когезии в солоухинском тексте является семантико-стилистический анализ бинарных сочинительных конструкций, выступающих как средство когезии, и метод ступенчатого анализа отрезков

текста - комплексный анализ речевых отрезков с применением компонентного и контекстуального анализа составных частей названных конструкций (методы исследования опираются на работу [4]).

Основные результаты

О двойственности наблюдаемого В. Солоухиным мира свидетельствует частое использование автором бинарных сочинительных конструкций, компоненты которых намеренно, исходя из коммуникативного замысла, сводятся или разводятся по разным текстовым отрезкам, при этом конструкции приобретают повторяемость, контекстуальную воспроизводимость.

Одним их ярких примеров использования бинарных сочинительных конструкций как средства текстовой когезии и способа выражения авторского мировидения является рассказ В. Солоухина «Белая трава». В этом рассказе В. Солоухин употребляет сочетание *зелень и вода*, которое в русском языке не является устойчивым и не обладает обобщенной семантикой, однако в солоухинском тексте эта бинарная сочинительная конструкция обладает синкретичной семантикой, обобщенным, родовым значением, которое определяет сам автор: *зелень и вода* – это «земная благодать». Присваивая символичное, не выводимое из значений составных частей, а целостное, синкретичное значение этой конструкции, В. Солоухин структурно и семантически объединяет текстовые отрезки, в которых существительные *зелень* и *вода*, подвергшиеся синтаксической аттракции и объединившиеся в семантически устойчивую синтагму, становится средством обеспечения текстовой когезии: «На самый грубый, поверхностный взгляд, мир этот состоит только из двух частей: из *зелени и воды*. Но и в *воде* отражается все та же сплошная *зелень*. Будем теперь по капелькам увеличивать наше внимание. При этом почти одновременно с *водой и зеленью* увидим, что, как ни узка речка, как ни густо сплелись над ее руслом ветки, все же и небо принимает не последнее участие в сотворении нашего маленького мира. ... В следующую долю внимания мы уже различим, что то, что казалось нам просто *зеленью*, вовсе не просто *зелень*, а нечто подробное и сложное. И в самом деле, натянуть бы около *воды* ровную зеленую парусину, то-то была дивная красота, то-то восклицали бы мы: «*Земная благодать!*» – глядя на ровную зеленую парусину» («Белая трава»).

В этом отрывке представлен целый фрагмент картины мира В. Солоухина, запечатлевающий ценностно-смысловой образ «земной благодати», складывающийся для автора из пары неразрывно связанных сущностей – *зелени и воды* – основных составляющих родной владимирской природы. В стилистической функции и роли текстовой когезии В. Солоухин использует прием, который В.Б. Шкловский назвал приемом «магического сведения и разведения» лексем, выражающим «идею парности, идею двойственности» [5]. В таком способе реализуется особое функциональное назначение бинарной сочинительной конструкции: дуалистичное, парносоставное соединение понятий, семантические признаки которых эксплицируются как равноправные и в то же время нейтрализуются с целью создания нерасчлененного значения, позволяет использовать подобные синтаксические единицы не для расширения объема понятия, а для углубления его содержания.

Такое ментальное соединение двух начал в созданной автором конструкции может быть обусловлено как эмпирически (при этом формирование понятия о парносоставности денотата идет опытным путем, через чувственное познание), так и интенционально (при этом парность создается целенаправленно, обращением сознания и воли на удвоение в денотате).

Отметим также, что ментальное соединение двух начал в бинарной сочинительной конструкции может быть обусловлено и авторской коммуникативной задачей: В. Солоухин сам создает авторские концептуально-языковые единицы, становящиеся воспроизводимыми в его художественном пространстве. Например, в тексте «Владимирских проселков» появляются употребленные в разных предложениях, но концептуально взаимосвязанные бинарные сочинительные конструкции *нежный и хрупкий*, *изящность и хрупкость* с корневым повтором в одном из структурно-семантических компонентов сочетания, что обеспечивает не только связность текста, но и создает концептуально-языковую единицу, имеющую интерпретирующую функцию. Эта интерпретация представляет собой авторское понимание природы, сформированное на основе индивидуального опыта, знания и оценок. Авторские бинарные сочинительные конструкции содержат оправданный повтор однокоренных слов *хрупкий и хрупкость*, создающий особый солоухинский образ природы: природа, как ювелир, создает окружающий растительный мир с неповторимой нежностью, изящностью и хрупкостью:

А вот тоже колокольчик, но очень странный. ... он похож на крохотный фарфоровый абажурчик, но такой нежный и хрупкий, что вряд ли можно сделать его человеческими руками. ...

*А вот собрались в кисточку крохотные белые кувшинчики с яркими красными горлышками. ... Если взглянется в тонкости работы, по *изящности и хрупкости* ничем не уступит брусничный колокольчик другому, большому цветку. У ювелиров, например, мелкая работа ходит в большей цене («Владимирские проселки»).*

Авторским лексико-синтаксическим средством обеспечения текстовой когезии у В. Солоухина может выступать и дистантное расположение (разведение) компонентов бинарных сочинительных конструкций, которое может служить и принципом членения различных частей текста: данный принцип основан на выделении некоторых отрезков текста, приобретающих относительно постоянные характеристики; разделение бинарной сочинительной конструкции с семантически связанными компонентами членит текст на две смысловые части, в которых содержатся неразрывно связанные, предполагающие друг друга понятия.

Разделенные бинарные сочинительные конструкции в качестве семантического средства связи в солоухинском тексте обеспечивают взаимосвязь отдельных отрезков текста и тем самым его семантическую целостность, а также являются средством выражения дискретности повествования. Употребляясь дистантно, компоненты бинарных сочинительных конструкций соединяют отдельные части текста: связь их компонентов в художественном пространстве одного произведения становится настолько понятной читателю, что контактное употребление частей конструкции не требуется, их расположение в разных синтаксических отрезках позволяет символически представить

двойственность, парносоставность явлений и предметов действительности через раздвоение сигнификата и разложение бинарной конструкции на составные, но ощущаемые как части целого компоненты.

Разделение этих конструкций зачастую связано с повторением смысла, что является «необходимым условием появления и существования текста» [6]. Повторяющийся семантический компонент скрепляет предикативные части, обеспечивая семантическую цельность всего текстового отрезка.

Спецификой языковой личности В. Солоухина можно считать возможность зафиксировать в контексте культурной традиции дуальную альтернативу для многих культурных феноменов и создать парные оппозиции для наименования различных реалий. Нередко бинарные сочинительные конструкции в тексте В. Солоухина выполняют функцию построения стилистических фигур.

Так, например, дистантное употребление компонентов двухчленных сочинительных конструкций в тексте В. Солоухина может выступать в качестве способа построения стилистической антитезы – стилистической фигуры, «состоящей в противопоставлении двух мыслей, которые обычно строятся как параллельные обороты речи» [7]. Воспроизводимые бинарные сочинительные конструкции – парные именованья, обладающие способностью нерасчлененно выражать обобщенное значение [8], нередко используются В. Солоухиным в функции создания антитезы. В их разведенных по разным текстовым отрезкам компонентах реализуется идея двоемирия и двойственности языковой картины мира. Например, дистантно употребленные структурно-семантические компоненты конструкции-антитезы *живой и мертвый* не только создают смысловое противопоставление и выполняют функцию связи отрезков текста, но и передают двойственность ощущений В. Солоухина от увиденной действительности. Так, в первые дни пути по владимирским проселкам в памяти автора зафиксировались два противоположных и одновременно сосуществующих ментальных образа, которые в тексте произведения нашли воплощение в стилистической антитезе *живого и мертвого* в природе: *Вон сосна, она все одно что живая, с ней поговорить можно; Мы сели и, не заметив как, оказались в Головине. Только одно место успела сфотографировать память. Начинаясь прямо у дороги, уходила в глубину леса округлая ядовито-зеленая тряпина, а по краям ее все мертвые и мертвые деревья* («Владимирские проселки»).

Из приведенного выше примера употребления конструкции *живой и мертвый* следует, что дистантное расположение компонентов парных именованья в художественном тексте В. Солоухина может служить и принципом членения различных частей континуума (связанного структурно и семантически отрезка текста) и способ изображения двоемирия: данный принцип основан на выделении некоторых устойчивых отрезков текста, приобретающих относительно постоянные характеристики; разделение парного сочетания с семантически противопоставленными компонентами членит текст на две смысловые части, в которых содержатся полярные, но неразрывно связанные, предполагающие друг друга понятия (дистантное употребление частей воспроизводимых сочинительных конструкций может служить средством семантико-синтаксической связности текста и средством художественной выразительности [9]).

Антитеза в солоухинском тексте может быть построена и с помощью бинарной сочинительной конструкции с контактным расположением, «сведением» в контексте ее составных частей: так, в тексте «Владимирских проселков» автор противопоставляет понятия *лесхоз* и *леспромхоз* через образное сравнение их с парным именованьем *небо и земля*, созданным на основании совмещения противоположных сущностей: *Есть две организации: лесхоз и леспромхоз. Разница между ними как будто не велика. Она в четырех буквах, но если вы будете думать так, то, значит, вы ничего не понимаете. Организации эти – небо и земля* («Владимирские проселки»). В этом контексте антитеза *небо и земля* символично представляет двойственность человеческой жизни, сосуществование двух «миров» в советской провинциальной глубинке, похожих и совершенно разных одновременно. Именно так, диалектично, В.Солоухин «увидел Россию сквозь внешние очертания советской действительности», что стало основной целью создания «Владимирских проселков», по словам самого автора.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что В. Солоухин, используя разнообразные способы удвоения или раздвоения сигнификата, не просто обеспечивает лексико-синтаксическую связность текста, а создает авторские концептуально-языковые единицы, становящиеся средствами репрезентации двойственности мира. Так, «магическое сведение и разведение» составных частей сигнификата выступает как одна из особенностей языка В. Солоухина, выражающаяся в двойственности (парности) авторской языковой картины мира, в которой для наименования реалий действительности используются разделенные бинарные сочинительные конструкции, компоненты которых одновременно представлены в тексте и в контактном употреблении: сигнификат можно представить расчлененно, двумя языковыми знаками, которые при объединении в сочинительную конструкцию выражают новое собирательное значение. Возникновение этого нового собирательного значения обусловлено тем, что сочинение представляет собой вхождение, включение объемов двух понятий в объем третьего [10], следовательно, дает возможность создания гиперонима – цельного, обобщенного понятия, с помощью которого вербализируются все смыслы, которые хотел выразить автор текста. В. Солоухин же намеренно разделяет это цельное, обобщенное понятие, в котором, как в двоичном коде, репрезентирует представление о двойственности наблюдаемого им окружающего мира.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Богрова К.М. Путешествие как смысловая доминанта лирической повести В. Солоухина «Владимирские проселки» / К.М. Богрова, А.С. Малахов, М.В. Артамонова. – Московская обл., Ногинск: Аналитика Родис, 2016. – 202 с.

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
3. Мосунов Е.Л. Язык и картина мира / Е.Л. Мосунов: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Е.Л. Мосунов. – Магнитогорск, 2007. – 22 с.
4. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа / З.К. Тарланов. – Петрозаводск: Петрозаводский госуниверситет, 1995. – 189 с.
5. Шкловский В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1983. – 383 с.
6. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста / М.И. Откупщикова. – Л.: Ленинградский ун-т., 1982. – 103 с.
7. Волков А.А. Основы риторики / А.А. Волков. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
8. Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте / М.В. Артамонова. – Владимир: ВГГУ, 2009. – 209 с.
9. Друговейко С.В. Лингвостилистический анализ отрывка из «Слова на Фомину неделю» епископа Кирилла Туровского / С.В. Друговейко // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1998. – С. 106-121.
10. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Перм. ун-т; Перм. пед. ун-т. – Пермь, 2001. – 236 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bogrova K.M. Puteshestvie kak smyslovaya dominanta liricheskoy povesti V. Soloukhina «Vladimirskie proselki» [The travel as a semantic dominant of V. Soloukhin's lyric story «Vladimir's Country Lines»] / K.M. Bogrova, A.S. Malahov, M.V. Artamonova. – Moskovskaya obl., Noginsk: ANALITIKA RODIS, 2016. – 202 p. [in Russian]
2. Galperin I.R. Tekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya [The text as an object of linguistic research] / I.R. Galperin. – М.: Nauka, 1981. – 140 p. [in Russian]
3. Mosunov E.L. Yazyk i kartina mira [The Language and picture of the world] / E.L. Mosunov: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskih nauk: 09.00.01 / E.L. Mosunov. – Magnitogorsk, 2007. – 22 p. [in Russian]
4. Tarlanov Z.K. Metody i principy lingvisticheskogo analiza [The methods and principles of linguistic analysis] / Z.K. Tarlanov. – Petrozavodsk: Petrozavodskij gosuniversitet, 1995. – 189 p. [in Russian]
5. Shklovskij V.B. O teorii prozy [On the theory of prose] / V.B. Shklovskij. – М.: Sovetskij pisatel, 1983. – 383 p. [in Russian]
6. Otkupshhikova M.I. Sintaksis svyaznogo teksta [The syntax of a coherent text] / M.I. Otkupshhikova. – L.: Leningradskij un-t., 1982. – 103 p. [in Russian]
7. Volkov A.A. Osnovy ritoriki [The fundamentals of rhetoric] / A.A. Volkov. – М.: Akademicheskij Proekt, 2003. – 304 p. [in Russian]
8. Artamonova M.V. Parnyie imenovania v drevnerusskom tekste [The binary naming in the Old Russian text] / M.V. Artamonova. – Vladimir: VGGU, 2009. – 209 p. [in Russian]
9. Drugovejko S.V. Lingvostilisticheskij analiz otryvka iz «Slova na Fominu nedelyu» episkopa Kirilla Turovskogo [The linguistic analysis of an excerpt from the «Speech for Fomas' week» by Bishop Kirill Turovsky] / S.V. Drugovejko // Istoricheskaya stilistika russkogo yazyka. – Petrozavodsk: Publishing house of PGU, 1998. – 106-121 p. [in Russian]
10. Levickij Yu.A. Osnovy teorii sintaksisa [The basics of syntax theory] / Yu.A. Levickij. – Perm. un-t; Perm. ped. un-t. – Perm, 2001. – 236 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.153>

ФУНКЦИОНАЛИЗМ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ В РАМКАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Научная статья

Вечканова Э.Ю.*

ORCID: 0000-0002-7019-0992,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

* Корреспондирующий автор (vechkanova22[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья рассматривает актуальность функционализма и культурного релятивизма, их влияние, вклад в межкультурную коммуникацию, ценность в культуре каждого народа. В работе упоминается о появлении межкультурной коммуникации как молодого направления в науке XX века, зарождении функционализма и культурного релятивизма, что оказало значительное влияние на развитие языкознания в целом.

В статье исследуются зарубежные и отечественные труды, посвященные исследованию проблематики изучаемой темы, обращается внимание на их важность для развития науки.

Изучение научных работ подтверждает лозунг релятивистов: «Культуры разные, но равноценные», что подразумевает особую культурную важность в рамках межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: функционализм, культурный релятивизм, культурные ценности, языкознание, межкультурная коммуникация.

FUNCTIONALISM AND CULTURAL RELATIVISM IN THE FRAMEWORK OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Research article

Vechkanova E.Yu.*

ORCID: 0000-0002-7019-0992,

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

* Corresponding author (vechkanova22[at]mail.ru)

Abstract

This article determines the actuality of functionalism and cultural relativism, its influence, the contribution to intercultural communication, value in the culture of each nation. The work mentions the emergence of intercultural communication as a young trend in the science of the 20th century, the appearance of functionalism and cultural relativism, which had a significant impact on the development of linguistics in general.

The article investigates foreign and domestic works devoted to the problems of the topic under study, draws attention to its importance for the development of science.

The study of scientific works confirms the slogan of the relativists: "Cultures are different, but equal", which implies a particular cultural importance in the framework of intercultural communication.

Keywords: functionalism, cultural relativism, cultural values, linguistics, intercultural communication.

Today, domestic and foreign researchers, both in Russia and abroad, show the great interest in the study of functionalism and cultural relativism in the framework of intercultural communication. Russian and foreign scientists analyze the problems of intercultural communication as an interdisciplinary discipline in the aspect of a cultural and anthropological approach based on modern domestic and foreign research.

Studying functionalism and cultural relativism in the framework of intercultural communication, which is an urgent issue in science today, it should be noted that intercultural communication as a term appeared relatively recently, in the 20th century in the domestic humanitarian science this concept began to be interpreted as «mentality», «cultural pluralism», «dialogue of cultures» [2, P. 10-12].

It should be noted that in the monograph «Intercultural Communication: Theoretical and Applied Aspects. Based on the material of Russian and German linguocultures» by the domestic author L. V. Kulikova, the author writes about intercultural communication as a new direction in science and practice, in the academic discipline, in the field of education in Russia [2, P. 10-12]. The study of numerous works indicates the fact that intercultural communication is developing, is at the very beginning of its path and formation within the framework of a scientific and applied discipline.

Referring to the works of foreign and Russian researchers, their concept's definitions of «intercultural communication», it is worth highlighting that this term can be considered in three meanings: as a scientific direction in the humanities; as a university subject (didactic aspect); as a direct process of communication between representatives of different cultures.

Based on the fragmentary research and interpretation of «intercultural communication» as a term, it is worth considering and analyzing functionalism and cultural relativism within its framework, which will affect a deep study of the general theoretical concept of intercultural communication.

The analysis of functionalism refers to the following authors: B. Malinovsky, A. Radcliffe-Brown, R. Thurnwald, G. Spencer and E. Durkheim, it is with them that its origin is associated as a way of studying cultures. The study of the functionalist approach confirms the significant contributions of the aforementioned authors, which have had a great influence on the study of traditional and modern cultures.

Analysis of the work «Ethnologie-die Wissenschaft vom kulturell Fremden: Eine Einführung München» by foreign researcher K. Kh. Kohl indicates that functionalism is one of the most successful theoretical trends in the world ethnological

school [6, P. 137]. It is important to note that the fundamental basis of functionalism is the awareness of culture as an integral education, which consists of interrelated and interdependent integral components, and is an important element for the formation of a single system.

A detailed study of the work of K. Kh. Kohl proves that it is functionalism that is responsible for the unification of culture, the functionalist approach provides an opportunity to study and classify individual social and cultural institutions within the framework of their functionality and interconnectedness as a single organism [6, P. 137].

As for the characteristic features of functionalism, the work «Culturology. Anthropological Theories of Cultures» by the domestic researcher A. A. Belik, where the author writes about the practical orientation of research, the use of field methods in the analysis of cultural phenomena [1].

Considering the works of the Russian researcher A. A. Belik and the foreign author K. Kh. Kohl, it is worth emphasizing that the functionalist approach made a significant contribution to the development of the theory and practice of intercultural communication, and its principle provided an opportunity to form the necessary basis for cross-cultural comparisons.

Studying the problems of functionalism in the framework of intercultural communication, it is worth mentioning that the functionalist approach obliges the study of culture in society due to the fact that this approach implies a deep analysis of the group's human behavior who are closely interconnected with each other in the social structure [1, P. 106].

Further, it is necessary to highlight the scientific work of A.R. Radcliffe-Brown «A Natural Science of Society», in which the author analyzes functionalism from the opinion of its focus on deep awareness of other culture's types. It is important to point out that functionalism is not just aimed at studying another culture, it analyzes the culture from the inside to understand other cultural values [7].

The analysis of functionalism proves that in the processes of intercultural communication, people tend to change the model of their communicative behavior in connection with adaptation to the models of communication partners. It is important to pay attention to the fact that it will adapt much faster during a relaxed communication process or with a positive disposition towards a person from another culture. Studies point to the process of functionalism's manifestation in intercultural communication, which is often expressed as slow and clear speech with an emphasis on minimizing various jargons in speech between a foreigner and, for example, a Russian person, which really improves understanding between communicators.

Studying functionalism through the prism of intercultural communication, it is necessary to highlight a functional approach that provides an opportunity to trace the communication styles of people from different cultures. Let's compare the Japanese and the Americans: they compliment and apologize in different ways, but there are also similarities - they prefer simple apologies. It is worth emphasizing that Americans apologize and praise their interlocutor more often than in other cultures. As for the representatives of Japanese culture, in the process of emerging problems, they quickly react, solve problems, while Americans more often apologize and tend to give explanations.

After it is worth highlighting the direction of cultural relativism, which also influenced the formation of intercultural communication in science. K. Kh. Kohl described this direction in his work, which appeared in science at the turn of the 40s - 50s and represented the ideology of the methodological and theoretical basis of intercultural communication. The author writes that cultural relativism analyzes culture as an integral system and differs from functionalism in that relativists understand and characterize each culture as a unique formation with a special meaning [6, P. 145].

The study of numerous foreign and domestic works prove the emergence of cultural relativism in science thanks to F. Boas, the founder of the modern American anthropology [4].

The students and followers of F. Boas: A. Kroeber, R. Benedict, M. Herskovitz, M. Mead developed and formalized his ideas into a scientific concept, and in our country, the domestic researcher S.A. Tokarev carefully studied cultural relativism, its principles, thereby made a significant contribution to its development in Russia [4]. According to SA Tokarev, all cultures are to some extent equal, but studying them in practice, the author noticed that they are, after all, different in their independence and usefulness [3, P. 298].

Cultural relativism was studied and analyzed by foreign researcher Rudolf Wolfgang in his scientific work «Der Kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie», where he highlighted its importance and proved that every cultural phenomenon is interpreted from the point of view of the culture, the fundamental link of which it is at the moment [8, P. 61].

Referring to K. Kh. Kohl and his works devoted to the analysis of cultural relativism, the author draws attention to the absence of a single normative-value system for all cultures within the framework of the existing principles of cultural relativism, which is not confirmed by the division into higher and lower cultures [6, P. 148].

The study of the cultural relativism's problems in science implies consideration of not only cultural relativism itself, but also its methodological, philosophical and practical aspects [1, P. 96].

A. A. Belik considers these aspects in his scientific work and comes to the conclusion that within the framework of the methodological aspect there is a deep analysis of cultures, the basis of which is the values of people, understanding of the functionality and essence of culture [1, P. 96].

A. A. Belik presents the philosophical aspect as a process during which comes the realization of the numerous paths' development in culture and pluralism from the point of view of the historical and cultural process.

The practical aspect in cultural relativism involves a lot of discussions on the part of foreign and domestic scientists and authors due to the fact that all the key components of culture in history and modernity are a manifestation of the logic of their own development [1, p. 96]. Referring to the study of cultural relativism, both in domestic works and in foreign ones, it is worth pointing out the existing motto of the relativism school: «Cultures are different, but equal», it was mentioned by the foreign author G. Hofstad in his work «Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management» [5, P. 7].

Studies a lot of works indicate the positive aspects of the cultural relativism's principle in the framework of intercultural communication, where it is worth highlighting respect for the culture of each nation, the arrogant self-aggrandizement's

rejection of Europeans and Americans. Mainly, cultural relativism provides the opportunity to apply internal and external research perspectives to analyze different cultures and their characteristics.

The analysis of cultural relativism draws attention to the fact that in the process of intercultural communication, people exchange views and thoughts, act on the basis of a cultural opinion. Studied works indicate the absence of universal normal behavior and the importance of cultural rules.

Within the framework of cultural relativism, the meaning of another culture's phenomena are revealed through the prism and their own culture's standards. It is important to note that the same phenomena in different cultures have different meanings, in this regard, the culture of each nation is relative, it can be evaluated within its own framework and boundaries.

Based on the fragmentary analysis of functionalism and cultural relativism, it is necessary to emphasize that culturologists and linguists can explore not only their concept, but also highlight the problems of cultural differences, point out prospects in development, reflect on empathy and morality, which is an important element in the culture of every nation.

To conclude the results of the study, it is worth noting that the role of functionalism and cultural relativism is of great importance for intercultural communication. Russian and foreign authors confirm that value, cultural norms, human behavior and their cultural conditioning are taken into account in any intercultural research and are relevant today.

It is important to pay attention to further in-depth research of both functionalism and cultural relativism, to their analysis within the framework of various principles and preconditions, which in the future will make its invaluable contribution to the development of linguistics in Russia and abroad.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур / А. А. Белик. – М. 1998. – 241 с.
2. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур / Л. В. Куликова // Монография. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
3. Токарев С. А. История зарубежной этнографии / С. А. Токарев. – М., 1978.
4. Boas, F. Kultur und Rasse / F. Boas ; auszugsweise wiederabgedruckt in C.A. Schmitz, hg., Kultur. Frankfurt am Main 1963.
5. Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management / G. Hofstede. München. 1997.
6. Kohl, K. Ethnologie-die Wissenschaft vom kulturell Fremden: Eine Einführung / K. Kohl. München 1993. 201 с.
7. Radcliffe-Brown, A.R. A Natural Science of Society / A.R. Radcliffe-Brown. Chicago: Free Press. 1957.
8. Rudolf, W. Der Kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie / Rudolf, Wolfgang. Berlin: Duncker & Humblot. 1968

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belik A. A. Kul'turologija. Antropologicheskie teorii kul'tur [Culturology. Anthropological theories of cultures] / A. A. Belik. - M. 1998. - 241 p. [in Russian]
2. Kulikova L. V. Mezhekul'turnaja kommunikacija: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoj i nemeckoj lingvokul'tur [Intercultural communication: theoretical and applied aspects. On the material of Russian and German linguocultures] / L. V. Kulikova // Monograph. - Krasnojarsk: RIO KSPU, 2004– - 196 p. [in Russian]
3. Tokarev S. A. Istorija zarubeznoj jetnografii [History of foreign ethnography] / S. A. Tokarev. - M., 1978. [in Russian]
4. Boas, F. Kultur und Rasse [Culture and Race] / F. Boas ; reprinted in excerpts in C.A. Schmitz, ed. Kultur. Frankfurt am Main 1963. [in German]
5. Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management [Local thinking, global action. Cultures, collaboration and management] / G. Hofstede. München. 1997. [in German]
6. Kohl, K. Ethnologie-die Wissenschaft vom kulturell Fremden: Eine Einführung [Ethnology-the science of the culturally foreign: An Introduction] / K. Kohl. München 1993. 201 p. [in German]
7. Radcliffe-Brown, A.R. A Natural Science of Society / A.R. Radcliffe-Brown. Chicago: Free Press. 1957.
8. Rudolf, W. Der Kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie [Cultural Relativism. Critical Analysis of a discussion of fundamental questions in American Ethnology] / Rudolf, Wolfgang. Berlin: Duncker & Humblot. 1968 [in German]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.154>

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.Е. КУЛАКОВСКОГО)**

Научная статья

Герасимова Е.С.*

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (ges1970[at]mail.ru)

Аннотация

В настоящее время в якутском языке вопросы исследования функциональных стилей приобретают все большие масштабы и социальную значимость. В связи с этим, исследование способов выражения категории множественности и его стилистических функций как в научном, так и в практическом плане является весьма актуальным для дальнейшего развития якутского литературного языка.

Целью данного исследования является выявление и описание способов выражения категории множественности в художественном стиле якутского языка на примере произведений писателя А.Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй. Предметом исследования выступает лексико-грамматическая категория множественности в якутском языке. Объектом исследования является употребление категории множественности в якутском поэтическом произведении. В данной статье рассмотрены и выявлены стилистические особенности употребления морфологических и синтаксических способов выражения категории множественности в художественном стиле якутского языка. В соответствии с целью данной научной работы применяются семантико-стилистический, сопоставительный и описательный методы исследования. Исследование стилистических особенностей категории множественности в поэтических произведениях А.Е. Кулаковского выявило богатство морфологических и синтаксических способов выражения данной категории в якутском языке. Научная новизна заключается в том, что в нем впервые в якутском языкознании предпринимается попытка специального исследования способов выражения категории множественности в произведениях Өксөкүлээх Өлөксөй.

Ключевые слова: якутский язык, категория множественности, морфологический способ, синтаксический способ, стилистика, функциональные стили.

**PLURALITIES IN THE ARTISTIC STYLE OF THE YAKUT LANGUAGE
(BASED ON THE WORKS OF A.E. KULAKOVSKY)**

Research article

Gerasimova E.S.*

Amnosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (ges1970[at]mail.ru)

Abstract

Currently, the issues of the study of functional styles in the Yakut language are becoming more and more widespread and socially significant. In light of this fact, the study of the ways of expressing the category of plurality and its stylistic functions both in scientific and practical terms is very relevant for the further development of the Yakut literary language.

The purpose of this study is to identify and describe ways of expressing the category of plurality in the artistic style of the Yakut language on the basis of the works of the writer A.E. Kulakovskiy. The subject of the study is the lexical and grammatical category of plurality in the Yakut language. The object of the study is the use of the category of plurality in the Yakut poetic work. This article discusses and identifies stylistic features of the use of morphological and syntactic ways of expressing the category of plurality in the artistic style of the Yakut language. In accordance with the purpose of this research, the author of the article uses semantic-stylistic, comparative and descriptive research methods. Studying stylistic features of the category of plurality in the poetic works of A.E. Kulakovskiy reveals a wealth of morphological and syntactic ways of expressing this category in the Yakut language. The scientific novelty of this research lies in the fact that for the first time in Yakut linguistics, an attempt is made to study the ways of expressing the category of plurality in the works of A. E. Kulakovskiy.

Keywords: Yakut language, category of plurality, morphological method, syntactic method, stylistics, functional styles.

Введение

Выражение количественной характеристики является факультативным моментом, обуславливаемым коммуникативными задачами и ситуацией, “в якутском языке трудно найти достаточно четкие и устойчивые языковые признаки, по которым можно было бы установить разряд слов, употребляемых только в форме единственного или, наоборот, только в форме множественного числа, как это проведено, например, в русском языке” [1, С. 126].

Так как, категория множественности определяется условиями коммуникации, необходимо исследование стилистических возможностей данной категории. Стилистика, являясь наукой об особенностях использования языка в процессе коммуникативных отношений людей, рассматривает язык в действии, изучает закономерности функционирования языковых единиц и категорий в условиях определенной речевой коммуникации или же в конкретном языке, а также систематизирует те средства выразительности (стилистические средства), которые имеются в арсенале данного литературного языка для полной реализации своих общественных функций [4, С. 23].

В якутском языке аффикс множественного числа *-лар* используется как изобразительное средство и имеет несколько стилистических оттенков в поэтических произведениях А.Е. Кулаковского:

1) форма множественного числа на *-лар* собственных имен с собирательным значением используется как одно из художественно-изобразительных средств. Например: *Бастаан туран Машалар, Дашалар, Сашалар, Варялар баараластылар; Онтон ортоку уочага Оялар, Полялар, Толялар туоллулар; Ухугар тиийэн Уялар, Дунялар, Мунылар муһуннулар* [5, С. 61]. В этих предложениях собственные имена во множественном числе буквально переводятся как *Маши, Даши, Саши, Вари, Оли, Поли, Толи*. С помощью аффикса *-лар* автор объединяет в группы людей, одинаково размышляющих, действующих со значением собирательности оттенком эмоционально-экспрессивного выражения множественности.

2) названия парных частей тела используются для создания художественных портретов персонажей. Например: *Хамны тэрбэйэр Хара хаастардаах эбит... Ала тыгыл харахтардаах эбит... Тэтэргэй иннэрдээх эбит...* [5, С. 68]. В этих примерах использованы имена существительные *хаастар, харахтар* (глаза, брови), которые согласно узусу якутской речи, не употребляются в форме множественного числа. А здесь они используются с показателем множественного числа *-лар* для создания поэтической патетики и особой метрики стиха, а также одновременно они усиливают описываемые поэтические образы.

3) форма совместного падежа *-лыын* в собирательном значении широко используется как изобразительно-художественный прием, а также для создания рифмы, например:

1. *Бу хаһытаабытыгар Халлааннын хабырытынна, Сирдиин ньыргийдэ, Салгынын сатараата* ‘От рева такого **И** небо заскрежетало, **И** земля задрожала, **И** воздух затрясся’ [5, С. 101].

2. *Сүүс сүл иһигэр Өтөхтүүн сүтүөхпүт, Уоттуун умуллуохпүт, Ааттыын араһыахпыт* ‘За столетие одно Исчезнем вместе с жилищем, Угаснем с огнем, Расстанемся со славой’ [5, С. 129].

3. *Нууччалыын туһурдулар, Сахалыын саатаатылар, Улаханнын умсугуйдулар, Аччыгыйдыын алдьаннылар, Кырдыаҕастыын кыдыгырдылар, Эдэрдиин имэнгирдилэр, Баайдыын баҕардылар, Дьадаҕылын таптаатылар, Көссүөлүүн көбүдүлэр, Мэниктиин мэҥийдилэр* ‘**И** русские прельстились, **И** якуты поддались, **И** взрослые пленились, **И** маленькие впились, **И** старики загорелись, **И** молодые прирастались, **И** богатые разгулялись, **И** бедные раскутились, **И** смиренные соблазнились, **И** озорные распоясались’ [5, С. 194-195].

А также совместный падеж в поэтических произведениях выражается парными сочетаниями, что создает ритмику и благозвучие якутской речи. Например: *Айылыын-абааһылын, Уһэнгилиин-аллараанылын, Көстөрдүүн-көстүбэттиин* *Бары иһитиннэр* ‘**И** добрые-злые духи, **И** верхние-нижние, **И** видные-невидные, Все пусть слушают’ [5, С. 202-203]. *Утүөлүүн-мөкүлүүн, Улаханнын-оччугуйдуун, Эдэрдиин-эмэнниин, Соххордуун-доболоннуун* *Оппокко муһуннулар* ‘**И** красивые-страшные, **И** взрослые-маленькие, **И** молодые-старые, **И** калеки-хромые Все собрались’ [5, С. 247].

Из синтаксических способов выражения категории множественности якутские тексты поэтических произведений богаты устойчивыми словосочетаниями, представляющими собою одно лексическое единство:

1) наблюдаются устойчивые словосочетания, представляющие собою одно лексическое единство. Они заметно обогащают художественную речь, как один из ярких стилистических приемов, например:

1. *Боһоллоох дьыл обургу Босхо бастаах Борон ураанхайы* *Буор дьыһ анныгар* *Боһутуннаран олоһунта* ‘Свирепость зимы **Вертявоголовых Серолицых** людей В смрадных избах Заставила было покорно жить’ [5, С. 242].

2. *Иннинэн сирэйдээх, Эргийэр иччэхтээх, Икки атахтаах, Бокуйар тобуктаах Босхо бастаах Борон ураанхай обургу* ‘С лицом, глядящим вперед, С вертявым суставом Двуногий, Сгибающиеся колени и Свободно клонящаяся голова, **Серый уранхай** – сорвиголова’ [5, С. 107].

3. *Сылдыбыт ыалдьыты сыаналыыр, Кирибит киһини итиилиир, Хоммут хоһоһону тоторор* ‘Навестившего гостя ценит, Зашедшего человека чаем напоит, Ночующего гостя накормит досыта’ [5, С. 52].

4. *Икки атахтаах этиһэн Иннигэр түспэтэх, Сыты тыллаах Сытаан сысыбатах, Хомой уосттаах Холоонноһон холобурдаспатах* ‘Двуногий ругаясь Не переспорил ее, **Красноречивый** Не смог ей ответа дать, **Находчивый** Не сумел ей ответить’ [5, С. 39].

В поэтических произведениях устойчивые словосочетания используются для создания синтаксического параллелизма, в результате чего достигается благозвучие якутской речи.

А также, употребление слова *дьон* в составе словосочетаний для различения разных групп людей в поэтических произведениях А.Е. Кулаковского образуют синтаксический параллелизм, например:

1. *Күдээринэ дьон Күлэ көрбүттэр, Арыыйда дьон Аһына санаабыттар, Лиэкэр дьон Эмтииргэ эппиттэр* ‘**Равнодушные** люди Посмеялись, **Серьезные** люди Пожелали, **Лечащие** люди Посоветовали лечиться’ [5, С. 51].

2. *Билсибэт дьону Бэттии гынна, Тусна дьону доһордуу онордо* ‘**Чужих** людей знакомыми сделал, **Знакомых** людей Друзьями сделал’ [5, С. 195].

2) Повторение имени существительного широко употребляется в художественной речи А.Е. Кулаковского как изобразительное средство выражения множественности, например: *Киһи-киһи кэрэхсээбит; Улуус-улуус умсугуйбут* ‘Заинтересовавшая **многих** людей; Заманивающая **многих** улусов’ [5, С. 82].

По мнению Е.И. Убрятовой, гораздо чаще удвоение имени существительного придает ему значение не просто множественности, а скорее совокупности всех называемых им предметов. Например: *Онтон уларытан Өйдөөн-дүүллээн көрдөххө Үргүүк үрүн сүүрүктэр Үрэх-үрэх устун Үөрдүһэн үтүрүһэн үөскэтэлээбиттэр*. *Хангыл хара сүүрүктэр Дайды-дайды аайы Ханыйлаһан, хабырыһан итиллилээбиттэр*. *Адаархай муостардаах, Көп мөлбөркөй түүлэрдээх, Уһун сулугур унуохтардаах Улуу кыыллар Тайба-тайба аайы Тарбанан көгүл үөскэтэлээбиттэр* ‘Если, отвлотившись от того, попытаться понять и рассудить, (то) пугливые белые бегунцы (т.е. кони) вдоль **всех рек**, составив табуны, теснив друг друга, расплодились (во множестве). Дикие черные бегунцы (т.е. рогатый скот) в **каждой из всех местностей**, сойдясь в стада, толкавшись друг о друга боками (от множества), были выращены. С шероховатыми рогами, с пушистой, густой шерстью, с длинными выдающимися костями великие дикие звери в **каждой из всех тайге** (букв. ‘тайг’) распространившись, свободно расплодились’ [6, С. 214].

3) Повторение основ деепричастий используются в поэтических произведениях для обозначения многократности и интенсивности действия, например:

1. *Оболорун онолуйан-онолуйан, Ылларын ыыстаан-ыыстаан, Эрин этиһэн-этиһэн* 'Детей своих так причитала, Соседей своих так ругала, Мужа своего так бранила, Что тот разочаровался' [5, С. 39].
2. *Этэн көрө-көрө, Сангаран көрө-көрө* 'То и дело сказав, То и дело говоря' [5, С. 208].

Заключение

Таким образом, собранный нами фактический материал показывает, что морфологические и синтаксические способы категории множественности в произведениях А.Е. Кулаковского употребляются с оттенком эмоционально-экспрессивного выражения множественности, для создания поэтической патетики и особой метрики стиха, для создания синтаксического параллелизма, для обозначения многократности и интенсивности действия, гиперболизации, изобразительного средства выражения множественности, а также для благозвучия якутской речи.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Л.Н. Харитонов, Н.Д. Дьячковский, С.А. Иванов и др.; Отв. ред. Е.И. Убрятова. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
2. Дмитриев Н.К. Детали простого предложения / Н.К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Синтаксис. – М., 1961. – С. 19-49.
3. Дмитриев Н.К. Категория числа / Н.К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. – М., 1956. – С. 65-71.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
5. Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон / А.Е. Кулаковский. – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – 136 с.
6. Убрятова Е.И. Удвоение основы слова в якутском языке / Е.И. Убрятова // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 211-222.
7. Филиппов Г.Г. Якутский язык. Лексика. Фонетика. Синтаксис: грамматический указатель (на якутском языке) / Г.Г. Филиппов, И.П. Винокуров. – Якутск: Бичик, 1996. – 192 с.
8. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке / Л.Д. Чеснокова. – Таганрог: Изд-во Таган. гос. пед. ин-та, 1992. – 178 с.
9. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1981. – 181 с.
10. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя / А.М. Щербак. – Л.: Наука, 1977. – 191 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka: Fonetika i morfologija [Grammar of the Modern Yakut Literary Language: Phonetics and Morphology] / L.N. Haritonov, N.D. D'jachkovskij, S.A. Ivanov et al.; Edited by E.I. Ubrjatova. – M.: Nauka, 1982. – p. 496 [in Russian]
2. Dmitriev N.K. Detali prostogo predlozhenija [Details of a Simple Sentence] // Issledovanija po sravnitel'noj grammatike tjurkskih jazykov. Sintaksis. [Studies on the Comparative Grammar of the Turkic Languages. Syntax.] / N. K. Dmitriev – M., 1961. – pp. 19-49. [in Russian]
3. Dmitriev N.K. Kategorija chisla [The Category of Numbers] / N. K. Dmitriev // Issledovanija po sravnitel'noj grammatike tjurkskih jazykov. Morfologija. [Studies on the Comparative Grammar of the Turkic Languages. Morphology.] – M., 1956. – pp. 65-71. [in Russian]
4. Kozhina M.N. Stilistika russkogo jazyka [Stylistics of the Russian Language]. – M.: Prosveshhenie, 1993. – p. 223 [in Russian]
5. Kulakovskij A.E. Yrya-khohoon [Songs] / A.E. Kulakovskij. – Jakutsk: Publishing house, 1986. – p. 136 [in Yakut]
6. Ubrjatova E.I. Udvoenie osnovy slova v jakutskom jazyke [Doubling the Basics of the Word in the Yakut Language] / E. I. Ubrjatova // Voprosy grammatiki: Sb. statej k 75-letiju akademika I.I. Meshchaninova [Questions of Grammar: Collection of Articles for the 75th Anniversary of Academician I.I. Meshchaninov]. – M.-L.: Publishing house AN SSSR, 1960. – pp. 211-222. [in Russian]
7. Filippov G.G. Jakutskij jazyk. Leksika. Fonetika. Sintaksis: grammaticheskij ukazatel' (na jakutskom jazyke) [Yakut Language. Vocabulary. Phonetics. Syntax: Grammatical Index (In the Yakut Language)] / G. G. Filippov. – Jakutsk: Bichik, 1996. – p. 192 [in Russian]
8. Chesnokova L.D. Kategorija kolichestva i sposoby ee vyrazhenija v sovremennom russkom jazyke [The Category of Quantity and the Ways of Its Expression in Modern Russian] / L. D. Chesnokova. – Taganrog: Publishing house Tagan. gos. ped. in-ta, 1992. – p. 178 [in Russian]
9. Shherbak A.M. Oчерки po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov. Glagol. [Essays on Comparative Morphology of the Turkic Languages. Verb.] / A. M. Shherbak – L.: Nauka, 1981. – p. 181 [in Russian]
10. Shherbak A.M. Oчерки po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov. Imja. [Essays on the Comparative Morphology of the Turkic Languages. Noun.] / A. M. Shherbak – L.: Nauka, 1977. – p. 191 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.155>«...ПРОЗВИЩЕ У НЕГО БЫЛО ПОЧЕМУ-ТО – БРОНЗА»
(ПО РАССКАЗУ А.П. ЧЕХОВА «СКРИПКА РОТШИЛЬДА»)

Научная статья

Ткачёва Р.А.¹, Михайлова Н.Д.², Аксенова Е.Д.^{3,*}³ ORCID: 0000-0002-7726-6793;^{1, 2, 3} Тверской государственный медицинский университет, Тверь, Россия

* Корреспондирующий автор (katrintver[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию смыслового пространства прозвища «Бронза» главного героя рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» и его связи с другими темами рассказа. В статье показано, как ремесло гробовщика подчинило себе сознание, поведение, мироощущение и чувства героя, лишив его радости жизни и способности к состраданию. Авторы полагают, что появление у героя прозвища «Бронза» имеет «цветовую» природу и обусловлено краснеющим, и потому становящимся похожим на бронзу, лицом, когда он играл на скрипке в оркестре. Детальный анализ значений слов-символов, связанных с прозвищем героя и профессией руководителя оркестра, позволил включить Бронзу в важнейшую тему рассказа: спасительной, защитной силы музыки, отразившуюся и в названии рассказа «Скрипка Ротшильда». Статья позволяет сделать вывод, что бронза, являясь сплавом металлов, символизирует в герое его двойственность: соединение черт мрачного гробовщика и тонкого музыканта, смерти и жизни. Способность этого металла зеленеть под воздействием природных факторов служит, по мнению авторов, залогом возможного возвращения героя в мир «живых» чувств и поступков.

Ключевые слова: Чехов, поэтика имени, художественная деталь, гробовщик, бронза, защитная сила музыки и природы.

"...AND FOR SOME REASON HIS NICKNAME WAS BRONZE"
(BASED ON A.P. CHEKHOV'S "ROTHSCHILD'S VIOLIN")

Research article

Tkachyova R.A.¹, Mikhaylova N.D.², Aksenova E.D.^{3,*}³ ORCID: 0000-0002-7726-6793;^{1, 2, 3} Tver State Medical University, Tver, Russia

* Corresponding author (katrintver[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the semantic environment of the nickname "Bronze" of the main character in A.P. Chekhov's story "Rothschild's Violin" and its connection with other themes of the story. The article shows how the craft of the undertaker subdued the consciousness, behavior, attitude and feelings of the character, depriving him of the joy of life and the ability to compassion. The authors believe that the appearance of the character's nickname "Bronze" has a color-related nature and is attributed to blushing with his face becoming like bronze when he played the violin in the orchestra. A detailed analysis of the meanings of the word-symbols associated with the nickname of the character and the profession of the orchestra director made it possible to include Bronze in the most important theme of the story: the saving, protective power of music reflected in the title of the story, "Rothschild's Violin". The article allows the authors to conclude that bronze, being an alloy of metals, symbolizes the duality of the character: the combination of the features of a gloomy undertaker and a subtle musician, death and life. According to the authors, the ability of this metal to turn green under the influence of natural factors serves as a guarantee of the possible return of the hero to the world of "living" feelings and actions.

Keywords: Chekhov, the poetics of a name, artistic detail, undertaker, bronze, the protective force of music and nature.

Имя в художественной литературе является важнейшим художественным элементом в системе приёмов создания образов, наряду с портретом, речью, поведением. «Через имя даётся психологическая и социальная характеристики; через имя автор может проявлять своё отношение к персонажу» Р.М. [1, С. 126]. П.А. Флоринский считал, что «образы не суть иное, как имена, в свёрнутом виде» [2, С. 15]. Именно такую, на наш взгляд, функцию выполняет в рассказе А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» прозвище главного героя, Якова Матвеевича Иванова, – «Бронза». В нём соединилось множество символов и смыслов. В силу этого в основу исследования нашей темы мы положили «художественную деталь», которая в чеховском повествовании «всегда играет важную роль в формировании многообразных смыслов, заложенных в образе героя» [3, С. 176]. В рассказе Чехова «каждое явление художественного мира существует <...> не потому, что существует, а потому, что нечто провозглашает, выражает, потому что содержит в себе идею» [4, С. 7].

Яков Иванов живёт в маленьком городишке, в небольшой старой избе, ремесло гробовщика приносит небольшой доход, и живёт он бедно, «как простой мужик». Гробы он делает «хорошие, прочные», но странным способом: для мужиков и мещан он мастерит гробы «на свой рост» (на себя, для себя?), и ни разу не ошибся, «так как выше и крепче его» в городишке людей не было.

Роль и значение профессии гробовщика в образе Якова усилены А.П. Чеховым до зловещих масштабов. Смерть, вошедшая в существование героя через его ремесло, властно подчиняет себе и его пространство, и его сознание, и чувства. Рассказ начинается с фразы, в которую вклиниваются, как элемент несобственно прямой речи, странные слова-сожаления о зажившихся на этом свете стариках: «Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нём почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже досадно» [5, С. 430]. Досада эта, безусловно, исходит от

гробовщика Якова. Его сожаление о редких смертях – не цинизм, а одна из сторон его «ремесла» и мироощущения, приблизившего его к тому, что находится за гранью жизни.

Выразилось это в целом ряде художественных символов и особенностей, присущих этому образу, в частности, в пространственных реалиях, которые «могут являть собою определённые нравственные и мировоззренческие нормы и представления» [6, С. 38-39]. Ведь Яков-гробовщик не только делает гробы, но и живёт в жилище, представляющем собою по сути пространственную метафору гроба: это не просто «дом», а «изба», и, следовательно, обязательно сделана из дерева, как и гроб. Во-вторых, в этой избе «была одна только комната, и в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двуспальная кровать, гробы, верстак и всё хозяйство» [5, С. 430]. Только одна комната в избе – значит, в ней нет никаких перегородок и это единое, как в гробу, пространство. Из мебели в ней лишь то, на чём лежат, – кровать. Верстак для изготовления гробов и сами гробы пространственной метафоре избы-гроба не противоречат. Безусловно, в реальном жилище вероятнее всего есть стол, стулья или лавка, но в тексте они нигде не фигурируют, а значит, в художественном пространстве рассказа их нет. Есть в избе ещё печь, но она принадлежит к художественному пространству Марфы, его жены.

Существование героя в пространстве гроба, погружённость в ауру смерти меняют его связи с миром, перестраивают их на «смертный» лад. Почему, к примеру, Яков ведёт подсчёт не доходов, а убытков? Тщательно записывает цену каждой несостоявшейся сделки, не полученного заказа, плюсует к убыткам цену так и не сделанного гроба с глазетом для давно чахнувшего полицейского надзирателя, смерти которого он с нетерпением ждал, а тот взял и умер в губернском городе. Даже нерабочие воскресные и праздничные дни подсчитаны как убыточные. Мысли об убытках так донимали Якова, что он «никогда не бывал в хорошем расположении духа». Тогда почему бы Якову не считать доходы? Пусть они и небольшие, но они бы его радовали, утешали. Не будь Яков гробовщиком, так бы, вероятно, и было. Но у смерти, которой он служит, другая логика, другие законы. Смерть оперирует не доходами, а потерями, убытками, она ничего не прибавляет умершему человеку, а лишь лишает его любых возможностей, всё у него отнимает. За гробом у человека закрываются все возможности. Вот Яков и подсчитывает свои утраченные «потенциальные» возможности: возможность работать в праздники, сделать гроб зажившимся на этом свете старикам, получить десять рублей за гроб с глазетом...

Смерть наложила свою печать и на его чувства – она лишила его способности к состраданию и жалости. Ведь смерть жалости не ведаёт, ей что старики, что дети. И Якова не потрясает несправедливость детской смерти, не заставляет отнестись к их последнему жилищу по-особенному деликатно, трепетно. «Заказы на детские гробики принимал он очень неохотно и делал их прямо без мерки, с презрением, и всякий раз, получая деньги за работу, говорил: "Признаться, не люблю заниматься чепухой"» [5, С. 430].

Бесчувственен он и к своей жене, Марфе, с которой прожил в одной избе пятьдесят два года. «<...> как-то так вышло, что за всё это время он ни разу не подумал о ней, не обратил внимания, как будто она была кошка или собака», «за всю жизнь он ни разу не пожалел Марфу, не приласкал», «ни разу не догадался купить ей платочек или принести со свадьбы чего-нибудь сладенького, а только кричал на неё, бранился за убытки» [5, С. 434, 435].

Более того, само проявление сострадания и жалости раздражало его, он не готов был мириться с ним даже в музыкальной мелодии. Когда Яков играл в оркестре, у его «правого уха хрипел контрабас, у левого – плакала флейта, на которой играл рыжий тощий жид», по фамилии Ротшильд. «И этот проклятый жид даже самое весёлое умудрялся играть жалобно». Не странно ли, что именно эта плачущая флейта, а не хрипящий контрабас вызывает гнев музыканта Якова? Он «проникался ненавистью и презрением» к Ротшильду, придирался к нему, бранил «и раз даже хотел побить его» [5, С. 431].

Но именно музыка и игра на скрипке пока ещё оберегает и поддерживает его продавшуюся гробам душу. Яков не просто хорошо играл на скрипке, за что его приглашали играть на свадьбах в оркестре. У него был талант музыканта. Об этом говорит Ротшильд, сам талантливый музыкант: «Если бы я не уважал вас за талант, то вы бы давно полетели у меня в окошке». Важно и то, что «Когда Бронза сидел в оркестре, то у него прежде всего потело и багровело лицо; было жарко, пахло чесноком до духоты». То, что лицо багровеет и потеет, можно было бы объяснить жарой и духотой. Но перед словами «было жарко» стоит не комментирующее двоеточие, а точка с запятой, разделяющая эти два события и позволяющая их не связывать, т.е. лицо «потело и багровело» не потому, что было жарко и душно. Объясняет же багровость лица другой эпизод рассказа, когда вечером «со скуки» Яков стал подводить годовой итог убыткам. Цифры оказались столь большими, что, потрясённый, Яков топал ногами, щёлкал на счётах, напряжённо вздыхал и «лицо у него было багрово и мокро от пота» [5, С. 432]. Следовательно, лицо у него потеет и багровеет при сильных эмоциях, переживаниях, и именно такие эмоции испытывает талантливый Яков-музыкант, когда «сидит в оркестре». Ему нравится музыка, она его по-настоящему волнует.

Сидящего в оркестре Якова автор именует Бронзой, это его «уличное прозвище», происхождение которого автор не объясняет («уличное прозвище у него было почему-то – Бронза»). Скорее всего прозвище родилось в городке именно из-за цвета его лица, «когда он сидел в оркестре», ведь он был выше и крепче всех в оркестре (да и во всём городке), и потому его багровое лицо было хорошо видно, а бронза как раз красноватого цвета. Цветовой детали в произведениях А.П. Чехова всегда отводится немалая роль, иногда колоритимы становятся чуть ли не единственным носителем определённых смыслов в образе героя (см., например, о мотиве красного цвета [3, С. 178]). Но здесь «цветовое» объяснение прозвища – лишь внешний, лежащий на поверхности фактор. Связь «Бронзы» с оркестром гораздо глубже, и не случайно автор текстуально связал «Бронзу» с оркестром: там герой получил это прозвище, именно в дискурсе «оркестра» он именуется не Яковым, а Бронзой: «Когда Бронза сидел в оркестре», «Поэтому Бронзу приглашали в оркестр не часто» [5, С. 431]. Зачем автору нужна эта связь? О чём еще, кроме цвета лица взволнованного музыкой героя, говорит эта связь?

Обратимся к самому оркестру, вернее, к тому, кто им управляет. Сказано о нём немного: зовут его Моисей Ильич Шахкес, берёт он «себе больше половины дохода», и упомянуто, что он «лудильщик»: «В городке на свадьбах играл

обыкновенно жидовский оркестр, которым управлял лудильщик Моисей Ильич Шахкес» [5, С. 430]). Казалось бы, какое значение для оркестра имеет то, что им управляет не плотник, скажем, а лудильщик?

Лудильщик – это специалист, который покрывает полудой «поверхность металлических изделий для предохранения от окисления» [7, С. 555], когда, к примеру, чинит, восстанавливает повреждённую посуду. Полуда же – «тонкий слой олова», а «бронза – сплав меди с оловом и некоторыми другими элементами» [7, С. 65]. Лудильщик, управляющий оркестром, работает с оловом, чтобы исправлять повреждённые вещи, а у него в оркестре сидит Бронза, «содержащий олово» и, безусловно, сам глубоко повреждённый духовно. Здесь обозначает себя важнейшая тема рассказа – защитная, охранительная, восстанавливающая сила музыки. Оркестр Шахкеса призван «лудить», исправлять и восстанавливать повреждённые души и оркестрантов, и слушателей. И сам «оловосодержащий» Бронза пользуется этим свойством музыки. По ночам, когда мысли об убытках особенно донимали его, он «лудил» себя звуками скрипки: «он клал рядом с собой на постели скрипку и, когда всякая чепуха лезла в голову, трогал струны, скрипка в темноте издавала звук, и ему становилось легче» [5, С. 431]; «<...> какие-то морды надвигались со всех сторон и бормотали про убытки. Он ворочался с боку на бок и раз пять вставал с постели, чтобы поиграть на скрипке» [5, С. 437]. С особой силой тема защитной, «очеловечивающей» способности музыки зазвучит на последних страницах рассказа, когда скрипка Ротшильда, воспроизводя музыкальную исповедь Якова, заставит слушателей плакать, и эта тема войдёт в смысл заглавия рассказа.

Есть у этого прозвища и ещё один важный смысл: он указывает на двойственность натуры этого героя. Ведь бронза – это сплав металлов, как в Якове – двоякое соединение черт мрачного гробовщика и тонкого музыканта, гроба и музыки, смерти и жизни. Мы видели, как силён в Якове гробовщик, как многое эта профессия определяет в его сознании. Но и музыка, хранящая жизнь души, сильна в Якове. Правда, до поры до времени музыка живёт в нём только на правах лудильщика и не в силах победить гробовщика. Время победы над гробовщиком для Якова настанет, когда в его существование войдут две важнейшие для автора категории: природа и любовь, в животворящую силу которых Чехов не терял веры.

Залогом возможного возрождения Якова служит специфическое свойство бронзы: под воздействием природных факторов она покрывается зелёным налётом – зеленеет. Эта важная цветовая деталь, с учётом образотворческой роли колоритов у Чехова, даёт «чёткую прорисовку тематических линий» в образе героя, «их целенаправленную <...> организацию» [8, С. 215]. Она призвана символизировать возможность вхождения этого героя в забытый им, но вновь обретаемый мир живой природы: просторов реки, её берегов и вербы, под которой они с Марфой когда-то «всё на речке сидели и песни пели» [5, С. 434].

Таким образом, прозвище чеховского персонажа «выполняет образотворческую функцию и выступает в роли своеобразной «гиперссылки», которая «подключает» читателя» [3, С. 33] к противоположным нравственным полюсам, составляющим основу двойственного характера героя. Оно не только вобрало в себя сущностные черты этого героя: двойственность его природы (гробовщик и музыкант), его тесную связь с музыкой, имеющей спасительное для него значение, способность к возрождению живой души, – но и вписалось в главную идею рассказа, отразившуюся в его названии – «Скрипка Ротшильда», призывающая беречь живую душу.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Иманкулова Р.М. Поэтика имени в ранней прозе А.П. Чехова: зоологический ономастикон / Р.М. Иманкулова // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2016 – Т. 158, № 1. – С. 126-132.
2. Флоринский П.А. Малое собрание сочинений / П.А. Флоринский. – М.: Купина, 1993. – Выпуск 1: Имена. – 320 с.
3. Михайлова Н.Д. Образотворческая функция имени в прозе И.С. Тургенева и писателей-народников / Н.Д. Михайлова, В.М. Мирзоева, Р.А. Ткачева и др. // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. – 2019. – № 1. – С. 29-33.
4. Фёдоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф.П. Фёдоров. – Рига: Знание, 1988. – 456 с.
5. Чехов А.П. Малое собрание сочинений / Антон Чехов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 800 с.
6. Ткачёва Р.А. «Там нас полюбили бы»: храмы города повествователя в романе Л. Добычина «Город Эн» / Р.А. Ткачева, В.М. Мирзоева, Е.Д. Аксёнова и др. // General question of world science. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference 30.03.2019, Ed. SIC „Science Russia“, 2019. – С. 37-43.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: «Русский язык», 1989. – 922 с.
8. Михайлова Н.Д. К вопросу о циклизации малой прозы в русской литературе второй половины XIX века / Н.Д. Михайлова, В.М. Мирзоева, Р.А. Ткачёва // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. – 2012. – №3. – С. 213-218.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Imankulova R.M. Poe'tika imeni v rannej proze A.P. Chexova: zoologicheskij onomastikon [The poetics of the name in the early prose of A.P. Chekhov: zoological onomasticon] / R.M. Imankulova // Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarny'e nauki. [Scientific notes of Kazan University. Humanities series.] – 2016 – Vol. 158, № 1. – P. 126-132. [in Russian]
2. Florinskij P.A. Maloe sobranie sochinenij. [Small collection of works] – M.: Kupina, 1993. – Issue 1: Imena. – 320 p. [in Russian]
3. Mixajlova N.D. Obrazotvorcheskaya funkciya imeni v proze I.S. Turgeneva i pisatelej-narodnikov [The imaginative function of the name in the prose of I.S. Turgenev and the Narodnik writers] / N.D. Mixajlova, V.M. Mirzoeva, R.A. Tkacheva et al. // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. – 2019. – № 1. – P. 29-33. [in Russian]

4. Fyodorov F.P. Romanticheskij xudozhestvennyj mir: prostranstvo i vremya [Romantic Art world: Space and time] / F.P. Fyodorov. – Riga: Znanie, 1988. – 456 p. [in Russian]
5. Chexov A.P. Maloe sobranie sochinenij [Small collection of works] / Anton Chexov. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. – 800 p. [in Russian]
6. Tkachyova R.A. «Tam nas polyubili by»: xramy goroda povestvovatelya v romane L. Doby`china «Gorod E`n» ["They would love us there": the temples of the narrator's city in L. Doby`chin's novel "The City of En"] / R.A. Tkacheva, V.M. Mirzoeva, E.D. Aksyonova et al. // General question of world science. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference 30.03.2019, Ed. SIC „Science Russia“, 2019. – P. 37-43. [in Russian]
7. Ozhegov S.I. Slovar` russkogo yazy`ka [Dictionary of the Russian language] / S.I. Ozhegov. – M.: «Russkij yazy`k», 1989. – 922 p. [in Russian]
8. Mixajlova N.D. K voprosu o ciklizacii maloj prozy` v russkoj literature vtoroj poloviny` XIX veka [On the question of the cyclization of small Prose in Russian Literature of the second half of the XIX century] / N.D. Mixajlova, V.M. Mirzoeva, R.A. Tkachyova // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. [Bulletin of Tver State University. Philology Series] – 2012. – №3. – P. 213-218. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.156>

ПОЧЕМУ ТАК МНОГО ОШИБОК? К ВОПРОСУ О ГРАМОТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Научная статья

Горина Е.В.*

ORCID: 0000-0001-5927-5023,

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (gorina9[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые причины падения уровня грамотности современных медиатекстов, указываются случаи, ведущие к росту числа стилистических, грамматических, логических и иных погрешностей в современном медиатексте. Отмечается, что авторы медиатекстов создают свои произведения в новых условиях, нежели журналисты доинтернетовской эпохи, поэтому следование классической языковой норме не всегда возможно. Часто авторам приходится сознательно идти на погрешность, поскольку этого требуют коммерческие отношения с медиапартнерами, рекламодателями, учредителями и т.п. Приводятся примеры неудачного вмешательства в текст, случаи дефектного сочетания вербальных и невербальных частей медиатекста. Исследование построено на материале как профессиональных журналистов (публикации официальных сетевых медиа), так и любителей (блоги, реклама в Интернете).

Ключевые слова: грамотность медиатекста, медианорма, медиаграмотность, дефектный текст, речевые ошибки, логические ошибки, причины безграмотности.

WHY SO MANY MISTAKES? ON THE ISSUE OF LITERACY IN MODERN MEDIA TEXTS

Research article

Gorina E.V.*

ORCID: 0000-0001-5927-5023,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

* Corresponding author (gorina9[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses some of the reasons for the decline in the level of literacy in modern media texts, it points out the cases leading to an increase in the number of stylistic, grammatical, logical and other errors in modern media texts. It is noted that the authors of media texts create their works in new conditions than journalists of the pre-Internet era, therefore following the classical language norm is not always possible. Authors often have to deliberately make mistakes, since this is required by commercial relations with media partners, advertisers, founders, etc. The article provides examples of unsuccessful interference in the text, cases of defective combination of verbal and nonverbal parts of the media text. The research is based on both professional mass media (online publications of official media outlets) and amateur users (blogosphere, online ads).

Keywords: media text literacy, media norm, media literacy, defective text, speech errors, logical errors, causes of illiteracy.

Введение

Уровень грамотности современных медиатекстов – одна из активно обсуждаемых тем, о снижении коммуникативной, жанровой, стилистической, грамматической и т.п. норм сообщают многие исследователи [3], [4], [12], [20]. Часто причинами падения грамотности текстов называют вседозволенность, царящую в Интернете, активное употребление жаргона, заимствованной, грубой лексики [1], [5], [6], [24]. Также ученые винят в безграмотности медиа слабую подготовку молодого поколения в школах, снижение объемов чтения и письма у подростков [23], усиление эффекта карнавализации в Интернете [2], [17], устно-письменную форму языка, а также технический прогресс, в частности, функцию T9, не видящую разницу между смысловыми оттенками, влияющими на графику слова, например, «по тому» и «потому» [10], [15], [16]. Высказывается мысль о медиатизации, о влиянии СМИ на языковой вкус и культуру современного человека [9], [13], [23].

Очевидно, что следование нормам языка в современных российских медиа соблюдается не так строго, как, например, в периоды развития русской и советской журналистики. Понятие классической языковой нормы как безоговорочного свода правил и требований, предъявляемых к речи, переживает сложный период. Современные медиа ориентированы на разговорность, упрощение, большую свободу в этическом, коммуникативном, грамматическом, словотворческом, структурном, жанровом плане. При этом современные исследования погрешностей, встречающихся в текстах медиа, основываются на требованиях, диктуемых классической нормой. Анализируются ошибки, допущенные на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровне, отдельно рассматриваются алогизмы, а также такие погрешности, как бессодержательность, каламбурность, неясность, неточность [7], [19]. С одной стороны, лингвисты не имеют других инструментов для анализа дефектного текста, кроме уже выработанных. С другой стороны, современные медиатексты создаются в иных условиях, они более зависимы от коммерческих обстоятельств, от специфики медиаплощадок, от технических условий, в которых работает автор, следовательно, в некоторых случаях медиатексты объективно не могут соответствовать требованиям классической нормы. Именно поэтому хочется остановиться на некоторых причинах снижения грамотности текстов современных медиа. Материалом исследования выступили публикации сетевых СМИ, тексты популярных блогеров и реклама в соцсетях. Важно, что ошибки в медиатекстах были допущены как любителями, так и профессиональными авторами. Всего было рассмотрено 536 текстов, среди которых публикации информационных агентств (далее ИА)

«РИА Новости», «URA.RU», сетевых газет «Znak.com», «Уральский рабочий», «Газета.ру», «РТ», «Коммерсант», «Вечерние ведомости», информационных порталов «E1.RU», «Nash Gorod», тексты инстаграмм-блогеров (selchanka_sotr, katytorontomam, gina_sara), а также рекламные тексты из Инстаграмм и ВКонтакте. Заметим, что ссылки на дефектные тексты в данной статье мы не указываем из этических соображений, а также потому, что ряд текстов, содержащих ошибки, был исправлен авторами после обсуждения недочетов. Анализ выбранного материала позволил выделить несколько причин, ведущих к стилистическим, логическим, этическим, орфографическо-пунктуационным ошибкам. Назовем некоторые, на наш взгляд, распространенные причины.

Основные результаты

Во-первых, в современных условиях автор знает, что у него есть возможность поправить текст в любой момент: дополнить, сократить, переписать часть текста, поменять местами абзацы и т.п. Однако внесение правок все чаще становится невыгодным для автора, оно может, например, нарушить работу сетевых алгоритмов: соцсети «выбрасывают» отредактированный текст из зоны видимости подписчиков, попасть в топ новостей сервиса Яндекс.Новости сложнее после коррекции уже опубликованного текста. Разумеется, правка правке рознь, бывает, автор дополняет сообщение важными фактами, необходимыми для его адекватного восприятия, или журналист корректирует новость на сайте, поскольку этого требует комментатор, источник информации, контролирующая работу редакции органы надзора. Однако изменения в уже опубликованный текст часто вносит не сам автор, а его коллеги, и такое вмешательство может привести к повторам, бессодержательности, нарушению логики изложения. Рассмотрим пример.

«В Москве горит детский торговый центр, есть пострадавшие.

На востоке Москвы в районе Соколиная гора загорелся ТЦ «Персей для детей». Из горящего здания ведется эвакуация посетителей, по предварительным данным, уже есть пострадавшие.

«Пожарные приступили к тушению возгорания в ТЦ «Персей для детей» на улице Малая Семеновская, 28. В результате пожара, по предварительным данным, есть пострадавшие», - сообщает агентство городских новостей «Москва».

По предварительным данным, пожар начался на верхнем этаже торгового центра. Сейчас горят крыша и складское помещение, где находится много легковоспламеняющихся изделий. Пострадавших эвакуируют по спасательной лестнице из переходной галереи».

Новости о трагических событиях обычно выходят на сайт недописанными, ведь важнее быстро заявить о событии, а затем можно дополнять текст новыми данными. Однако тот, кто дорабатывает текст, должен учитывать все, что в было написано до его вмешательства. Приведенный пример показывает, что при недобросовестном включении в текст новых сведений, возникают буквальные повторы, бессодержательность повествования.

Во-вторых, причиной погрешностей становится финансовая зависимость изданий. Вмешательство в текст, ведущее к логическим дефектам, бывает обусловлено коммерческими отношениями с партнерами или рекламодателями. Например, журналисты обязаны ежедневно делать ссылки на тексты коллег из других изданий, а при отсутствии достойных новостей у партнеров ссылки расставляются алогично: между содержанием текста, куда вставляется ссылка, и текстом, которому ссылка посвящена, нет логической связи. Это приводит к нарушению закона тождества, к наличию двух малосвязанных предметов речи в тексте. Приведем пример.

«В екатеринбургском Ельцин Центре зачат первый ребенок.

В Екатеринбурге, в Клиническом институте репродуктивной медицины (КИРМ), расположенном в Ельцин Центре, состоялась первая процедура по искусственному оплодотворению. Несмотря на различные трудности, процедура прошла успешно. Об этом сообщила врач-репродуктолог КИРМ Елена Маякина. «Ровно две недели назад был удачно проведен перенос размороженных эмбрионов в полость матки, малыши были транспортированы из клиники «Центр семейной медицины», — написала медик в Instagram. Врачи надеются, что такой положительный опыт положит начало большим медицинским успехам Клинического института. Напомним, Клинический институт репродуктивной медицины открылся в екатеринбургском Ельцин Центре 1 февраля. Организация занимается лечением бесплодия. Клиника заняла более тысячи квадратных метров комплекса. Помимо регистратуры и кабинетов врачей, там находятся стационар на семь коек и лаборатории.

Памятник первому президенту России Борису Ельцину, расположенный возле Центра, не раз подвергался нападкам вандалов. Так, в ноябре 2017 года екатеринбуржец Игорь Щука пытался поджечь мемориал, за что был приговорен к году исправительных работ, напоминает РАПСИ».

Пример показывает нарушение закона тождества: если в тексте до правки была ГМ1 – в Ельцин Центре зачат ребенок, то с включенным позднее бэкграундом (со ссылкой на РАПСИ) возникает ГМ2 – на памятник Ельцину нападают вандалы. Разумеется, подобные нарушения недопустимы, однако в медиатекстах они, можно сказать, неизбежны, поскольку коммерческие связи позволяют медиа держаться на рынке. Такие нарушения закона тождества активны в рекламных текстах и постах в соцсетях, особенно если автор желает скрыть коммерческую подоплеку сообщения и связывает два (и более!) предмета речи в тексте, например, рекламу конкретного товара и некое событие из своей жизни.

В-третьих, к снижению грамотности медиатекстов приводит цитирование дефектных высказываний, например: «Полицейских на Урале обвинили в насилии над задержанным. “Одевали пакет на голову, избивали”. ФОТО». Прямая речь лидеров общественного мнения, авторитетов, популярных персон часто содержат смешные, нелепые, грубые ошибки. Поскольку из цитаты слов не выкинешь, погрешность тиражируется в СМИ, в соцсетях, мемах и т.д. Однако тиражируемые ошибки вызывают привыкание аудитории к неверным лексическим сочетаниям, неправильному синтаксису, дефектному словообразованию и т.д. Распространение ошибок ведет к нейтральному отношению к ним со стороны аудитории. Приведем в пример слова К. Собчак о семейном отдыхе: «Невероятная йога, воздух, спорт и экологически выращенная на острове еда – отличные спутники семейного отдыха!» Часто цитаты авторитетных

спикеров отражают чрезмерную этическую свободу. В высказываниях той же К.Собчак, активиста и бывшего мэра Екатеринбурга Е.Ройзмана, представителя МИД РФ М.Захаровой и т.п. заметных личностей встречается сниженная лексика, грубая, часто нелитературная. При этом такие цитаты быстро разносятся журналистами, ставятся в заголовочный комплекс, привлекают внимание аудитории. Разумеется, подобные высказывания играют немалую роль в формировании у читателя представления о границах допустимого в речи.

В-четвертых, на качество медиа оказывает влияние то, как авторы сочетают вербальные и невербальные компоненты текста. К погрешности ведет неумелый подбор иллюстрации или неудачная подпись к изображению. Например, заметка посвящена тому, что в водоемах Нижнего Тагила обнаружены бактерии, относящиеся к группе кишечных палочек. На фото к новости изображен мальчик, стоящий в горах, а подпись под фото гласит: «В водоемах нашли кишечную палочку». Если такая подпись еще имеет отношение к тексту, то изображение удивляет читателя, поскольку между фотографией ребенка на фоне гор и текстом о кишечной палочке связь установить невозможно. К несочетаемости изображения, основного текста и подписи ведет спешка, нескоординированная работа автора и бильд-редактора, невнимательность выпускающего редактора и т.п. Неудачное сочетание вербальных и невербальных частей текста часто бывает комичным. Неприятность заключается и в том, что насмешки, которые высказывает читатель в таких случаях, носят обобщающий характер: даже если ошибку допускает только один автор, адресат склонен всех журналистов, блогеров считать бестолковыми, неспособными создать грамотный текст.

Заключение

Рассмотренные нами причины снижения грамотности медиатекстов, конечно, не единственные. Надо признать, что следование классической языковой норме современным авторам дается сложнее, кроме того, современные журналисты, блогеры работают в таких условиях, что им приходится каждый день принимать особое решение, что допустимо в конкретном тексте, в конкретных обстоятельствах. И часто такие решения связаны с индивидуальными особенностями автора (с его эмоциональным состоянием, зависимостью от иллюстрации, лайков, роста числа подписчиков и т.п.) или с условиями, в которых автор создает текст (роль играют коммерческие мотивы, обязательства перед учредителями, особые условия договора с владельцем медиаплощадки и т.п.). Однако при этом нельзя отрицать, что именно грамотность текста может сегодня помочь отличить профессионального автора от любителя. Журналисты понимают, что, каким бы огромным и разнообразным ни был информационный поток, профессионального автора выдает текст продуманный, логичный, понятный и увлекательный для адресата.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Борисенко А. С. Культура речи в виртуальной среде / А. С. Борисенко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3-4. – С. 51-53.
2. Викторова Е.Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) / Е.Ю. Викторова // Жанры речи. 2018. №4 (20). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-potentsial-internet-kommunikatsii-na-materiale-zhanra-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 23.07.2021).
3. Володина М.Н. Круглый стол "молодежь и язык СМИ" / М.Н. Володина, Д.С. Мухортов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2019. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-molodezh-i-yazyk-smi> (дата обращения: 04.08.2021).
4. Гайда Ст. Актуальные задачи стилистики / Ст. Гайда // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С 11-21.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
6. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. №6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvistika-v-rossii-stanovlenie-struktury-i-vektory-razvitiya> (дата обращения: 04.08.2021).
7. Дымова И.А. Стилистика и литературное редактирование: учебное пособие / И.А. Дымова; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2012. – 119 с.
8. Иванова М.В. Расширение литературной нормы и его исторические основания / М.В. Иванова // Вестн. РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 1. С. 124-129.
9. Избаева Н. Особенности функционирования языка медиа / Н. Избаева, У. Гафурова // Вестник Науки и Творчества. 2021. №6 (66). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-yazyka-media> (дата обращения: 04.08.2021).
10. Клушина Н.И. Интернет: от безграмотности к новой грамотности? / Н.И. Клушина // Русская речь. 2016. № 5. С. 63-65.
11. Клушина Н.И. Трансформация стилистических и типологических характеристик российского медиадискурса новейшего времени / Н.И. Клушина // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-stilisticheskikh-i-tipologicheskikh-harakteristik-rossiyskogo-mediadiskursa-noveyshego-vremeni> (дата обращения: 04.08.2021).
12. Клушина Н.И. Динамика коммуникативных норм в современной русской речи / Н.И. Клушина, А.В. Люликова, А.В. Николаева и др. // Филология и человек. 2018. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-kommunikativnyh-norm-v-sovremennoy-russkoy-rechi> (дата обращения: 04.08.2021).

13. Клушина Н.И. Медиатизация: стилистический вектор / Н.И. Клушина, Д.О. Байгожина, С.Ш. Тахан // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-stilisticheskiiy-vektor> (дата обращения: 04.08.2021).
14. Клушина Н.И. Языковая норма и ее роль в организации общественного сознания / Н.И. Клушина // Известия южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 4. – С. 46-55.
15. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 512 с.
16. Кронгауз, М. А. Утомленные грамотой / М. А. Кронгауз // Новый мир. – 2008. – № 5. – С. 153-159.
17. Крылова М.Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети "ВКонтакте") / М.Н. Крылова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sovremennogo-internet-obscheniya-na-materiale-intellektualnogo-kontenta-sotsialnoy-seti-vkontakte> (дата обращения: 04.08.2021).
18. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
19. Майданова Л.М. Критика речи и литературное редактирование текстов СМИ / Л.М. Майданова : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению 030600 "Журналистика" и специальности 030601 "Журналистика"; Федеральное агентство по образованию, Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. – 2-е изд., перераб. - Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. – 240 с.
20. Морозова А.А. Юзермейкер социальной сети: специфика коммуникативного поведения / А.А. Морозова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №3 (29). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzermeyker-sotsialnoy-seti-spetsifika-kommunikativnogo-povedeniya> (дата обращения: 04.08.2021).
21. Полонский А.В. Медиалект: язык в формате медиа / А.В. Полонский // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialekt-yazyk-v-formate-media> (дата обращения: 04.08.2021).
22. Стилистика и литературное редактирование : учебно-методический комплекс : для специальности 021400 "Журналистика" / М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т массмедиа, юрид. фак., каф. лит. критики ; [авт.-сост.: Арутюнова Е. В. и др.]. - Москва : РГГУ, 2010. - 199 с
23. Цицкун В.В. Опосредованное влияние интернета на грамотность современной молодежи / В.В. Цицкун // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/ZGXhA> (дата обращения: 23.07.2021).
24. Шаховалов Н.Н. Влияние интернет-коммуникаций на речевую культуру обучающихся образовательных организаций высшего образования (на примере Алтайского государственного института культуры) / Н.Н. Шаховалов, Е.Г. Шаховалова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-kommunikatsiy-na-rechevuyu-kulturu-obuchayushchihya-obrazovatelnyh-organizatsiy-vysshego-obrazovaniya-na-primere> (дата обращения: 23.07.2021).
25. Шаховалова Е.Г. Проблемы соблюдения речевого этикета в интернет-коммуникациях / Н.Н. Шаховалов, Е.Г. Шаховалова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-soblyudeniya-rechevogo-etiketa-v-internet-kommunikatsiyah> (дата обращения: 23.07.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Borisenko A. C. Kul'tura rechi v virtual'noj srede [Culture of speech in a virtual environment] / A. S. Borisenko // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities]. - 2015. - No. 3-4. - pp. 51-53 [in Russian]
2. Viktorova E.Yu. [Linguocreative potential of Internet communication (based on the material of the genre of social networks)] / E. Yu. Viktorova // Zhanry rechi [Genres of speech]. 2018. №4 (20). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-potentsial-internet-kommunikatsii-na-materiale-zhanra-sotsialnyh-setey> (accessed: 07/23/2021) [in Russian]
3. Volodina M.N. Kruglyj stol "molodezh' i jazyk SMI" [Round table "Youth and the language of mass media"] / M. N. Volodina, D. S. Mukhortov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija [Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology]. 2019. №2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyj-stol-molodezh-i-yazyk-smi> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
4. Gayda St. Aktual'nye zadachi stilistiki [Problems of stylistics] / St. Gayda // Aktual'nye problemy stilistiki [problems of stylistics]. 2015. № 1, pp. 11-21 [in Russian]
5. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyj podkhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech' [Media linguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech] / T. G. Dobrosklonskaya. - M. : Flint: Nauka, 2008. - 263 p. [in Russian]
6. Duskaeva L. R. Medialingvistika v Rossii: stanovlenie struktury i vektory razvitiya [Media Linguistics in Russia: formation of the structure and vectors of development] / L. R. Duskaeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika [Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism]. 2018. №6. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvistika-v-rossii-stanovlenie-struktury-i-vektory-razvitiya> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
7. Dymova I.A. Stilistika i literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie [Stylistics and literary editing: textbook] / I. A. Dymova; Orenburg State University. - Orenburg: OSU, 2012. - 119 p. [in Russian]
8. Ivanova M.V. Rasshirenije literaturnoj normy i ego istoricheskie osnovaniya [The expansion of the literary norm and its historical foundations] / M. V. Ivanova // Vestn. RUDN. Teorija jazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of RUDN. Theory of language. Semiotics. Semantics]. 2017. № 1, pp. 124-129 [in Russian]

9. Izbaeva N. Osobennosti funkcionirovaniya zyka media [Features of the functioning of zyk media] / N. Izbaeva, U. Gafurova // Vestnik Nauki i Tvorchestva [Bulletin of Science and Creativity]. 2021. №6 (66). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-yazyka-media> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
10. Klushina N.I. Internet: ot bezgramotnosti k novoy gramotnosti? [Internet: from illiteracy to new literacy?] / N. I. Klushina // Russkaya rech' [Russian speech]. 2016. № 5, pp. 63-65 [in Russian]
11. Klushina N.I. Transformatsiya stilisticheskikh i tipologicheskikh kharakteristik rossiyskogo mediadiskursa noveyshego vremeni [Transformation of stylistic and typological characteristics of the Modern Russian media discourse] / N. I. Klushina // Ekologiya zazyka i kommunikativnaya praktika [Ecology of language and communicative practice]. 2013. №1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-stilisticheskikh-i-tipologicheskikh-kharakteristik-rossiyskogo-mediadiskursa-noveyshego-vremeni> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
12. Klushina N.I. Dinamika kommunikativnykh norm v sovremennoy russkoy rechi [Dynamics of communicative norms in modern Russian speech] / N. I. Klushina, A. V. Lyulikova, A. V. Nikolaeva, et al. // Filologiya i chelovek [Philology and man]. 2018. №3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-kommunikativnykh-norm-v-sovremennoy-russkoy-rechi> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
13. Klushina N.I. Mediatizatsiya: stilisticheskii vektor [Mediatization: stylistic vector] / N. I. Klushina, D. O. Baygozhina, S. Sh. Takhan // Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik [Verkhnevolzhsky philological Bulletin]. 2019. №2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-stilisticheskii-vektor> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
14. Klushina N.I. Jazykovaya norma i ee rol' v organizatsii obshchestvennogo soznaniya [The linguistic norm and its role in the organization of public consciousness] / N. I. Klushina // Izvestiya juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki [Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences]. - 2017. - No. 4. - pp. 46-55 [in Russian]
15. Krongauz M. A. Russkiiyazyk na grani nervnogo sryva [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown] / M. A. Krongauz. Moscow : AST Publishing House : CORPUS, 2018— 512 p. [in Russian]
16. Krongauz, M. A. Utomlennyye gramotoy [Tired of reading and writing] / M. A. Krongauz // Novy mir [New world]. - 2008. - No. 5. - pp. 153-159 [in Russian]
17. Krylova M.N. Jazyk sovremennogo internet-obshcheniya (na materiale intellektual'nogo kontenta social'noy seti "VKontakte") [The language of modern Internet communication (based on the intellectual content of the VKontakte social network)] / M. N. Krylova // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Problems of philology and pedagogical linguistics]. 2019. №1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sovremennogo-internet-obshcheniya-na-materiale-intellektualnogo-kontenta-sotsialnoy-seti-vkontakte> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
18. Sovremennyy mediatekst: uchebnoe posobie [Modern media text: textbook] / edited by N.A. Kuzmina. - Omsk, 2011— 414 p. [in Russian]
19. Maidanova L.M. Kritika rechi i literaturnoe redaktirovanie tekstov SMI : uchebnoe posobie dlja studentov, obuchajushhikhsja po napravleniju 030600 "Zhurnalistika" i special'nosti 030601 "Zhurnalistika" [Criticism of speech and literary editing of media texts : a textbook for students studying in the program 030600 "Journalism" and specialty 030601 "Journalism"]; Federal Agency for Education, Ural State University named after A. M. Gorky. - 2nd ed., revised. - Yekaterinburg : Publishing House of the Ural University, 2009. - 240 p. [in Russian]
20. Morozova A.A. Juzermejker social'noy seti: specifika kommunikativnogo povedeniya [Social network user maker: specifics of communicative behavior] / A. A. Morozova // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya [Sign: the problematic field of media education]. 2018. №3 (29). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuzermeyker-sotsialnoy-seti-spetsifika-kommunikativnogo-povedeniya> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
21. Polonsky A.V. Medialekt: jazyk v formate media [Medialect: language in media format] / A. V. Polonsky // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznaniya [Questions of journalism, pedagogy, linguistics]. 2018. №2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialekt-yazyk-v-formate-media> (accessed: 08/04/2021) [in Russian]
22. Stilistika i literaturnoe redaktirovanie : uchebno-metodicheskii kompleks : dlja special'nosti 021400 "Zhurnalistika" [Stylistics and literary editing : educational and methodological complex : for the specialty 021400 "Journalism"] / Ministry of Education and Science of the Russian Academy of Sciences. Federation, Russian State Humanities. State Humanitarian University, Institute of mass media, legal. department of literature criticism; [compiled by Arutyunova E. V. et al.]. - Moscow: RSUH, 2010. - 199 p. [in Russian]
23. Tsitskun V.V. Oposredovannoe vliyanie interneta na gramotnost' sovremennoy molodezhi [The indirect influence of the Internet on the literacy of modern youth] / V. V. Tsitskun // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin]. 2015. №4. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oposredovannoe-vliyanie-interneta-na-gramotnost-sovremennoy-molodezhi> (accessed: 07/23/2021) [in Russian]
24. Shakhvalov N.N. Vliyanie internet-kommunikatsii na rechevuyu kul'turu obuchajushhikhsja obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya (na primere Altajskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury) [The influence of Internet communications on the speech culture of students of educational institutions of higher education (on the example of the Altai State Institute of Culture)] // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznaniya [Issues of journalism, Pedagogy, Linguistics]. 2019. №2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-internet-kommunikatsiy-na-rechevuyu-kul'turu-obuchayushchih-sya-obrazovatel'nykh-organizatsiy-vysshego-obrazovaniya-na-primere> (accessed: 07/23/2021) [in Russian]
25. Shakhvalova E.G. Problemy soblyudeniya rechevogo etiketa v internet-kommunikatsiyakh [Problems of compliance with speech etiquette in Internet communications] / E. G. Shakhvalova, N. N. Shakhvalov // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznaniya [Issues of journalism, pedagogy, linguistics]. 2020. №3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-soblyudeniya-rechevogo-etiketa-v-internet-kommunikatsiyah> (accessed: 07/23/2021) [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.157>

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕКСТЕ ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Научная статья

Готовцева Л.М.*

ORCID: 0000-0001-8039-1838,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (Lingot[at]rambler.ru)

Аннотация

Одним из источников пополнения синонимического богатства якутского языка является фольклор. Как известно, для языка и стиля олонхо характерен синтаксический параллелизм. На это обращали свое внимание такие ученые, как литературовед Г. М. Васильев (1973), фольклористы Г. У. Эргис (1974), И. В. Пухов (1985), языковеды Е. И. Убрытова (1950), П. А. Слепцов (1990) и другие. В данной статье мы рассмотрим репрезентацию одного из ярких стилистических средств выражения экспрессии – синонимических фразеологизмов в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

В задачи исследования входит отбор из текста олонхо методом сплошной выборки синонимических фразеологических единиц (ФЕ); проводится классификация фразеологических синонимов, основанная на структурной, семантической и стилистической характеристиках; выявляются стилистические функции синонимических фразеологизмов.

Ключевые слова: фольклор, эпос, язык олонхо, фразеологическая единица, синоним, якутский язык.

SYNONYMIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE OLONKHO "NYURGUN BOOTUR THE SWIFT"

Research article

Gotovtseva L.M.*

ORCID: 0000-0001-8039-1838,

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (Lingot[at]rambler.ru)

Abstract

One of the sources of replenishment of the synonymic wealth of the Yakut language is folklore. It is known that the Olonkho language and style are characterized by syntactic parallelism. Among the researchers who drew attention to this fact were G. M. Vasiliev (1973), folklorists of G. U. Ergis (1974), I. V. Pukhov (1985), linguists E. I. Ubryatova (1950), P. A. Sleptsov (1990) and others. The current article examines the representation of one of the most striking stylistic means of expression – synonymic phraseological units in the text of olonkho "Nyurgun Bootur the Swift".

The objectives of the study include the selection of synonymic phraseological units from the olonkho via a continuous sampling method; the classification of phraseological synonyms based on structural, semantic and stylistic characteristics; determining the stylistic functions of synonymic phraseological units.

Keywords: folklore, epic, Olonkho language, phraseological unit, synonym, Yakut language.

Введение

Известный фольклорист П. Г. Богатырев констатирует: «Синтаксический параллелизм, т.е. расположение в двух параллельных предложениях одинаковых членов предложения в одинаковом порядке, усложняется другими разнообразными стилистическими средствами, как-то: повторением одних и тех же слов, использованием синонимов и т.п.» [1, С. 114].

Целью настоящего исследования является рассмотрение отражения одного из ярких стилистических средств выражения экспрессии, которым представлен в тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» синтаксический параллелизм, – фразеологических синонимов. Текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» был записан К.Г.Оросиным и опубликован в 1947 г. Г.У.Эргисом. Исследования, посвященные фразеологическим синонимам – синонимическим повторам, данного текста олонхо ранее фактически не проводились.

В задачи исследования входит отбор из текста олонхо методом сплошной выборки синонимических фразеологических единиц (ФЕ); провести типологию фразеологических синонимов, основанную на структурной, семантической и стилистической характеристиках; выявление их стилистических функций.

Основные результаты

Под синонимами мы понимаем слова или ФЕ, выражающие одно и то же понятие, относящиеся к одной и той же части речи, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значений, либо эмоционально-стилистической окраской, либо обоими этими признаками одновременно.

Динамичное развитие эпического повествования обеспечивается повтором однотипных по структуре синтаксических конструкций, представленных синонимическими фразеологизмами разных типов, фразеологизмами с близкой семантикой. Фразеологические синонимы придают отрывку текста эпоса особый ритм и своеобразный колорит.

Повтор равнозначных фразеологизмов-синонимов с конкретизацией значения 'далекая, дальняя страна': хол дойду 'дальняя страна' [3, С.149] и тэгий дойду 'далекая страна' [3, С. 148] репрезентируется следующим образом:

Дьылга тойон эттэ: -
«Э, дьэ, кырдьык!
Хол дойдуттан холоонноохтор,
тэҕил дойдуттан тэннээхтэр
тэмтэритистэхтэринэ ...»

Дьылга тойон ответил: - Да, это правда,
достойных стран достойные сыны сошлись, с
равных стран встретились равные, и они то
наделают беду' [6];

Данные ФЕ сочетаются с лексемами-синонимами холоонноох 'равный кому-чему-л., достойный кого-чего-л.', тэннээх 'равный другому в чем-л., являющийся ровней кому-л.' со значениями 'имеющий себе равного, подобный' и глагола тэмтэритис 'споткнуться, покачнуться, потеряв равновесие', которые выступают актуализатором и уточняют значение единиц тэҕил дойду 'далекая страна' [3, С. 148]; хол дойду фольк. 'дальняя страна' [3, С. 149].

Үрдүк халлаан
тордуйалаах уу курдук долгуйда,
Нэриллис нэс Нүөттүгэн
атыяхтаах уу курдук дьалкыйда

'высокое небо заколебалось, словно вода в
лукошко берестяном; преисподняя, страна адская
расплескалась как помои в лохани' [6];

Вместо традиционной формы **атыяхтаах уу курдук аймаа фольк.** 'привести в смятение, расстроить земную жизнь' [2, С. 654] олонхосут заменяет глагол аймаа на дьалкий - **атыяхтаах уу курдук дьалкыйда** и добавляет образованную по этой же структурно-семантической модели окказиональную ФЕ **тордуйалаах уу курдук долгуйда**, что обусловлено аллитерацией, характерной языку фольклора. Лексемы-компоненты в составе фразеологизмов являются равнозначными синонимами: тордуйа уст. 'берестяная посудинка' [4, С. 476], атыях уст. 'берестяное лукошко' [4, С. 654]; долгуй 'волноваться, зыбиться', дьалкий 'волноваться, колыхаться, плескаться'.

Синонимические ряды (повторы) могут быть представлены **идеографическими синонимами**. Идеографическим синонимам присущи семантические расхождения, которые проявляются в оттенках значения при стилистическом единстве. Синонимы, при наличии оттенков значения, привносят новые аспекты, грани в раскрытии содержания понятия, предмета, явления, ситуации, действия и т.п. Рассмотрим фрагмент текста с примером, где репрезентируются синонимические повторы:

Бу мунг бөбөнү
муннубунан тыыран,
эрэй бөбөнү энэрбинэн кэлэн,
сор бөбөнү сотобунан хааман
бу эрэйгэ түбэстэхпин

'муки и страдания свои носом своим прорывал,
трудности неисчислимые полон своей разрывал,
несчастья страшные одолел своей голенью' [6].

При интегральной семе, выражающей 'пережить много горя, претерпев жизненные невзгоды', различаются дифференциальными семами, передающими различную степень интенсивности его проявления, фразеологизмы **муну муннунан тыыран, эрэйи энэринэн тэлэн** (букв. носом распарывать горе, полон разрывать страдание) и окказиональный фразеологизм **сору сототунан хааман** (букв. несчастья голенью одолеть).

Наблюдается конкретизация, усиление семантики фразеологизмов, обозначающих внутреннее состояние героя олонхо, оказавшегося в трудной ситуации, при последовательном употреблении олонхосутом компонентов **мунг** горе, мука, мучение, **эрэй** страдание, мучение, мука, **сор** несчастье, горе, беда, которые составляют синонимический ряд фразеологизмов со значением 'страдание, мучение, мука'.

В данном примере олонхосут расширяет компонентный состав фразеологизма за счет введения дополнительного компонента-частицы **бөбө** в структуру инвариантной ФЕ **муну муннунан тыыран, эрэйи энэринэн тэлэн**, заменяет глагол **тэл** прокладывать (дорогу) на **кэс** идти по воде, заболоченному месту, добавляет образованную по этой же структурно-семантической модели окказиональную единицу **сор бөбөнү сототунан хааман**.

Стилистико-идеографические синонимы

Рассмотрим примеры, когда синонимические повторы, выражая одну и ту же мысль, расширяют, детализируют основное содержание ФЕ, тем самым более выразительны, чем каждый оборот в отдельности.

Мин шинэ суох **илдьиркэйгэ** киридим,
аана суох **алдьархайга** бардым,
балтыбын Айталы Куону
көстө көтүттүм,
туманна мундум,
хаарга хаамтым,
сииккэ сизллим;
дьэ өлүү бөбө үтүрүөтэ,
алдьаххай бөбө ааннаата

'Я попал в бездонное несчастье, наварлся на
безвыходную беду, похитили у меня сестру Айталы
Куо. Заблудился я в тумане, впустую шагаю по
снегу, напрасно бегаю по росе; смерть-бедствие
наступила, беда-несчастье настигла' [6].

Разберем фрагменты текста.

Мин шинэ суох **илдьиркэйгэ** киридим,
аана суох **алдьархайга** бардым,

Я попал в бездонное несчастье, наварлся на
безвыходную беду,' [6].

Имя общую сему 'беда', вышеприведенные примеры синонимы из текста олонхо обладают индивидуальными признаками, смысловыми и стилистическими оттенками за счет лексемы-компонента **илдьиркэй** 'пагуба, напасть', который является стилистическим синонимом слова **алдьархай** 'погибель, пагуба'. В «ЯРФС» зафиксирована форма аана суох **алдьархай**, иитэ суох **илдьиркэй фольк.** непоправимая беда, несчастье [8, С. 81].

балтыбын Айталы Куону
көстө көтүттүм,
туманна муннум,
хаарга хаамтым,
сииккэ сиэллим;

‘похитили у меня сестру Айталы Куо.
Заблудился я в тумане, впустую шагаю по снегу,
напрасно бегаю по росе’ [6].

В «ЯРФС» зафиксирована форма *сииккэ сиэллэ*; *хаарга хаамта* ‘затратив большие усилия, не добившись ничего, ходить в пустую’ [8, С. 110], которую мы принимаем как общеупотребительную. Сказитель добавляет окказиональную форму *туманна мунна* ‘заблудился в тумане’.

Под «давлением» системы параллелизма организуется механизм контекстной синонимизации или противопоставления [7, С. 6]. Так, в качестве контекстуальных синонимов выступают глагольные ФЕ, употребляемые в функции однородных членов:

дьэ өлүү бөбө үтүрүөтэ,
алдьаххай бөбө ааннаата

смерть-бедствие наступила,
беда-несчастье настигла’ [6].

В «БТСЯЯ» зафиксирована форма *алдьархай* <бөбө> *ааннаата* ‘нагрянула страшная беда, напасть’ [2, С. 421]. В качестве синонимического повтора певцом добавлена окказиональная форма *өлүү бөбө үтүрүөтэ* ‘смерть-бедствие наступила’. В парадигматическую связь вступают лексемы-компоненты в составе фразеологизмов: *өлүү* ‘беда, несчастье’ и *алдьаххай* ‘беда, несчастье’; глаголы: *үтүрээ* ‘приблизиться’, *ааннаа* ‘неминуемо обступать, наступать, нагрянуть’, которые вне ФЕ не синонимичны, но в данном фрагменте текста отмечается близость семантики, и по нашему мнению, они являются контекстуальными синонимами.

Заключение

Таким образом, мы установили, что язык текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» богат синонимами – «одним из действенных средств языкового выражения экспрессии» [5, С. 153].

Нами выявлены равнозначные, идеографические, стилистические и контекстуальные синонимы. Сказитель использует их в качестве интенсификаторов эмоциональных состояний персонажей олонхо, для конкретизации оттенков значения, уточнения, дополнения их действий.

Эти синонимические повторы придают эпическому произведению особый ритм, выразительность, создавая фольклорный колорит.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Богатырев П. Г. Язык фольклора / П. Г. Богатырев // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С.106-116.
2. Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004.
3. Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006.
4. Большой толковый словарь якутского языка / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013.
5. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1980. С. 153.
6. Нюргун Боотур Стремительный / Текст К.Г.Оросина; ред. текста, перевод, вступит. ст. и комментарии Г.У.Эргиса. Якутск, 1947. 410 с.
7. Роббек Л.В. Функционально-семантические особенности языка олонхо (лексикографический аспект) / Л.В. Роббек: Автореф. дис... канд. филол. наук. Якутск, 2009. 22 с.
8. Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А.Г. Нелунов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. Т. I. 286 с.
9. Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А.Г. Нелунов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. Т. II. 420 с.

Список литературы на английском языке/References in English

1. Bogatyrev P. G. Jazyk fol'klora // Voprosy jazykoznanija [Language of folklore] / P. G. Bogatyrev .1973. № 5. P.106-116. [in Russian]
2. Bolshoy tolkovij slovar yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of Yakut language] / Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004. [in Russian]
3. Bolshoy tolkovij slovar yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of Yakut language] / Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2006. [in Russian]
4. Bolshoy tolkovij slovar yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of Yakut language] / Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2013. [in Russian]
5. Vinokur T.G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovanija jazykovykh edinic. [Patterns of stylistic use of linguistic units] / T.G. Vinokur. M.: Nauka, 1980. p. 153. [in Russian]
6. Njurgun Bootur Stremitel'nyj [Nyurgun Bootur the Swift] / Tekst K.G.Orosina; ed., transl, vstupid. st. and comments G.U.Jergisa. Jakutsk, 1947. 410 p. [in Russian]
7. Robbek L.V. Funkcional'no-semanticheskie osobennosti jazyka olonho (leksikograficheskij aspekt) [Functional and semantic features of the olonkho language (lexicographic aspect)] / L.V.Robbek. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. Jakutsk, 2009. 22 p. [in Russian]
8. Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Yakutsk-Russian phraseological dictionary] / comp. A.G. Nelunov. Novosibirsk: Publishing house SO RAN, 2002. Vol. I. 286 p. [in Russian]
9. Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Yakutsk-Russian phraseological dictionary] / comp. A.G. Nelunov. Novosibirsk: Publishing house SO RAN, 2002. Vol. II. 420 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.158>

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Научная статья

Громенко М.В.^{1,*}, Черникова О.Ю.²

^{1,2} Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

* Корреспондирующий автор (grommv[at]mail.ru)

Аннотация

Общество как носитель и потребитель языка не задумывается о происхождении новых слов и предложений, их усвоение всегда имеет бессознательный характер. Креолизованные тексты - неотъемлемая составляющая современных печатных средств массовой информации, которая подтверждает тенденцию современного социума к экономии языковых средств, повышению их эффективности, экспрессивности и эстетичности. В статье представлены результаты анализа креолизованного языка в современной журналистике и его функциональных особенностей. Рассматривается его ассимиляция в современном русском языке. Проведен анализ вербальных и невербальных компонентов. Освещена структура креолизованных текстов для потребностей социума.

Ключевые слова: журналистика, креолизованный текст, вербальные и невербальные компоненты, социум, информация, сенсорика.

CREOLIZED TEXTS IN THE LANGUAGE OF MODERN JOURNALISM

Research article

Gromenko M.V.^{1,*}, Chernikova O.Yu.²

^{1,2} Southwest State University, Kursk, Russia

* Corresponding author (grommv[at]mail.ru)

Abstract

Society as a native speaker and consumer of the language is not aware of the origin of new words and sentences, their assimilation is always unconscious. Creolized texts are an integral component of modern print media, which confirms the tendency of modern society to save language resources, increase their effectiveness, expressiveness and aesthetics. The article presents the results of an analysis of the creolized language in modern journalism and its functional features. It also examines its assimilation in the modern Russian language and conducts an analysis of verbal and nonverbal components. The authors highlight the structure of creolized texts for the needs of society.

Keywords: journalism, creolized text, verbal and nonverbal components, society, information, sensorics.

Введение

Глобализация современного общества является одним из главных факторов изменений информационного пространства, появления в нем новых информационных технологий. Проникновение информации, как составляющей части языкового мира, вносит определенные изменения в организацию и функционирование общественной жизни и в какой-то степени является потребностью социума. Поэтому со стороны ученых лингвистов, политологов, психологов, специалистов по теории средств массовой информации неуклонно растет интенсивность исследований языка современной журналистики. Заинтересованность проблемами журналистики в самых разнообразных лингвистических направлениях привела к тому, что практически не возникает сомнений в отнесении этого направления к одному из приоритетных: язык современной журналистики становится наиболее актуальным объектом лингвистического исследования.

Вместе с тем, данная область изучена далеко не во всех ее вопросах. Представляется необходимым подробное разграничение на виды всего многообразия языка современной журналистики и определения особенностей влияния каждого вида на социум.

Целью данной работы является выявление характерных функциональных особенностей креолизованного языка современной журналистики для потребностей социума.

Объектом исследования является современный язык журналистики. Как предмет исследования рассматриваются основные средства, которые являются составными частями креолизованного языка журналистики.

Креолизация языка современной журналистики интересует многих учёных, поскольку без информации в обществе не обходится практически ни один человек. По нашему мнению, существует два основных фактора, которые привели к появлению графических элементов в текстах современных СМИ и их интенсивному использованию. Во-первых, это стремление к экономии (передать как можно больший объем информации минимальными графическими средствами), и, во-вторых, воздействие на целевую аудиторию (аппеллирование к ее сенсорике и аналитическому мышлению). Несмотря на то, что на современном этапе наблюдаем интенсивное использование изображений в печатных СМИ, основы визуальной коммуникации были заложены около четырех тысяч лет назад, когда люди пользовались пиктографическим, идеографическим и клинописным письмом [4, С. 61]. Все письменные системы эволюционировали от пиктографических репрезентаций, которые называются пиктограммами. Каждая пиктограмма была изображением предмета или предметов (в некоторых случаях концептов), которые она представила, и, насколько нам известно, не содержала ни одного намека на произношение. Этот тип коммуникации находим как среди древних людей, так и в современном мире. Характеризуя семантическую нагрузку графических знаков, английский исследователь Д. Кристал указывает на то, что «... люди, которые создавали знаки, специально сделали их простыми. До тех пор, пока они будут напоминать нам о реальных вещах или людях, они будут работать, а по зеркальности отражения они и не предусматривались быть точными» [8, С. 89].

Одной из главных областей, где с помощью функционирующих в одном графическом пространстве изображений и слов решаются прагматические задачи, является журналистика. Дискурс журналистики определяется:

- как завершенное сообщение;
- как целый комплекс отношений, которые проявляются в процессе возникновения и функционирования информационного текста.

Современный информационный язык находится в процессе постоянного развития. Сохранение культурной среды — задача столь же существенная, как и сохранение окружающей природы [1, С. 240]. В журналистике психологическую и смысловую нагрузку одинаково распределяют между двумя составляющими - вербальным и невербальным рядами.

Термин «креолизированный», «креолизация» ссылается на буквальное его значение: креолизованный язык - язык, образовался при взаимодействии двух языков – коренного местного и колониального английского [7, С. 327].

Теория креолизованной журналистики утверждает, что эффективность информации есть результат взаимосочетания текста с образом и наоборот, при этом жертвовать ничем нельзя. Лишив вербальную часть информационного текста характерных графических признаков, картинок, иллюстраций, мы тем самым превращаем его в обычную статью, сведя эффект действия на социум к минимуму. К вербальному ряду относят имя, текст и слоган. Под невербальными составляющими понимают неречевые средства, сопровождающие вербальную коммуникацию [9, С. 136].

Дж. Брунер, ученый-психолог из Нью-Йоркского университета, в своих исследованиях акцентирует внимание на том, что наиболее эффективным способом общения является визуальный, поскольку люди помнят только 10% из того, что слышат, 20% - из того, что читают, около 80% - из того, что они видят и делают [10, С. 101]. Исследование подтверждает высокую эффективность визуальных составляющих в креолизованных текстах СМИ и оправдывает их активное использование. Такое единство делает возможным осуществление комплексного воздействия на социум, поскольку информационный сигнал посылается к основным сенсорным каналам, среди которых преобладающую роль играет зрительный. Визуальные составляющие креолизованного сообщения наделены еще и сильными манипулятивными потенциями, поскольку они не только эффектно передают контент статьи, но и могут вызывать большое количество различных трактовок, что дает широкое поле деятельности для модификации поведения целевой аудитории. Композиционно-значимыми составляющими креолизованного информационного текста являются:

- заголовок или заголовочный комплекс,
- базовый текст или "тело" сообщения,
- заключительный блок.

В структуре информационного текста важным является заголовок. Заголовок - важнейшая вербальная часть журналистики. Это своеобразный призыв для социума; от качества оформления заголовка зависит дальнейшая судьба всего текста: заставить заголовок потенциального слушателя или читателя обратиться к основному информационному тексту. Заголовок должен сообщать что-то очень важное.

Основной текст информационного обращения должен вызвать в социуме желание осмыслить информацию и побудить его к возможной деятельности: не оставаться в стороне от насущной проблемы; убедиться лично; рассказать о проблеме другим людям; переосмыслить некоторые вещи и тому подобное. Новые поколения принимают участие в новых экономических отношениях общества, становятся свидетелями, а порой и участниками возникших проблем в выполнении этических и эстетических норм общества. [2, С. 95]

Также целесообразен анализ только собственно языковых явлений, к числу которых относят иноязычные вкрапления как инновационные подходы. Тексты, содержащие иноязычные графически не ассимилированные заимствования, с точки зрения социума, не знающего иностранных языки, имеют ярко выраженный креолизованный характер. Однако следует отметить, что «... инновационные подходы нарушают традиционную философию Пайдеи о развивающейся гармонии целого, о непрерывности во времени, пространственной непрерывности». [3, С. 343], но нельзя считать, что такая потребность социума является достаточно мотивированной.

ISA подал в суд на ISU. В статье, опубликованной под таким названием в газете «Коммерсантъ», говорится о том, что *Австралийский союз конькобежцев (ISA) подал апелляцию в арбитражный суд Международного олимпийского комитета в связи с проведением чемпионата мира по фигурному катанию во французской Ницце вместо австралийского Брисбена по инициативе Международного союза конькобежцев (ISU)* (Коммерсантъ). Примечательно, что конечная гласная неизменяемой аббревиатуры ISU совпадает с фонетическим окончанием [-у], соответствующим форме винительного падежа существительных первого склонения — по-видимому, это сделано с целью ассоциировать у социума малоизвестную аббревиатуру Международного союза конькобежцев с парадигматическими рядами русского склонения.

Римейк классического черного триллера «В упор», поставленного в 1967 году Д. Бурменом, «Расплата» — по форме сумрачная стилизация, выдержанная с безупречным вкусом в духе film noir 50-х. В этом случае иноязычным вкраплением, не свойственным ни графически, ни фонетически, оказывается галлицизм film noir — детективный жанр с французской спецификой (Коммерсантъ). Это иноязычное вкрапление в рамках предложения не только иконично, но и грамматично: отсутствие графической и фонетической ассимиляции не препятствует определению его грамматического значения.

Иноязычные вкрапления широко распространены и в гастрономических статьях: *Известный итальянский ресторатор М. Пали открыл новое заведение «Адриатико»... Ресторан «Гранд-Александр» в гостинице «Мэрриот» обновил меню благодаря стараниям нового executive chief Ж. Баскулержа. <...> Но главное, чем решил удивить нас итальянский маэстро, земляк Феллини и Паваротти, — это меню в стиле haute cuisine с ярко выраженным средиземноморским акцентом»* (Коммерсантъ). Интересно, что англицизм *executive chief* в пределах сложного синтаксического целого конкурирует с галлицизмом *haute cuisine*: именно их «разноязычность» свидетельствует об иконичности иноязычных вкраплений.

Утверждать о полном засилии англицизмов можно лишь условно: когнитивно-ментальные факторы внедрения иноязычных вкраплений различны — экспансия англо-саксонской культуры является значимым, но далеко не единственным фактором. Так, к примеру, мода традиционно обслуживается французским языком [5, С. 196]: *И очень возможно, что многие из постоянных клиенток бутика, любящие pret-a-porter, в какой-то момент станут клиентками haute couture.* (Московские новости). В других случаях применение англоязычных варваризмов обусловлено определенными экстралингвистическими задачами: обычаи и практика международного политического общения требуют, чтобы им занимались люди морально устойчивые. *А вот Хадсон не устоял перед соблазнами и попал в объектив скрытой камеры, как говорят англичане, «in the very act», то есть с поличным* (Известия). В этом примере автор использует англицизм *in the very act* в целях создания иронии.

Распространение использования латиницы в качестве альтернативного графического оформления особенно выражено в рекламных слоганах: *рекламным агентством In House для ЗАО «Иберия Мотор Рус» была запущена рекламная кампания авто Seat «Chihaly mi ña crisis»*, соответствующая транслитерации русского слогана. В рекламной кампании были задействованы наружная реклама, Интернет и пресса. Особенно возрастает значение слогана при отсутствии других элементов, которые привлекают непосредственное внимание: иллюстраций, цветовых решений и тому подобное.

Выводы

Креолизованные тексты представляют собой неотъемлемую составляющую современных печатных средств массовой информации, подтверждая общую тенденцию современного поликультурного социума к экономии языковых средств, повышению их эффективности, экспрессивности и эстетичности [6, С. 57]. В современной журналистике усвоение иностранных элементов специфично: графическая ассимиляция по большей части отсутствует. Социум как носитель и потребитель языка не задумывается о происхождении новых слов и предложений, их усвоение практически всегда имеет бессознательный характер: от визуализации к иконизации, от иконизации к креолизации текста с последующим грамматическим освоением, в ходе которого не грамматическое освоение превращается в грамматическое.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Громенко М.В. Экология языка как показатель нравственности / М.В. Громенко // Образование. Инновации. Качество. Материалы V Международной научно-методической конференции. 2012. С. 240-242
2. Громенко М.В. Исследование педагогических и лингвистических аспектов моделей воспитания как проблемного поля в образовательном пространстве / М.В. Громенко, В.И. Петрухин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 1 (18). С. 94-107.
3. Громенко М.В. Языковая личность как социальное явление / М.В. Громенко, В.И. Петрухин, О.А. Букреева // Инновационная деятельность в модернизации АПК. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 3 частях. - 2017. - С. 341-344.
4. Громова Н.С. Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом / Н.С. Громова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2014. - № 8-1 (38). - С. 59-63.
5. Кузнецова А.Н. Креолизация текстов в англоязычных журналах мод / А.Н. Кузнецова, Н.Г. Горшков, А.А. Сукиасян // Сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2015. - С. 105-108.
6. Попова Т.В. Креолизация слова в современных языках как диалог языков и культур / Т.В. Попова, Ж. А. Храмушина, А. А. Шагеева // ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, - 2014. - С. 56-62.
7. Франтасова А.М. Креолизация текстов гостиничной рекламы (на материале журналов «conde nast traveller russia» и «conde nast traveller united kingdom») / А.М. Франтасова, И.Ю. Нефедова // Материалы XIX Международной научной конференции. Рязанский ГУ имени С.А. Есенина. - 2015. - С. 325-329.
8. Crystal D. A little Book of Language / D. Crystal. Cornwall: TJ International Ltd, 2011. P. 99.
9. Torres J.B. An anthropological genetic perspective on creolization in the anglophone caribbean / J.B. Torres., A.C. Stone, R. Kittles // American Journal of Physical Anthropology. - 2013. - Vol. 151. - № 1. - P. 135-143.
10. Shamina E.A. Phonetic creolisation in advertising discourse / E.A. Shamina. // Phonetics without borders: Proceedings of the 2nd International Conference Amur State University. - 2015. - P. 99-102.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gromenko M.V. Jekologija jazyka kak pokazatel' npravstvennosti [Ecology of language as an indicator of morality] / M.V. Gromenko // Obrazovanie. Innovacii. Kachestvo. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii [Education. Innovation. Quality. Materials of the V International Scientific and Methodological Conference]. 2012. pp. 240-242 [in Russian]
2. Gromenko M.V. Issledovanie pedagogicheskikh i lingvisticheskikh aspektov modelej vospitaniya kak problemnogo polja v obrazovatel'nom prostranstve [Research of pedagogical and linguistic aspects of models of education as a problem field in the educational space] / M.V. Gromenko, V.I. Petrukhin // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Linguistics and Pedagogy. 2016. No. 1 (18). pp. 94-107. [in Russian]
3. Gromenko M.V. Jazykovaja lichnost' kak social'noe javlenie [Linguistic personality as a social phenomenon] / M.V. Gromenko, V.I. Petrukhin, O.A. Bukreeva // Innovacionnaja dejatel'nost' v modernizacii APK. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh [Innovative activity in the

modernization of the agro-industrial complex. Materials of the International Scientific and Practical Conference of students, postgraduates and young scientists]. In 3 parts. - 2017.- pp. 341-344. [in Russian]

4. Gromova N.S. Kreolizacija tekstov pechatnyh SMI kak sposob manipuljacii adresatom [Creolization of print media texts as a way of manipulating the addressee] / N.S. Gromova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. - 2014. - № 8-1 (38). - Pp. 59-63. [in Russian]

5. Kuznetsova A.N. Kreolizacija tekstov v anglojazychnyh zhurnalah mod [Creolization of texts in English-language fashion magazines] / A.N. Kuznetsova, N.G.Gorshkov, A.A. Sukiasyan // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference]. - 2015. - pp. 105-108. [in Russian]

6. Popova T.V. Kreolizacija slova v sovremennyh jazykah kak dialog jazykov i kul'tur [Creolization of the word in modern languages as a dialogue of languages and cultures] / T.V. Popova, Zh. A. Khrumushina, A. A. Shageeva // Ural Federal University named after B.N. Yeltsin. Yekaterinburg, - 2014. - pp. 56-62. [in Russian]

7. Frantasova A.M. Kreolizacija tekstov gostinichnoj reklamy (na materiale zhurnalov «conde nast traveller russia» i «conde nast traveller united kingdom») [Creolization of texts of hotel advertising (based on the material of the magazines "conde nast traveller russia" and "conde nast traveller united kingdom")] / A.M. Frantasova, I.Yu. Nefedova // Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Rjazanskij GU imeni S.A. Esenina [Materials of the XIX International Scientific Conference. Ryazan State University named after S.A. Yesenin]. - 2015. - pp. 325-329. [in Russian]

8. Crystal D. A little Book of Language / D. Crystal. Cornwall: TJ International Ltd, 2011. P. 99.

9. Torres J.B. An anthropological genetic perspective on creolization in the anglophone caribbean / J.B. Torres., A.C. Stone, R. Kittles // American Journal of Physical Anthropology. - 2013. - Vol. 151. - № 1. - P. 135-143.

10. Shamina E.A. Phonetic creolisation in advertising discourse / E.A Shamina. // Phonetics without borders: Proceedings of the 2nd International Conference Amur State University. - 2015. - P. 99-102.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.159>

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О СЧАСТЬЕ: ОБЩАЯ ИДЕЯ И МОТИВ

Научная статья

Коптева Г.Г.*

ORCID: 0000-0002-0173-3586,

Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия

* Корреспондирующий автор (galla-2[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассмотрены стихотворения двух поэтов XX века – Константина Ваншенкина и Николая Заболоцкого, поэтов советского периода истории России. Стихотворения имеют общую ключевую идею: подлинное счастье обретает человек, прошедший через тяжелые жизненные испытания. Мотив страдания, пронизывающий оба произведения, при ближайшем рассмотрении позволяет сделать вывод о «полезности», «животворности» последнего для развития духовной личности. Тайна подлинной, духовной любви – это та мудрость, которая приходит к человеку на закате жизни, и данное положение получает свое подтверждение в творчестве двух известных поэтов.

Ключевые слова: счастье, душа, судьба, животворность страдания, любовь, взаимное «прорастание», главная идея.

TWO POEMS ABOUT HAPPINESS: GENERAL IDEA AND MOTIVE

Research article

Kopteva G.G.*

ORCID: 0000-0002-0173-3586,

Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia

* Corresponding author (galla-2[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the poems of two poets of the twentieth century – Konstantin Vanshenkin and Nikolai Zabolotsky, poets of the Soviet period of Russian history. The poems have a common key idea: true happiness is found by a person who has passed through life difficulties. The motif of suffering that permeates both works, upon closer examination, allows the authors to conclude that the latter is "useful", "life-giving" for the development of a spiritual individual. The secret of genuine, spiritual love is the wisdom that comes to a person at the end of life, and this position is confirmed in the works of two famous poets.

Keywords: happiness, soul, destiny, the life-giving nature of suffering, love, mutual "germination", the main idea.

Введение

Сборник стихов поэта Константина Ваншенкина «Жизнь человека», а равно и прекрасный поэтический цикл «Последняя любовь» Николая Заболоцкого, создавались ими в «поздний» период творчества. Большая часть стихотворений здесь (и там) написаны в очевидно зрелом возрасте, при наличии богатого жизненного опыта. Нет, в данном случае, какой-либо явной связи между упомянутыми именами, но безусловно можно наблюдать определенные параллели в произведениях двух русских поэтов XX века. Обратимся к стихам.

Основные результаты

«После долгих невзгод и атак...» – данное стихотворение открывает сборник. В нескольких строфах представлена целая жизнь двух близких людей, прошедших к моменту встречи определенный отрезок жизненного пути. И то, что их «столкнуло, – нежданно как» – равносильно чуду. В стихотворении нет слова «чудо», но сам характер события и значимость позволяют его подразумевать. Древняя культура четко разграничивала чудо как «результат сверхъестественного» и событие как «результат изобретения авторской воли» [7]. В общих же границах «новой культуры и литературы XX века», пишет известный литературовед Якимов Л.П., – «характер отношений между понятием Чуда и события сложился иначе. Исследователи отмечают размытость границ между Чудом и событием» [9, С. 226]. Потому и в данном случае все как будто закономерно и буднично. В стихотворении Ваншенкина реципиент видит просто двух неразлучных счастливых людей, проросших друг в друге «перекрестно», сцепившихся крепко-накрепко «корнями» душ.

После долгих невзгод и атак, –

К счастью, именно после, –

Их столкнуло, – нежданно как

Оказавшихсяazole.

Две судьбы обратили в одну,

Так свели их и свили,

Чтобы вместе и в высь, и ко дну,

И в бессилье, и в силе. [1, С. 3]

Люди на Земле так страстно и порой безрезультатно ищут друг друга, что, видимо, это событие можно приравнивать к Чуду. По крайней мере, для данных героев. Они встретились, «к счастью», тогда, когда уже хлебнули в полной мере личных проблем и пережили много разных невзгод. Умудренные негативным жизненным опытом, и вероятно, благодаря ему, они смогли, сумели сложить две неблагоприятные прежде судьбы – в одну прекрасную так,

что стали неразделимы перед лицом любой счастливой либо негативной жизненной ситуации, оставаясь всегда вместе – «и в бессилье, и в силе».

*Словно пласт плодоносной земли, –
Так ночами и днями
Перекрестно они проросли
И сцепились корнями. [1, С. 3]*

Сказано было издревле: «посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью» [Мф., 19:5]. В данном случае произошло именно это. Поддерживая друг друга в трудностях, на любом «подъеме крутом», пребывая в постоянной готовности протянуть «уставшему руку», даже отдать свою кровь родной «половинке», они прожили после встречи, не разлучаясь, достаточно продолжительную совместную жизнь. И последняя строфа стихотворения – почти итог. Герои благополучно пребывают на земле, и впереди, возможно, еще долгие совместные годы, поскольку их общая судьба («одна плоть») сложилась окончательно:

*...Вот сидят они возле стола,
Что уже приготовлен для чая,
Продолжая другие дела,
Две различные книжки читая. [1, С. 3]*

Этим двоим довольно того, что они – рядом. Вовсе не обязательно делить пополам повседневные мелкие дела, читать одну и ту же книгу. Бытовые мелочи их не разъединяют. После совместно пройденного жизненного пути, который привел их в итоге к «сегодняшнему» вечернему столу, – подобное уже неважно, настолько, подчеркивает автор, они «проросли» друг в друга. Они всегда и навсегда вместе – постоянно, ежесекундно, даже если каждый занимается своим делом.

Вот прекрасный итог совместной жизни, желанный для многих. Покоем, уютом и тихим семейным счастьем веет от поэтической зарисовки. Стихотворение не датировано, но о самом сборнике известно, что создавался он поэтом, как уже было сказано, «в последние годы». Где-то подсмотрел Ваншенкин данную ситуацию (вероятен и собственный опыт) и показал ее читателю. Преклонный возраст с неизбежностью приходит к каждому, а в этом состоянии любому хочется тепла, поддержки, понимания. Здесь – герои обрели самое необходимое. Больше, чем любовь. То, что люди должны любить друг друга – «истина прописная, вместе с тем почти никем не исполняемая» [6, С. 9], однако обретаемая с возрастом мудрость дает некую надежду в этом отношении. По крайней мере, таково «послевкусие» рецепции.

Читая строки стихотворения, опытный реципиент, скорее всего, вспомнит цикл «Последняя любовь» Николая Заболоцкого, а именно, стихотворение «Старость» – из этого цикла. Автор в нем делает аналогичное утверждение о своих персонажах: «В одно единое навеки / Слились живые души их». Стихотворение «Старость» тоже – о неразрывной духовно-душевной близости двух пожилых людей. Прочитируем его:

*Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, –
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.*

*Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят.*

*В неясной мгле существования
Был неприметен их удел,
И животворный свет страданья
Над ними медленно горел.*

*Изнемогая, как калеки,
Под гнетом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.*

*И зная малая частица
Открылась им на склоне лет,
Что счастье наше – лишь зарница,
Лишь отдаленный слабый свет.*

*Оно так редко нам мелькает,
Такого требует труда!
Оно так быстро потухает
И исчезает навсегда!*

*Как ни лелей его в ладонях
И как к груди ни прижмай, –
Дитя зари, на светлых конях*

Оно умчится в дальний край!

*Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, –
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.*

*Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь все страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло. [2, С. 234-235]*

Это стихотворение в два раза длиннее, чем рассмотренное вначале. Здесь эксплицитно обозначен не только мотив жизненных испытаний, но – мотив страдания. При этом, «союз двоих, утративший прежний накал переживаний, сохраняет ... отблеск былой полноты чувств и страстной привязанности» [3, С. 179]. Все «страшное», связанное со страстями и жизненными бурями, закончилось, уступив место мудрости и человеческой теплоте. Высота истинной, духовной любви здесь торжествует. Как пишет исследователь, «прекрасная своей подлинностью близость двоих озаряет жизнь до последней смертной черты» [8, С. 87].

Современники и заболоцковеды отмечают, что в последние годы жизни Николай Заболоцкий особенно любил стариков и детей. Это качество всегда рассматривалось людьми как проявление подлинного гуманизма. В стихотворении «Старость» человеколюбие поэта «достигает своей вершины» [5, С. 93]. Здесь абсолютно «доминирует небесное, светлое начало» [5, С. 93], здесь – «море света и духовности» [5, С. 93], на грани перехода в мир иной, когда впереди – потустороннее... В процессе создания цикла «Последняя любовь» личная драма Заболоцкого-человека переплавилась в поэтический творческий акт, реализованный в лирическом сюжете его творения. Те, кто знаком с биографией поэта, знают, какие именно события, происходившие в его личной, семейной жизни, послужили толчком к созданию прекрасного, не характерного для данной творческой личности цикла – «Последняя любовь». «В процессе этого творческого акта произошло качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для него самого и эстетический – для лирического сюжета: смысл жизни обнаруживается в ней самой, и еще – в счастье любви, способности человеческой души забывать себя для другого, отдавать, дарить тепло» [3, С. 180].

Ключевое для глубокого понимания стихотворения «Старость» и для осознания онтологического смысла всего цикла словосочетание – «*животворный* (выделено мной – Г.К.) свет страдания». Страдание неотделимо от любви, поскольку счастье человеческое – «лишь зарница, лишь отдаленный слабый свет», для поддержания которого огромный труд и титанические усилия души требуются повседневно. Как утверждает Иоанн Крестьянкин, «любовь к человеку конкретному, на нашем жизненном пути Богом данному, – дело практическое, требующее труда, усилия, борьбы с собой, своей ленью» [4, С. 219]. Обычно все попытки удержать мимолетное счастье «в ладонях» оказываются тщетными: «оно так быстро потухает и исчезает навсегда!». И диалектически закономерно на смену счастью приходит страдание. «Однако «свет» неотделимого от человеческих страстей страдания онтологически животворен, по мнению Заболоцкого, поскольку в процессе совместной жизни и «взаимопрорастания» слабые души-«калеки» учатся божественной любви, пониманию и прощению. Они идут к этому «знанию» всю жизнь – через горе и боль, изнемогая «под гнетом слабостей своих». Но на пороге перехода в *иное*, трансцендентное они, сумевшие преодолеть «все страшное», – действительно прекрасны. Души и лица стариков «светло и ровно» говорят у позднего Заболоцкого о самом главном, онтологически значимом и постигнутом, и взгляды здесь понятны без слов» [3, С. 180-181].

Заключение

Что объединяет рассмотренные стихотворения? Почему, читая первое, невольно вспомнишь второе? Очевидно, – это общая главная идея: несмотря на перенесенные страдания (или даже благодаря им), человеческие души оказываются способны обрести друг друга и подлинное человеческое счастье. Счастье – особенно ценное тогда, когда уже отошли в прошлое прежние увлечения и страсти, когда главным смыслом жизни становятся отношения, забота друг о друге и возможность прожить последние годы жизни не в одиночестве, но с близким человеком. «Тайна любви к человеку начинается в тот момент, когда мы на него смотрим без желания им обладать, без желания над ним властвовать, без желания каким бы то ни было образом воспользоваться его дарами или его личностью – только глядим и изумляемся той красоте, что нам открылась» [4, С. 219]. Это именно та мудрость, которая нередко приходит к человеку лишь на закате жизни, и она получает свое подтверждение в творчестве двух известных поэтов – в поздний период творчества.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ваншенкин К. Жизнь человека: Лирика. Баллады. Поэма / К. Ваншенкин. – М.: «Советский писатель», 1983. – 208 с.
2. Заболоцкий Н.А. Стихотворения / Сост. Н.Н. Заболоцкий. – М.: Советская Россия, 1985. – 304 с.
3. Коптева Г.Г. Эпические интенции в творчестве Николая Заболоцкого / Г.Г. Коптева : Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Сибирский федеральный университет. – Барнаул, 2011

4. Настоящий мужчина – кто он?: Сборник статей / составитель Т.Е. Григорьева. – М.: Вольный Странник, 2020. – 224 с.
5. Ростовцева И.И. "Слова - как светляки с большими фонарями...": (Н. Заболоцкий) / И.И. Ростовцева // Между словом и молчанием: О современной поэзии. – М.: Современник, 1989. – С. 50-107.
6. Ткачев А. Скромное апостольство: сборник статей / А. Ткачев. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2018. – 176 с.
7. Шатин Ю.В. Событие и чудо / Ю.В. Шатин // Дискурс. 1996. № 2.
8. Шилова К.А. Поэтика цикла Н. Заболоцкого «Последняя любовь» / К.А. Шилова // Из истории русской и зарубежной литературы XIX-XX вв. – Кемерово, 1973. – С. 159-180.
9. Якимова Л.П. Мотив чуда в романе Л. Леонова «Пирамида» / Л.П. Якимова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. Вып. 2. С. 223-239

Список литературы на английском языке / References in English

1. Konstantin V. Zhizn' cheloveka: Lirika. Ballady. Poehma [Human Life: Lyrics. Ballads. Poem] / Konstantin Vanshenkin. - М.: "Sovetsky pisatel", 1983– 208 p. [in Russian]
2. Zabolotsky N.A. Stikhotvoreniya [Poems] / Compiled by N.N. Zabolotsky. - М.: Sovetskaya Rossiya, 1985. - 304 p. [in Russian]
3. Kopteva G.G. Ehpicheskie intencii v tvorchestve Nikolaja Zabolockogo [Epic intentions in the works of Nikolai Zabolotsky] / G. G. Kopteva // Candidate's thesis. Philological Sciences. - Siberian Federal University. - Barnaul, 2011 [in Russian]
4. Nastojashhij muzhchina – kto on?: Sbornik statej [A real man – who is he?: Collection of articles] / compiled by T.E. Grigorieva. - М.: Volny Strannik, 2020. - 224 p. [in Russian]
5. Rostovtseva I.I. "Slova - kak svetljaki s bol'shimi fonarjami...": (N. Zabolockijj) ["Words are like fireflies with big - wings...": (N. Zabolotsky)] / I.I. Rostovtseva, // Mezhdz slovom i molchaniem: O sovremennoj poehzii [Between the Word and silence: On modern poetry]. - М.: Sovremennik, 1989. - pp. 50-107 [in Russian]
6. Tkachev A. Skromnoe apostol'stvo: sbornik statej [Modest Apostolate: a collection of articles] / Andrey Tkachev. - Moscow: Publishing house of Sretensk monastery, 2018. - 176 p. [in Russian]
7. Shatin Yu.V. Sobytie i chudo [Event and miracle] / Yu. V. Shatin // Diskurs [Discourse]. 1996. No. 2 [in Russian]
8. Shilova K.A. Poehtika cikla N. Zabolockogo «Poslednjaja ljubov'» [Poetics of N. Zabolotsky's "The Last Love"] / K. A. Shilova // Iz istorii russkoj i zarubezhnoj literatury XIX-XX vv. [From the history of Russian and foreign literature of the 19-20th centuries]. - Kemerovo, 1973. - pp. 159-180 [in Russian]
9. Yakimova L.P. Motiv chuda v romane L. Leonova «Piramida» [The motive of the miracle in L. Leonov's novel "Pyramid"] / L. P. Yakimova // Materialy k slovarju sjuzhetov i motivov russkoj literatury: Sjuzhet i motiv v kontekste tradicii [Materials for the dictionary of plots and motifs of Russian literature: Plot and motive in the context of tradition]. - Novosibirsk: Institute of Philology SB RAS, 1998. Issue 2, pp. 223-239 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.160>**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

Научная статья

Курчаткина О.А.*

ORCID: 0000-0001-8351-5664,

Московский Государственный Лингвистический Университет, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (79161400400[at]ya.ru)

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об идентификации реалий при переводе с испанского языка. Дифференциация реалий от нереалий может быть непростой задачей, особенно если реалии лингвокультурологически обусловлены. В числе таких испаноязычных реалий можно выделить следующие категории лексем: катойконимы, устойчивые антономазии, аббревиатуры и акронимы. Для испанского языка характерна синонимия катойконимов, причем в таких парах, как правило, один из элементов не имеет устойчивой внешней связи с соответствующим ему современным топонимом. Идентификация реалии в таком случае возможна только благодаря сформированности иноязычной культурной компетенции у переводчика, позволяющей соотнести катойконим с топонимом. Аналогичная проблема возникает при применении устойчивых антономазий как синонимов имен собственных. В случае с переводом с испанского языка идентификация реалий усложняется в связи с существованием вариантов испанского языка в разных странах и, соответственно, связанных с различными культурами.

Ключевые слова лингвокультурология, реалии, катойконимы, имена собственные, сокращения, перевод.

**LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL STIPULATION OF THE IDENTIFICATION
OF SPANISH CULTURE-SPECIFIC TERMS IN TRANSLATION**

Research article

Kurchatkina O.A.*

ORCID: 0000-0001-8351-5664,

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

* Corresponding author (79161400400[at]ya.ru)

Abstract

The article deals with the issue of identifying culture-specific terms when translating from Spanish. Distinguishing such terms can be a difficult task, especially if they are linguistically and culturologically stipulated. Among such Spanish culture-specific terms, the following categories of lexemes can be distinguished: demonyms, set antonomasia, abbreviations, and acronyms. Synonymy of demonyms is characteristic of the Spanish language, and in such pairs, as a rule, one of the elements does not have a stable external connection with the corresponding modern toponym. Identification of the terms under study, in this case, is possible only due to the formation of a foreign language cultural competence of the translator, which allows correlating a demonym with a toponym. A similar problem arises when using set antonomasias as synonyms of proper names. In the case of translation from Spanish, the identification of culture-specific terms becomes more complicated due to the existence of variants of the Spanish language in different countries and, accordingly, associated with different cultures.

Keywords linguistic culturology, culture-specific term, demonyms, proper names, abbreviations, translation.

Введение

Перевод как деятельность и как результат этой деятельности неразрывно связан с культурой. В. Н. Комиссаров называет перевод «видом языкового посредничества» [4, С. 45], а А. Д. Швейцер понимает перевод как «процесс межязыковой и межкультурной коммуникации, при котором [...] создается вторичный текст, заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [9, С. 75]. Г. В. Колшанский полагает, что «перевод как один из важнейших видов коммуникативной деятельности ориентируется прежде всего на полную и адекватную передачу языка-оригинала, содержащего всю совокупность импликаций языкового, социального и культурного плана» [2, С. 112]. Таким образом можно говорить о том, что перевод всегда предполагает соприкосновение разных миров: культур, конфессий, ментальностей.

Л. Г. Кузьмина указывает, что общая переводческая компетенция «подразумевает владение профессионалом разными видами компетенций (частными по отношению к названному общему понятию)» и отмечает, что модель переводческой компетенции, предлагаемая Европейской Комиссией, включает такой компонент, как общая культурная осведомленность и межкультурная компетенция [7].

Основная часть

Перевод реалий – одна из интереснейших задач, с которыми сталкиваются переводчики. Способы решения этой задачи достаточно хорошо изучены и описаны разными исследователями. Однако, очевидно, что для того, чтобы успешно применять эти способы или хотя бы пытаться это сделать, необходимо для начала понимать, что имеешь дело именно с реалией.

Вопрос об определении понятия «реалия» в лингвистике по-прежнему является дискуссионным. В работах разных исследователей реалии могут пониматься более узко, как наименования материальных объектов, и более широко, как

названия понятий и ситуации, связанных с историей, географией, государственным устройством, бытом и т.д. и зачастую отождествляются с безэквивалентной лексикой [5, С. 47].

Очевидно, однако, что реалии представляют собой своеобразные «опорные точки» культуры, то есть то, что отличает каждую конкретную культуру от других. В этом понимании термину «реалия», более часто используемому в отечественном переводе, соответствует термин «культурема», более распространенный в зарубежных лингвокультурологии и переводе, и, по мнению К. Норд, принадлежащий Х. Вермееру. «Культурема» Вермеера определяется как «социальный феномен культуры X, значимый для носителей этой культуры, который будучи сравненным с сопоставимым феноменом культуры Y оказывается специфическим для культуры X» [11] (перевод наш). С этой точки зрения абсолютно все реалии являются культурно обусловленными.

Идентификация реалий по-прежнему представляет собой проблему перевода. Влахов и Флорин ставят вопрос о том, как отличать реалии от нереалий, называя этот вопрос «совсем не риторическим». По их мнению, «от его правильного решения зависит в значительной степени выбор пути, по которому пойдет переводчик при передаче данного слова и его окружения» [1, С. 30].

При переводе с испанского языка на русский вопрос об идентификации и последующем переводе реалий осложняется тем, что существует большое число вариантов испанского языка в разных странах и регионах, следовательно, очень большое число реалий.

Говоря о языковой форме реалий, Влахов и Флорин относят к ним слова и номинативные словосочетания, а также сокращения. Помимо этого, они указывают на то, что реалию часто бывает сложно дифференцировать от имени собственного, так как «некоторые реалии обладают признаками имен собственных, другие стоят на границе между обеими категориями» [1, С. 12].

Л. В. Мосиенко отмечает необходимость упорядочения реалий в форме классификации, указывая, что «она дает возможность, во-первых, охарактеризовать эту специфическую лексику, дать ей определение, во-вторых, она способствует более верному решению вопросов, связанных с переводом реалий с одного языка на другой» [8, С. 157]. В рамках существующих классификаций реалии часто делятся на предметные и общественно-политические, внутри каждой из этих глобальных категорий выделяются подкатегории. Влахов и Флорин относят к предметным реалиям географические объекты, этнографические и этнические объекты и понятия, а также единицы измерения и денежные единицы. К общественно-политическим реалиям они относят термины административно-территориального устройства, названия органов власти, военные реалии и пр.

Выделим несколько категорий, или групп реалий, идентификация и последующий перевод которых представляют сложность именно потому, что имеют большую лингвокультурологическую обусловленность, чем другие.

При переводе с испанского языка особо выделяется такая группа, как катойконимы, обозначающие принадлежность к какому-либо месту, в том числе принадлежность человека – по рождению или по месту проживания. В классификации Влахова и Флорина это этнографические реалии, этнические объекты. Такие лексемы как правило являются дериватами от соответствующих топонимов. В испанском языке довольно распространена синонимия таких слов, причем, в отличие от русского языка, где синонимия возникает в первую очередь за счет различных словообразовательных моделей («пензенцы» и «пензяки»; «тверяки», «тверитяне», «тверичи», «тверчане», «тверяне», «тверцы») испанские синонимичные катойконимы, как правило, имеют разные корни: наряду с «простым» катойконимом, образованным непосредственно от названия местности (*Sevilla* → '*sevillano*'), также может существовать и неочевидный вариант (*Sevilla* → '*hispalense*'). Затруднения при идентификации реалии и ошибки в переводе в этом случае могут быть связаны с неспособностью установить связь прилагательного с современным названием города. Лингвокультурологическая обусловленность идентификации реалии состоит в знании названия античного поселения *Hispalis*, на месте которого находится современный город Севилья. Аналогично пару синонимов образуют прилагательные-катойконимы '*almeriense*' – '*urcitano*', где второй вариант образован от названия римского поселения *Urci*, существовавшего на месте современного города Альмерия, и '*abulense*' – '*avilés*', от *Abŭla* – старого варианта названия города Авила.

Отмеченные примеры представляют собой дериваты от старых, ныне не использующихся названий населенных пунктов, преимущественно римских. Как в португальском, так и в испанском языках достаточно активно употребляется лексема '*luso*' в значении «португальский, португалец» (при одновременном наличии производного от современного названия страны «Португалия»). Для носителей обоих языков её значение совершенно очевидно, поскольку '*luso*' является производным от названия исторической области Лузитания, располагавшейся на большей части современной Португалии и на значительной части современной Испании. Этот исторический факт важен для носителей указанных культур и потому хорошо им известен, однако для носителей иных культур, в частности русскоязычных, он имеет гораздо меньшее значение, поэтому сам по себе корень слова при отсутствии необходимых культурологических знаний, не позволит установить тождественность с топонимом.

Однако все приведенные нами ранее примеры позволяют переводчику предположить, что речь идет о некоей неизвестной ему реалии, потому что указанные катойконимы ('*hispalense*', '*urcitano*', '*abulense*') не имеют никакого иного общеупотребительного значения, кроме как «принадлежащий к/относящийся к городу X». Иначе дело обстоит, например, с катойконимом '*conejero*' (ср. '*lanzaroteño*'). Этот пример отличается от предыдущих тем, что, являясь результатом метонимии, имеет общеупотребительное значение («фермер, разводящий кроликов»). Катойконим обязан своим возникновением тому факту, что в XVIII веке жителей острова Лансароте, разводивших кроликов и торговавших их шкурками, так в шутку прозвали жители соседнего острова Тенерифе.

Аналогичная сложность возникает, когда переводчик, не обладающий необходимой лингвокультурологической подготовкой, сталкивается с устойчивыми антономазиями, т.е. заменой названия или имени каким-либо существенным признаком. Существуют универсальные прозвища городов, например, Вечный город (Рим), Большое яблоко (Нью-Йорк), которые являются общеизвестными и, как правило, не представляют собой трудность для перевода, но в каждой отдельной культуре существуют и свои устойчивые антономастические названия, не

являющиеся универсальными и известными за пределами этой культуры. Сложность, как и в примере с катойконимом *'conejero'*, заключается в том, что эти слова, а чаще словосочетания, можно принять за сочетание имен нарицательных. Этой ошибки можно избежать, если в рамках стратегии по переводу имени собственного придерживаться рекомендаций Д. И. Ермоловича и дифференцировать имя собственное от имени нарицательного [2, С. 240]. Обязательное для этого условие состоит в том, чтобы антономатическое название было написано с прописной буквы, что не всегда происходит, как видно, если ориентироваться на примеры из СМИ, см. например: *'de paseo por la ciudad de las tres culturas'* – исп. букв. «прогуливаясь по городу трёх культур», где *'la Ciudad de las tres culturas'* – распространенное антономатическое название города Толедо; *'el balcón del Atlántico'* – исп. букв. «балкон Атлантики» – прозвище Ла-Коруньи или *'la sartén de Andalucía'* – исп. букв. «андалусийская сковорода» – метафорическое название города Эсиха, являющегося полюсом тепла Испании.

Более прозрачными для идентификации являются случаи, когда антономатическое название включает родовое понятие, как, например, *'la Ciudad Condal'* – Графский город – Барселона. Здесь даже незнание реалии не обязательно приведет к ошибке при переводе, поскольку буквальный перевод «графский город» как минимум дает понять, что речь идет именно о городе. Более сложные примеры – *'La tacita de plata'* – «серебряная чашечка», ласковое наименование города Кадис в Испании, или «героическое» название колумбийской Картахены, которая в 1815 году выдержала 105-дневную осаду, за что Симон Боливар и назвал ее «Героическим городом» – *'La ciudad heroica'*. От этого названия впоследствии осталось только прозвище *'la Heroica'*, из которого ушло собственно родовое понятие – «город».

Примеров реалий такого типа и сходных с ними языковых единиц в испанском языке обнаруживается очень много. Они представляют собой серьезную, порой непреодолимую, трудность для устного перевода, ограниченного во времени и в возможности использования справочных средств, но также могут вызвать затруднения и при письменном переводе.

В качестве третьей группы реалий, которые имеют высокий уровень лингвокультурологической обусловленности, необходимо назвать сокращения разных типов – аббревиатуры и акронимы. Особенно сильно это проявляется в ситуациях, когда, когда такие сокращения совпадают по форме с именами нарицательными, либо когда форма таких сокращений позволяет смешать их с другими классами слов. В качестве примера можно привести аббревиатуру *'AVE'* = *Alta Velocidad Española*, которая представляет собой название системы высокоскоростного железнодорожного сообщения в Испании. Отмечен пример, когда это имя собственное в виде аббревиатуры было написано строчными буквами и полностью совпало, таким образом, с именем нарицательным *'ave'* – «птица», что привело к переводческой ошибке.

Заключение

Поскольку географические и этнографические реалии представляют собой наиболее обширные группы реалий, а также, как видно из примеров выше, обладают свойствами, которые генерируют определенный потенциал для переводческой ошибки, необходимо отметить важность формирования иноязычной культурной компетенции у переводчика в связи с проблемой перевода реалий. Этого возможно достичь за счет установления приоритета в отношении лингвокультурологической и лингвострановедческой подготовки переводчиков. В настоящее время лингвострановедческая подготовка будущих переводчиков является вторичной по отношению к языковой подготовке, что влечет за собой дисбаланс между формированием собственно языковых компетенций и иноязычной культурной компетенции. Можно предложить путь усиления интеграции лингвострановедческих дисциплин в языковые дисциплины с тем, чтобы обучающиеся параллельно получали знание о культуре или культурах изучаемого языка и речевой навык в соответствующих сферах.

Также необходимо повысить роль теоретических дисциплин, таких как лексикология и стилистика, в лингвострановедческой и лингвокультурологической подготовке переводчиков. В рамках этих дисциплин дается представление о лексическом многообразии языка, а также о возможностях языка в отношении метафорического и метонимического переосмысления понятий, как источника формирования лексических ресурсов.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Международные отношения, 1980. – 342 с.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи / Д. И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2005 — 416 с.
3. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. М.: Наука — 1980. — 154 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Конколь М. М. Понятие языковой реалии в отечественной и зарубежной лингвистике / М. М. Конколь // Россия и Запад: диалог культур. 2018. № 19. С. 47-50.
6. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7-13.
7. Кузьмина Л. Г. Развитие общекультурной компетенции как одно из направлений совершенствования иноязычной подготовки будущих переводчиков / Л. Г. Кузьмина // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира. Сборник тезисов Международной научной конференции. Международная научно-

исследовательская лаборатория «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», Высшая школа перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. – С. 36-38

8. Мосиенко Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Л. В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11 (49). С 155-161.

9. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988.

10. Bravo-García, E.M. América en la clase del español. Del contenido cultural al PSYCHOFACT / Bravo-García, Eva María // Los estereotipos culturales hispánicos y sus implicaciones didácticas. Núm 21. 2015. [Electronic resource]. URL: <https://marcoele.com/descargas/21/estereotipos.pdf> (accessed 12.11.2021)

11. Nord, C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained / C. Nord. Manchester: St. Jerome Publishing. 1997.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Vlahov S. I. Neperevodimoe v perevode [The untranslatable in translation] / S. I. Vlahov, S. P. Florin. – Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 342 p. [in Russian]

2. Ermolovich D. I. Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh"yazykovej peredachi [Proper names: theory and practice of cross-lingual translation] / D. I. Ermolovich. – М.: R.Valent, 2005 — 416 p. [in Russian]

3. Kolshanskij G. V. Kontekstnaya semantika. [Context semantics] / G. V. Kolshanskij. М.: Nauka — 1980. — 154 p. [in Russian]

4. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty).[Theory of translation. Linguistic aspects] / V. N. Komissarov. – М.: Vysshaya shkola, 1990. – 253 p. [in Russian]

5. Konkol' M. M. Ponyatie yazykovej realii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike [Language realia notion in Russian and foreign linguistics] / M. M. Konkol' // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. [Russian and the West: Cultural dialogue] 2018. № 19. pp. 47-50. [in Russian]

6. Kretov A. A., Fenenko N. A. Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of realia] / A. A. Kretov, N. A. Fenenko // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics]. 2013. № 1. pp. 7-13. [in Russian]

7. Kuz'mina L. G. Razvitie obshhekul'turnoj kompetencii kak odno iz napravlenij sovershenstvovaniya inoyazychnoj podgotovki budushix perevodchikov [General cultural expertise as one of ways of improvement of translators training] / L. G. Kuz'mina // Podgotovka perevodchikov: analiz sistem i podxodov v stranax mira. Sbornik tezisev Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mezhdunarodnaya nauchno-issledovatel'skaya laboratoriya "Teoreticheskie i prikladnye problemy perevodovedeniya", Vysshaya shkola perevoda Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. [Translators training: analysis of approaches and systems in different countries. Materials of International academic conference. International research laboratory "Theoretical and practical problems of translation". Higher school of translation of N.A. Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University]. 2021. – pp. 36-38 [in Russian]

8. Mosienko L. V. Lingvokul'turologicheskaja problema klassifikacii realij [Linguistic and cultural problem of realities classification] / L. V. Mosienko // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of Orenburg State University] 2005. № 11 (49). pp. 155-161 [in Russian]

9. Shvejcer A. D. Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty [Theory of translation: Status, problems, aspects] / A. D. Shvejcer. – М.: Nauka, 1988. [in Russian]

10. Bravo-García, E.M. América en la clase del español. Del contenido cultural al PSYCHOFACT [America in the Spanish class. From cultural content to PSYCHOFACT] / Bravo-García, Eva María // Los estereotipos culturales hispánicos y sus implicaciones didácticas [Hispanic cultural stereotypes and their didactic implications]. Núm 21. 2015. [Electronic resource]. URL: <https://marcoele.com/descargas/21/estereotipos.pdf> (accessed 12.11.2021) [in Spanish]

11. Nord, C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained / C. Nord. Manchester: St. Jerome Publishing. 1997.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.161>**ФУНКЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

Научная статья

Коннова О.В.^{1,*}, Хабарова Ю.И.², Саулебаева А.Н.³¹ ORCID: 0000-0002-3456-6278;² ORCID: 0000-0002-3668-7708;³ ORCID: 0000-0002-9676-128X;^{1, 2, 3} Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

* Корреспондирующий автор (vip.konnova[at]bk.ru)

Аннотация

Заимствования являются основным способом обогащения терминологии, в частности медицинской терминологии. Однако, в последнее время использование иноязычных терминов стало неоправданно частым. Термины перестали отвечать основным требованиям, а именно однозначности, точности, отсутствию полисемии и независимости от контекста, а также отсутствию эмоциональной окраски. В данной статье рассматриваются основные функции терминов и анализируются функции терминов иноязычного происхождения. Проводится подробный анализ заимствованных терминов с точки зрения их структуры, семантики и происхождения. Рассматриваются особенности терминов англоязычного происхождения, а также различные процессы, происходящие с иноязычными терминами в течении их ассимиляции в русском языке.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, термины, функции терминов, аббревиации.

FUNCTIONS OF BORROWINGS IN MEDICAL TERMINOLOGY

Research article

Konnova O.V.^{1,*}, Khabarova Y.I.², Saulebaeva A.N.³¹ ORCID: 0000-0002-3456-6278;² ORCID: 0000-0002-3668-7708;³ ORCID: 0000-0002-9676-128X;^{1, 2, 3} Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

* Corresponding author (vip.konnova[at]bk.ru)

Abstract

Borrowing is the main way to enrich terminology, including the terminology of the medical field; however, recently the use of foreign language terms in the Russian language has become unreasonably frequent. The terms no longer meet the basic requirements, namely unambiguity, accuracy, lack of polysemy, and independence from context, as well as the absence of emotional coloring. This article discusses the main functions of terms and analyzes the functions of terms of foreign language origin. The authors also conduct a detailed analysis of borrowings in terms of their structure, semantics and origin. The study examines the features of terms of English origin, as well as various processes occurring with foreign-language terms during their assimilation within the Russian language.

Keywords: borrowings, English borrowings, terms, functions of terms, abbreviations.

Введение

В различные исторические периоды функции заимствований несколько отличались. Согласно исследованиям А.М. Бабкина иноязычные заимствования, зафиксированные в текстах конца 19 века, свидетельствуют о принадлежности к определенному социальному уровню и нередко употребляются для того, чтобы оскорбить собеседника и подчеркнуть собственное превосходство. Также подобный прием использовался с целью привлечения внимания к собственному выступлению, возбуждению интереса к определенной информации или личности, желанием подчеркнуть ее важность и превосходство.

В научной терминологии ситуация с употреблением заимствований несколько иная. В научной сфере использование иноязычных слов свидетельствует об активном взаимодействии различных культур и о развитии науки и технического прогрессе, при этом заимствования являются неотъемлемой частью терминологического фонда.

В различные периоды, в различных отраслях сферы науки можно было отметить заимствования из различных языков, но чаще всего это были слова немецкого или французского происхождения (*нем.* корнцанг, шпатель, штапфер, бор, шизофрения и др., *франц.* терренкур, акушер, канюля, пипетка, кюретка и др.)

Основные результаты

Сегодня большинство заимствований представляют собой слова английского происхождения. Но, говоря о функциях заимствованной лексики в научной терминологии, следует вспомнить о функциях терминологии в целом.

По мнению одних ученых (Г.О. Винокур, А.А. Реформатский), терминология - это лишь часть общелитературного языка, где любое слово может быть термином в зависимости от ситуации его использования и наоборот. Некоторые ученые выделяют терминологию как отдельную независимую подсистему (В.М. Лейчик, В.П. Даниленко). Однако не стоит отрицать, что терминология обладает определенными функциями, отличающими ее от других пластов лексического фонда [8, С. 24].

Безусловно, основная функция терминологии – номинативная, но эта функция характерна для существительных, призванных указывать на определенные понятия, раскрывая его значение и тем самым относя его к определенной сфере науки, производства или техники.

Другая немаловажная функция – коммуникативная. Чаще всего прибегая к использованию заимствований, коммуниканты стремятся к детализации или спецификации понятия. Надо отметить, что использование заимствований в данном случае осуществляет его основную направленность, а именно стремление однозначности. Однако, следует помнить, что использование иностранных слов в подобной ситуации может привести к недопониманию в случае, если второй участник диалога не знает его значение [5]. Например, все известные словари и энциклопедии не дают перевода или объяснения значения слов «валидизация» или «индигенный». Или такое слово как «агропедоценоз», состоящее из трех корней: агро (греч. agros – поле; соответствует значению «агрономический»), педо (греч. pais (paidos) – дитя); ценоз (греч. koinos – общий). Таким образом, читатель должен понимать, что это есть не что иное, как «совокупность детей, населяющих общий участок среды обитания» [10].

Термин должен быть широко распространен и хорошо известен, поскольку термин выражает результат научного труда и является «вербализацией инициального контекста» [2].

Помимо основных функций терминов, заимствованным терминам присуща эмоционально-экспрессивная функция. И хотя термин должен быть стилистически нейтрален эта черта присуща заимствованным терминам и вызывает негативную реакцию у большинства случаев. Особенно, когда употребление заимствованных терминов необоснованно сточки зрения присутствия в русском языке соответствующих эквивалентов: «пролонгированный» вместо «длительный», «верифицированный» вместо «точный», «симультантный» вместо «одновременный» и т.д. [5].

Но все чаще заимствования стали применяться для привлечения внимания даже в научном обществе, например, в названии международной научно-практической конференции в г. Санкт-Петербург «Инновационный потенциал современной науки как драйвер устойчивого развития». Здесь мы можем отметить не только междисциплинарную интеграцию термина «драйвер». Все-таки данное слово впервые появилось в компьютерной терминологии: «Драйвер – программа управления внешним устройством компьютера». Однако, употребляется и в экономике, и в лингвистике со значением «катализатор, ускоритель». В психологи данный термин имеет следующее значение «поведенческое проявление сценарных посланий от родителей к ребенку», образовано от англ. driver – кучер, другими слова и руководящий сценарием [11]. Термин настолько благополучно прижился в русской терминологии, что даже стал многозначным. Но вернемся к названию конференции, неужели оно перестало бы быть привлекательным или менее заметным, если вместо слова «драйвер» было бы употреблено слово «ускоритель», или на плохой конец, «катализатор», насколько уместно и необходимо употребление данного термина в этом контексте? В настоящее время все чаще появляются термины, которые сложно определить к какой-то определенной терминологии, такие как «скрининг», «мониторинг», «эрадикация», «стриппинг», «ресетинг» и др. [9]. Термины давно потеряли свою однозначность и мы все чаще сталкиваемся с явлением полисемии, например, такие термины как «реципиент» и «донор», давно перестали относиться только к медицине и используются в лингвистике в значении «язык, отдающий новое слово и язык, получающий», а про то, что термин «толерантность» изначально был только медицинским термином со значением «способность организма адаптироваться к ядовитым веществам или лекарственным препаратам» вообще мало кто знает [3].

На сегодняшний день английский язык остается основным источником пополнения терминологического фонда русского языка. Безусловно, повышенный интерес к англоязычной лексики не случаен. Использование подобного рода заимствований не только обогащает словарный запас, но и свидетельствует о высоком уровне осведомленности говорящего, демонстрирует определенную социальную принадлежность.

В медицинской терминологии заимствованная лексика весьма разнообразна по своей структуре. Чаще всего заимствованные термины представляют собой транскрипцию или транслитерацию английских слов: «скаффолд» от англ. Scaffold – последовательность контигов, расположенных и ориентированных в порядке их расположения на хромосоме, «контиг» от англ. «contig» или «contiguous» представляет собой набор перекрывающихся сегментов ДНК, которые в совокупности представляют собой консенсусную область ДНК [7].

Также огромно количество составляют термины-гибриды, представляющие собой сочетания русских терминов и заимствований: белки- сидерофоры, эффлюкс – система и т.д.. Однако среди подобного рода симбиотических сочетаний можно встретить и термины, состоящие из аббревиации и полноценного термина: toll – рецептор, Т-лимфоциты, G- белки, р – гликопротеин, NOP – рецептор. Не менее часто встречаются неадаптированные аббревиатуры английских терминов: MDRP1 – multiple drug resistant protein1, LEAP – liver expressed antimicrobial peptide [4].

Подобного рода аббревиации иногда проходят ассимиляцию и становятся общепризнанными терминами, например термин «нетоз» образовано от аббревиации NET – Neutrophil Extracellular Trap и английского термина «apoptosis» [12]. Данные гибридные термины встречаются нечасто, однако, за последнее время количество таких терминов стало увеличиваться.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что языковые преобразования нашего времени, как уже было сказано, вызваны социальной ситуацией - открытостью современного общества для международных контактов, что обусловило массовое вхождение в русский язык заимствований, так как язык "живет и меняется вместе с обществом, которому служит, подчиняясь ему и воздействуя на него" (Л.Ферм) [1]. Русский язык не впервые сталкивается с необходимостью воспринять из международного опыта полезную информацию в виде иностранных слов. И как показал история, большинство иноязычных слов адаптировались к условиям «обитания» в русском языке и при этом мне потерял своей красоты и уникальности. Остается надеяться, что сегодня происходит нечто подобное и это лишь один из этапов обогащения русского языка.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Валгина, Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
2. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур. – М., 1996. Влияние иностранных слов на русский язык [Электронный ресурс]. – URL: <https://pandia.ru/text/80/392/1238.php>. (дата обращения: 23.10.2018)
3. Величко О.В. Англо-французские заимствования в научной медицинской прозе / О.В. Величко. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, – Астрахань, – 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diss.seluk.ru> (дата обращения: 23.10.2018)
4. Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний / Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. М., 2003.
5. Земская Е.А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века / Е.А. Земская. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 23.10.2018)
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: ЭКСМО, 2003. – 831 с.
7. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни / Л.П. Крысин // Русский язык конца 20 века. – М., 1996. – 240 с.
8. Крысин Л.П. О русском языке наших дней / Л.П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002.
9. Попов, Р.Н. Новые слова и словосочетания в языке современной прессы / Р.Н. Попов // Русский язык в школе. – 1996. – №1. – С. 70-73.
10. Розен, Е.В. Новые слова и словосочетания в русском языке / Е.В. Розен. – М., 1991. – 204 с.
11. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь И. Б.Голуб, М. А. Теленкова. – М.: Арис-пресс, 2008. – 448 с.
12. Словарь современных понятий и терминов. – М.: Республика, 2001. – 528 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Valgina, N.S. Sovremennyj russkij yazyk [Modern Russian language] / N.S. Valgina, D.E. Rosenthal, M.I. Fomina. - M.: Logos, 2002. - 528 p. [in Russian]
2. Vinokur G.O. Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu [Notes on Russian word formation] / G.O. Vinokur– M., 1996. The influence of foreign words on the Russian language [Electronic resource]. - URL: <https://pandia.ru/text/80/392/1238.php>. (accessed: 23.10.2018) [in Russian]
3. Velichko O.V. Anglo-francuzskie zaimstvovaniya v nauchnoj medicinskoj proze [English-French borrowings in scientific medical prose] / O.V. Velichko. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sciences, - Astrakhan, - 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.diss.seluk.ru> (accessed 23.10.2018) [in Russian]
4. Zakharenko, E. N. Novy'j slovar' inostranny'x slov: 25000 slov i slovosochetaniy [New dictionary of foreign words: 25,000 words and phrases] / E. N. Zakharenko, L. N. Komarov, V. I. Nechaev. M., 2003. [in Russian]
5. Zemskaya E. A. Aktivny'e processy v russkom yazy'ke poslednego desyatletiya XX veka [Active processes in the Russian language the last decades of the twentieth century] / E. A. Zemskaya. [Electronic resource]. URL: <http://www.gramota.ru> (accessed: 23.10.2018) [in Russian]
6. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of consciousness] / S.G. Kara-Murza. - M.: EKSMO, 2003– - 831 p. [in Russian]
7. Krysin L.P. Inoyazy'chny'e slova v sovremennoj zhizni [Foreign words in modern life] / L.P. Krysin // Russkij yazy'k konca 20 veka [Russian language of the end of the 20th century]. - M., 1996. - 240 p. [in Russian]
8. Krysin L.P. O russkom yazy'ke nashix dnei [About the Russian language of our days] / L.P. Krysin // Izmenya yushhijsya yazy'kovo'j mir [Changing language world]. Perm, 2002. [in Russian]
9. Popov, R.N. Novy'e slova i slovosochetaniya v yazy'ke sovremennoj pressy [New words and phrases in the language of the modern press] / R.N. Popov // Russkij yazy'k v shkole [Russian language at school]. - 1996. - No. 1. - pp. 70-73. [in Russian]
10. Rosen, E.V. Novy'e slova i slovosochetaniya v russkom yazy'ke [New words and phrases in the Russian language] / E.V. Rosen. - M., 1991– - 204 p. [in Russian]
11. Rosenthal, D. E. Sovremennyj russkij yazy'k [Modern Russian language] / D. E. Rosenthal, I. B. Golub, M. A. Telenkova. - M.: Aris-press, 2008. - 448 p. [in Russian]
12. Slovar' sovremenny'x ponyatij i terminov [Dictionary of modern concepts and terms]. - M.: Republic, 2001. - 528 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.188>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО СТРАНОВЕДЕНИЮ

Научная статья

Лазарева А.А.^{1,*}, Хабдаева А.К.²

¹ Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия;

² Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

* Корреспондирующий автор (lazanna.bsu[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена важности овладения иностранными учащимися социокультурной компетенцией на занятиях русского языка. В статье рассматриваются разнонаправленные формы работы с произведениями русской литературы на занятиях русского языка как иностранного по дисциплине «Страноведение». Авторы статьи раскрывают основные трудности работы с оригинальной русской литературой в иноязычной аудитории, которые имеют место, независимо от уровня владения иностранными студентами русским языком. Ими подчеркивается важность лингвокультурологического аспекта изучения русской литературы, особенно на начальном и среднем этапах обучения русского языка как иностранного. В статье отмечается важность познавательной функции в работе с литературными источниками: когда наибольшее внимание уделяется не содержанию и художественной ценности литературного произведения, а именно ценным для иностранных студентов лингвострановедческим знаниям, которые содержатся в нем. При этом авторы приводят в качестве примера возможные варианты заданий как для работы с лексикой, так и с элементами литературного анализа.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская литература, лингвокультурологический аспект, фоновые знания, социокультурная компетенция.

LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECT OF FOREIGN STUDENTS' WORK WITH RUSSIAN LITERATURE IN REGIONAL STUDIES

Research article

Lazareva A.A.^{1,*}, Khabdaeva A.K.²

¹ Buryat State University, Ulan-Ude, Russia;

² Baikal State University, Irkutsk, Russia

* Corresponding author (lazanna.bsu[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the importance of mastering socio-cultural competence by foreign students in Russian language classes. The study examines the Russian as a foreign language classes in the discipline "Regional Studies" in different forms of work with Russian literature. The authors of the article determine the main difficulties of working with the original Russian literature in a foreign-language audience, which occur regardless of the foreign students' level of proficiency in Russian. The authors emphasize the importance of the linguistic and cultural aspect of the study of Russian literature, especially at the initial and secondary stages of teaching Russian as a foreign language. The article notes the importance of cognitive function in working with literary sources: when the focus is not on the content and artistic value of a literary work but to the linguistic and cultural knowledge that is valuable for foreign students. At the same time, the authors provide examples of possible options for tasks both for working with vocabulary and with elements of literary analysis.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian literature, linguistic and culturological aspect, background knowledge, socio-cultural competence.

Как известно, обучение русской литературе в иностранной аудитории сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, элементарный, базовый и даже Первый пороговый уровень знания русского языка ограничивает возможности изучения русской литературы иностранными студентами в полной мере. Во-вторых, для преподавателей представляет трудность выбор собственно литературных произведений: какие именно из них следует выбрать в огромном списке даже очень известных и популярных произведений. Зачастую язык классики слишком сложен для понимания, а современная литература иногда не дает ясного понимания традиционных культурных ценностей российской культуры. [5, С.171]. Кроме того, она также сложна для восприятия иностранной аудиторией по причине использования большого количества современной разговорной лексики. Третья трудность вытекает из двух предыдущих – малое количество учебных пособий по русской литературе, разработанных с учетом разных уровней владения языком, разных методических целей, разных литературных направлений и др.

Очевидно, что как предмет русская литература может полноценно изучаться уже на продвинутом этапе обучения РКИ, где достаточное владение студентами русским языком может обеспечить понимание оригинальных литературных текстов, проникновение в суть произведения, умение осознать замысел автора, возможность проанализировать стихотворение, рассказ, возможность работать с большим объемом новой лексики и т. д. И всё же преподаватели не могут откладывать изучение литературы до достижения учащимися определенного языкового уровня. Соответственно, адаптированные и/или переработанные литературные тексты иностранные студенты изучают и на среднем и, фрагментарно, на начальном этапе обучения русскому языку. [10, С.313].

Такого рода работа со специально подготовленными учебными текстами ведется, в том числе, и в рамках дисциплины «Страноведение». Однако, в этом случае изучение литературы не является собственно целью занятий, но дает возможность, иностранным студентам прикоснуться к русской литературе, начать свое знакомство с ней, а

преподавателям позволяет образно и многосторонне осветить заданную страноведческую тему, «украсить» ее соответствующими литературными образами.

В связи с этим, необходимо отметить важность лингвокультурологического аспекта изучения русской литературы на занятиях РКИ. Понимание особенностей социальной, культурной среды при чтении пусть адаптированного, но все же художественного произведения необходимо учащимся для постепенного приближения к культурному сознанию носителей языка. [1, С.210]

На определенном этапе изучение иностранного языка становится невозможным без получения дополнительных знаний о стране изучаемого языка. Именно поэтому преподаватель РКИ обращается к учебным материалам по лингвострановедению, которые могут дать «фоновые знания» об истории страны, о геополитическом и экономическом устройстве, об отдельных городах, наиболее показательных по мнению авторов. И литературные произведения являются не менее важными носителями информации об определенной культурной среде. [8, С.276].

Однако, данная методика работает и в обратную сторону. А именно, часто страноведческая тема может быть существенно дополнена литературными произведениями одного или нескольких авторов, возможно использование не только тематического, но и хронологического подхода внутри одной темы. Так, например, страноведческая тема «Москва – столица России» на среднем этапе обучения может быть проиллюстрирована и дополнена работой с разнообразными небольшими литературными произведениями и/или отрывками известных произведений.

В качестве пожелания рекомендуются такие произведения, как: В. Я. Брюсов «Стародавняя Москва», А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (отрывки), М. Ю. Лермонтов «Бородино» (отрывок), И. Эренбург «Есть город с пыльными заставами...», М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» (отрывок), М. И. Цветаева «У меня в Москве – купола горят», С. Я. Маршак «Победа», Ю. Визбор «Александра», А. Удалова «Люблю тебя, красивая Москва» и др.

Подборка может быть выстроена в хронологическом порядке или может быть привязана к тексту, к тем достопримечательностям, о которых идет речь в учебном тексте. Оформленная в формате ppt, подборка позволяет полностью посвятить один урок подтеме «Москва в произведениях русских поэтов и писателей» и дает возможность:

1. познакомить студентов с разными известными литературными именами России, показать их связь с Москвой во временном пространстве;
2. акцентировать внимание студентов на значимых событиях, которые имели место в Москве (напр., нашествие французской армии в 1812 г.), на важных архитектурных и исторических объектах (Кремль);
3. отметить характерные особенности Москвы (город на семи холмах, множество церквей);
4. почувствовать атмосферу разных исторических эпох в одном городе (Древняя Русь, Москва пушкинского времени, конец 19 в. – начало 20 в.);
5. проследить трансформации столицы России (масштабная застройка Москвы в советское время);
6. отметить некоторые составляющие литературного анализа.

В рамках этой работы возможны такие задания, как

- **ответьте на вопросы** (в этих заданиях осуществляется проверка информированности, информирование по необходимости, развертывание информации, связи со страноведческой темой, привязка к конкретным реалиям):

1. Слышали/читали ли вы это произведение раньше? Хорошо ли вы его понимаете? Есть ли перевод этого произведения на ваш родной язык?
2. Что вы знаете об авторе? В какое время он жил? Как вы думаете, как автор связан с Москвой? Знаете ли вы о музеях/музеях в Москве, имеющих отношение к этому автору? Знаете ли вы другие произведения этого автора?
3. К какому историческому периоду вы отнесете это произведение? Как вы это поняли? Что вы знаете об этом времени? Какие важные события происходили в это время в России? А в вашей стране? и др.

- **работа с лексикой** (в этих заданиях осуществляется семантизация слов, возможна работа с синонимами-антонимами, уделяется внимание словообразовательному аспекту, пониманию образов, расширению лексико-семантического поля страноведческой темы в целом):

1. Какие слова вы услышали впервые? Что они означают? Есть ли похожие слова в вашем языке?
2. Вы хорошо понимаете, что значит слово...? Какое похожее слово вы знаете? От какого знакомого вам слова образовано это (слово)?
3. Что обозначает суффикс в этом слове? (напр., *лачужка*) Образуйте другие слова с этим суффиксом (в основе – слова из данного произведения), и др.
4. Как вы можете перевести это слово на родной язык? (задание на перевод)

- **фрагментарный анализ литературного произведения** (такие задания помогают студентам научиться обращать внимание на некоторые составляющие литературного анализа):

1. Прочитайте название стихотворения. Как вы его понимаете? Знают ли это стихотворение в вашей стране?
2. О чем это стихотворение? От лица какого человека/каких людей говорит автор?
3. Где происходит действие? В какое время? Что вы знаете об этом месте, об этом времени?
4. Какими словами автор описывает ...? (какие существительные/прилагательные/глаголы... автор использует при описании ...) С кем/чем автор сравнивает ..., как вы думаете, почему?
5. Опишите то, что вы увидели, что вы представляли, когда читали/слушали это стихотворение, и др.

Задания могут быть предложены как целостными тремя блоками, так и частично, даже разрозненно, в зависимости от учебной группы, от цели урока, и др.

В такой работе преподаватель обращает внимание в первую очередь не на содержание и художественную ценность выбранного литературного произведения – эта сторона здесь вторична, но именно на страноведческую ценность такого материала. Для этого настоятельно предлагается оформлять предлагаемые литературные отрывки в фото/видео-сопровождении, использовать картины русских художников, отрывки музыкальных произведений, оформлять материал в виде презентаций, т. е. максимально использовать наглядность для быстрого понимания предлагаемого текста.

Однако имеет место и работа с лексикой, и, частично, литературная работа. И, конечно, на занятии могут предлагаться задания на различные виды речевой деятельности: произведения могут предлагаться для прочтения, для аудирования, и, далее, для развития устной (реже письменной) речи.

Таким образом, работа с литературными произведениями и/или их отрывками на уроках РКИ по страноведению существенно способствует овладению учащимися социокультурной компетенцией, т.е. знаниями социокультурного контекста, так называемые «фоновые знания» страноведческого и лингвокультурологического характера, что является одной из важных задач процесса обучения любому иностранному языку. Следовательно, лингвокультурологию, применяемую в том числе как один из подходов к изучению художественных текстов в практике РКИ, несомненно, следует считать неотъемлемой частью методических программ, нацеленных на глубокое освоение русского языка [7, С.184].

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Афанасьева С. Н. О роли языковой картины мира в обучении русскому языку как средству общения / С.Н. Афанасьева // Вестник Чувашского университета, 2018. – № 2. – С. 203-210.
2. Бердникова О. А. Современная русская литература: круг чтения иностранных студентов / О. А. Бердникова // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. Сборник материалов IV-ой международной научно-практической конференции (28-30 января 2016г.), Воронеж: «Научная книга», 2016. – С.274-279.
3. Дерягина С. И. Русский язык для журналистов / С. И. Дерягина. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 112 с.
4. Ефимов А. И. Об изучении языка художественных произведений: книга / А.И. Ефимов. – М., 1952. – 143с.
5. Касьянова В. М. Русская классическая литература на занятиях по РКИ / В. М. Касьянова // Преподавание русского языка как иностранного в вузе: опыт и перспективы / науч. ред. М. В. Беляков, Н. Д. Афанасьева. М.: Изд-во МГИМО, 2018. С. 171-175.
6. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / А. А. Миролюбов, Н. Д. Гальскова, И. Л. Бим и др.; Под ред. А. А. Миролюбова. - Обнинск: Титул, 2010. – 462 с.
7. Опарина Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия / Е. О. Опарина // Язык и культура: сб. обзоров. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1999. С. 183-187
8. Панина Е. И. Лингвокультурологический подход к изучению русской классической литературы иностранными студентами / Е. И. Панина // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2019 – Том 12. Выпуск 2. С.276–279.
9. Поморцева Н. В. Лингвокультурная адаптация иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку в условиях языковой среды: социально-психологический аспект / Н. В. Поморцева // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2008. – № 5. – С. 69-75.
10. Старостина О. В. О некоторых особенностях изучения художественных произведений на занятиях по РКИ / О. В. Старостина // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся : Сборник материалов IV-ой международной научно-практической конференции (28-30 января 2016г.), Воронеж: «Научная книга», 2016. – С.312-315.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Afanasyeva S. N. O roli yazykovoy kartini mira v obuchenii russkomu yaziku kak sredstvu obsheniya [About the role of the linguistic worldview in teaching Russian as a means of communication] / S.N. Afanasyeva // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Chuvash University Bulletin]. – 2018. – № 2. – P. 203-210. [in Russian]
2. Berdnikova O. A. Sovremennaya russkaya literatura: krug chteniya inostrannih studentov [Modern Russian literature: the reading circle of foreign students] / O. A. Berdnikova // Problemi prepodavaniya philologicheskikh distsiplin inostrannim uchashimsya [Problems of teaching philological disciplines to foreign students] /Sbornik materialov IV-oy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28-30.01.2016), Voronezh: «Nauchnaya kniga», 2016. – P.274-279. [in Russian]
3. Deryagina S. I. Russkii yazyk dlya zhurnalistov [Russian for journalists] / S. I. Deryagina. – M.: Russkii yazyk:kursi, 2011. – 112 p. [in Russian]
4. Efimov A. I. Ob izuchenii yazyka khudozhestvennykh proizvedeniy: kniga [About learning the language of works of art: the book] / A. I. Efimov. – M., 1952. – 143p. [in Russian]
5. Kasyanova V. M. Russkaya klassicheskaya literature na zanyatiyah po RKI [Russian classical literature in the Russian classes] / V. M. Kasyanova // Prepodavaniye russkogo yazyka kak inostrannogo v vuze: opit I perspektivi [Teaching Russian as a foreign language at a university: experience and prospects] / ed. M. V. Belyakov, N. D. Afanasyeva. M.: Publishing house of MGIMO, 2018. P. 171-175. [in Russian]
6. Metodika obucheniya inostrannim yazykam^ tradicii I sivremennost [Methods of teaching foreign languages: traditions and modernity] / A. A. Mirolubov, N. D. Galskova, I. L. Bim et al.; ed. A. A. Mirolubova. - Obninsk: Titul, 2010. – 462 p. [in Russian]
7. Oparina E. O. Lingvokulturologiya: metodologicheskiye osnovaniya I bazoviye ponyatiya [Linguoculturology: methodological foundations and basic concepts] / E. O. Oparina // Yazyk I kultura: sb. obzorov [Language and culture: collection of reviews]. M.: INION RAS Publishing House, 1999. P. 183-187. [in Russian]

8. Panina E. I. Lingvokulturologicheskii podhod k izucheniyu russkoy klassicheskoy literature inostrannimi studentami [Linguoculturological approach to the study of Russian classical literature by foreign students] / E. I. Panina P.276–279. [in Russian]

9. Pomortseva N. V. Lingvokulturnaya adaptatsiya inostrannih uchashihhsya v protsesse obucheniya russkomu yaziku v usloviyah yazikovoy sredi: sotsialno-psihologicheskii aspekt [Linguistic and cultural adaptation of foreign students in the process of learning Russian in a language environment: socio-psychological aspect] / N. V. Pomortseva // Vestnik RUDN, seriya Voprosi obrazovaniya: yaziki i spetsialnost [Bulletin of the RUDN, series Questions of education: languages and specialty], 2008. – № 5. – P. 69-75. [in Russian]

10. Starostina O. V. O nekotorykh osobennostyakh izucheniya khudozhestvennykh proizvedeniy na zanyatiyakh po RKI [About some features of the study of works of art in the Russian classes] / O. V. Starostina // Problemi prepodavaniya filologicheskikh distsiplin inostrannim uchashimsya / Sbornik materialov IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Problems of teaching philological disciplines to foreign students] /Sbornik materialov IV-oy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28-30.01.2016), Voronezh: «Nauchnaya kniga», 2016. – P.312-315. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.162>**КОНЦЕПТЫ «LIGHT» И «DARKNESS» В ПРЕДВЫБОРНОЙ РЕЧИ ДЖО БАЙДЕНА**

Научная статья

Латыпова Ю.А.*

ORCID: 0000-0002-5327-2726,

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

* Корреспондирующий автор (dzhulija.latipova[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности употребления образных концептов «light» и «darkness» в предвыборном политическом дискурсе Джо Байдена. Актуальность исследования предвыборного политического дискурса определяет главенствующая роль сферы *политики* в жизни отдельного человека и общества. Политика контролирует все явления социальной жизни и неразрывно связана с организацией жизни в обществе. Политическая власть посредством языковых средств и приемов, внедряет в массовое сознание выгодные для себя взгляды, мнения, способы действий. Основная цель политической коммуникации – манипуляция общественным сознанием, которая позволяет захватить, удержать и осуществлять политическую власть. С целью воздействия на избирателя, политические деятели используют различные речевые приемы и языковые средства, позволяющие создавать у адресата определенную модель мира, пробуждать необходимые ассоциации и эмоции, подталкивающие их к «правильному» выбору.

Ключевые слова: политика, политический дискурс, политический предвыборный дискурс, манипуляция, концепт, архетип, метафора.

THE CONCEPTS OF "LIGHT" AND "DARKNESS" IN JOE BIDEN'S ELECTION SPEECH

Research article

Latypova Yu.A.*

ORCID: 0000-0002-5327-2726,

Bashkir State University, Ufa, Russia

* Corresponding author (dzhulija.latipova[at]yandex.ru)

Abstract

The article discusses the features of the use of figurative concepts "light" and "darkness" in Joe Biden's pre-election political discourse. The relevance of the study of pre-election political discourse is determined by the dominant role of the sphere of *politics* in the life of an individual and society. Politics controls all aspects of social life and is inextricably linked with the organization of life in society. By using linguistic means and techniques, political power introduces into the mass consciousness views, opinions, and methods of action that are beneficial to it. The main purpose of political communication is the manipulation of public consciousness, which allows for seizing, retaining and exercising political power. In order to influence the voter, politicians use various speech techniques and language tools that allow the addressee to create a certain model of the world, to invoke the necessary associations and emotions that push them to the "right" choice.

Keywords: politics, political discourse, political election discourse, manipulation, concept, archetype, metaphor.

Введение

Предвыборный политический дискурс осуществляется в политических дискуссиях и сражениях, отражает жесткую конкурентную борьбу между кандидатами на государственный пост. В ходе предвыборной гонки за пост президента перед избирателем всегда будет разворачиваться осознанное столкновение политических дискурсов, целью которого является борьба за власть. В ходе предвыборной гонки, политическому лидеру необходимо разработать план действий, стратегию и тактику дискуссии. Кандидат в президенты должен анализировать ситуацию, просчитать количество потенциальных сторонников, противников и избирателей, как своих, так и оппонента, а также прогнозировать ожидаемый эффект своего речевого воздействия на сознание избирателей [1].

Избирательная кампания разворачивается в определенном месте и времени, поэтому предвыборный дискурс отражает социально- идеологические условия, свойственные государству на определенном этапе развития. Все это определяет содержание, стратегии, характеристики, риторику предвыборной речи. Речь политического лидера должна уметь затронуть эмоции масс, его высказывания должны укладываться в картину мира и систему ценностей адресатов политического дискурса. Искусный политический деятель развивает свой дискурс, и активно использует известные широким массам архетипы, символы, метафоры, образные выражения.

Выбор специфики языковых средств играет важную роль в предвыборной речи политического деятеля. Для достижения определенных целей, политики используют те или иные концепты в своей речи. По мнению Ю.С.Степанова концепты – «это «просто фразы», обрывки фраз и узелков, но это «тонкие фразы», такие, за которыми в нашем сознании, возникает как бы уже давно знакомое содержание». В.И. Карасик определяет лингвокультурный концепт как «культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентирами, принятыми в соответствующей лингвокультуре» [2], [4].

Основная часть

В предвыборной кампании на пост президента в 2020 году, целью Джо Байдена, как и любого политического лидера, является привлечь как можно больше сторонников, побудить их проголосовать на выборах за демократическую партию. Джо Байден, в своей предвыборной речи, для эмоционального воздействия на избирателей и формирования у них определенного отношения к существующим политическим реалиям, прибегает к давно

известным мифологическим символам «light» и «darkness». Архетипы «light» и «darkness» - одни из самых древних базовых оппозиций, существующих сознании человека, с одной стороны противопоставлены друг другу, но при этом неразделимы и синкретичны: одно перетекает в другое. У многих народов представлены мифы о происхождении света, победившего тьму – хаос, о борьбе света и тьмы. Подобные первичные архетипы способны пробудить в подсознании потенциального американского избирателя скрывающиеся за ними древние знания и ощущения.

В основу понятийного значения оппозиции «light» и «darkness» легло всем известное свойство и действие этих явлений: видимое излучение (свет)/отсутствие видимого излучения (тьма). Концепты «light» и «darkness» способны рождать множества производных значений. «Light» ассоциируется с самыми приятными ощущениями: добром, знанием, вечностью, ясностью, надеждой, любовью, мудростью и т.д. В то время, как символ «darkness» способен вызывать негативное отношение у носителя любой культуры, оно связано с врожденным ощущением зла, невежества, неясности, концом, безнадежности, грусти, глупости. Оппозиция «light» и «darkness» глубоко пронизывает все наше мышление и может служить основой множества метафорических переносов при осмыслении абстрактных понятий.

Настоящие выборы главы Белого дома США протекают в особо нелегкое время для страны. Общество разделилось на два непримиримых лагеря: сторонниками демократов, со своими либеральными идеями и сторонниками республиканцев – хранителями консерватизма. Эту, итак напряженную социально-политическую ситуацию в США, еще усугубила пандемия, экономический кризис и безработица. Убийство чернокожего американца усилила проблему расового неравенства в стране и вылилось в уличные массовые протесты и разгромы по всей стране. В стране воцарил настоящий хаос, словно это не одна, а две Америки, живущие в разных мирах, с разными ценностями.

Мы проанализировали выступление Джо Байдена на Национальном съезде Демократической партии (21.08.2020), его предвыборную речь в Геттисберге (06.10.2020), выступление в ходе кампании в Атланте, Джорджии (27.10.2020), выступления в ходе кампании в Атланте, Уорм-Спрингс в штате Джорджия (27.10.2020), предвыборную речь (03.10.2020).

Оппозиция «light» и «darkness» отражает два противоположных мира в предвыборной речи Джо Байдена: мир «реальный», существующий во «мраке» и мир «потенциальный», стремящийся к «просветлению». Концепт «darkness» в речи Джо Байдена связывается с образом его политического противника - Дональдом Трампом. Концепт «darkness» используется политиком для того, чтобы сформировать негативный образ действующего президента и содержит в себе концептуальные признаки: «тьма – это тревожное состояние», «тьма – это страх», «тьма – это неизвестность», «тьма – это разделение общества», «тьма - это прошлое», «тьма – это бесконечность» и т.д. Концепт «light» имеет противоположную, позитивную окраску в политическом дискурсе Джо Байдена, как образ идеального мира, к которому должна стремиться Америка. Он связывает свою кандидатуру с «верой», «надеждой», «любовью», «облегчением», «объединением» и т.д.

Джо Байден, в своей речи подчеркивает, что именно Дональд Трамп погрузил Америку во «тьму» надолго: *“The current president has cloaked America in darkness for much too long. Too much anger. Too much fear. Too much division”* [9]. Джо Байден, для усиления образа «мрака», в своей речи использует негативно окрашенные лексемы: “anger”, “fear”, “division”. В своей речи, кандидат от демократов напрямую обвиняет нынешнего хозяина Белого Дома в отсутствии «света в темном туннели», в том, что он не справляется с пандемией и безработицей: *“Millions of people are out of work on the edge. They can’t see the light at the end of the tunnel. And Donald Trump has given up. Over the weekend, his chief of staff of the White House said, I quote, “We’re not going to control the pandemic” [11]. “These are the dark days that we have ever experienced”* [13].

Джо Байден считает себя гарантом изменений, дает обещание, что именно он осветит путь для изменений: *“Give people light and they will find a way. Give people light”* [9]. Кандидат в президенты от демократов противопоставляет образы «light» и «darkness» через сравнение: “the best” (лучшее) и “the worst” (худшее): *“Here and now, I give you my word: If you entrust me with the presidency, I will draw on the best of us not the worst. I will be an ally of the light not of the darkness”* [9]. Как мы видим из его речи, он считает себя союзником «света».

Джо Байден агитирует избирателей прийти на выборы и проголосовать за него: *“.... there’s a light at the end of the tunnel, a chance to turn things around and get our country back where it belongs. It will happen one month from today on November 3rd when we have a chance to elect a man who has always been with us, a working class guy from Scranton, Pennsylvania, who will restore decency and honesty to the White House”* [13]. Метафорическое выражение *“the light at the end of the tunnel”* намеренно используется Джо Байденом поскольку ассоциируется в сознании реципиента с просветом в темноте, надеждами на улучшение. В данном контексте значение “the light” означает «движение к свету», «долгожданное облегчение».

Описывая светлое будущее страны, которое настанет с приходом демократов, Джо Байден, укрепляет образ «света» используя позитивно окрашенные лексемы: “hope” (надежда), “love” (любовь): *“It’s a moment that calls for hope and light and love. Hope for our futures, light to see our way forward, and love for one another”* [9]. Выход из затянувшегося «сезона тьмы» настанет, когда народ выберет: “hope” (надежду) вместо “fear” (страха), “facts” (факты) вместо “fiction” (вымысла), “fairness” (справедливость) привилегий “privilege” (привилегиями): *“We will choose hope over fear, facts over fiction, fairness over privilege”* [9]. Победа над «силами тьмы» настанет тогда, когда народ объединится и перестанет делать ошибки: *“It’s time for us, for We the People, to come together. For make no mistake. United we can, and will, overcome this season of darkness in America”. “Or we can choose a different path, and together, take this chance to heal, to be reborn, to unite. A path of hope and light”* [9].

Настоящие ценности Д.Байден видит в прошлом Америки, к которым необходимо вернуться. Свою миссию, кандидат от демократов, видит в объединении людей и возвращении к истокам демократии: *“You and I are part of a covenant, a common story of divisions overcome and hope renewed. If we do our part, if we stand together, if we keep faith with the past and with each other, then the divisions of our time will give way to the dreams of a brighter, better future. This is our work. This is our pledge. This is our mission. We can end this era of division. We can end the hate and the fear”* [12].

“Lincoln said, “The nation is worth fighting for.” So it was. And so it is, together as one nation under God, indivisible. Let us join forces to fight the common foe of injustice and inequality, hate and fear” [11].

Заключение

Выборы 2020 в США – это не просто предвыборная гонка двух кандидатов, а историческая борьба двух противоположных идей, планов и стратегий, проходящая в условиях острого социально-экономического кризиса в стране. От исхода выборов зависит будущее страны, которая сейчас переживает настоящий раскол в обществе на два противоборствующих лагеря. В процессе политической коммуникации с избирателями Джо Байден пытается донести свои мысли до адресата используя метафорическую оппозицию «light» и «darkness», которые скрыто символизируют «темное прошлое» и «светлое будущее». Таким образом, кандидат в президенты от демократов завуалировано призывает отказаться от «темных дней», возникших при Дональде Трампе, и голосовать за «светлое будущее», которое настанет с приходом Джо Байдена.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: на материале английского языка / О. В. Гайкова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
2. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5—20.
3. Латыпова Ю.А. Манипулятивный потенциал эвфемизмов (на материале публицистических текстов) / Ю.А. Латыпова, З.В. Тодосиенко // Казанская наука. №12 2019г. – Казань: Издательство ашин Сайнс, 2019. С.77-80.
4. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. М., 2007.
5. Суханов Ю.Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / Ю.Ю. Суханов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018 Vol. 9 No 1 200—212
6. Сушков В.В. Анализ концепта «RUSSIA» в предвыборных речах Х.Клинтон и Д.Трампа / В.В. Сушков // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №9. 2017. С.106-111.
7. Халатян А.Б. Предвыборный дискурс / А.Б. Халатян // Политическая лингвистика. Ставрополь. 2011. № 2. С. 180—187.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — Волгоград, 2000.
9. Joe Biden's full 2020 Democratic National Convention speech. [Electronic resource]. – URL: <https://www.cnn.com/2020/08/21/joe-biden-dnc-speech-transcript.html> (accessed: 12.11.2021)
10. Joe Biden's campaign speech in Gettysburg, PA (October 6). [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-gettysburg-campaign-speech-transcript-october-6> (accessed: 12.11.2021)
11. Joe Biden's Campaign Speech in Atlanta (October 27) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-atlanta-georgia-october-27> (accessed: 12.11.2021)
12. Joe Biden held a campaign event in Warm Springs, Georgia on October 27. [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-warm-springs-ga-october-27> (accessed: 12.11.2021)
13. Joe Biden's Campaign Speech (October 3) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-october-3> (accessed: 12.11.2021)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gaikova O. V. Predvybornyy diskurs kak zhanr politicheskoy kommunikatsii: na materiale angliyskogo yazyka [Pre-election discourse as a genre of political communication: based on the material of the English language]: extended abstract of Candidate's thesis. Philology / O. V. Gaykova Volgograd, 2003 [in Russian]
2. Karasik V.I. O tipakh diskursa [On the types of discourse] / V. I. Karasik // Jazykovaja lichnost': institucional'nyjj i personal'nyjj diskurs [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd: Peremena, 2000. Pp. 5-20 [in Russian]
3. Latypova Yu.A. Manipulativnyjj potencial ehvfemizmov (namateriale publicisticheskikh tekstov) [Manipulative potential of euphemisms (based on journalistic texts)] / Yu. A. Latypova, Z. V. Todorienko // Kazanskaya nauka . No.12, 2019 - Kazan: Publishing house ashin Sajjns, 2019, pp.77-80 [in Russian]
4. Stepanov Yu.S. Koncepty. Tonkaja plenka civilizatsii [Concepts. A thin film of civilization] / Yu. S. Stepanov. M., 2007 [in Russian]
5. Sukhanov Yu.Yu. Politicheskij diskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo analiza [Political discourse as an object of linguistic analysis] / Yu. Yu. Sukhanov // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya jazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics]. 2018 Vol. 9 No 1 200—212 [in Russian]
6. Shushkov V.V. Analiz koncepta «RUSSIA» v predvybornykh rechakh Kh.Klinton i D.Trampa [Analysis of the concept of "RUSSIA" in the election speeches of H.Clinton and D. Trump] / V. V. Shushkov // Nauchno-prakticheskijj ehlektronnyjj zhurnal Alleja Nauki [Scientific and practical electronic journal Alley of Science] No. 9. 2017, pp.106-111 [in Russian]
7. Khalatyan A.B. Predvybornyy diskurs [Pre-election discourse] / A. B. Khalatyan // Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]. Stavropol. 2011. № 2, pp. 180-187 [in Russian]
8. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse] / E. I. Sheygal. - Volgograd, 2000 [in Russian]

9. Joe Biden's full 2020 Democratic National Convention speech. [Electronic resource]. – URL: <https://www.cnn.com/2020/08/21/joe-biden-dnc-speech-transcript.html> (accessed: 12.11.2021)
10. Joe Biden's campaign speech in Gettysburg, PA (October 6). [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-gettysburg-campaign-speech-transcript-october-6> (accessed: 12.11.2021)
11. Joe Biden's Campaign Speech in Atlanta (October 27) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-atlanta-georgia-october-27> (accessed: 12.11.2021)
12. Joe Biden held a campaign event in Warm Springs, Georgia on October 27. [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-warm-springs-ga-october-27> (accessed: 12.11.2021)
13. Joe Biden's Campaign Speech (October 3) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-october-3> (accessed: 12.11.2021)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.163>

ОФОРМЛЕНИЕ ДАННЫХ ОБ АДРЕСАНТЕ В ЧЕЛОБИТНЫХ XVII ВЕКА

Научная статья

Леонова Ю.Ю.*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

* Корреспондирующий автор (jjleo[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу оформления данных об адресанте, входящих в начальный протокол формуляра челобитных XVII в. Широкий охват русской действительности XVII в., богатство бытовыми подробностями обеспечивают разнообразие лексико-фразеологического фонда челобитных и делают их интереснейшим объектом для лингвистического и документоведческого анализа. Выбор челобитных для лингвистического анализа отвечает запросам современной антропоцентрической парадигмы, сфокусировавшей внимание на адресате и адресанте документа.

Ключевые слова: деловая письменность XVII в., челобитная, документ, формуляр, реквизит, адресант, формула вассальной зависимости.

ON THE COMPOSITION OF DATA ABOUT THE ADDRESSEE IN THE PETITIONS OF THE 17TH CENTURY

Research article

Leonova Yu.Yu.*

Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

* Corresponding author (jjleo[at]yandex.ru)

Abstract

The article features an analysis of the composition of the information about the addressee included in the initial protocol of the chelobitnaya (petition) form of the 17th century. The wide coverage of the Russian reality of the 17th century, the extensive records of everyday details provide a variety of lexical and phraseological fund of petitions and make them a compelling subject for linguistic and documentary analysis. The choice of petitioners for linguistic analysis meets the demands of the modern anthropocentric paradigm, which focuses attention on the sender and recipient of the document.

Keywords: business writing of the 17th century, petition, document, form, reference details, addressee, formula of vassal dependence.

Введение

В XVII в. любое обращение с просьбой от низшего к высшему, например, к царю, феодалу-вотчиннику, помещику или духовному владыке, оформлялось как униженное прошение в форме челобитной. Содержание челобитных было обусловлено самыми разнообразными житейскими, бытовыми ситуациями. Так как челобитные использовались и в официально-деловой и в частно-деловой практике, они делятся соответственно на официально-деловые и частно-деловые челобитные.

Материалом для нашего исследования послужили 789 текстов челобитных XVII века. Рассмотренные нами челобитные охватывают всю территорию Московского государства XVII в. Адресантами анализируемых челобитных были представители различных социальных групп русского общества XVII в. Социальные функции челобитных: просьба, жалоба, заявление обусловили широкое и массовое использование этого документа представителями различных социальных слоев русского общества XVII в. для защиты своих интересов.

Челобитные неоднократно привлекались в качестве источника для изучения лексики деловой письменности различных областей Московского государства XVII в.: воронежской (Жарких, 1953; Соколова, 1956; Хитрова, 1972), рязанской и смоленской (Борисова, 1979), донской (Качалкин, 1963), пермской (Полякова, 1979), беломорской (Елизаровский, 1958), южновеликорусской XVI – XVIII вв. (Котков, 1970), московской (Садыхлы, 1972) и др. Лексический материал челобитных рассматривался также в работах по фразеологии: Самойлова, 1969; Селиванов, 1973; Шулежкова, 1967 и др., словообразованию: Воронцова, 1953; Лобанов, 1950 и др. и другим аспектам языка памятников XVII в. Однако в упомянутых исследованиях лексика и фразеология челобитных выступают в одном ряду со словарем разного рода грамот, указов, воеводских наказов, отписок, приказных памятей, судебных актов и многих других памятников эпохи, а также частных писем. Отличительные черты челобитных как документов особого рода отмечались лишь вскользь, при общей характеристике актовых материалов. Не ставился вопрос о соотношении в челобитных лексико-фразеологических элементов, которые носят устойчивый характер, повторяются из документа в документ и употребляются относительно свободно, о степени использования традиционно-книжной лексики и фразеологии, о стилеобразующих средствах этого вида актов, их структуре и формуляре. Не проводилось социолингвистических исследований на материале челобитных XVII в.

Решение поставленных в работе задач осуществлялось на основе применения таких методов и приемов исследования как: описательный, источниковедческий, сравнительно-сопоставительный методы, формулярный анализ, приемы функционального и стилистического анализа, количественных подсчетов.

Основные результаты

Анализ текстов челобитных XVII в. показал следующее:

Формула адресанта не выделяется из текста и входит в заголовок – начальный протокол челобитной XVII в. Она включает собственное имя челобитчика, приложение – формулу вассальной зависимости и нераспространенные или

распространенные приложения, уточняющие личность челобитчика. Ее строение в формуле адресанта традиционно. Данные об адресанте челобитных представляют группу подлежащего в предложении-формуле начального протокола.

Подлежащим во вводной формуле выступает имя адресанта в уничижительно-пренебрежительной форме, отчество (или именование по отцу) и фамилия или прозвище. Эти сведения всегда сопровождаются приложением – формулами, выражающими вассальные отношения, применение которых было строго регламентировано; *Холоп твой (ваш)* у служилых людей разных сословий, *сирота твой (ваш)* у крестьян, *раба (сирота) твоя (ваша)* у женщин в зависимости от отношения к сословию, *богомалец твой (ваш)* у священнослужителей всех рангов, *богомолница твоя (ваша)* у монахинь. Формулы эти могли дополняться согласованным определением – прилагательными *государев*, *царский* или несогласованным определением – словосочетанием *великого государя*: Царю бьет челом *холоп твой Занко Ляпунов с сынишкой своим с Сечкою* [1]; Црю... бьет челом *сирота твои Игнашка Дмитриев сын* [2]; Царю... бьет челом *богомалец твой государев старец Григорище*, иконописец [4].

Использование формул вассальной зависимости в челобитных традиционно. Эти формулы относятся к стилистическим и эмоционально-экспрессивным средствам рассматриваемых документов. Они входят в употребление в челобитных с середины XVI в., их возникновение связано с утверждением на Руси самодержавия. Имеющиеся в составе формул существительные *холоп*, *сирота*, *раба*, (*богомалец*, *богомолница*) употребляются не в собственных своих значениях, известных в русском языке XI-XVI вв.: *холоп* 'крепостной крестьянин', *сирота* 'крестьянин', *раба* 'рабыня' и 'холопка', *богомалец* 'священнослужитель', *богомолница* 'монахиня', а в значении 'безусловно покорный (-ая), верноподданный (-ая)'.

Случаи пропуска формулы вассальной зависимости единичны и объясняются либо недосмотром, либо недостаточным навыком автора (писца) в оформлении документов.

В некоторых случаях пропуск этой формулы может быть объяснен другими причинами. Формула вассальной зависимости могла отсутствовать в челобитных эпохи Смутного времени на имя светских правителей. Формула *холоп твой* 'верноподданный' не встречается в челобитных на имя духовных властителей. В частно-деловых актах формула вассальной зависимости отсутствует в челобитных одного феодала другому.

В некоторых крестьянских челобитных помещикам устаревшее слово *сирота* заменяется в формуле вассальной зависимости словом *крестьянин*.

Формулы вассальной зависимости не только служат для выражения отношений подчиненности челобитчика тому лицу, к которому он обращается с просьбой, но и представляют собой социальную характеристику. Каких-либо территориальных вариантов этих формул в челобитных XVII в. не обнаружено.

В большинстве челобитных собственное имя адресанта уточняется сообщением о нем дополнительных данных. Все эти сведения характеризуют социально-сословную принадлежность челобитчика, намеченную в общих чертах в формуле вассальной зависимости. Они располагались между этой формулой и личным именем. В предложении – начальном протоколе челобитной – это нераспространенные или распространенные приложения к подлежащему и выражаются именем существительным или сложным термином. Редки случаи, когда дополнительные сведения об адресанте представляют собой причастный оборот или придаточное определительное предложение. Лексика, входящая в эту часть начального протокола, – его переменный элемент и относится к активной социальной, служебно-должностной, профессиональной и прочим терминологиям эпохи.

Отдельно рассматриваются коллективные и индивидуальные челобитные.

В коллективных официально-деловых челобитных личные имена челобитчиков отсутствуют, вместо них употребляются наименования тех социальных групп, от имени которых направляется акт: *Царю... бьют челом холопы твои дворяне московские и дворяне и дети боярские розных городов* [10]. В других челобитных рядом с наименованием сословной или служебной категории челобитчиков ставится собственное имя и должностное наименование представителя данной группы в сочетании с творительным падежом множественного числа существительного товарищ: *Царю... бьют челом холопы твои донские казаки, атаман казачей Васька Ус с товарищи* [7].

В индивидуальных челобитных одиночные нераспространенные определения только изредка использовались для уточнения личности челобитчика, обычно такие приложения пояснялись согласованными и несогласованными определениями.

В качестве характеристики личности челобитчика могли выступать два, три и более нераспространенные или распространенные приложения – названия лица по месту жительства, социальному положению, профессии или занятию и другим признакам.

Название лица по месту жительства и по его отношению к определенной социальной группе населения Московской Руси XVII в.: *Царю... бьет челом сирота твоя государева смольнянин торговой человек Куземка Иванов сын Красильник* [5]; название лица по месту жительства и профессии: *Царю... бьют челом и плачутца сироты твои государевы костромичи каменщик Евсейко Степанов да кирпичник Тишка Первого сын* [9]; название лица по государственной принадлежности и по профессии: *Царю... бьет челом иноземец кружевного дела мастер Онтошка Тамсан* [3].

В частно-деловых челобитных два приложения к личному имени отмечены только в двух случаях.

Три и четыре приложения встретились в нескольких официально-деловых челобитных: *Царю... бьет челом иноземец литовской купец могилевец Микитка Михайлов сын Турута* [6]; *Царю... бьет челом... сирота твоя государева иноземец литвин торговый человек полочанин Кондратко Яковлев сын* [10].

Заключение

Таким образом, челобитные – один из интереснейших объектов для лингвистического и документоведческого анализа. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке курса истории русского литературного языка, спецкурсов и спецсеминаров по теории коммуникации,

лингвистическому источниковедению, исторической стилистике, лингвистике делового текста, документоведению, архивоведению, лингвокультурологии.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–3. – СПб., 1841.
2. Акты Московского государства / Под. ред. Н.А. Попова, Д.Я. Самоквасова. Т. 1-3. – СПб., 1890-1901.
3. Акты о быте помещиков и крестьян в XVII в. Крестьянские челобитные / В. Борисов. – М., 1859.
4. Акты писцового дела (1644-1661) / Сост. акад. С.Б. Веселовский. – М., 1977.
5. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / Под ред. А. И. Яковлева. Ч. I и II. – М., 1940-1945.
6. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд.: Археограф. комиссии. – СПб., 1838.
7. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археограф. Комиссией / Под. ред. Н. Калачова. Т. 1-3. – СПб., 1857-1884.
8. Грамотки XVII - начала XVIII века / Под ред. С.И. Коткова. – М., 1969.
9. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 1-12. – СПб., 1846-1875.
10. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича / Под. ред. Л.М. Сухотина. – М., 1915.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej [Historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1-3. - St. Petersburg, 1841 [in Russian]
2. Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of the Moscow State] / Edited by N.A. Popov, D.Ya. Samokvasov. Vol. 1-3. - St. Petersburg, 1890-1901 [in Russian]
3. Akty o byte pomeshhikov i krest'jan v XVII v. Krest'janskije chelobitnye [Acts on the life of landowners and peasants in the 17th century. Peasant petitioners] / V. Borisov. - M., 1859 [in Russian]
4. Akty piscovogo dela (1644-1661) [Acts of scribal business (1644-1661)] / compiled by S.B. Veselovsky, – M., 1977 [in Russian]
5. Akty khozjajstva bojarina B.I. Morozova [Acts of the boyar B.I. Morozov's household] / Edited by A. I. Yakovlev. Vol. I and II – M., 1940-1945 [in Russian]
6. Akty juridicheskie ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva [Legal acts or a collection of forms of ancient office work]. Archaeographic Commission - St. Petersburg, 1838 [in Russian]
7. Akty, odnosjashiesja do juridicheskogo byta drevnejj Rossii [Acts relating to the legal life of ancient Russia]. Archaeographic Commission / Edited by N. Kalachov. Vol. 1-3. - St. Petersburg, 1857-1884 [in Russian]
8. Gramotki XVII - nachala XVIII veka [Letters of the 17th - beginning of the 18th century] / Edited by S.I. Kotkov – M., 1969 [in Russian]
9. Dopolnenija k Aktam istoricheskim, sobrannym i izdannym Arheograficheskoy komissiej [Additions to historical Acts, compiled and edited by Archaeographic Commission]. Vol. 1-12. - St. Petersburg, 1846-1875 [in Russian]
10. Pervye mesjacy carstvovanija Mikhaila Fedorovicha [The first months of the reign of Mikhail Fedorovich] / Edited by L.M. Sukhotin. - M., 1915 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.164>

ОСОБЕННОСТИ ОЛЬФАКТОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЯКУТСКОМ ТЕКСТЕ

Научная статья

Ноева С.Е.*

ORCID: 0000-0002-2957-5233,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (Noyeva79[at]mail.ru)

Аннотация

Цель статьи – изучение специфики ольфакторной коммуникативной образности в якутских текстах (на примере фольклорных, этнографических материалов). Задачи исследования: выявление специфики культурного феномена запаха в якутских текстах, определение функций запаха в ментальном ландшафте саха. Учитывая, что система культурной ольфакции не получила по сей день должного внимания в якутской науке, новизна данного исследования очевидна. Интерес автора направлен на практику *окультуривания запаха*, которое рассматривается в качестве одного из основных способов идентификации, закрепления статуса человека в пространстве. Рассматривается роль запаха не только в профанном пространстве, но и в сакральном мире.

Ключевые слова: ольфакция, картина мира, окультуривание запаха, якутский текст.

FEATURES OF OLFACTORY COMMUNICATION IN YAKUT TEXT

Research article

Noeva S.E.*

ORCID: 0000-0002-2957-5233,

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (Noyeva79[at]mail.ru)

Abstract

The purpose of the article is to examine the specifics of olfactory communicative imagery in Yakut texts on the basis of folklore and ethnographic materials. Research objectives include identifying the specifics of the cultural phenomenon of smell in Yakut texts and determining the functions of smell in the mental landscape of Sakha. The novelty of this study is evident considering that the system of cultural olfaction has yet to receive due attention in Yakut science. The author's interest is aimed at the practice of *cultivating the smell*, which is considered as one of the main ways to identify, consolidate the status of a person in an environment. The role of smell is examined not only in the profane space, but also in the sacred world.

Keywords: olfaction, worldview, cultivation of smell, Yakut text.

Введение

Исследование ольфакторной (от лат. olfaction – обоняние) коммуникации в этой статье продиктовано проблемой поэтики запаха в культуре, привлекающей в последнее время большой интерес в науке, что отражается в трудах лингвистов, литературоведов, социологов, культурологов и др. [1], [2], [8], [10]. Понятие запаха (по якутски ‘сыт-сымар’) на физиологическом уровне глубоко связано с мировосприятием человека саха, считающим себя неотъемлемой частью природы. Запах связывает его с животным миром, где нюх имеет особое значение в метке территории, создании зоны безопасности, в поиске партнера. Обнюхивание (‘сыллаһыы’, ‘сыттаһыы’) в личностных отношениях в тюрко-монгольской культуре может быть определено тесной связью человека с природой.

Одориристическая картина якутского мира имеет несколько уровней – *ольфакции природного пространства* (запахи воды, растительности, животных и др.), *запахи культурно-бытового мира* (запахи еды, камелька, табака и др.), *физиологические ольфакции* (запах человеческого тела, пота, испражнений и др.), *запахи ирреальной сферы* (запахи злых духов).

Основные результаты

Окультуривание запаха в якутской картине мира имеет важное значение как определенный знак присутствия человека в пространстве. Стоит согласиться с М.А. Епанешниковой, которая в своей статье отмечает, что «вся история человечества – это процесс «окультуривания» запаха» [3, С. 101]. В фольклорном тексте говорится, что Омогой, странствующего по свету, привлек в первую очередь приятный теплый запах. Он в поисках лучших земель «*поднялся на западную сопку, стал приноживаться, поворачиваясь то к северу, то к югу. Так, улавливая сверху приятное дуновение и запах растений теплого края*» [7, С. 48-49], Омогой на плоте пришел на долину Туймада и стал прародителем народа. Точно так же особой способностью к вчувствованию обладал отец Элэя, указавший сыну путь на север, вкусив аромат земли: «*По пути, лежа в суме, старик Татаар Тайма велел сыну дать ему горсть земли и вкусил ее. Затем он сказал: «Ну, сынок, вот и достигли мы реки, которую я назвал Леной»*» [7, С. 59].

Пример окультуривания запаха как признака личностной идентификации, усиливающего восприятие границ мира, ярко отражается также в предании о другом первопредке саха Элэе, который, после того как его выгнал Омогой Баай, в местности Киллэм построил двор, урасу и сделал дымокур [9, С. 172]. Роль запаха в укреплении статуса культурного героя достаточно выразителен – Элэй укрощает запах в созидательных целях.

Понятие запаха создает ассоциативные ряды, близкие семантически к концепту *жизнь*. В якутских сказках часто используется устойчивая формула: «*Сказывают, что пуская дым жили-были старух со старухой*». Запах печного дыма в суровом северном климате обозначал теплый очаг, безопасную жизнь.

Запах воспринимался не только как сигнал присутствия человека в срединном профанном мире, но и был его связью с сакральным миром. В ритуально-обрядовых действиях (при обращениях-алгыс божествам Айыы; жертвоприношениях духам леса, огня, воды) особое внимание уделяется процессу воссоздания запаха (*сыт таһаары*). В статье Содномпиловой М. М. отмечается важная роль запаха в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, указывается широкое использование в ритуальной сфере трав, обусловленное их сакральными свойствами [10].

Якуты также убеждены, что запах обладает свойством очищения от скверны и укрепляет в человеке силу созидания. В обряде *арчыланьы* (обряд изгнания злых духов) большое значение придается созданию запаха посредством зажжения трав (можжевельника, чабреца), бересты, лучинок из дерева, в которое некогда ударила молния. Запах также воссоздается посредством окропления огня кумысом, приготовления оладий. Якуты верят, что запах доходит до божеств Айыы, тем самым задобряя их. Путник, остановившийся на горном перевале, старом тракте (аартык), обязательно должен задобрить духов, прося их, чтобы они благоволили его дальнейшему пути. Здесь он обычно оставлял щепотку чая или табака. Щепотка чая или табака, оставленные человеком, важны, скорее всего, их ольфакторным составляющим: дефицитные в далекую пору чай или табак были ценным, желанным товаром, и потому их аромат был особо приятен для якутского человека.

Одной из важнейших функций ольфактория является его включение в культурное разделение мира на безопасный (свой) и опасный (чужой). Являясь специфическим маркером в межвидовой коммуникации, способность к вчувствованию запахов участвует в разделении «своих» и «чужих». Странные, неприятные запахи становятся признаками «чужих» и в современном мире. Этим обстоятельством обусловлена нейтрализация человеком собственного запаха, стремящемуся к «нулевому» запаху или использующему ароматы, приемлемые в обществе. В желании человека избавиться от запаха с целью стать своим, «без запаха» можно частично усмотреть отрыв от природного начала и отстранение от инстинктов животного мира.

Обонятельная функция играет важную роль в утверждении первобытного инстинкта самосохранения во всем животном мире. Неприятные запахи обозначаются понятиями «дьаар» (гнилостный запах, вонь, смрад, зловоние) и «холонгсо» (резкий запах). Как указывают фольклорные источники, запах *дьаар* имеют злые духи-абаасы: «Со стороны южного неба донеслись неприятные запахи – по мере того как вечерело, запахи сгустились, в доме стало темно» [6, С. 36]. Особое значение запаха у народа саха отмечается Р.И. Бравиной, которой указана роль запаха в культе смерти народа саха [1, С. 181].

Плохой запах (дьаар, холонгсо) представляется в качестве качественной ольфакторной информации и в современном обществе, выступая признаком инаковости, отличающим человека другого социального круга. Неприятный запах отличает человека асоциального поведения (алкоголика) или по каким-то качествам и признакам выпадающего из общественных представлений о норме (неряху, больного и т.д.). Чужость определяется также физиологической особенностью, в том числе странным запахом (например, холонгсо), выделяя человека иной национальности. Якут считает, что он сам не имеет запаха, отмечая в то же время наличие резкого запаха у людей другой национальности.

Ольфакторная составляющая пространства, близкого людям саха, отличается приятным спектром запаха и выражается с помощью понятий *дыргыл* ('резкий'), *минньигэс* ('сладкий'): это запахи свежескошенной травы, хвои, напитка кумыс, оладий, дымокура, запах ребенка и др.

Заключение

Таким образом, рецепция окружающего мира, осуществляемая через запахи, шумы, звуки неповторимого ландшафта родного пространства, создает специфический характер когнитивной коммуникации. Как один из главных информантов в пространстве запах играет важную роль в идентификации, определении культурных границ мира. Семантике запаха в якутской культуре уделяется достаточно глубокое значение, что подтверждается активным функционированием запаха в духовной и материальной культуре саха. Запах представляется в качестве культурного феномена, который имеет исключительную роль в формировании основ национальной картины мира и закреплении в ней ментальных границ человека.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха / Р. И. Бравина. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.
2. Деханова О. А. Отражение ольфакторной культуры XIX в. в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» / О. А. Деханова // Достоевский и мир культуры. Филологический журнал. – 2020. – С. 68-90.
3. Епанешникова М. А. Рецепция запаха и его природно-культурный смысл / М. А. Епанешникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – № 14. – С. 101-104.
4. Кабакова Г. И. Запах / Г. И. Кабакова // Славянские древности. – М., 1999. – Т. 2. – С. 266-269.
5. Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы / А. И. Костяев. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 144 с.
6. Ойунский П. А. Талыллыбыт айымньылар / П. А. Ойунский. – Якутск: Бичик, 1993. – 448 с.
7. Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск: Наука, 1995. – 400 с.

8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – 363 с.
9. Саха фольклора. – Новосибирск: Наука, 1996. – 236 с.
10. Содномпилова М. М. Мир запахов и ольфакторная коммуникация в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии / М. М. Содномпилова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2020. – Т.32. – С. 37-47.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bravina R.I. Konceptiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa na materiale tradicij saha [The concept of life and death in the culture of an ethnic group based on the Sakha traditions] / R. I. Bravina. – Novosibirsk: Publ. Nauka, 2005. – 307 p. [in Russian]
2. Dekhanova O. A. Otrazhenie ol'faktornoj kul'tury HIX v. v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo. Zapah goroda na primere romana «Prestuplenie i nakazanie» [Reflection of the olfactory culture of the nineteenth century in the works of F.M. Dostoevsky. The smell of the city on the example of the novel "Crime and Punishment"] / O. A. Dekhanova // Dostoevskij i mir kul'tury. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and the world of culture. Philological journal]. – 2020. – pp. 68-90. [in Russian]
3. Epaneshnikova M. A. Recepciya zapaha i ego prirodno-kul'turnyj smysl [Reception of smell and its natural and cultural meaning] / M. A. Epaneshnikova // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences.]. – 2010. – № 14. – pp. 101-104. [in Russian]
4. Kabakova G. I. Zapah [The smell] / G. I. Kabakova // Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]. – Moscow, 1999. – Vol. 2. – pp. 266-269. [in Russian]
5. Kostyaev A. I. Aromaty i zapahi v istorii kul'tury: znaki i simvol'y [Aromas and smells in the history of culture: signs and symbols] / A. I. Kostyaev. – Moskva: Publishing house, 2007. – 144 p. [in Russian]
6. Ojunkskij P. A. Talylybyt ajymn'ylar [Selected writings] / P. A. Ojunkskij. – Yakutsk: Publ. Bichik, 1993. – 448 p. [in Yakut]
7. Predaniya, legendy i mify saha (yakutov) [Legends and myths of the Sakha (Yakuts)]. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 400 p. [in Russian]
8. Propp V. YA. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical roots of a fairy tale.] / Propp V. YA. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1994. – 363 p. [in Russian]
9. Saha fol'klora [Yakut folklore]. – Novosibirsk: Publ. Nauka, 1996. – 236 p. [in Yakut]
10. Sodnompilova M. M. Mir zapahov i ol'faktornaya kommunikaciya v tradicii tyurko-mongol'skih narodov Vnutrennej Azii [The world of smells and olfactory communication in the tradition of the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia] / M. M. Sodnompilova // Izvestiya Irkutsk State University. Geoarchaeology series. Ethnology. Anthropology. – 2020. – Vol.32. – pp. 37-47. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.165>

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ОРОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Научная статья

Оцомиева-Тагирова З.М.*

ORCID: 0000-0001-6517-8465,

Институт Языка, Литературы и Искусства им. Гамзата Цадасы, Махачкала, Россия

* Корреспондирующий автор (zabi011[at]yandex.ru)

Аннотация

Эволюция топонимического пространства выражается в территориально-хронологическом изменении топонимического спектра. Гергебильский, Гумбетовский, Казбековский, Хунзахский Шамильский районы Дагестана являются локальной этноконтактной зоной. Его индикаторными характеристиками являются плотность топонимов, совокупность функционально-семантических подклассов в топонимическом спектре, доля доминирующего топонимического образования, последовательность формантно-морфологической трансформации топонимов. Определяя семантику топонима, мы основываемся на семантику исходного слова (апеллятива), учитывая своеобразие топонима, его место в системе имен собственных и нарицательных, отношение говорящих к называемым объектам, особенности используемых в топонимии языковых средств.

Ключевые слова: аварский язык, топонимы, номинация, аварская топонимия, оронимы, семантика, структурирование пространства, апеллятив.

ON THE STRUCTURING OF THE ORONYMIC SPACE IN THE TOPONYMIC SYSTEM OF THE AVAR LANGUAGE

Research article

Otsomieva-Tagirova Z.M.*

ORCID: 0000-0001-6517-8465,

G. Tsadasa Institute of the Language of Literature and Art of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

* Corresponding author (zabi011[at]yandex.ru)

Abstract

The evolution of the toponymic space is expressed in the territorial and chronological change of the toponymic spectrum. The Gergebil, Gumbetovsky, Kazbekovsky, and Khunzakh Shamilsky districts of Dagestan are a local ethnocontact zone. Its indicator characteristics are the density of toponyms, the totality of functional and semantic subclasses in the toponymic spectrum, the share of the dominant toponymic formation, as well as the sequence of the formant-morphological transformation of toponyms. Defining the semantics of a toponym is based on the semantics of the original word (appellative), taking into account the uniqueness of the toponym, its place within the system of proper names and common nouns, the attitude of speakers to the named objects, the features of the linguistic means used in toponymy.

Keywords: Avar language, toponyms, naming, Avar toponymy, oronyms, semantics, structuring of space, appellative.

Структурирование или измерение пространства по вертикали верх – низ на ландшафте выражено ярче всего в оронимии и именовании объектов, расположенных на возвышенностях и под ними. В основном это отражается в микротопонимии. Микротопонимия – «совокупность микротопонимов» [1, С. 86], «совокупность названий малых географических объектов» [2, С. 3], «совокупность географических названий, известных только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами – выгонами, пашнями, угодьями, болотами, балками, оврагами, колодцами, реками, ручьями и т. п.» [3, С. 23.] К числу отличительных черт и признаков микротопонимов в их совокупности относят также исторически сложившуюся и развивающуюся системность (А. В. Суперанская, И. А. Воробьева), первообразность (В. А. Никонов, А. П. Ванагас), близость к именам нарицательным, проявляющуюся в широком использовании местных географических терминов [4, С. 15], [5, С. 152-154] и ориентировочных названий [6, С. 217].

Объектом исследований является топонимическое пространство, которое возникает при осмыслении отношения субъектов номинации к реальному ландшафту. Локальные топонимические системы – это части топонимического пространства; выполняют адресно-указательную или коммуникативную функцию [7, С. 276]. Ее роль состоит в фиксации, аккумуляции и экспликации ментальных стереотипов – информационного следа [8, С. 26], [9, С. 186-191]. Индивидуализирующая функция коррелирует экспликации с конкретным узлом топонимической системы на фоне остальных и управляет востребованностью отдельного топонима в топонимическом пространстве в виде структурирующей доминанты [10, С. 26], [9, С. 186-191].

При исследовании языкового материала были применены описательный, сравнительный методы, позволяющие характеризовать языковые явления и являющиеся актуальными в силу слабой этимологической разработанности лексики исследуемых языков, и ассоциативный метод, выявляющий и систематизирующий семантическое содержание географических названий. Он позволяет проследить эволюцию восприятия имени собственного в вербальном сознании носителей языка.

В научной литературе представлено значительное количество трудов, которые обуславливают тот факт, что пространство – это категория реальности объективного мира. Окружающий нас мир существует только в пространстве и во времени. Поэтому каждый язык обладает определенным набором лексико-грамматических средств, выражающих семантику пространственной локализации. И в то же время, каждый язык обнаруживает определенную

специфику языковых средств, выражающих семантику пространства. Выявление причин этой специфики, причин этого разнообразия непосредственно связано с вопросами глоттогенеза языка, и переоценить его значение трудно [11, С. 2570-2578], [9, С. 186-191], [12, С. 79- 85], [13, С. 220]. Оронимические объекты могут иметь характеризующие их с различных сторон названия:

– Гендерная характеристика: *Ясазул гох1* «Девичья горка // Девичий холм (на этом месте собирались девушки, пели песни, танцевали)»; *Ясазул мег1ер* «Девичья гора».

– Пространственная: *К1удя раг1ал* «Большой край»; *Гьаркью гох1* «Средний холм// Холм посередине (средний холм в цепочке холмов вдоль деревни); *Бет1ер1гул щоб* (киназдего т1аде балагъараб борхатаб абураб маг1на) «Головной гребень»; *Алдани щоб, Г1ебамег1ел* «Широкая гора».

– Опасность: *Квеша к1к1ал* «Страшное ущелье»; *Квеша кьюро* «Страшная скала (с крутым спуском);

– Отношение к населенному пункту: *Херехьдерил мег1ер* «Гора харахинцев (гора, от названия села Харахи); *Мач1хьадерил мег1ер* «Гора мочохцев (гора, от названия села Мочох), *Ц1абкьазул мег1ер* «Гора зубутлинцев»; *Къарал тала* «Поляна чародинцев» (лес, с. Гостала, Казб. р.)

– Отношение к человеку: *Хъазамил лаб1ги* «Косогор Казами (по имени владельца косогора Казами)»; *Г1адула щоб* «Гребень Абдула»; *Анисатил гох1* «Холм Анисат», *Отарбил гох1* «Холм Отарби», *Вайшил гох1* «Холм Вайши».

– Форма: *Бег1ера гох1* «Острая сопка»; *Кылигох1* «Седло-холм», *Гургина гох1* «Круглый холм»; *Ч1ет1ераб щобда жаниб ицц* «Родник, внутри Узкого холма», *Г1ебамег1ел* «Широкая гора».

– Растительность: *Хурдухь мег1ер* «Гора в травах»;

– Угол склона: *Эххе раг1ал* «Крутой спуск», *Эххерай* «Крутой спуск».

Смысл «верх» несут названия, образованные от оронимических терминов, обозначающих типы оронимических объектов:

– по величине: *К1удя мег1ер* «Большая гора; *Г1ат1идаб гомог* «Широкая ложбина»;

– по типу почвы: *Салущоб* «Песчаный хребет»; *Салусвери* «Песчаный перевал// Песчаный поворот»; *Чабахх мег1ер* «Каменная гора// гора из мелких камней; *Гьогъол маг1арде нух* «Дорога на Щебневую гору», *Хъач1ищохь* «На истощенных холмах», *Гьогъомег1ер* «Гора с мелкими камнями», *Ц1ант1а мег1ер* «На соли гора// Гора, где дают соль (животным)».

– по наличию растительности: *Махи щоб* «Березовый хребет, возвышенность, поросшая березовым лесом»; *Хурдухь мег1ер* «Гора в травах», *Къванк1ил гох1* «Холм, где растет репейник», *Рохьил щоб* «Лесной гребень»; *Хъацара гох1* «Лысый холм// холм без растительности» и др.

– по наличию живности: *Ц1ц1ум ч1ч1олеб гох1* «Холм, на котором садятся орлы», *Борхьигох1* «Змеиный холм», *Бачазул мег1ер* «Телячья гора», *Т1инч1 мег1ер* «Гора детёныш», *Бигъари тала* «Тополиная поляна», *Куйдузул щоб* «Хребет, где пасутся бараны// Бараний хребет».

Неровность ландшафта всегда отмечается в сельском пространстве: *Гьоркьяб къват1* «Нижняя улица// улица в нижней части деревни»; *Гьоркьяб рахь* «Нижний край// Нижний конец// нижняя часть деревни»; *Гьоркьяб хабал* «Нижнее кладбище», *Гьоркьяб ссан* «Нижняя межа», *Гьоркьяб хабал* «Нижнее кладбище», *Гьоркьявал* «Нижний квартал».

– в околосельском пространстве: *Гьоркьяб нух* «Нижняя дорога»; *Гьоркьяб тала* «Нижний луг, поля»; *Гьоркьяб гох1да* «На низком холме»; *Гьоркьяб х1ор* «Нижний пруд// пруд в нижней части деревни».

Определение *лабалаб* «крутой» характеризует угол наклона разных форм рельефа, как возвышенностей, так и впадин.

Крутой верх: *Лабалаб гох1* «Крутая горка// Крутой холм»; *Лабалги* «Крутизна»; *Эххедерай* «Крутое место// Крутая местность// Очень крутой берег реки»; *Эххерай// Эххебе рай* «Крутая дорога на крутом холме»; *Лабалаб мег1ер* «Крутая гора»; *Кьюрун буссараб ссвери* «Крутой поворот (поворот среди нескольких небольших крутых гор); *Лабалаб раг1ал* «Крутой берег»; *Лабалаб раг1алги* «Крутой край»; *Лабалаб эххедерай* «Крутой подъем».

Крутой низ: *Лабалаб к1к1ал* «Крутое ущелье»; *Бадиб бараб г1одоб1ги* «Крутая лощина// место с крутым спуском»; *Г1ат1идаб к1к1ал // Г1т1идак1к1ал* «Крутой лог// Крутой покос (имеет крутые склоны)»; *Эххеде бараб гомог* «Крутой, лог (очень крутой лог, с которого не съедешь)»; *Лабалаб хандакъ // Лабалаб ор* «Крутой ров»; *Бадиб бараб гомог* «Крутой лог (рядом пашни, крутые склоны)».

Комплексное восприятие оронимического объекта порождает образные метафорические названия. Так, *мег1ер* «гора», *гох1* «холм», имеющие одну вершину, сравнивается с образом высоких заострённых предметов: *Маяк*, вершина горы, похожей на маяк (на горе Гуниб); *Бег1ер гох1 // Бег1ераб гох1* «Остроконечный холм»; гора, имеющая две вершины, ассоциируется с седлом или рогами: *Кыли мег1ер* «Седло-гора»; *Варани гох1* «Верблюд-холм// Холм, по форме напоминающий верблюда»; *Гьонохь* от *гъуни* – «холм// гора, круглая, как копыта». Как видим, при метафорическом переносе учитывается целый ряд признаков: форма, количество вершин, цвет. Общий вид объекта в сознании номинатора вызывает привычные образы сельского быта, вида животных.

Метонимический перенос: необычная форма горы выражена в оронимах, образованных от названий предметов быта: *Г1орто-гох1* «Холм в виде Орто» от *г1орто* – «сосуд из дерева различного объёма, используемый в хозяйстве для разных целей»; *Ражихо* «Ражихо» от *ражихо* – «ступка// сосуд для давления чеснока».

Как видим, топонимия представленной территории является упорядоченной и организованной за счет взаимной связи ее составляющих. Форма трансляции национальных и культурных способностей может быть различной, в первую очередь это культурные представления об окружающей действительности, влияние человека на ее преобразование и ментальные (психические) образы локализации географического пространства [10], [11, С. 2570-2578], [9, С. 186-191]. Вербальный образ топонимической системы Гергебильский, Гумбетовский, Казбековский, Хунзахский, Шамильский районы Дагестана нельзя считать окончательно установленным. Скрупулезный анализ структурных элементов топонимии показал, что в номинации компонентов оронимического пространства присутствуют и гендерная, и пространственная, и метонимическая характеристики. Структурирование

топонимического поля позволяет языку (топонимии) отразить стереотипы восприятия и осмысления действительности, организовать и упорядочить членение и восприятие мира в рамках той или иной культуры.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
2. Микротопонимия: материалы совещания / Отв. ред. проф. О.С. Ахманова. - М.: Издательство Московского университета, 1967. - 154 с.
3. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. Москва: Мысль, 1974. 382 с.,
4. Карпенко Ю. А. Свойства и источники микротопонимии / Ю. А. Карпенко // Микротопонимия. М., 1967. 154 с.
5. Оцомиева-Тагирова З. М. Топонимическая микросистема северного наречия аварского языка / З. М. Оцомиева-Тагирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (78). С. 152-154.
6. Никулина С. В. Микротопонимия д. Шубиха / С. В. Никулина // Ономастика Поволжья. Горький, 1969, с. 217.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1973. 366 с.
8. Чеснокова О. С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка / О. С. Чеснокова: автореф. дисс. докт. филолог. наук. М., 2006. С. 26
9. Тагирова З. М. Оронимы в топонимической системе аварцев / З. М. Тагирова // Проблемы лексикологии и лексикографии северокавказских языков Махачкала, 2010. С. 186-191.
10. Березович, Е. Л. Топонимическая этносемантика / Е. Л. Березович // Славянское языкознание: докл. XIII Межд. съезда славистов / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Индрик, 2003. 588 с.
11. Оцомиева-Тагирова З. М. Топонимическая система Дагестана: аспекты и перспективы исследования / З. М. Оцомиева-Тагирова, М. Ш. Халилов, С. М. Темирбулатова и др. // В журнале «The european proceedings of social & behavioural sciences» (EPSBS), v.LXXXVI Материалы II Международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма», посвященной 85-летию профессора Х. И. Ибрагимова. No:345, С. 2570 – 2578.
12. Маллаева З. М. Типология пространственных функциональных систем дагестанских языков / З. М. Маллаева // Вестник ДГУ. Вып. № 3. Филологические науки. С. 79 – 85.
13. Маллаева З. М. Категория локализации и ее репрезентация в аваро-андийских языках / З. М. Маллаева. Махачкала, 2012. 220 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Podolskaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] / N. V. Podolskaya; Ed. A. V. Superanskaya; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. 2nd ed., Revised and expanded. Moscow: Nauka, 1988. 187 p. [in Russian]
2. Mikrotoponimija: materialy soveshhanija [Microtoponymy: materials of the meeting] / edited by O.S. Akhmanova. - M.: Publishing house of Moscow university, 1967. - 154 p. [in Russian]
3. Murzaev E. M. Oчерki toponimiki [Essays on toponymy] / E. M. Murzaev. Moscow: Mysl, 1974. 382 p. [in Russian]
4. Karpenko Yu. A. [Properties and sources of microtoponymy] / Yu. A. Karpenko]. From: Mikrotoponimija [Microtoponymy] / Yu. A. Karpenko. Moscow, 1967. 154 p. [in Russian]
5. Otsomieva-Tagirova Z. M. Toponimicheskaja mikrosistema severnogo narechija avarskogo jazyka [Toponymic microsystem of the northern dialect of the Avar language] / Z. M. Otsomieva-Tagirova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of theory and practice]. 2017. № 12-3 (78), pp. 152-154 [in Russian]
6. Nikulina S. V. Mikrotoponimija d. Shubikhja [Microtoponymy of D. Shubikh]. From: Onomastics of the Volga region] / S. V. Nikulina. Gorky, 1969, p. 217 [in Russian]
7. Superanskaya A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [The general theory of the proper name] / A. V. Superanskaya. Moscow: Nauka, 1973. 366 p. [in Russian]
8. Chesnokova O. S. Otrazhenie jazykovoj kartiny mira v razvitii leksicheskoi sistemy meksikanskogo nacional'nogo varianta ispanskogo jazyka [Reflection of the linguistic picture of the world in the development of the lexical system of the Mexican national version of the Spanish language]: extended abstract of Candidate's thesis. Philology/ O. S. Chesnokova. M., 2006. p. 26 [in Russian]
9. Tagirova Z. M. Oronimy v toponimicheskoi sisteme avarcev [Oronyms in the toponymic system of the Avars] / Z. M. Tagirova // Problemy leksikologii i leksikografii severokavkazskikh jazykov [Problems of lexicology and lexicography of North Caucasian languages] Makhachkala, 2010, pp. 186-191 [in Russian]
10. Berezovich, E. L. Toponimicheskaja etnosemantika [Toponymic ethnosemantics] / E. L. Berezovich // Slavjanskoe jazykoznanie: dokl. XIII Mezhd. s"ezda slavistov [Slavic Linguistics: Proceedings of the XIII international Congress of Slavists] / Ed. by A.M. Moldovan. Moscow: Indrik, 2003. 588 p. [in Russian]
11. Otsomieva-Tagirova Z. M. Toponimicheskaja sistema Dagestana: aspekty i perspektivy issledovaniya [Toponymic system Of Dagestan: aspects and prospects Of research] / Z. M. Otsomieva-Tagirova, M. Sh. Khalilov, S. M. Temirbulatova, et al. // The European proceedings of social & behavioral sciences" (EPSBS), v.LXXXVI Proceedings of the II International Scientific Conference "Social and Cultural transformations in the context of modern Globalism" dedicated to the 85th anniversary of Professor Kh. I. Ibragimov. No:345, Pages: 2570 – 2578. [in Russian]
12. Mallaeva Z. M. Tipologija prostranstvennykh funkcional'nykh sistem dagestanskikh jazykov [Typology of spatial functional systems of Dagestan languages] / Z. M. Mallaeva // Vestnik DGU. Vyp. № 3. Filologicheskie nauki [Bulletin of the DSU. Issue No. 3. Philological sciences], pp. 79-85 [in Russian]
13. Mallaeva Z. M. Kategorija lokalizacii i ee reprezentacija v avaro-andijskikh jazykakh [Localization category and its representation in the Avar-Andean languages] / Z. M. Mallaeva. Makhachkala, 2012. 220 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.166>**«ПРАВИЛО СЕВЕРНОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРНЫХ АНГЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА)**

Научная статья

Павленко А.Е.^{1,*}, Червоний А.М.²¹ ORCID: 0000-0002-2189-7166;^{1,2} Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ(РИНХ), Таганрог, Россия

* Корреспондирующий автор (alex_pavlenko[at]inbox.ru)

Аннотация

В статье рассматривается так называемое «правило северного подлежащего» (ПСП) в северных английских диалектах, а также в шотландском языке в свете изучения семантического субъекта. Отмечается, что феномен ПСП является результатом взаимодействия двух параметров – 1) типа подлежащего и 2) смежности/несмежности подлежащего и сказуемого – и определяет форму глагола в простом настоящем. Первый параметр подразумевает, что местоименное и именное подлежащее требуют разных схем согласования с глаголом, тогда как в соответствии со вторым параметром, сказуемое принимает особую форму (-s/-es), если именное подлежащее непосредственно примыкает к сказуемому. В северных английских диалектах и в шотландском языке картина этого явления осложняется варьированием, вызванным рядом лингвистических и экстралингвистических факторов. Цель статьи заключается в том, чтобы ввести материал ПСП в обиход сравнительно-сопоставительного исследования семантического субъекта и определить подходы к описанию этого грамматического регионализма в данном контексте. В статье рассматриваются основные структурные и функциональные особенности ПСП, а также оцениваются некоторые гипотезы о его происхождении. Делается вывод о том, что в существующей литературе игнорируется семантический аспект ПСП, и отмечается необходимость восполнить этот пробел.

Ключевые слова: семантический субъект, правило северного подлежащего (ПСП), нелитературный английский язык, диалект, шотландский язык.

"THE NORTHERN SUBJECT RULE" AS A MATERIAL FOR THE STUDY OF A SEMANTIC SUBJECT (BASED ON THE STUDIES OF NORTHERN ENGLISH DIALECTS AND THE SCOTTISH LANGUAGE)

Research article

Pavlenko A.E.^{1,*}, Chervoniy A.M.²¹ ORCID: 0000-0002-2189-7166;^{1,2} A.P. Chekhov Taganrog Institute, branch of the Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia

* Corresponding author (alex_pavlenko[at]inbox.ru)

Abstract

The article examines the so-called "northern subject rule" in northern English dialects, as well as in the Scottish language in the light of the study of the semantic subject. It is noted that the phenomenon of the northern subject rule is the result of the interaction of two parameters – 1) the type of subject and 2) the contiguity/non-contiguity of the subject and predicate while also determining the form of the verb in present simple. The first parameter implies that the pronominal and nominal subject require different schemes of agreement with the verb, whereas according to the second parameter, the predicate takes a particular form (-s/-es) if the nominal subject is directly adjacent to the predicate. In the Northern English dialects and in the Scottish language, the picture of this phenomenon is complicated by variation caused by a number of linguistic and extralinguistic factors. The purpose of the article is to introduce the northern subject rule material into the use of comparative research of a semantic subject and to determine approaches to the description of this grammatical regionalism in this context. The article discusses the main structural and functional features of the northern subject rule, while also assessing hypotheses about its origin. The authors conclude that the existing literature ignores the semantic aspect of the rule and notes the need to fill this gap.

Keywords: semantic subject, the rule of the northern subject, non-literary English, dialect, Scottish language.

Введение

Общеизвестно, что такой ключевой для лингвистики термин, как «субъект», многозначен и входит в состав нескольких терминологических словосочетаний. Выделяют субъект логический, коммуникативный, психологический и, наконец, субъект семантический. В рамках нашего исследования рассматривается семантический субъект высказывания, т.е. реальный деятель. В этой связи, нами отбираются и описываются маркеры присутствия такого деятеля-человека в реальной действительности, а также его референции в речи и языке.

Одним из языков, рассматриваемых в нашем проекте, является английский, причем внимание уделяется не только его литературному варианту, но и некоторым территориальным диалектам, способным дать нетривиальный и теоретически значимый материал. Поскольку в данном исследовании рассматриваются все средства выражения субъекта (включая его формальное отсутствие в предложении), было решено кратко рассмотреть и такой грамматический регионализм, как известное в англистике «правило северного подлежащего» (далее «ПСП»), а также оценить перспективность его изучения в рамках научного проекта «Полифония семантического субъекта (на материале русского, французского, английского и немецкого языков)», выполняемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). В данной статье мы рассмотрим лишь самые основные

структурные и функциональные особенности ПСП, а также осветим некоторые гипотезы относительно его происхождения.

Материалом в данной связи служат грамматические системы близкородственных диалектов северной Англии, Шотландии и Северной Ирландии, которые объединяет, в том числе, и наличие такого феномена, как ПСП – регулярного соответствия, восходящего к среднеанглийскому (северному) языковому состоянию.

Согласно данному «правилу», глагольное сказуемое в настоящем времени принимает показатель (грамматический суффикс) *-s* во всех случаях, кроме тех, когда он непосредственно примыкает к подлежащему, выраженному личным местоимением *I, we, you* и *they* [5, С. 211-212]. В результате формы *they sing* оказываются противопоставленными формам *the birds sings; they sing and dances; it's you that sings; I only sings*.

Данная небольшая статья представляет собой попытку представить общую картину рассматриваемого явления в лингвогеографическом и сравнительном аспектах, а также кратко описать вариативность ПСП в живой нелитературной речи и охарактеризовать ее причины. В этой связи, на основе эмпирических данных, почерпнутых из авторитетных источников, рассматриваются диалектологический и исторический аспекты ПСП. Кроме того, кратко освещаются преобладающие в литературе теоретические подходы к вопросам о происхождении ПСП, его функционировании, а также о связанной с ним грамматической вариативности [6], [7], [11], [12].

Панорама теоретического осмысления явления ПСП, представляет совокупность его трактовок в когнитивно-функциональном ключе, а также в плане вероятностного варьирования. Несмотря на то, что в некоторых работах содержатся интересные интерпретации данного явления, ни одна из них не дает исчерпывающего теоретического описания ПСП и связанной с ним грамматической вариативности [13], [14], [15], [16].

Кроме того, ознакомление с существующей литературой, в которой ПСП освещается более или менее подробно в синхроническом ключе [17], [18], [19], [21], показывает, что в ней полностью игнорируется семантический аспект данного феномена. В связи с этим представляется необходимым восполнить этот пробел, что позволило бы объективно оценить феномен ПСП в ключе сравнительно-сопоставительного изучения средств выражения семантического субъекта.

Основные результаты

В современных диалектах рассматриваемая грамматическая особенность (*the birds sings* и др.) характеризуется разным уровнем последовательности, причем она конкурирует с соответствующими образцами литературного английского языка. Кроме того, встречаются и другие нелитературные (диалектные) особенности координации подлежащего и сказуемого, помимо ПСП и параллельно с ним, которые следует отличать от последнего. К ним можно отнести свободное использование показателя *-s* во вводном обороте *I says* перед прямой речью, а также в «настоящем повествовательном». Иногда встречается свободное использование маркера *-s* как показателя привычного вида: *I goes for walks*. Кроме того, наблюдается тенденция к редукции оппозиции форм *was* и *were*, реализующаяся иногда как *I were; he were* или как *we was; you was* [22, С. 100-101]. Наконец, почти повсеместно подвергается редукции оппозиция форм глагола *be* в бытийных оборотах с *there*, например: *There's houses*. В качестве примера противоположного процесса можно привести такой типичный грамматический шотландизм, как *there're a house* [23, С. 100-101].

Источниками данных о бытовании ПСП в современных диалектах являются «Обзор английских диалектов» (SED) Г. Ортона и О. Дита, «Лингвистический атлас Шотландии» (LAS) Дж. Мэтэра и Г.-Г. Шпейтеля, Фрайбургский корпус английских диалектов (FRED) [24], [25], [26], а также некоторые другие диалектологические атласы, обзоры и монографические лингвогеографические исследования [27], [28], [29], [30].

В частности, на севере Англии этот феномен неоднородно представлен, начиная от англо-шотландской границы до северного Мидленда. Проявления ПСП наблюдаются на всей упомянутой территории и распространяются на юг даже несколько дальше, чем было принято считать ранее, основываясь только на данных SED. Из этого следует, что рассматриваемый феномен весьма последователен и стабилен с географической точки зрения, что подтверждает сравнение современных данных с данными «Атласа позднесреднеанглийского языка» (eLALME) [32].

Еще более интересным представляется качественный анализ распределения проявлений ПСП в пограничной зоне данного ареала, а, именно, в северном Мидленде. В данном регионе употребления глагольного показателя *-s*, обусловленные ПСП, встречаются изредка, и при этом они используются почти исключительно в определенных благоприятствующих синтаксических контекстах. Эти контексты, в основном, идентичны тем, что наблюдаются и в других территориальных вариантах. К таким контекстам относятся: подлежащие относительные предложения с бытийным *there* (*There's a lot of people kills'em*); предложения с подлежащими, выраженными указательными местоимениями, особенно местоимением *them*, используемым как диалектизм (*Them's the men that does their work best*); вопросительные предложения с обратным порядком слов (*Is both you women wed?*) [33, С. 100-110]. Данные наблюдения можно интерпретировать как подтверждение того, что в условиях диалектных контактов и диалектного выравнивания, нелитературные грамматические конструкции, подобные ПСП, могут утрачивать свою продуктивность и постепенно ограничивать свое функционирование некоторыми идиоматическими употреблениями.

Фрайбургский корпус английских диалектов (FRED) позволяет рассмотреть содержащиеся в нем данные распространения ПСП в разных регионах в сравнительном ключе [34]. Упомянутый корпус содержит материал, собранный в северной Англии и Шотландии. Сравнение, выполненное на основе такого обширного массива данных, позволяет получить более глубокое представление о бытовании ПСП в нелитературном английском языке Англии, а также в диалектах шотландского языка.

Так, выясняется, что формы *you was* и *we was*, которые являются исключением, с точки зрения первоначальной схемы ПСП, встречаются во многих регионах северной Англии (кроме графства Камбрия) и Шотландии. Противоположно направленная редукция оппозиции (*I were; he were*) характерна для южного Ланкашира и Йоркшира. Данное использование *were* с подлежащими в единственном числе следует отличать от употребления *are* и *were* в бытийных оборотах единственного числа, наблюдающимися иногда в южной Шотландии, а также в Северной

Ирландии. Что касается контекстов с подлежащими третьего лица множественного числа, то повсеместно глагольная форма *was* используется гораздо чаще с неместоименными подлежащими, чем с *they*. Это означает, что употребления с *was* и *were* все еще функционируют в схеме, сформированной ПСП, хотя во многих диалектах они параллельно встречаются и в других схемах (не-ПСП). К последним относится, например, употребление глагольной формы *were* с подлежащим в единственном числе. Наконец, в том, что касается примеров ПСП с другими глаголами (помимо *be*), данные Фрайбургского корпуса также подтверждают значимость тех же благоприятствующих базовых контекстов, выявленных до появления этого источника [35].

Бытование ПСП в северных английских, шотландских и ольстерских диалектах еще ждет подробного и непротиворечивого описания. Ни одно из опубликованных исследований не обеспечивает полного понимания механизма вариативности ПСП в современных диалектах. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что использование глагольного показателя *-s* в упомянутых диалектах обусловлено не только системными ограничениями, но также испытывает влияние синтаксического контекста, которое может быть исследовано, в том числе, количественными методами. Некоторые контексты, например, подлежащие относительные придаточные, громоздкие подлежащие именные словосочетания, некоторые подлежащие, представленные указательными местоимениями, и др., последовательно благоприятствуют использованию суффикса *-s* [36, С. 109].

Возможно, из всех имеющихся на данный момент описаний, наиболее правдоподобное было предложено Р. Хадсоном [37]. Кроме того, оно оказывается ограниченным рамками отдельно взятого языка и не поднимается до теоретических обобщений.

Применительно к описанию грамматической компетенции говорящих на диалектах, для которых характерно ПСП, признается необходимым учитывать вариативность количественных параметров. Подобные идеи не новы и выдвигаются в рамках лабовианской традиции с момента ее зарождения [38, С. 189-192]. Обычно они негативно воспринимались формальной синтаксической школой, и разрыв между этими двумя направлениями лингвистических исследований до сих пор остается непреодоленным. Между тем, вышеупомянутые идеи продемонстрировали свою значимость и сформировали теоретическую основу для выработки процедуры анализа в рамках метода вариативных правил.

В отличие от формальных теорий хомскианской школы, когнитивно-функциональный подход всегда большое значение придавал вариативности. Представляется, что исследования именно такой направленности способны вскрыть механизмы функционирования ПСП в разных языковых коллективах на современном этапе [39], [40], [41].

Одна из ключевых идей в рамках данного подхода заключается в том, что структура языковой компетенции подвержена значительному влиянию со стороны относительной частотности тех или иных форм или конструкций в речи. В этой связи особое значение приобретает механизм «закрепления», т.е. постепенного усиления присутствия в памяти тех или иных языковых представлений путем активизации их использования [42, С. 53-75]. В результате такого закрепления частотные лексические сочетания способны изменять свой статус и, таким образом, постепенно обособляться.

Можно предположить, что подобный механизм лежит в основе явления ПСП. Сочетания глаголов и смежных с ними простых личных местоимений переосмысливаются как самостоятельные когнитивные схемы благодаря их высокой частотности в речи и высокому уровню закрепления, в результате чего они начинают функционировать иначе, чем другие предикативные группы.

С исторической точки зрения, развитие ограничения, обусловленного типом подлежащего, по-видимому, было особенно вероятно в ситуации, при которой система глагольного согласования переживала распад в результате развития редукции форм и расширения грамматической омонимии. Очевидно, что появление первых употреблений ПСП в северном раннесреднеанглийском (среднешотландском) происходило на фоне таких изменений и во многом благодаря им [43, С. 54-57].

В этом же функциональном ключе можно объяснить и тот факт, что за последнее время феномены, напоминающие ПСП, наблюдаются и в некоторых других вариантах английского языка, географически и генетически далеких от североанглийских и шотландских диалектов, например на юго-западе Англии, где подобные явления, вероятно, возникли самостоятельно [44].

Воссоздание истории становления ПСП во многом остается умозрительным и гипотетическим, поскольку данный феномен практически не отражен в памятниках, так как он имел место в северных диалектах с конца древнеанглийского периода и на протяжении некоторой части среднеанглийского (и среднешотландского). Согласно известной гипотезе, предложенной финским исследователем Ю. Клемола [45], ПСП начало формироваться в результате контактов древнеанглийских диалектов с кельтскими языками еще в раннем средневековье. Об этом могут свидетельствовать некоторые типологические параллели, имеющиеся между современным северным английским и шотландским, с одной стороны, и кельтскими языками, с другой. Однако, данная гипотеза не свободна от противоречий и не завоевала общего признания.

Вместо нее предлагается объяснение развития ПСП на когнитивной основе, принимающее во внимание механизм закрепления, описанный выше. Предполагается, что в основе данного процесса находилась редукция глагольных аффиксов, за которыми следовали в постпозиции местоимения, изначально имевшие характер энклитик [46, С. 56].

Отвлекаясь от исторического аспекта проблемы, напомним, что исследование, в рамках которого написана данная статья, посвящено сравнительно-типологическому анализу форм выражения семантического субъекта (а также его редукции) в английском, французском, немецком и русском языках. Редукция лица – явление универсальное, однако каждый отдельный язык обладает своим набором лексико-грамматических средств актуализации этого процесса. Территориальные варианты вышеупомянутых языков также могут представлять значительный интерес в свете рассматриваемой проблемы, что и демонстрируют северные английские и шотландские диалекты. В этой связи, можно констатировать, что ПСП является в данном контексте хотя и периферийным, но от того не менее интересным

явлением грамматической системы вышеупомянутых территориальных языковых вариантов, заслуживающим отдельного рассмотрения.

Поскольку непосредственным предметом нашего исследования, является парадигма лексико-грамматических средств выражения семантического субъекта, включая и его редукцию, возникает вопрос – не оказывается ли феномен ПСП с его, на первый взгляд, «нелогичной» координацией сказуемого и подлежащего одним из проявлений такой редукции, пусть и в неявной форме. Хотя ПСП и не подразумевает полного устранения семантического субъекта, можно предположить, что при реализации данного феномена реальный деятель, как бы «понижается в ранге», отчасти теряя центральную позицию в предложении. При этом оказывается задействован как лексико-морфологический уровень (1. именное или местоименное подлежащее; 2. особенности выражения категорий лица и числа глагола с помощью показателя -s/-es), так и синтаксический (фактор смежности/не-смежности подлежащего по отношению к сказуемому).

Можно предположить, что независимо от факторов, обусловивших зарождение и формирование данного феномена (влияния кельтского субстрата или глубокой перестройки системы языка в среднеанглийский период), он сопровождается некоторым «размыванием» субъекта в функционально-семантическом плане. Иначе данный эффект можно охарактеризовать как своего рода «частичную» редукцию субъекта в результате идиоматизации некоторых синтаксических контекстов. Более подробное исследование данного эффекта требует дополнительного описания соответствующих языковых фактов, и может быть осуществлено в дальнейшем на материале доступных языковых корпусов.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что в обобщенном виде правило северного подлежащего (ПСП) можно проиллюстрировать с помощью предложений, *they eat and drinks* и *customers drinks*. Данное явление можно трактовать как комбинацию двух ограничений (по типу подлежащего и по смежности подлежащего и сказуемого), обуславливающую форму глагола в простом настоящем (Present Indefinite).

Под типом подлежащего подразумевается тот факт, что местоименные и именные подлежащие требуют разной координации с глаголом, а принцип смежности заключается в том, что сказуемое приобретает особую форму, если именное подлежащее непосредственно примыкает к глаголу-сказуемому, а местоименное – нет.

Однако в современных английских диалектах, для которых характерно ПСП, картина этого феномена осложнена его значительной вариативностью, обусловленной целым рядом языковых, социальных и лингвогеографических факторов.

В опубликованных исследованиях полностью игнорируется семантический аспект, хотя очевидно, что описанные выше отличия в согласовании глагола-сказуемого с разными типами подлежащего могут подразумевать и семантические отличия у таких подлежащих. Несмотря на то, что это частный и лишь слегка осложненный случай реализации семантического субъекта в нелитературном английском, в дальнейшем предполагается осветить его более подробно, уделив особое внимание особенностям этого явления в плане содержания.

Финансирование

Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-012-00062 «Полифония семантического субъекта (на материале русского, французского, английского и немецкого языков)», проводимого в ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»; руководитель – доктор филол. наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков А.М. Червоный.

Funding

The research is carried out with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFR) within the framework of the scientific project No. 19-012-00062 "Polyphony of the semantic subject (based on the Russian, French, English and German languages)" at Rostov State University of Economics; supervisor - Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of German and French Languages A.M. Chervony.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Henry A. Belfast English and standard English: dialect variation and parameter setting / A. Henry. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – viii, 148 p.
2. Hudson R. Subject–verb agreement in English / R. Hudson // English language & Linguistics. – 1999. – Vol. 3(2). – P. 173–207. DOI: 10.1017/S1360674399000210.
3. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110944556>.
4. Corrigan K.P. Irish English. Vol. 1 – Northern Ireland / K.P. Corrigan. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 193 p.
5. Murray J. A. H. The dialect of the southern counties of Scotland: Its pronunciation, grammar, and historical relations. With an appendix on the present limits of the Gaelic and Lowland Scotch, and the dialectal divisions of the Lowland tongue / J.A.H. Murray. – London: Philological Society, 1873. – 270 p.
6. Henry A. Belfast English and standard English: dialect variation and parameter setting / A. Henry. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – viii, 148 p.
7. Hudson R. Subject–verb agreement in English / R. Hudson // English language & Linguistics. – 1999. – Vol. 3(2). – P. 173–207. DOI: 10.1017/S1360674399000210.

8. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
9. Corrigan K. P. Irish English. Vol. 1 – Northern Ireland / K.P. Corrigan. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. – 193 p.
10. Godfrey E., Tagliamonte S. Another piece for the verbal -s story: evidence from Devon in southeast England / E. Godfrey, S. Tagliamonte; edited by W. Labov and R. Torres Cacoullos // *Language Variation and Change*. – 1999. – Vol. 11(1). – P. 87–21.
11. Klemola J. The origins of the Northern Subject Rule: a case of early contact? / J. Klemola; edited by H. Tristram // *Celtic Englishes*. – 2000. – Vol. II. – P. 329–346. DOI: 10.1515/ZCPH.2003.332
12. De Haas N. The origin of the Northern Subject Rule: subject positions and verbal morphosyntax in older English / N. De Haas, A. Van Kemenade // *English Language & Linguistics*. – 2015. – Vol.19(1). – P. 49 – 81. DOI: 10.1017/S1360674314000306
13. Henry A. Belfast English and standard English: dialect variation and parameter setting / A. Henry. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – viii, 148 p.
14. Hudson R. Subject–verb agreement in English / R. Hudson // *English language & Linguistics*. – 1999. – Vol. 3(2). – P. 173–207. DOI: 10.1017/S1360674399000210.
15. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
16. Buchstaller I. T-to-R and the Northern Subject Rule: questionnaire-based spatial, social and structural linguistics / I. Buchstaller, K.P. Corrigan, A. Holmberg, et al. // *English Language and Linguistics*. – 2013. – Vol. 17(1) – P. 85–128. DOI:10.1017/S1360674312000330
17. Henry A. Belfast English and standard English: dialect variation and parameter setting / A. Henry. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – viii, 148 p.
18. Hudson R. Subject–verb agreement in English / R. Hudson // *English language & Linguistics*. – 1999. – Vol. 3(2). – P. 173–207. DOI: 10.1017/S1360674399000210.
19. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
20. Buchstaller I. T-to-R and the Northern Subject Rule: questionnaire-based spatial, social and structural linguistics / I. Buchstaller, K.P. Corrigan, A. Holmberg, et al. // *English Language and Linguistics*. – 2013. – Vol. 17(1) – P. 85–128. DOI:10.1017/S1360674312000330
21. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
22. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
23. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
24. Orton H. Survey of the English Dialects: The Six Northern Counties and the Isle of Man. Vol.1. / edited by H. Orton and W.J. Halliday. – Leeds: E.J. Arnold & Son, 1962–1963. – 1103 p.
25. Mather J.Y. The linguistic atlas of Scotland (in 3 Vols.). Scots section. / edited by J.Y. Mather and H.H. Speitel. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2010. – 1120 p.
26. Freiburg Corpus of English Dialects (FRED). – [Electronic resource]. URL: <http://www2.anglistik.uni-freiburg.de/institut/lskortmann/FRED/> (accessed: 23.09.2021).
27. A Linguistic Atlas of Early Middle English 1150–1325 (LAEME). – [Electronic resource]. URL: <http://www.lel.ed.ac.uk/ihd/laeme1/laeme1.html> (accessed: 20.09.2021).
28. Linguistic atlas of late Mediaeval English (eLALME). – [Electronic resource]. URL: <http://www.lel.ed.ac.uk/ihd/elalme/elalme.html> (accessed: 23.09.2021).
29. Linguistic Atlas of Older Scots (LAOS), Phase 1: 1380–1500. – [Electronic resource]. URL: <http://www.lel.ed.ac.uk/ihd/laos1/laos1.html> (accessed: 24.09.2021).
30. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
31. Buchstaller I. T-to-R and the Northern Subject Rule: questionnaire-based spatial, social and structural linguistics / I. Buchstaller, K.P. Corrigan, A. Holmberg, et al. // *English Language and Linguistics*. – 2013. – Vol. 17(1) – P. 85–128. DOI:10.1017/S1360674312000330
32. Linguistic atlas of late Mediaeval English (eLALME). – [Electronic resource]. URL: <http://www.lel.ed.ac.uk/ihd/elalme/elalme.html> (accessed: 23.09.2021).
33. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
34. Freiburg Corpus of English Dialects (FRED). – [Electronic resource]. URL: <http://www2.anglistik.uni-freiburg.de/institut/lskortmann/FRED/> (accessed: 23.09.2021)
35. Freiburg Corpus of English Dialects (FRED). – [Electronic resource]. URL: <http://www2.anglistik.uni-freiburg.de/institut/lskortmann/FRED/> (accessed: 23.09.2021)
36. Pietsch L. Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
37. Hudson R. Subject–verb agreement in English / R. Hudson // *English language & Linguistics*. – 1999. – Vol. 3(2). – P. 173–207. DOI: 10.1017/S1360674399000210.

38. Sankoff D., Labov W. On the uses of variable rules / D. Sankoff, W. Labov // *Language in Society*. – 1979. – Vol. 8(2). – P. 189–222. DOI: 10.1017/S0047404500007430
39. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical prerequisites* / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 528 p. DOI: 10.1163/9789004347458_012
40. Bybee J. Introduction / J. Bybee, P. Hopper; edited by J. Bybee and P. Hopper // *Frequency and the emergence of linguistic structure*. – Amsterdam: Benjamins, 2001. – P. 1–26. DOI: 10.1075/tsl.45.01byb
41. Croft W. *Radical construction grammar* / W. Croft. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 448 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198299554.001.0001
42. Divjak D. Frequency and entrenchment. / D.Divjak, C. Caldwell-Harris; edited by E. Dąbrowska and D. Divjak // *Handbook of Cognitive Linguistics*. – Berlin: De Gruyter, 2015. – P. 53 - 75. DOI: 10.1515/9783110292022-004
43. Pietsch L. *Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English* / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.
44. Godfrey E. Another piece for the verbal -s story: evidence from Devon in southeast England / E. Godfrey, S. Tagliamonte; edited by W. Labov and R. Torres Cacoullos // *Language Variation and Change*. – 1999. – Vol. 11(1). – P. 87–21.
45. Klemola J. The origins of the Northern Subject Rule: a case of early contact? / J. Klemola; edited by H. Tristram // *Celtic Englishes*. – 2000. – Vol. II. – P. 329-346. DOI: 10.1515/ZCPH.2003.332
46. Pietsch L. *Variable Grammars: Verbal Agreement in Northern Dialects of English* / L. Pietsch. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 217 p. DOI: 10.1515/9783110944556.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.167>

ПАНТЕОН БОЖЕСТВ ВЕРХНЕГО МИРА В ЯКУТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Научная статья

Павлова О.К.^{1,*}, Яковлева С.К.²¹ ORCID: 0000-0001-6832-3429;^{1, 2} Северо-Восточный федеральный университет имени М.К., Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (olga-ksento[at]mail.ru)

Аннотация

В статье затрагивается проблема изучения якутского пантеона божеств айы на примере фольклорных текстов. В настоящее время в якутском фольклоре не определен образ высшего божества айы. Существует два основных образа Юрюнг Аар Тойон и Юрюнг Айы Тойон, некоторые исследователи утверждают, что это один и тот же образ. Также не упорядочены образы божеств Верхнего мира. *Цель статьи* - выявить образы высшего божества айы и рассмотреть образы божеств Верхнего мира на материалах исследователей якутского фольклора. Для достижения поставленной цели нам необходимо поставить следующие *задачи*: изучить труды исследователей якутского фольклора, посвященные высшим божествам айы, упорядочить имена высших божеств айы, также рассмотреть образы божеств Верхнего мира и проанализировать их имена. В исследовании применены сравнительно-сопоставительный и описательный методы при выявлении сходств и отличий образов божеств айы в якутском олонхо. При анализе имен высших божеств был использован лексико-семантический метод. В ходе исследования проведен обзорный анализ трудов исследователей якутского фольклора, этнографии и истории. Исследователи Н. П. Припузова, И. А. Худякова, В. М. Ионова, Н. А. Алексеева и др. В результате анализа трудов выявлены 4 образа высших божеств айы: Юрюнг Аар Тойон, Юрюнг Айы Тойон, Аар Айы Тойон и Айы Тангара. Кроме высшего божества айы в трудах исследователей были упомянуты следующие божества: *Улуу Хаан Тойон, Уордаах Дьөһөгөй (Дьесегей) Тойон, Хомпоруун Хотой, Сунг Дьаасын Сюгэ Тойон, Дьылга Хаан, Одун Хаан, Чынгыс Хаан, Тангха Хаан, Билгэ Хаан, Хара Суорун*, а также богини *Күн Күбэй Хотун (Кюн Кюбэй Хотун), Иэйэхсит, Айыысыт и Ынахсит Хотун*. Все они являются представителями Верхнего мира.

Ключевые слова: героический эпос, тюркский эпос, олонхо, якутский фольклор, мифология, мифологические образы, пантеон божеств, высшие божества, верхний мир, региональные традиции.

PANTHEON OF THE UPPER WORLD DEITIES IN YAKUT FOLKLORE

Research article

Pavlova O.K.^{1,*}, Yakovleva S.K.²¹ ORCID: 0000-0001-6832-3429;^{1, 2} Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (olga-ksento[at]mail.ru)

Abstract

Based on folklore texts, the current research touches upon the problem of studying the Yakut pantheon of Aiy (айы) deities. Currently, the image of the supreme deity Aiy is not defined in Yakut folklore. There are two main images: Yuryung Aar Toyon (Юрюнг Аар Тойон) and Yuryung Aiy Toyon (Юрюнг Айы Тойон); some researchers claim that they are analogous. The images of the deities of the Upper World are also not ordered. *The purpose of the article* is to identify the images of the supreme deity Aiy and to study the images of the deities of the Upper World using the materials of researchers of Yakut folklore. To achieve this goal, the study sets the following *tasks*: to examine the works of researchers of Yakut folklore dedicated to the highest deities of Aiy, to arrange the names of the highest deities of Aiy, and to analyze the images of the deities of the Upper World and their names. The research uses comparative and descriptive methods to identify similarities and differences between the images of the Aiy deities in the Yakut Olonkho. The lexico-semantic method was used in the analysis of the names of the higher deities. The study also features a review analysis of the works of researchers of Yakut folklore, ethnography and history. Researchers N. P. Pripuzova, I. A. Khudyakova, V. M. Ionova, N. A. Alekseeva et al. As a result of the analysis of the works, 4 images of the highest deities of Aiy were identified: Yuryung Aar Toyon (Юрюнг Аар Тойон), Yuryung Aiy Toyon (Юрюнг Айы Тойон), Aar Aiy Toyon (Аар Айы Тойон) and Aiy Tangara (Айы Тангара). In addition to the supreme deity Aiy, the following deities were mentioned in the works of researchers: *Ulu Haan Toyon (Улуу Хаан Тойон), Wardaah Gyohogoy (Dyesegey) Toyon (Уордаах Дьөһөгөй (Дьесегей) Тойон), Homporuun Hotoi (Хомпоруун Хотой), Sung Diaasyn Syuge Toyon (Сунг Дьаасын Сюгэ Тойон), Duylga Haan (Дьылга Хаан), Odun Haan (Одун Хаан), Chyngys Haan (Чынгыс Хаан), Tangha Haan (Тангха Хаан), Bilge Haan (Билгэ Хаан), Hara Suorun (Хара Суорун)*, as well as goddesses *Kun Kubei Hotun (Кюн Кюбэй Хотун), Ieyehsit (Иэйэхсит), Aiyysyt (Айыысыт) and Ynahsyit Hotun (Ынахсит Хотун)*. All of the 3se deities are representatives of the Upper World.

Keywords: heroic epic, Turkic epic, Olonkho, Yakut folklore, mythology, mythological images, pantheon of deities, higher deities, upper world, regional traditions.

Введение

В якутской мифологии можно найти целый пантеон верховных божеств. По представлениям якутов, вселенная разделена на три части: Верхний, Срединный и Нижний миры. Верхний мир состоит из несколько ярусов, где живут божества айы. Как утверждает А. Е. Кулаковский, «мир был трехъярусный: верхний, средний и нижний. Верхний мир, т. е. небеса, были многоярусными, средний и нижний — одноярусными» [1, С.10].

Образ высшего божества Юрюнг Айыы (Аар) Тойон

Нами были рассмотрены научные труды исследователей истории, этнографии и фольклора якутов. Исследователи наиболее часто упоминают образ божества Юрюнг Айыы Тойон. Например, в трудах Н. П. Припузова, И. А. Худякова [2], В. М. Ионова [3], Н. А. Алексеева [4] и др. Э. К. Пекарский имя божества *Юрюнг Айыы Тойон* объяснял как «верховное существо, стоящее выше всех айыы, добрый дух, создатель мира, управляющий всею вселенной, творчески – ниспосылающий детей и оказывающий общее влияние на плодородие земли, размножение скота и т. д.» [5, С.48].

Образ божества Юрюнг Аар Тойон упоминается в трудах Н. Ф. Остолопова, Р. К. Маака, Э. К. Пекарского и др. Р.К. Маак писал о том, что «по понятиям якутов, верховный правитель мира и жизни на земле есть Ар тойон (Ар-айы тойон); он орошает землю и, следовательно, виновник обилия корма» [6, С. 287]. Э. К. Пекарский давал следующее толкование имени божества Юрюнг Аар Тойон «*Аар Тойон ага* или просто *Аар Тойон* (чистый господин, Высший Господь), Юрюнг Аар, Юрюнг Аар Тойон (Белый Небожитель господь), Аар Айыы тойон всевышнее божество, повелитель всех духов, тварей и верховный правитель мира, создатель жизни на земле, орошающий землю и являющийся, следовательно, виновником обилия корма; по понятиям иных якутов: творец мира, верховное божество существо, тождественное с Юрюнг Айыы» [5, С. 126]. Значит, Э. К. Пекарский считал, что божество Юрюнг Аар Тойон по функциональной предназначенности тождественен с Юрюнг Айыы, иными словами это варианты имен одного и того же божества.

Исследователями были упомянуты еще 2 образа высших божеств Верхнего мира: *Аар Айыы Тойон* и *Айыы Тангара*. Интересным представляется образ *Аар Айыы Тойон* 'Священный, Божественный Господин', который упоминается в трудах Р. К. Маака, Э. К. Пекарского и В. Ф. Трошанского. Возможно, что образы божеств Айыы Тойон и Аар Тойон объединились в божество *Аар Айыы Тойон*. В трудах В. Л. Серошевского [9], Л. А. Афанасьев – Тэрис [10] и А. И. Гоголева встречается образ божества *Айыы Тангара* 'Небесное Божество'. Исследователи полагали, что главой Верхнего мира могло быть божество Айыы Тангара. Слово *тангара* в словаре Э. К. Пекарского имеет следующее обозначение: «тангара (ср. Тюрк. танры, танры, тары, тәңгі, тәңгірі, тәңгәрі, бур. teŋere, teŋeri, teŋer, монг. «тэнгі, тнгі» небо, бог; чув. Турă) 1. Видимое небо (ср. халлаан); небо, как божество; 2. Общее название добрых существ, добрый дух, бог, богиня, божество языческое; главное божество, живущее на седьмом небе...» [5, Стб. 2551]. Значит, в научных трудах исследователей глава верхнего мира имел несколько образов: Юрюнг Аар Тойон, Юрюнг Айыы Тойон, Аар Айыы Тойон и Айыы Тангара [11].

Образы божеств в трудах исследователей

Также, в трудах исследователей упоминаются образы божеств Верхнего мира. «Айыы живут на небесах, по одному семейству на каждом небе, как думают некоторые. Им присущи все человеческие функции и образ жизни, и от людей они отличаются только бессмертием и могуществом. Но одна из главных черт, отличающих «айыы» от людей, это — их справедливость, присущая даже грознейшим из них» [1], [12]. Исследователь А.Е. Кулаковский утверждает, что божества Айыы живут по доному семейству.

Наиболее распространенным образом, по материалам исследователей, является *Уордаах (Кун) Дьөһөгөй* – божество, покровительствующее конный скот. Его образ характерен в 18 источниках исследователей, в 5 текстах алгысов. Э.К. Пекарский давал следующее толкование божеству *Дьесегей* и варианты его имени «Дьөһөгөй, Дьөһөкөй = Дьэһэгэй, Дьүһэгэй, Дьүһүгэй божество, которое «дает богатство», состоящее в скоте (= Дьөһөгөй тойон); Дьөһөгөй айыы, Дьөһөгөй айыыһыт, Дьөһөкөй изйэхсит небесный бог, посылающий любимым людям с неба конный скот, почему и считается «создателем конного скота» (сылгы айыысыта); Уордаах Дьөһөгөй «бог, покровительствующий» тому или другому отдельному человеку (Уордах Дьөһөгөй); Көрө Дьөһөгөй = Көрө Дьэһэгэй» [5, Стб. 854].

Образ божества *Хомпоруун Хотой айыы* упоминается в 9 источниках исследователей, в 3 текстах алгысов. По материалам последних исследований верований якутов «*Хомпоруун Хотой Айыы* букв. 'Божество орел Хомпоруун', которого ботулунский род якутов считал прародителем белых шаманов, даровал огонь» [12, С.39]. В словаре Э.К. Пекарского божество *Хотой айыы* объясняется как «второстепенное (доброе) божество мужского пола. Сүн Хаан, Сүнкэн Эрили, Хомпоруун Хотой айыы бог, покровитель птиц» [5, Стб. 3530]. Собственное имя божества имеет эпитет *хомпоруун*, который был объяснен следующим образом «(от хомпоруи + ун; ср. көмөрүлүүн) горбонос (предок, төрдө, орла). Хотой Хомпоруун орел – Горбонос, собственное имя» [5, Стб. 3472]. Значит, данный образ был характерен только в олонхо северо-восточной традиции.

Божество под именем *Сүгэ тойон* упоминается в трудах исследователей (Остолопов Н.Ф., 1806; Соловьев Ф. 1876; Линденау Я.И. 1983; Алексеев Н.А. 1975, Афанасьев Л.А.-Тэрис 1993; Гоголев А.И. 1994). Это же божество с прибавлением эпитета *сүрдээх* встречается в работах А. Слепцова (1886), Э.К. Пекарского (1959-60), В.Ф. Трошанский (1903). А также божество с эпитетом *буурай* упоминается в трудах Э.К. Пекарского (1959-60), А.Е. Кулаковского (1979), Д.К. Сивцева (1996) и тексте алгыс В.А. Кондакова (2006-2008). Э.К. Пекарский имя божества *Сүгэ тойон* толковал так «часть имени: *Сүгэ тойон* (Топор господин) второй из трех важных богов; самое главное имя бога грома = Сүрдээх Сүгэ тойон, Сүрдээх кэптээх Сүгэ тойон (ср. Дьаан буурай, Орой буурай Ор Дьааһын и др.) Сүрдээх кэптээх Сүгэ буурай тойон – одно из семи имен одного и того же бога грома или, как думают некоторые, имя одного из семи братьев богов грома; у долган: замечательный богатырь (Сүрдээх Сүгэ тойон), который был побежден русскими и заключен в тюрьму. Сүгэ тойон хара бэги тойон бог скота, дающий жеребят, телят и детей» [5, Стб. 2378]. Следовательно, имена *Сүгэ тойон*, *Сүрдээх Сүгэ тойон* и *Сүгэ буурай тойон* принадлежали одному божеству, божеству грома.

В источниках исследователей характерно богиня *Изйэхсит*. В словаре Э.К. Пекарского имя божества *Изйэхсит* объясняется так «общее название богинь женского пола, покровительствующих людям, конному и рогатому скоту (ынах, сылгы изйэхситэ) и собакам и считающихся их «создательницами». Изйэхсит челове [5, Стб. 892]. ка помогает в родах и охраняет роженицу и новорожденного» [5, Стб. 892]. В трудах В.М. Ионова (1918), А.А. Попова (1949),

Н.А. Алексеева (1975), а также в тексте алгыс Г.В. Ксенофонтова (1920) характерно имя божества *Ньэлбэй Иэйэхсит*. В тексте олонхо приленской локальной традиции встречается образ богини *Ньэлбэй Иэйэхсит*. Э.К. Пекарский имя *Ньэлбэй Иэйэхсит* толковал следующим образом «богиня, способствующая размножению людей (киһи айыһыта)» [5, Стб. 1691]. В тексте алгыс В.А. Кондакова (2006-2008) характерно божество *Эдьэн Иэйэхсит*. В тексте олонхо вилюйской региональной традиции упоминается образ богини *Эдьэн Иэйэхсит Хотун*. В тексте олонхо приленской локальной традиции встречается образ богини Ийиэхсит Эдьэн. В словаре Э.К. Пекарского имя данного образа толкуется так «Хаан Иэйэхсит Эдьэн айыы миролюбивый дух, миротворное существо, вестник благодати божьей» [5, Стб. 231].

В трудах исследователей встречается богиня *Айыһыт*. В словаре Э.К. Пекарского имя богини Айыһыт объясняется так «общее название богинь плодородия, существ (божеств), преимущественно женского пола, творчески способствующих (покровительствующих) размножению людей (киһи айыһыта), конного (сылгы айыһыта) и рогатого (ынах айыһыта) скота, собак (ыт айыһыта), лисиц (саһыл айыһыта). Киһи Айыһыта или Айбыт Айыһыт (создательница человека, создавшая создательница) ходатайница о зачатии детей, покровительница родильниц (богиня родов). Она дает новорожденному кут (душу)» [5, Стб. 54].

Заключение

Таким образом, самым почитаемым и упоминаемым в трудах исследователей был образ божества - Юрюнг Айыы (Аар) Тойон. Также образ высшего божества Айыы имеет другие названия, такие как Аар Айыы Тойон и Айыы Тангара. Кроме этого, мы имеем разные теории об образе высшего божества Айыы. Например, по мнению А. Е. Кулаковского, Юрюнг Аар Тойон и Юрюнг Айыы Тойон – это единый образ высшего божества. А. И. Гоголев утверждал о том, что образ божества солнца Юрюнг Айыы Тойон в XX в. сливается с функциями Аар Айыы Тойона. В результате исследования мы выявили проблему по изучению образов высшего божества айыы. В дальнейшей необходимо выявить образы высшего божества айыы в текстах олонхо и выявить их функции, тем самым определить являются ли исследуемые образы едиными и сливаются ли их функции.

Также, в результате проведенного анализа трудов исследователей якутского фольклора, этнографии и истории мы нашли упоминания других божеств Верхнего мира. Наиболее распространенным образом, по материалам исследователей, является *Уордаах (Күн) Дьөһөгөй* – божество, покровительствующее конный скот. Образ божества *Хомпоруун Хотой айыы* упоминается в 9 источниках исследователей, в 3 текстах алгысов. По материалам последних исследований верований якутов «*Хомпоруун Хотой Айыы* букв. ‘Божество орел Хомпоруун’, которого ботулунский род якутов считал прародителем белых шаманов, даровал огонь». Божество под именем *Сугэ тойон* упоминается в 5 и более трудах исследователей. Также упоминаются божества Иэйэхсит и Айыһыт. Вероятно считать, что образы вышеупомянутых божеств были наиболее изучены и рассмотрены исследователями якутского фольклора. Результаты данной статьи будут применены для дальнейшего исследования образов божеств в якутском фольклоре.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Кулаковский А.Е. Научные труды / Сост. Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
2. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И.А. Худяков. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.
3. Ионов В.М. Дух – хозяин леса у якутов / В.М. Ионов // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук. - Т. 4, Ч.1. – Петроград: Тип. Импер. акад. наук, 1916. – 43 с.
4. Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири / Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 2008. – 494 с.
5. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка: в 3 томах, 2-е изд. / Э.К. Пекарский – Л.: Изд-во АН СССР, 1958-1959. – 3858 стб.
6. Маак Р.К. Вилюйский округ / Р.К. Маак; предисл. С.А. Степанова. – 2-е изд. – Якутск: Яна, 1994. – 592 с.
7. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. Материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я. И. Линденау. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
8. Гоголев А.И. Мифологический мир якутов. Божества и духи-покровители / А.И. Гоголев. – Якутск: Издательство ЦКиИ имени А.Е. Кулаковского, 1994. – 29 с.
9. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. / предисловие С.А. Степанов – М., 1993.
10. Афанасьев-Тэрис Л.А. Айыыүөрэбэ = Учение Айыы (на якут. яз.) / Л.А. Афанасьев-Тэрис. – Дьокуускай: Ситим КИФ, 1993. – 183 с.
11. Хотугулуу-Илинни федер. ун-т, Хотугулуу-Илинни норуоттар тылларын уонна культураларын ин-та, Респ. “Олонхо” ассоциация, Олонхо иккис уон сылын (2016 – 2025 сс.) бэлэмнээн ытыгыга Саха Респ. нац. тэрийэр ком. – Дьокуускай: Бичик, 2016. – 280 с. – (Саха боотурдара: 21 т.; Т.18).
12. Павлова О.К. Северо-восточная традиция в олонхо якутов: образы, сюжеты, поэтика / О.К. Павлова : автореф. дисс. к.филол.н. – Майкоп, 2018. – 20 с.
13. Афанасьев, Н.В. Мифологический образ духа огня в фольклоре якутов: типология, функции, лексический код: автореф. дисс. к.филол.н. / Н.В. Афанасьев. - Майкоп, 2017. – 22 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kulakovskiy A.E. Nauchnye trudy [Scientific works] / Comp. N.V. Emelyanov, P.A. Sleptsov. - Yakutsk: Book publishing house, 1979. - 484 p. [in Russian]
2. Khudyakov I.A. Kratkoe opisanie Verhojanskogo okruga [Brief description of the Verkhoyansk district] / I.A. Khudyakov. Khudyakov. - L. : Nauka, 1969. -- 440 p. [in Russian]

3. Ionov V.M. Duh – hozjain lesa u jakutov [The spirit is the master of the forest among the Yakuts] / V.M. Ionov // Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii pri Imperatorskoj akademii nauk [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences]. - Vol. 4, Part 1. - Petrograd: Type. Imper. acad. Sciences, 1916 .-- 43 p. [in Russian]
4. Alekseev N.A. Jetnografija i fol'klor narodov Sibiri [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia] / N.A. Alekseev. - Novosibirsk: Nauka, 2008 .-- 494 p. [in Russian]
5. Pekarsky E.K. Slovar' jakutskogo jazyka [Dictionary of the Yakut language]: in 3 volumes, 2nd ed. / E.K. Pekarsky - L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958-1959. - 3858 stb. [in Russian]
6. Maak R.K. Viljujskij okrug [Vilyui district] / R.K. Maak; foreword S.A. Stepanov. - 2nd ed. - Yakutsk: Yana, 1994 .-- 592 p. [in Russian]
7. Lindenau Ya. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII veka): Istorko-jetnogr. Materialy o narodah Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Istorko-ethnogr. Materials about the peoples of Siberia and the North-East] / Ya. I. Lindenau. - Magadan: Book. publishing house, 1983 .-- 176 p. [in Russian]
8. Gogolev A.I. Mifologicheskij mir jakutov. Bozhestva i duhi-pokroviteli [The mythological world of the Yakuts. Deities and patron spirits] / A.I. Gogolev. - Yakutsk: Publishing house of the A.E. Kulakovskiy, 1994 .-- 29 p. [in Russian]
9. Seroshevsky V.L. Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija [Yakuts. Ethnographic research experience]. 2nd ed. / foreword by S.A. Stepanov - M., 1993. [in Russian]
10. Afanasyev-Taris L.A. Uchenie Ajyy [Teaching of Aiyy] / L.A. Afanasyev-Taris. - Dyokuuskai: City KIF, 1993 .- 183 p. [in Yakut]
11. Hotuguluu-Илһһи feder. un-t, Hotuguluu-Илһһи noruottar tyllaryn uonna kul'turalaryn in-ta, Resp. "Олонхо" associacija, Олонхо ikkis uon sylyn (2016 – 2025 ss.) bjeljemnjejen yytyyga Saha Resp. nac. tjerijjer kom [North-Eastern Federal District of the University, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North, Rep. The OPCW Association, in preparation for the second decade of the OPCW (2016-2025)], National organization room.- Yakutsk: Biysk, 2016. - 280 P. - Yakutia: 21 vols.; Vol. 18. [in Yakut]
12. Pavlova O.K. Severo-vostochnaja tradicija v olonho jakutov: obrazy, sjuzhety, pojetika [Northeastern tradition in the Yakut olonkho: images, plots, poetics] / O.K. Pavlova : author. diss. PhD in Philology - Maykop, 2018 .-- 20 p. [in Russian]
13. Afanasyev, N.V. Mifologicheskij obraz duha ognja v fol'klore jakutov: tipologija, funkcii, leksicheskij kod [The mythological image of the spirit of fire in the Yakut folklore: typology, functions, lexical code] : author. diss. PhD in Philology / N.V. Afanasyev. - Maykop, 2017 .-- 22 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.168>

«ЧЁРНЫЙ» И «БЕЛЫЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОК-ПОЭЗИИ ВИКТОРА ЦОЯ

Научная статья

Петрова С.А.*

ORCID: 0000-0002-2634-8473,

Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (siversl[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается проблема значения цветовых лексем в художественном мире рок-автора Виктора Цоя. Исследуется вопрос визуализации поэтических образов в рамках интермедиального взаимодействия искусств слова, живописи и музыки. В рок-поэзии представлены не только инновационные идеи мировидения, но также и прослеживается развитие литературных традиций и актуализация национального аспекта российской онтологии. В творчестве Виктора Цоя изучаются интертекстуальные связи, семантическое наполнение цветообозначений, традиционный и новый символизм цветовой палитры. Наиболее частотными являются белый и чёрный цвета, которые при этом в художественном мире рок-поэта наполняются индивидуальными коннотациями и смыслом в соответствии с авторской концепцией. Поэт, музыкант и художник – Виктор Цой использует средства разных видов искусств, чтобы отразить с помощью интермедиальных связей многогранную специфику окружающего бытия. Национальные особенности репрезентируются в связях с фольклорными образами, которые представлены в рок-поэзии автора.

Ключевые слова: цвет, интермедиальность, Виктор Цой, рок-поэзия, символизм цвета, визуализация.

"BLACK" AND "WHITE" IN VIKTOR TSOI'S ARTISTIC WORLD OF ROCK POETRY

Research article

Petrova S.A.*

ORCID: 0000-0002-2634-8473,

A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

* Corresponding author (siversl[at]yandex.ru)

Abstract

The article deals with the problem of the meaning of color tokens in the artistic world of rock author Viktor Tsoi. The issue of visualization of poetic images within the framework of the intermedial interaction of the arts of words, painting, and music is investigated. Rock poetry presents not only innovative worldview ideas but also traces the development of literary traditions and the actualization of the national aspect of Russian ontology. The article examines intertextual connections, the semantic content of color meanings, traditional and new symbolism of the color palette in the works of Viktor Tsoi. The most frequent colors are white and black, which, at the same time, are filled with individual connotations and meaning in accordance with the author's concept in the artistic world of the rock poet. The poet, musician, and artist Viktor Tsoi uses the means of different types of art to reflect the multifaceted specifics of the surrounding being with the help of intermedial connections. National peculiarities are represented in the connections with folklore images, which are presents in the rock poetry of the author.

Keywords: color, intermediality, Viktor Tsoi, rock poetry, symbolism of color, visualization.

Введение

Интермедиальные взаимодействия между разными видами искусств опираются на художественные средства, которые используют авторы. В рамках взаимодействия литературы и живописи – это вербальные и визуальные приёмы изображения. Одним из таких средств визуализации в литературе является цвет, собственно цветовые обозначения, которые создают особую образность, определяемую важным эстетическим свойством любого художественного текста [17, С. 6536-6542]. Мастерство автора во многом связано именно с созданием ярких, запоминающихся образов в сознании читателя.

Цвет несёт имеет значительную художественную нагрузку и определяется значимым фрагментом языковой картины мира, представляющей и её национальную специфику [4, С. 20], [13, С. 820-821]. Как пишет В.Г. Гак: «На примере названий цвета можно убедиться, что даже такое объективное, общее для всех людей физическое ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования окрасок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [3, С. 198]. Важно также подчеркнуть, что исследование цветовых средств изображения необходимо и с точки зрения изучения выражения оценочного спектра. В данном случае речь также идёт и об актуализации влияния различных условий на специфику творческой индивидуальности автора, в частности: культурологические, исторические, социальные, природно-географические и т.д. В.Д. Черняк и Канин Хо отмечают: «Многогранность цветовой картины мира является результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов (особенностей восприятия конкретной языковой личности) и находит отражение в различных типах текстов» [12, С. 26].

Методы и принципы исследования

Формы словесного представления визуальных средств цветовой палитры традиционно рассматриваются в рамках концепции полевой организации лексики [12, С. 26]. В центре данного поля представлены, во-первых, основные цветовые прилагательные («белый», «зеленый», и др.), или составные, манифестирующие различные его нюансы, а, во-вторых, лексические единицы со значением цвета, метафорические по своему происхождению («малиновый»,

«пепельный» и т.п.). В-третьих, в языке представлены также другие части речи с семантическим компонентом «цвет», которые формируют сферы поля цвета, например: «чернота», «белеть», «красно» и др.

Следует также отметить, что «В художественном тексте универсальный знак отражает уникальность опыта личности, проекцию мира на личность, ракурс видения предметов восприятия или воображения» [11, С. 71]. Цветообозначения в словаре поэта или писателя показывают своеобразие его мировидения. Изобразительные возможности цвета также включены в индивидуальную творческую систему, действуют в качестве определённых знаков на восприятие зрителя, побуждают к мыслям и эмоциям. Как пишет Б.В. Абакумова: «Все спектральные цвета влияют на функциональные системы и психику человека... Цвет сам по себе, как физическое явление, способен вызывать определённые психоэмоциональные состояния человека» [1, С. 149]. В то же время психофизиологическое восприятие цвета связано с социокультурными и эстетическими аспектами. Воздействие цвета обусловлено также и ассоциативным контекстом, который представлен предшествующим опытом зрителя. В частности, Б.В. Абакумова отмечает: «Явление цветовых ассоциаций заключается в том, что данный цвет возбуждает те или иные эмоции, представления, ощущения, возбуждающие другие органы чувств, а также воображение, память о виденном или пережитом» [1, С. 149]. Цвет может влиять на настроение, на ощущения и т.п., например, Гёте делил цвета на бодрящие и на беспокоящие, вызывающие тревогу [8, С. 441].

Художник определяет символическое наполнение цвета в соответствии со своей системой ассоциаций и опыта [14, С. 55-64], [15, С. е11180]. Следует отметить, что по словам Ю.В. Доманского: «русская рок-поэзия, декларативно отвергая отечественную традицию и опираясь на традицию англоязычного рока, тем не менее существует в русле национальной культуры, ориентируясь на весь ее массив от фольклора до начала XX века, и являет собой новый этап в развитии русской словесности» [2, С. 29-30]. В этом плане важно использовать методику интермедиального анализа, в рамках которой рассматривается специфика взаимодействия средств разных видов искусств. Рассмотрим цветообозначения в творчестве рок-поэта В.Р. Цоя в свете взаимодействия не только вербального и визуального, но также и музыкального семиотического кода.

Основные результаты

Необходимость такого исследования связана и с тем, что в биографии рок-поэта представлены факты о его музыкальных способностях, а также о его мастерстве в визуальных искусствах – в живописи и в изготовлении нэцкэ, в рамках прикладного творчества [5, С. 10-11]. Для художника цвет играет значимую роль, так как несёт в себе определённый смысл, идейную составляющую картины. Изображение в живописи является средством выражения переживаний и мыслей человека, отношения к окружающей действительности самого художника. Учитывая то, что В. Цой был также и поэтом, можно рассмотреть его ассоциации с тем или иным цветовым оттенком, который упоминается в его вербальном творчестве. Обладая знаниями об искусстве живописи, поэт также использовал его средства для визуализации образов в словесной форме.

Определяя всю цветовую палитру художника, в одной из песен «Дети проходных дворов» альбома «Это не любовь» Виктор Цой пишет:

Есть два цвета – чёрный и белый –

А есть оттенки, которых больше [10, С. 322]

В данном случае автор создаёт сразу несколько антиномий: с одной стороны, расходящиеся по значению – чёрный и белый – языковые антонимы, а с другой стороны, этой паре противопоставляются все «оттенки, которых больше». В рамках методики интермедиальности в данном случае можно говорить о влиянии на поэта теории цвета живописи, в которой чёрный и белый составляют ахроматическую оппозицию по отношению к хроматическим, т.е. цвета и оттенки всех остальных красок [16, Р. 14-22].

Но нам нет никакого дела

До тех, кто чёрный, кто белый. [10, С. 322]

Как видим, дальше автор добавляет ещё противопоставление, в данном случае получается противопоставление на уровне действующих лиц – «мы» и «те» или «они»:

Мы дети проходных дворов

Найдём сами свой цвет. [10, С. 322]

Таким образом, поэт связывает самоидентификацию личности с цветовыми значениями. Ассоциативно здесь также актуализируется и политическое значение «белая гвардия», с интертекстуальной ориентацией на роман М.А. Булгакова, а с другой стороны, чёрный цвет – цвет анархистов [9]. Но в рамках противопоставлений создаётся новая позиция, новая реальность. Лирический герой и те, кого он определяет через местоимение «мы», утверждаются вне политики, так как переводят значение цвета на другой уровень, определяя себя в рамках иного урбанистического пространства: «проходных дворов». Образ разомкнутой сферы подчёркивает временность политических самоопределений, их «проходящее» или преходящее состояние. В то же время в тексте провозглашается наличие многочисленных оттенков, которые могут отразить многообразие разомкнутых – открытых точек зрения в мире. Важным при этом становится утверждение необходимости возможного поиска в данной окружающей действительности своего собственного цвета, как знака своей жизненной дороги, учитывая, что поэт говорит о разомкнутом пространстве. В последующей строчке декларируется ценность индивидуального выбора, каждый определяет себя в соответствии со своими целями и идеями: «найдем сами свой цвет». Поиск собственного предназначения характерен для индивидуалистической концепции традиций романтизма, что подчёркивает именно литературную основу русской рок-поэзии в целом.

Как уже было отмечено выше, в поэтике Виктора Цоя в цитате из песни «Дети проходных дворов» цвет «белый» вместе с «чёрным» включен в антиномию, которая оказывается противопоставлением двух крайностей состояния окружающего мира. Следует сказать, что одним из частотных цветов, которые упоминаются в рок-поэзии В.Р. Цоя, является именно белый. В первом альбоме «45» используется дважды, сначала в песне «Алюминиевые огурцы»:

Злое белое колено...

«Алюминиевые огурцы» [10, С. 293]

Второй раз – в песне «Солнечные дни»:

Белая гадость лежит под окном,

Я ношу шапку и шерстяные носки.

«Солнечные дни» [10, С. 294]

В альбоме «Группа крови» цвет представлен именем существительным:

На улицах снег утратил свою белизну,

В стеклянности талой воды мы видим луну.

«Вставай рядом со мной» [10, С. 327]

И дальше в творчестве поэта «белый» цвет взаимодействует с чем-то холодным и негативным, безжизненным. В Х.Э. Керлот пишет, что белый цвет может ассоциироваться со смертью, а также связан с образом луны, что также объясняет следующую строку в песне рок-автора [6, С. 558]. Смерть в данном случае детерминирована мертвенной бледностью, а также в целом двойственностью символики цвета. Принцип дуализма является одной из основ символических значений цвета [6, С. 558].

С другой стороны, в альбоме «Звезда по имени солнце» белый цвет связан и с категорией времени:

Снова за окнами белый день.

День вызывает меня на бой.

«Песня без слов» [10, С. 330]

Белый снег, серый лёд

На растрескавшейся земле.

«Звезда по имени Солнце» [10, С. 331]

Из приведённых цитат видно, что «белый снег» и «белый день» – два устойчивых образа в поэтике В.Р. Цоя, чаще всего имеющие отрицательные коннотации, так уже в первом альбоме есть словосочетание: «белая гадость». Негативное значение представлено и в песне «Алюминиевые огурцы»: «злое белое колено». Словосочетание «белый день» связано семантикой синонимии с фольклорным фразеологизмом «среди бела дня» [7, С. 109-113]. В «Песне без слов» категория времени «день» также оказывается отрицательной из-за того, что представляет собой агрессивную силу, вызывающую героя на «бой», требующую защиты.

И есть ещё белые-белые дни,

Белые горы и белый лёд,

«Место для шага вперёд» [10, С. 333]

В художественной системе В.Р. Цоя можно говорить также негативном значении будничности «белого дня», замкнутости на определённом бессмысленном повторении одного и того же изо дня в день. Герой пытается противостоять этому и ищет возможности для самореализации и творчества.

Образ «белые горы» в целом ассоциируется с неким препятствием в рамках контекста рефрена в песне «Место для шага вперёд». Горы закрывают свободное пространство своим массивом и не дают необходимое «место» для движения вперёд, чтобы найти выход для самореализации героя, но в то же время это и образ покрытых снегом возвышенностей, «сияющих светом сверхъестественного», направляющих к высшему [6, С. 557]. Другая символическая семантика понятия «белой горы» определяется через её вертикальное расположение, образующее смысловую связь с понятием мировой оси. Предполагается, что это и есть некая центральная точка восхождения к небесному и связи с потусторонним миром, и также некое место начала всего мира, соединяющее небо и землю.

В целом символика белого цвета в творчестве Виктора Цоя включает в основном негативные коннотации, и в дальнейшем в рамках индивидуальной эволюции автора связывается с темой смерти, которая имеет ассоциативное отношение к процессу сверхъестественной трансформации и перехода в мир иной. Семантика «белого» цвета восходит к значению солнечного света, что в поэтике В.Р. Цоя представлено через соединение с категорией времени, в частности с лексемой «день», актуализирующейся в рамках ассоциации с фольклорной формулой «среди бела дня».

Но этот образ также имеет негативное значение, окрашен агрессивностью, будничностью, повторяемостью. В данном случае важно, что в альбоме «Звезда по имени Солнце» рок-поэт противопоставляет всему этому «несколько слов» и «место для шага вперёд» – проявление жизни, действия, движения вопреки застою и однообразию. В ракурсе методики интермедиального анализа можно рассматривать такое отношение к белому цвету с позиции художника, который стремится трансформировать «белый лист» в некую картину. Белизна полотна с позиции интермедиальной связи с живописью в данном случае воспринимается негативно из-за отсутствия на ней изображения как некоего признака жизни, движения.

В антинормии к белому выступает в творчестве автора чёрный цвет, но в то же время и объединяется с ним в противопоставлении всем остальным оттенкам. В целом акцентируется общая амбивалентность этих двух цветов. В рамках науки физических тел свойствами черного цвета также обладает Солнце как космическое явление, имеющее абсолютные поглощающие способности. Чёрный, с одной стороны, – цвет траура, скорби, зла, тайны, а с другой – знак ухода от мирской жизни во имя надежды на новую в монашестве, освобождение от мирской суеты, земли, плодородия, торжественности, авторитета и т.д. В рок-поэзии Виктора Цоя есть несколько вариантов употребления прилагательного. В альбоме «Начальник Камчатки»:

Чёрные кошки перебегают дорогу.

«Прогулка романтика» [10, С. 310]

В данном случае образ связан с народной приметой с чёрной кошкой, которая своим цветом и действием как будто предупреждает о некой предстоящей опасности.

В альбоме «Ночь» лексема используется в географическом названии:

Мне снится Чёрное море

*Тёплое Чёрное море**«Звёзды останутся здесь»* [10, С. 320]

В этом отрывке актуализируется смысловая связь с семантикой земли, тепла, естественного начала в чёрном цвете.

В альбоме «Группа крови» прилагательное употребляется в последней песне цикла:

*И как хлопало крыльями чёрное племя ворон.**«Легенда»* [10, С. 328]

Образ традиционный и в рамках национальной составляющей российского фольклора, и для художественной сферы русской литературы. «Чёрный ворон» акцентирует тему смерти, трагическое ожидание конца, некое злое явление.

В альбоме «Звезда по имени Солнце» автор ни разу не использует данное цветообозначение «чёрный». Но следующий последний альбом его соратники по группе «Кино» назовут «Чёрным альбомом» в знак скорби и траура по погибшему поэту. В этом цикле также есть упоминание прилагательного «чёрный»:

*Завтра где-то, кто знает где,**Война, эпидемия, снежный буран,**Космоса чёрные дыры...**«Следи за собой»* [10, С. 342]

Автор использует астрономический термин, в который включена лексема цветообозначения «чёрный».

В творчестве В.Р. Цоя достаточно часто также употребляется прилагательное «тёмный» со словесными элементами, предполагающими также наличие «чёрного», например, с категорией времени «ночь»:

- в песне «Генерал» из альбома «Начальник Камчатки»: «ночь слишком темна» [10, С. 305],

- в произведении «Прогулка романтика», «Я вижу, что ночь темна» [10, С. 309].

В тексте «Нам с тобой» автор также использует цветообозначение «чёрный» с категорией времени «ночь»:

*Чёрная ночь да в реке вода**Нам с тобой, и беда станет не беда,**Ну решай!**«Нам с тобой»* [10, С. 339]

В альбоме «Это не любовь» используется лексема «дотемна» [10, С. 311] в значении времени, также во фразе: «ты приходишь домой, когда темно», «уже темно» [10, С. 313].

Также в цикле «Чёрный альбом» поэт возвращается к этой связи с категорией времени в песне «Вера – надежда – любовь»:

*В небе над нами горит звезда**Некому кроме неё нам помочь**В тёмную, тёмную, тёмную**«Ночь»* [10, С. 339]

С другой стороны, значение времени также актуализируется в рамках определения сезона года, детерминированного географическими или природными условиями: «Я люблю этот город, но зима здесь слишком темна» [10, С. 313].

Иные коннотации предоставлены в альбоме «Ночь». В песнях этого цикла формируется устойчивый образ «тёмные стёкла». С одной стороны, это – солнцезащитные очки:

*Ты смотришь мне в глаза,**Но тёмные стёкла хранят мою душу.**«Фильмы»* [10, С. 317]

В данной цитате образ скрывает истинную сущность героя, защищает и спасает от негатива окружающей действительности. Но в другой песне цикла герой говорит о том, что очки искажают представление о мире:

*Не люблю тёмные стёкла -**Сквозь них тёмное небо!**«Звёзды останутся здесь»* [10, С. 320]

С другой стороны, это – окна домов ночью, в которых не горит свет:

*Деревья как звери царапают тёмные стёкла,**Пока ещё не поздно лечь и уснуть в эту ночь.**«Игра»* [10, С. 321]

Также автор использует такие сочетания: «темные улицы», что в целом связано со временем суток и отсутствием света, с категорией времени и его природной спецификой: «тёмное небо», которое видно «сквозь» тёмные стёкла очков, по сути, искажённость природного начала.

Ещё один случай употребления лексемы «тёмный»:

*Я стою в темном углу.**Я не знаю, что случилось со мной.**«Разреши мне»* [10, С. 344]

Данное цветообозначение используется в основном для предметных деталей, а также для природного образа неба, но именно искажённого его представления. Обобщая, отметим, что смысл цветового эпитета «тёмный» в большей степени наполнен коннотациями сокрытия, тайны, неизвестности, спасения в связи с тем, что есть возможность спрятаться. Последнее также активизируется в песне «Нам с тобой», где в продолжении как раз употребляется фраза «беда станет не беда» [10, С. 339].

Заключение

Цвет в художественном мире рок-поэта В.Р. Цоя представляет собой систему, включённую в разные контексты: исторический и политический, культурный и философский, фольклорный и национальный. Автор актуализирует и интертекстуальные, и интермедийные связи с помощью словосочетаний с цветообозначениями. Художественная палитра рок-поэта наполнена разными языковыми единицами, передающими семантику цвета. В то же время рок-поэт представляет свою индивидуальную систему символики цвета в соответствии со своей эстетической и онтологической концепцией художественного мира.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абакумова Б.В. Цвет как средство выражения в живописи и музыке / Абакумова Б.В. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Вып. 4 (168). – Майкоп: 2015 – С. 148-154.
2. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: проблемы и пути изучения / Доманский Ю.В. // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – Вып. 2. – С. 26-38
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
4. Гладырь Б.С. Роль цвета в творчестве Александра Блока / Б.С. Гладырь // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) – Вып. 7-5 (16) – 2015 – С. 20-22.
5. Калгин В.Н. Виктор Цой. Жизнь и «Кино» / В.Н. Калгин. М.: Изд-во АСТ, 2016. 304 с..
6. Керлот Х.Э. Словарь символов / Керлот Х.Э. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
7. Lyashchynskaya V. A. On the origins of color semantics and symbols of the Adjective white on the phraseologisms material / V. A. Lyashchynskaya // Bulletin of F. Skorina Gomel State University, 2020, №. 1, pp. 109-113.
8. Петров-Водкин К.С. Живопись как ремесло / К.С. Петров-Водкин // Мастера искусства об искусстве. Т. 7 / Под ред. А.А. Федорова-Давыдова, Г.А. Недошивина. – М.: Искусство, 1970. – С. 441-443.
9. Петрова С.А. В.Р. Цой и М.А. Булгаков: формы взаимодействия / С.А. Петрова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, Тверь: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), 2020. – Вып. 20. – С. 80-84.
10. Цой, В. Стихи, документы, воспоминания / Авт-сост. М. Цой, А. Житинский. – СПб: Новый Геликон, 1991. – 382 с.
11. Чернейко Л. О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования / Л. О. Чернейко. М.: Гнозис, 2017. 208 с.
12. Черняк В.Д. Цветовая палитра рассказов Ю. Казакова: лексическое воплощение / В.Д. Черняк, Хо Канин. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Вып. 184. – 2017. – С. 26-30.
13. Alsultan M. Colour idioms: phraseological units with the colour designation component / M. Alsultan // Qalaai Zanist Scientific Journal. – 2020. – Vol. 5. – №. 4. – P. 820-836.
14. Chen Y. Crowd sourcing word-colour associations / Y. Chen et al. // Journal of the International Colour Association. – 2020. – Vol. 25. – P. 55-64.
15. Jonauskaite D. Colour-emotion associations in individuals with red-green colour blindness / D. Jonauskaite et al. // PeerJ. – 2021. – Vol. 9. – P. e11180.
16. Mylonas D. Coherence of achromatic, primary and basic classes of colour categories / D. Mylonas, L. D. Griffin // Vision Research. – 2020. – Vol. 175. – P. 14-22.
17. Schüz S. Knowledge Supports Visual Language Grounding: A Case Study on Colour Terms / S. Schüz, S. Zarriß // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2020. – P. 6536-6542.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abakumova B.V. Cvet kak sredstvo vyrazheniya v zhivopisi i muzyke [Colour as a means of expression in painting and music] / B.V. Abakumova // In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and art history] no. 4 (168). Majkop, 2015. pp. 148-154. [in Russian]
2. Domanskij YU.V. Russkaya rok-poeziya: problemy i puti izucheniya [Russian rock poetry: problems and ways of studying] / YU.V. Domanskij // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: Sb. nauch. tr. [Russian rock poetry: text and context: Collection of scientific works] – Tver': Tver. Stat. Un-ty Publ., 1999. no. 2. pp. 26-38 [in Russian]
3. Gak V. G. Sopostavitel'naya leksikologiya. [Comparative lexicology] / V. G. Gak. M.: International relations Publ, 1977. 264 p. [in Russian]
4. Gladyr' B.S. Rol' cveta v tvorchestve Aleksandra Bloka [The role of color in the work of Alexander Blok] / B.S. Gladyr' // Evrazijskij Soyuz Uchenyh (ESU) [Eurasian Union of Scientists], no. 7-5 (16), 2015, pp. 20-22 [in Russian]
5. Kalgin V.N. Viktor Tsoy. ZHizn' i «Kino» [Viktor Tsoy. Life and "Cinema"] / V.N. Kalgin. M.: AST Publ., 2016. 304 p. [in Russian]
6. Kerlot H.E. Slovar' simbolov. [Dictionary of symbols] / H.E. Kerlot. M.: REFL-book Publ., 1994. 608 p. [in Russian]
7. Lyashchynskaya V. A. On the origins of color semantics and symbols of the Adjective white on the phraseologisms material / V. A. Lyashchynskaya // Bulletin of F. Skorina Gomel State University, 2020, №. 1, pp. 109-113.
8. Petrov-Vodkin K.S. ZHivopis' kak remeslo [Painting as a craft] / K.S. Petrov-Vodkin // Mastera iskusstva ob iskusstve. [Masters of art about art]. Vol. 7. ed. A.A. Fedorova-Davydova, G.A. Nedoshivina. M.: Iskusstvo Publ., 1970. pp. 441-443. [in Russian]

9. Petrova S.A. V.R. Tsoy i M.A. Bulgakov: formy vzaimodejstviya [V.R. Tsoi and M.A. Bulgakov: forms of interaction]. / S.A. Petrova // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: Sb. nauch. tr. [Russian rock poetry: text and context: Collection of scientific works]. Ekaterinburg, Tver': Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet (Ekaterinburg), Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg) Publ. 2020, no. 20, pp. 80-84. [in Russian]
10. Tsoy, V. Stihi, dokumenty, vospominaniya [Poems, documents, memoirs] / M. Coj, A. ZHitinskij. – SPb: Novyj Gelikon, New Gelikon Publ. 1991. 382 p. [in Russian]
11. CHERnejko L. O. Kak rozhdaetsya smysl: Smyslovaya struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovaniya. [How meaning is born: The semantic structure of a literary text and linguistic principles of its modeling] / L. O. CHERnejko. M.: Gnozis, 2017. 208 p. [in Russian]
12. CHernyak V.D. Cvetovaya palitra rasskazov YU. Kazakova: leksicheskoe voploshchenie [The colour palette of Yu. Kazakov's stories: lexical embodiment] / V.D. CHernyak, Ho Kanin // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. [Izvestia of the Russian State Pedagogical University named by A. I. Herzen.] no. 184, 2017, pp. 26-30. [in Russian]
13. Alsultan M. Colour idioms: phraseological units with the colour designation component / M. Alsultan // Qalaai Zanist Scientific Journal. – 2020. – Vol. 5. – №. 4. – P. 820-836.
14. Chen Y. Crowd sourcing word-colour associations / Y. Chen et al. // Journal of the International Colour Association. – 2020. – Vol. 25. – P. 55-64.
15. Jonauskaite D. Colour-emotion associations in individuals with red-green colour blindness / D. Jonauskaite et al. // PeerJ. – 2021. – Vol. 9. – P. e11180.
16. Mylonas D. Coherence of achromatic, primary and basic classes of colour categories / D. Mylonas, L. D. Griffin // Vision Research. – 2020. – Vol. 175. – P. 14-22.
17. Schüz S. Knowledge Supports Visual Language Grounding: A Case Study on Colour Terms / S. Schüz, S. Zarriß // Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2020. – P. 6536-6542.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.169>

**ПОЭТИЧЕСКАЯ СКАЗКА И. Д. ВИНОКУРОВА – ЧАГЫЛГАНА «ТУЛЛУКТАЙ»:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

Научная статья

Посельская В.Д.*

ORCID: 0000-0003-2434-2681,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (Vikt80[at]mail.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению становления поэтической (стихотворной) сказки в якутской поэзии начала XX века в качестве самобытного жанрового явления на примере произведения И. Д. Винокурова – Чагылгана «Туллуктай» в аспекте фольклорно-литературных взаимосвязей с народной сказкой «Старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами». Аргументируется сохранение сюжетной, образно-мотивной составляющих сказки при изменении формального аспекта: с прозы на стиховую организацию. Результаты исследования могут иметь значение для разработки ряда вопросов, касающихся эволюции и жанровой типологии якутской поэзии. Выводы могут быть использованы в лекционных, специальных курсах по якутской литературе, в практикумах по анализу поэтического текста.

Ключевые слова: фольклорная сказка, поэтическая сказка, сюжетная структура, мотив, образы, стиховая форма, автор, интерпретация, модификация.

**I. D. VINOKUROV-CHAGYLGAN'S POETIC TALE "TULLUKTAY":
FEATURES OF INTERPRETATION OF FOLKLORE TRADITIONS**

Research article

Poselskaya V.D.*

ORCID: 0000-0003-2434-2681,

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (Vikt80[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the formation of a poetic fairy tale in the Yakut poetry of the early twentieth century as an original genre phenomenon using I. D. Vinokurov - Chagylgan's "Tulluktay" in the aspect of folklore and literary interrelations with the folk tale "Starushka Behjbehrikehehn s pjat'ju korovami". (The Old Woman Beybarikeen with Five Cows). The author substantiates the preservation of the plot, figurative and motivational components of the fairy tale when changing its form from prose to poetry. The results of the study may present certain significance for the development of a number of issues related to the evolution and genre typology of Yakut poetry and can be used in lectures and special courses on the history of Yakut literature and in organizing poetry analysis classes.

Keywords: folklore fairy tale, poetic fairy tale, plot structure, motive, images, verse form, author, interpretation, modification.

В современном якутском литературном языке термин *остуоруйа* (от рус. история) утвердился в 20-30-х гг. XX в., когда стали составляться учебные пособия и сборники по фольклору [1, С.37]. В эти же годы в якутской поэзии общей доминирующей особенностью многих произведений становится использование различных фольклорных форм при идеологических, нравственно-тематических ориентирах. В указанный период начинается становление стихотворной сказки как отдельного типа литературного текста, с авторской установкой на художественную интерпретацию фольклорных традиций. Иными словами, литературная сказка, с одной стороны, сохраняет общие свойства жанра народной сказки, с другой – привносит нечто новое, индивидуальное [6, С. 188].

Одним из первых примеров такого рода поэтической сказки указывается произведение П. А. Ойунского «Спор», написанный в 1927 г. по сюжету народной сказки «Беркут и Чирок», где автору удалось творчески переработать известные фольклорные сюжеты в оригинальные художественные произведения [2, С. 12-13]. В 30-е гг. художественная интерпретация якутской народной сказки наиболее ярко и методически осознанно наблюдается в творчестве И. Д. Винокурова - Чагылгана в сказке «Туллуктай» (1938), которая представляет собой творческую обработку народной сказки «Бисэ ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин» с использованием художественно-эстетических возможностей поэзии. Прозаическая форма фольклорной сказки интерпретируется автором в поэтическую структуру якутского песенного стиха – семисложника в комплексе с анафорической аллитерацией. При этом сама стиховая форма поэтической сказки является знаком «литературности», признаком отхода, «отталкивания» от фольклорности, выступает определяющим маркером индивидуально-авторского текста с функцией эстетического воздействия на читателя. Выразительность, энергичность, ритмичность действия сказки передают звуковое сочетание в стихах, повторы.

В сказке И. Чагылгана «Туллуктай» сохранились почти все детали содержания народной сказки – подробности сюжета, мотивы и образы с добавлением некоторых индивидуально-авторских нюансов. Сюжетная основа реализуется при помощи традиционных мотивов фольклорной сказки. Как отмечает известный якутский фольклорист-эпосовед Н. В. Емельянов, сюжетное развитие народной сказки о старухе Бэйбэрикээн основывается на мотиве сватовства («чудесной супруги») [1, С. 47], который сохранен в литературном ее варианте. Заглавным действующим

лицом в поэтической сказке выступает образ старухи Бэйбэрикээн в качестве земной матери чудесного ребенка с божественным предназначением стать женой Харалай Бэргэн. В образе старушки Бэйбэрикээн олицетворяется народное начало сказки, даже имя в стихотворном тексте остается неизменным.

В поэтическом тексте «Туллуктай» содержание сказки разделено на четыре части. В первой части представлена экспозиция сюжета - старушка находит растущий в земле цветок, который впоследствии превращается в чудесного ребенка. Во второй части экспозиция перерастает в завязку, где происходит встреча жениха и невесты. Главный герой отправляется на охоту, встречается с девушкой-красавицей, влюбляется в нее с первого взгляда, сватается и уводит из родительского дома. Далее разворачивается типичный для волшебной сказки сюжет, где прослеживается мотив дома и дороги: герои выезжают из дома и дорога приводит их в потусторонний мир. В данном случае жених оставляет невесту одну, она перепутав две дороги, попадает в руки дочери Абаасы (демона) Кин-Кинкиримэ кыһа Киргинньэх Саадьабай и погибает. Отличие в том, что в народной сказке дочь Абаасы не наделена именем. По сюжету она выдает себя за невесту Харалай Бэргэна, а девушка обратно превращается в траву. Тут появляется мотив волшебного помощника – волшебный говорящий конь, на котором ехала Туллуктай. На человеческом языке он сообщает все родоначальнику, и впоследствии они избавляются от дочери Абаасы. Развязка сказки со счастливым концом – возлюбленные снова вместе и сбывается предназначение божеств – Туллуктай становится женой сына родоначальника народа саха.

В народной сказке образную характеристику нередко составляют имена или прозвища героев. Для наибольшей выразительности в создании имен-прозвищ используются различные стилистические и поэтические приемы (сочетания звуков, рифм и т.д.). Сравним начальные строки народной и поэтической текстов сказок:

«Биир сарсыярда туран, биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин алаас сыһыга ынабын сылгылы барбыт үһү» [8, С. 3].

*«Биэс бээгэй ынахтаах
Бэйбэрикээн эмээхсин,
Түөртүүр ыама чугаһаан,
Ынахтарын хамыйа
Ыллы-туойа испитэ»* [10, С.34].

Как видим, в тексте фольклорной сказки наблюдается созвучность гласных и согласных звуков. При этом прозвище главной героини сказки Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин построено на этом звуковом сочетании (*биэ-бэ-бэ*). «Бэйбэрикээн» дословно на русском языке означает слово «семящая». Следовательно, имя характеризует и описывает ее внешнюю повадку ходить семящей походкой. Уточнение «биэс ынахтаах» передается в качестве дополнительного признака создаваемого образа также на использовании звукового соответствия. В поэтическом тексте «Туллуктай» имя персонажа дополняется Чагылганом созвучным определением «бээгэй» («коротконогая») по отношению к коровам. Интерпретация автора наблюдается также в добавлении дополнительного смысла для передачи настроения персонажа: «ыллы-туойа испитэ» (досл. «шла, припевая»). Использование такого рода художественного приема наблюдается во всем пространстве текста поэтической сказки (в описании внешности, настроения персонажей).

В поэтической сказке наблюдается модификация, направленная на внесение нового смысла во вторичный текст сказки. Например: в эпизод, повествующий об обнаружении девочки, авторское, индивидуальное прослеживается во внесении дополнительных деталей: старушка находит сначала златокудрого младенца («Көмүс куудара баттахтаах // Күндү айыы оҕото»), который очень быстро, буквально по дням, вырастает в красивую девушку. В исходной сказке старуха Бэйбэрикээн сразу с порога обнаруживает прекрасную девушку.

Главные герои в поэтическом варианте по замыслу автора наделены именами собственными. Чагылган вносит модификации в использовании имен главных героев. Если в народной сказке девушка без имени, то по сюжету поэтической сказки по замыслу автора старуха наделяет свою обретенную дочь нежным именем Туллуктай. В поэтической сказке у юноши-богатыря имя немного изменено – Хайгамсык Хаан уола Харалай Бэргэн. В народной сказке его имя звучит как Хайгамсык Хара Хаан тойон уола Хаардыт Бэргэн. Имя главного героя автор возможно переименовал по аналогии с именем девушки Туллуктай - Харалай. Имя Туллуктай, на наш взгляд, отсылает к якутской лирике, а именно к творчеству одного из основоположников якутской литературы А. И. Софронова – Алампа, который ввел лирическую струю в поэзию. Именно Алампа вводит образ белой пуночки («Үрүн тулук өрө мөлбөстүүр») при воспевании красоты любимой женщины. Тем самым, введя подобную интерпретацию образа главной героини, которая в народной сказке была безымянной, Чагылган в своем произведении в некотором роде поэтизировал ее образ, внес лирическое начало.

Таким образом, в поэтической сказке И. Чагылгана «Туллуктай» сохраняется сюжетная составляющая фольклорной сказки «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» при изменении ее формальной структуры. При модификации текста фольклорной сказки, происходит изменение формального аспекта: в отличие от народной сказки, написанной в прозаической форме, автор изначально отталкивается от стиховой организации, отсюда и вытекают различные принципы авторского самовыражения. Событийная составляющая сюжета стихотворной сказки полностью соответствует последовательности событий сказки-оригинала. Изменений не наблюдается также в мотивно-образном, временном уровнях. Модификации в тексте фольклорной сказки продиктованы установкой на создание собственно авторского текста.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Емельянов Н. В. Народные сказки якутов. / Н. В. Емельянов // Якутские народные сказки / Сост.: В. В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С. Д. Мухомлева и др. – Новосибирск : Наука, 2008. – 462 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.27).
2. Захарова А. Е. Якутская детская литература (1923-1980 гг.): библиографическое пособие / А. Е. Захарова. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1981. – 148 с.
3. Леонова Т. Г. О сходстве и различии форм повествования в русской народной и литературной сказке XIX века / Т. Г. Леонова // Художественный метод и творческая индивидуальность писателя. – Омск, 1987. – С. 2 -15.
4. Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX в. в ее отношении к народной сказке (Поэтическая система жанра в историческом развитии) / Т. Г. Леонова. – Томск: Изд. Томского университета, 1982. – 198 с.
5. Липовецкий М. Н. О чем "помнит" литературная сказка? (Семантическое ядро историко-литературных модификаций жанра) / М. Н. Липовецкий // Модификация художественных форм в историко-литературном процессе. – Вып. 1. – Свердловск, 1988. – С. 5-21.
6. Петрова Н. В. Интерпретация и модификация сказок / Н. В. Петрова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – С. 187-193.
7. Петрова Н. В. Типы модификаций первичных текстов сказок / Н. В. Петрова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 16. – №3. – 2017 г. – С. 207- 213.
8. Старуха Бэйбэрикээн: Сказка для детей дошкольного возраста. – Якутск: Бичик, 1993. – 32 с.
9. Сураг И. З. Жанр стихотворной сказки в русской литературе 1830-х годов / И. З. Сураг: Дисс. . к. фил. н. М., 1985. – 239 с.
10. Чагылган. Стихи, сказки, рассказ, перевод: Для детей среднего школьного возраста. – Якутск: Бичик, 2004. – 136 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Emel'janov N. V. Narodnye skazki jakutov [Folk tales of the Yakuts] / N. V. Emel'janov // Jakutskie narodnye skazki [Folk tales of the Yakuts] / N. V. Emelyanov. Novosibirsk : Nauka, 2008. – 462 p. [in Russian]
2. Zaharova A. E. Jakutskaja detskaja literatura (1923-1980 gg.): bibliograficheskoe posobie [Yakut children's literature (1923-1980): bibliographic guide] / A. E. Zaharova – Yakutsk : Jakutskoe publ. house, 1981. – 148 p. [in Russian]
3. Leonova T. G. O shodstve i razlichii form povestvovaniya v russkoj narodnoj i literaturnoj skazke XIX veka [On the similarities and differences in the forms of narration in the Russian folk and literary tale of the 19th century] / T. G. Leonova // Hudozhestvennyj metod i tvorcheskaja individual'nost' pisatelja [The artistic method and creative personality of the writer]. – Омск, 1987. – P. 2 -15. [in Russian]
4. Leonova T. G. Russkaja literaturnaja skazka XIX v. v ee otnoshenii k narodnoj skazke (Pojeticheskaja sistema zhanra v istoricheskom razvitii) [Russian literary tale of the 19th century in her relation to the folk tale (Poetic system of the genre in historical development)] / T. G. Leonova. – Томск: publ. house of Tomsk university, 1982. – 198 p. [in Russian]
5. Lipoveckij M. N. O chem "pomnit" literaturnaja skazka? (Semanticheskoe jadro istoriko-literaturnyh modifikacij zhanra) [What does a literary tale "remember" about? (The semantic core of the historical and literary modifications of the genre)] / M. N. Lipoveckij // Modifikacija hudozhestvennyh form v istoriko-literaturnom processe [Modification of Artistic Forms in the Historical and Literary Process]. – Issue. 1. – Sverdlovsk, 1988. – P. 5-21. [in Russian]
6. Petrova N. V. Interpretacija i modifikacija skazok [Interpretation and modification of fairy tales] / N. V. Petrova // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]. – 2012. – P. 187-193. [in Russian]
7. Petrova N. V. Tipy modifikacij pervichnyh tekstov skazok [Types of modifications of the primary texts of fairy tales] / N. V. Petrova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics]. Vol. 16. – №3. – 2017 g. – P. 207- 213. [in Russian]
8. Staruha Bjejbjerikjejen: Skazka dlja detej doskol'nogo vozrasta 8. [Old Woman Beiberikeen: A Tale for Preschool Children]. – Якутск: Bichik, 1993. – 32 p.[in Yakut]
9. Surat I. Z. Zhanr stihotvornoj skazki v russkoj literature 1830-h godov [The genre of a poetic tale in Russian literature of the 1830s] / I. Z. Surat: Diss. . k. fil. n. M., 1985. – 239 p. [in Russian]
10. Chagylgan. Stihi, skazki, rasskaz, perevod: Dlja detej srednego shkol'nogo vozrasta [Poems, fairy tales, story, translation: For children of secondary school age]. – Якутск: Bichik, 2004. – 136 p. [in Yakut]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.170>**МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИЗАЦИИ**

Научная статья

Сенько Е.В.*

ORCID: 0000-0001-6951-9343,

Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия

* Корреспондирующий автор (senkoelena[at]yandex.ru)

Аннотация

Настоящая статья посвящена феномену семантического обновления лексики современного русского языка. В работе обобщены известные в современной лексикологии теоретические подходы к пониманию способов семантической неологизации, сформулирован критерий, избранный для работы с конкретным лексико-семантическим материалом, а именно с неосемемами, при возникновении которых новое значение не выводится из того или иного лексико-семантического варианта, а механически присоединяется к определенному семантическому компоненту, доказана правомерность теоретического положения, избранного в качестве исходного. Автором предложено закрепить за семантическими инновациями рассматриваемого типа термин морфолого-семантические дериваты, что мотивируется грамматическим характером дериваторов подобных неосемем. Цель статьи – рассмотреть семантические инновации, возникающие в современной русской языковой системе путем использования механизма, не связанного с семантической деривацией.

Ставятся задачи систематизировать семантические инновации по способам их возникновения, обосновать правомерность избранного терминологического обозначения рассматриваемых неосемем, проанализировать факторы их появления. Утверждается, что в процессе неологизации проявляется взаимодействие словаря с другими языковыми ярусами; это и обуславливает необходимость уточнить перечень механизмов семантической деривации, среди которых был установлен механизм, в основе которого – взаимосвязь лексического и грамматического уровней системы языка.

Ключевые слова: неологизация, семантические инновации, внесловная семантическая деривация, агрегатирование, морфолого-семантический дериваты.

MORPHOLOGICAL DERIVATION AS A MECHANISM OF SEMANTIC NEOLOGIZATION

Research article

Senko E.V.*

ORCID: 0000-0001-6951-9343,

K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

* Corresponding author (senkoelena[at]yandex.ru)

Abstract

This article discusses the phenomenon of semantic updating of the vocabulary of the modern Russian language. The article summarizes the known modern theoretical lexicological approaches to understanding the ways of semantic neologization; formulates the criterion selected for working with a specific lexical-semantic material, namely neosememes, in the case of which the new value is not displayed from a lexico-semantic variant but mechanically attached to a particular semantic component; the article also proves the validity of the theoretical positions elected as the source. The author proposes assigning the term "morphological-semantic derivatives" to semantic innovations of the type under consideration, which is motivated by the grammatical nature of derivators of such neosememes. The purpose of the article is to examine semantic innovations arising in the modern Russian language system by using a mechanism unrelated to semantic derivation.

The tasks are set to systematize semantic innovations according to the ways of their occurrence, to substantiate the validity of the chosen term designation of the neosememes under study, and to analyze the factors of their occurrence. The article states that in the process of neologization, the interaction of the dictionary with other language tiers manifests itself; this makes it necessary to clarify the list of mechanisms of semantic derivation, among which a mechanism has been established based on the relationship between the lexical and grammatical levels of a language system.

Keywords: neologization, semantic innovations, extra-verbal semantic derivation, aggregation, morphological and semantic derivatives.

Введение

Общеизвестен постулат об интенсивной динамике современного русского языка. Векторы языковой динамики носят различный характер. Один из них – семантические трансформации в структуре лексем. В словарях современных толковых словарей, особенно в словарях неологического и динамического типов, словарные новшества подобного характера представляю собой значительный пласт лексикографического вокабуляра. Данное обстоятельство свидетельствует о несомненной активности соответствующего лексического процесса и его востребованности системой языка, действующими в ней внешними и внутренними тенденциями и таким психологическим фактором языковой динамики, как языковой вкус. Все сказанное позволяет утверждать, что семантическая неологизация – актуальный для современного русского языка процесс.

Конечно, сдвиги указанного типа не есть вектор, характерный исключительно для современной языковой динамики. Еще в 1965 году Ю.С. Сорокин отмечал, что в русской языковой системе XIX века семантические инновации играют «едва ли не главную роль в обновлении и изменении лексической системы литературного языка» [12, С.325].

Таким образом, появление неосемем – онтологическое свойство языка, в связи с чем они являются «хроническим» предметом внимания многих лингвистов. Несмотря на это, механизмы семантической деривации исследованы недостаточно. В качестве таковых обычно называют непрямую номинацию, родо-видовую деривацию, семантический сдвиг [2, С.123 – 124], [3], [6, С.32 – 35], [7, С. 5 – 10]. Неологизация, протекающая на современном диахроническом срезе русского языкового развития, вносит коррективы в перечень механизмов неологического процесса, представляя нетрадиционные способы неосемантизации. Цель статьи – рассмотреть семантические инновации, возникающие в современной русской языковой системе путем использования механизма, не связанного с семантической деривацией.

Методы и принципы исследования

Для решения данных задач использовались метод сплошной выборки языкового материала, описательный метод полученных данных, метод структурно-семантического анализа. В основу данной работы положены неограниченные источники, фиксирующие семантические инновации современного русского литературного языка: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения (1998, 2001), Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика (2006); Новое в русской лексике: Словарные материалы – 90, 91, 94 / Под ред. Ю.Ф. Денисенко (2004, 2005, 2006); Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века / Под ред. Т. Н. Буцевой и Е. А. Левашова (2009 – 2014).

Результаты

В русском лексическом потоке нашего времени неосемемы указанного выше типа играют весьма значительную роль. Как было отмечено, они не выводятся из того или иного лексико-семантического варианта, а механически присоединяются к определенному семантическому компоненту, что обусловлено общностью сем. Данный тип семантических инноваций уже стал объектом внимания лексикологов [5], [10], [13]. В работах исследователей нетрадиционные семантические инновации именуются «семантическими неологизмами-присоединениями» в противоположность «семантическим неологизмам-дериватам», возникающим в результате не внутрисловной, а внесловной семантической деривации [5, С. 12].

Следует, однако, отметить, что впервые на рассматриваемый тип инноваций обратила внимание Н.З. Котелова, которая отмечала, что «значительное количество семантических инноваций образуется способами, отличными от семантической деривации; в этом случае они не связаны отношениями семантической выводимости с исторически предшествующим значением» [9, С. 124]. Для подобных семантических инноваций Н.З. Котеловой был предложен термин «агрегатирование».

На наш взгляд, за данными семантическими инновациями следует закрепить термин морфолого-семантические дериваты, что мотивируется грамматическим характером дериватора подобных неосемем.

Новое слово, которое образуется морфологическим способом, в лексико-семантической системе языка интегрируется с ранее известным словом с тождественным экспонентом и воспринимается как новый лексико-семантический вариант. Лексикографические справочники, как правило, репрезентируют подобные инновации либо как значения многозначного слова, либо как омонимы. Однако из-за формального совпадения или совпадения в плане содержания подобная лексикографическая трактовка инноваций указанного типа не представляется приемлемой.

Обсуждение

«Агрегатированные» лексико-семантические варианты слов демонстрируют неоднотипные взаимосвязи.

1. В процессе порождения агрегатированных неосемем могут функционировать различные словообразовательные средства. Широко известно относительно новое значение субстантива *афганец* – советский военнослужащий, проходящий службу в Афганистане (1970 – 1989): *Первый камень монастыря на этой богатой, но бесхозной земле заложил 15 мая 1995 года Михаил Васильевич Санников – бывший казэбэшник, афганец, которого занесло изучать буддизм в Иволгинском дацане в Бурятии* (Национальный корпус русского языка). В основе неосемемы – словообразовательная модель: *Афган(истан)+-ец*. Уже известное ранее слово *афганец* – «представитель основного населения Афганистана» и новая семема, образованная морфологическим путем, агрегатировались на основе общей семы и воспринимаются в качестве лексико-семантических вариантов.

Ср. также:

курильщик «о подводном термальном источнике»: *кури(ться) + -льщик*;

отказник «ребёнок, от воспитания и содержания которого официально отказались родители»: *отказ (аться) + -ник*;

стилист «художник-модельер, создающий модели нового стиля одежды»: *стиль + -ист*;

чеченец «российский военнослужащий, участник войны в Чечне»: *Чеч(ня) + -енец*.

В рассматриваемом процессе архисема не трансформируется, как это бывает при непрямой номинации, объем семемы также не меняется, что отличает агрегатирование от родо-видовой деривации. Интеграция семем происходит на платформе общей семы в семантических структурах лексем: в данном случае можно видеть, что агрегирующими семемами являются соответственно семы «*выделять дым*», «*отказ*», «*стиль*», «*Чечня*».

2. Если производящее слово полисемично, то возможно образование нового лексико-семантического варианта от агрегатированного же варианта производящего слова.

Сравнительно новое значение слова *пакетный* – «охватывающий *пакет*, то есть совокупность взаимосвязанных предложений, вопросов, основанный на нем»: *Вопрос: Какой из вариантов решения карабахской проблемы: поэтапный, пакетный, обмен территориями, на Ваш взгляд, наиболее перспективен? ← Ответ: Пакетный вариант в таком сложном конфликте невозможен* (Национальный корпус русского языка). Новое значение лексемы *пакет*, послужившее деривационной базой, есть скрытое заимствование англ. *package*: *пакет + -н(ый)*.

В этом случае нет причин для деривационного соотношения указанных значений, так как не наблюдается семантической мотивации нового значения уже известной семемой; следовательно, значения просто «присоединяются друг к другу».

Ср. также:

ястребиный «относящийся к ястребу» < *ястреб* «хищная птица»: *ястреб* + -ин(ый) и *ястребиный* «характерный для ястребов» < *ястреб* «сторонник решения спорных вопросов силой оружия» (калька с англ. *Hawk*): *ястреб* + -ин(ый).

3. Возможен и способ образования агрегирующих морфолого-семантических инноваций от связанных между собой семантической выводимостью неосемем: деривационной базой неосемемы является в данном случае исходное значение дериватора, старые же семемы производятся от семантических дериватов исходного значения.

Имя существительное *звездность* означает «принадлежность кого-либо к числу знаменитостей, осознание этой причастности»: *Телевидение же сегодня занимается подменой ценности личного успеха понятием «звездность», и этому посвящено множество передач: «Как стать звездой», «Публичные люди»* (Национальный корпус русского языка). В роли мотивирующей базы для данного семантического множителя выступило переносное значение адъектива *звездный* - «свойственный знаменитости, звезде»: *звездн(ый) + -ость*. Основной лексико-семантический вариант производящего слова, имея дериват, выступил в роли интралингвистического мотива, который обусловил аналогичный дериват у выводимого семантическим путем переносного лексико-семантического варианта.

Аналогично:

властный:

власть 1) право и возможность → «имеющий склонность и распоряжаться кем-чем-нибудь, *властный* привычку повелевать»: подчинять своей воле»; *власть*(*т* → *т*) + -н(ый);

↓

2) «политическое господство, → «относящийся к государственное управление *властный* государственному и его органы» управлению»:

власть(*т* → *т*) + -н(ый):

властные структуры.

Таким образом, наблюдается своего рода «зеркальное отражение» семантической производности неосемем производящего и производного слова, параллельно осуществляется динамика их словообразовательных гнезд.

Современные инновации репрезентируют активную динамику семантической структуры русских лексических единиц. Конечно, данный процесс, по утверждению Н.Ф. Алефиренко, прежде всего детерминирован когнитивной деятельностью человека: «Поскольку познание окружающего нас мира безгранично, то изменение и совершенствование наших знаний о нем, связанное с обнаружением новых признаков и свойств объектов познания, приводит, естественно, к изменению значений и связанным с ним семантическим процессам» [1, С.5]. Действие этих процессов обуславливает различного рода трансформации семантического характера, которые представляют одну из самых актуальных конституентов современного неологического корпуса. Когнитивные механизмы обуславливают дальнейшее действие комплекса факторов:

«1) социальных (смена векторов общественного развития);

2) универсально-психологических, в частности тенденции к обобщению, экспрессивности; индивидуально-психологических (стремление дать субъективную оценку объекту номинации, нестандартно именовать объект с целью привлечения к нему особого внимания адресата);

3) интралингвистических, обусловленных потребностью в совершенствовании средств языкового обозначения» [11, С. 5].

Думается, что в перечне указанных факторов отсутствует тот, который обуславливает появление рассмотренных выше семантических инноваций. Чем мотивируется сказанное утверждение?

Исследования последних лет привели к тому, что содержание понятия «инновация» несколько изменилось: в нем появился признак, связанный с пониманием нового как языкового явления, охватывающего все уровни языка. Данный подход связан с системным пониманием языка, и предполагает необходимость исследовать процесс неологизации в аспекте межуровневых языковых связей. Налицо соответствие высказанного постулата логическим законам, которые гласят, что в той или иной структуре независимо от ее специфики дифференциальные признаки ее составляющих реализуются только в аспекте межструктурных связей. Значит, в процессе неологизации проявляется взаимодействие словаря с другими языковыми ярусами. Это и обуславливает необходимость уточнить перечень механизмов семантической деривации, среди которых был установлен механизм, в основе которого – взаимосвязь лексического и грамматического уровней системы языка. Не случайно в процессе возникновения рассмотренных нетрадиционных инноваций в качестве средств, обеспечивающих действие соответствующего языкового механизма, выступают различные аффиксальные единицы.

Заключение

Анализ современных семантических инноваций приводит к выводу о необходимости выделить в отдельный структурный тип неосемемы, которые образуются нетрадиционным для русского языка способом, сочетающим в себе лексико-семантическое и морфологическое начало. Привычная семантическая производность, характерная для непрямого номинации и для родо-видовой деривации, не является востребованной; в данном случае: семантическая деривация осуществляется с помощью словообразовательных средств. Дериваторами выступают, как правило, различные словообразовательные аффиксы. Новое слово, которое образуется морфологическим способом, в лексико-семантической системе языка интегрируется с ранее известным словом с тождественным экспонентом и

воспринимается как новый лексико-семантический вариант. Лексикографические справочники, как правило, репрезентируют подобные инновации либо как значения многозначного слова, либо как омонимы. Однако из-за формального совпадения или совпадения в плане содержания подобная лексикографическая трактовка инноваций указанного типа не представляется приемлемой.

Рассматриваемые неосемемы в некоторой степени аналогичны словообразовательному гнезду. Это объясняется тем, что морфолого-семантические дериваты как бы восполняют лакуны в структуре полисеманта, что ассоциируется с процессом восполнения отсутствующих ступеней в рядах словообразовательных гнезд. Неосемемы, как и единицы словообразовательного гнезда, часто могут быть предсказаны, что объясняется регулярностью соотношений лексико-семантических вариантов мотивирующей и соответствующей мотивированной лексической единицы. Сказанное свидетельствует о возможности предсказания линии развития лексико-семантической уровня языка на основании логики его системной динамики.

Изучение механизма семантической неологизации позволяет сделать вывод, имеющий отношение к фиксации неосемем в неологических словарях. Последние в целом дифференцированно квалифицируют новые лексико-семантические варианты уже известных русскому литературному языку слов, однако данная дифференциация не полностью отвечает уровню современного научного развития, который позволяет более детально подойти к лексикографированию семантических инноваций. В соответствии со сказанным в неологических словарях было бы желательно приводить в конце словарной статьи этимологические справки, отражающие не только вторичную номинацию, но и семантические трансформации иного характера.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Гнозис, 2005. - 326 с.
2. Ерёмченко В.О. / В.О. Еременко // Университетские чтения-2019; Материалы научно-методических чтений ПГУ. – Пятигорск, 2019. - С.122-127.
3. Жлуктенко Ю.А. Английские неологизмы / Ю. А. Жлуктенко, В. П. Березинский, И. И. Борисенко и др.; Отв. ред. Ю. А. Жлуктенко]. - Киев : Наук. думка, 1983. - 172 с.
4. Загоровская О.В. Еще раз о структуре значения словесного знака / О.В. Загоровская // Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С.24-32
5. Загоровская О.В. Вопросы типологии лексико-семантических инноваций в русском языке новейшего периода / О.В. Загоровская, В.С. Калаева // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / Под ред. О.В. Загоровской. – Выпуск 28. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – С. 9-14.
6. Калаева В.С. О способах образования семантических инноваций в русском языке новейшего периода / В.С. Калаева // Актуальные проблемы изучения русского языка. - 2019. - №29. - С. 32 – 35.
7. Касьянова Л.Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века / Л.Ю. Касьянова // Вестник Томского государственного университета. - 2006. - Выпуск 5 (56). - С.5-10
8. Кленовая Н. В. Неологизмы в современной английской периодике / Н.В. Кленовая. - Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2004. - 31 с.
9. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов / Н.З. Котелова // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 46 – 63.
10. Курасова Е.В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода : авторефер. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.В. Курасова Воронеж. 2007. - 22 с.
11. Мистюк Т.Л. Тенденции семантической эволюции современного русского языка (на базе неологической метафоризации общеупотребительной лексики в газетной публицистике 1992–1997 годов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Л. Мистюк. - Барнаул, 1998. – 16 с.
12. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е гг. XIX в. / Ю.С. Сорокин. – М.-Л, Наука, 1965. – 566 с.
13. Черникова Н.В. Семантические неологизмы в современном русском языке, 80-е – 90-е гг. XX века: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.В. Черникова. – М, 1997. – 242 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alefirenko N.F. Spornye problemy semantiki [Controversial problems of semantics] / N.F. Alefirenko. - M.: Gnozis, 2005. - 326 p. [in Russian].
2. Eryomenko V.O. K voprosu o semanticheskikh innovatsiyah v anglijskom yazyke [On the issue of semantic innovations in the English language] / V.O. Eremenko // Universitetskie chteniya-2019; Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGU [University readings-2019; Materials of scientific and methodological readings of PSLU]. – Pyatigorsk, 2019. - P.122-127 [in Russian].
3. Zhluktenko Yu.A. Anglijskie neologizmy [English neologisms] / Yu. A. Zhluktenko, V. P. Berezinskij, I. I. Borisenko et al.; ed. Yu. A. Zhluktenko]. - Kiev : Nauk. dumka, 1983. - 172 p. [in Russian].
4. Zagorovskaya O.V. Eshche raz o strukture znacheniya slovesnogo znaka [Once again about the structure of the meaning of a word sign] / O.V. Zagorovskaya // Teoreticheskie problemy sovremennogo yazykoznanija [Theoretical problems of modern linguistics] / ed. I.A. Sternina i M.A. Sterninoj. – Voronezh: Istoki, 2009. – P.24-32 [in Russian].
5. Zagorovskaya O.V. Voprosy tipologii leksiko-semanticheskikh innovacij v russkom yazyke novejshego perioda [Questions of typology of lexical and semantic innovations in the Russian language of the recent period] / O.V. Zagorovskaya, V.S. Kalaeva // Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i

shkole [Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian at university and school] / ed. O.V. Zagorovskoj. – Issue 28. – Voronezh: Nauchnaya kniga, 2018. – P. 9-14 [in Russian].

6. Kalaeva V.S. O sposobah obrazovaniya semanticheskikh innovacij v russkom yazyke novejshego perioda [On the ways of formation of semantic innovations in the Russian language of the latest period] / V.S. Kalaeva // Aktual'nye problemy izucheniya russkogo yazyka [Actual problems of learning the Russian language]. - 2019. - №29. - P. 32 – 35 [in Russian].

7. Kas'yanova L.Yu. Semanticheskaya neologizaciya v russkom yazyke konca XX – nachala XXI veka [Semantic neologization in the Russian language of the late XX - early XXI century] / L.Yu. Kas'yanova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. - 2006. - Issue 5 (56).. - P.5 -10 [in Russian].

8. Klenovaya N. V. Neologizmy v sovremennoj anglijskoj periodike [Neologisms in modern English Periodicals] / N.V. Klenovaya. - Magnitogorsk: Publishing house of MaGU, 2004. - 31 p. [in Russian].

9. Kotelova N.Z. Teoreticheskie aspekty leksikograficheskogo opisaniya neologizmov [Theoretical aspects of lexicographic description of neologisms] / N.Z. Kotelova // Sovetskaya leksikografiya [// Soviet Lexicography]. – M., 1988. – P. 46 – 63 [in Russian].

10. Kurasova E.V. Semanticheskie neologizmy obshchestvenno-politicheskoy sfery v russkom yazyke novejshego perioda : avtorefer. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [Semantic neologisms of the socio-political sphere in the Russian language of the newest period : abstract of the dissertation of the Candidate of Philology: 10.02.01] / E.V. Kurasova Voronezh. 2007. - 22 p. [in Russian].

11. Mistyuk T.L. Tendencii semanticheskoy evolyucii sovremennogo russkogo yazyka (na baze neologicheskoy metaforizacii obshcheupotrebitel'noj leksiki v gazetnoj publicistike 1992–1997 godov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [Trends in the semantic evolution of the modern Russian language (based on the neological metaphORIZATION of common vocabulary in newspaper journalism 1992-1997): autoref. dis. ... Candidate of Philology: 10.02.01] / T.L. Mistyuk. - Barnaul, 1998. – 16 p. [in Russian].

12. Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30-90-e gg. XIX v. [Development of the vocabulary of the Russian literary language: 30-90-ies of the XIX century] / Yu.S. Sorokin. – M.-L, Nauka, 1965. – 566 p. [in Russian].

13. Chernikova N.V. Semanticheskie neologizmy v sovremenном russkom yazyke, 80-e – 90-e gg. HH veka: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.01 [Semantic neologisms in modern Russian, the 80s - 90s of the twentieth century: dis. ...Candidate of Philology: 10.02.01] / N.V. Chernikova. – M, 1997. – 242 p. [in Russian].

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.171>**ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Научная статья

Кучуков М.М.*

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. Кокова В.М., Нальчик, Россия

* Корреспондирующий автор (kuchukovm[at]mail.ru)

Аннотация

В работе рассматривается проблема мотивации, выбора поведенческих моделей и генерирования социальной активности субъектов гражданского общества в современной России. Социокультурная регуляция является одной из необходимых функций культуры, направленной на формирование групповых форм деятельности людей. В статье обосновывается идея существования исторического сознания как идеальной основы формирования субъектов гражданского общества, выполнения ею регулятивной функции в отношениях политической власти и гражданского общества. Историческое сознание функционально в процессах реализации общественной потребности в социальном предвидении, определения исторических перспектив субъектов гражданского общества. В статье утверждается существование исторического сознания как атрибутивного элемента в процессах формирования целепроективного отношения к будущему, проявляющихся в структурировании и функционировании гражданского общества. Научная новизна исследования определяется: содержанием и своеобразием рассматриваемых проблем и полученных результатов; концептуализацией вхождения исторического сознания в мир феноменов социокультурной регуляции поведения субъектов гражданского общества; авторской интерпретацией функциональности исторического сознания.

Ключевые слова: гражданское общество, субъект гражданского общества, историческое сознание, социально-историческая субъектность, этнос, нация.

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AS A PHENOMENON OF SOCIO-CULTURAL REGULATION OF THE BEHAVIOR OF SUBJECTS OF CIVIL SOCIETY

Research article

Kuchukov M.M.*

Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov, Nalchik, Russia

* Corresponding author (kuchukovm[at]mail.ru)

Abstract

The paper examines the problem of motivation, the choice of behavioral models, and the generation of social activity of the member of civil society in modern Russia. Socio-cultural regulation is one of the necessary functions of culture aimed at the formation of group forms of human activity. The article substantiates the idea of the existence of historical consciousness as an ideal basis for the formation of subjects of civil society, its performance of a regulatory function in the relations of political power and civil society. Historical consciousness is functional in the processes of realizing the social need for social foresight and determining the historical prospects of civil society subjects. The article asserts the existence of historical consciousness as an attributive element in the processes of forming a goal-oriented attitude to the future, which are manifested in the structuring and functioning of civil society. The scientific novelty of the research lies in the content and originality of the problems under study and the results obtained; the conceptualization of the entry of historical consciousness into the world of phenomena of socio-cultural regulation of the behavior of subjects of civil society; an original interpretation of the functionality of historical consciousness.

Keywords: civil society, member of civil society, historical consciousness, socio-historical subjectivity, ethnicity, nation.

Практический и исследовательский интерес к феномену гражданского общества возник вместе с процессами преодоления наследия тоталитарных режимов и социального конструирования демократических, политических институтов в посткоммунистических обществах. Формируемая политическая система функциональна на базе трех структур: разделённых и одновременно единых институтов власти, гражданского общества и автономной личности с субъектным сознанием. Гражданское общество рассматривается в роли субстанционального фактора общественной жизни, формирующего баланс интересов социальных образований, укрепляющего существующую политическую систему. Рассматриваемому феномену присуще функция коллективного целедостижения, решения проблем социального конструирования. Гражданское общество – это совокупность социальных образований и институтов, имеющих относительную самостоятельность и независимость от государственной власти, отражающих в своей деятельности потребности, интересы и ценности членов общества, способных оказывать воздействие на принятие социально значимых решений и их реализацию. Гражданское общество является способом формирования социальности, исходящей из идеи необходимости существования консенсусной системы общественных отношений. Деятельное существование гражданского общества, формы и способы взаимоотношений с политической властью определяются содержанием сознания социума, миром идеальных образов и идей, представлений и теорий. Этот комплекс идеальных феноменов, мотивирующих и направляющих активность гражданского общества, структурируется историческим сознанием социума. Исторические взгляды членов общества играют роль ценностных ориентиров и оказывают регулирующее влияние на их социально значимую активность, содействуют формированию гражданского самосознания и гражданского общества. И для понимания, и интерпретации состояния гражданского

общества, определения факторов мотивации и деятельности, необходимо выявить содержание и характер функциональности исторического сознания. Можно утверждать о наличии проблемной ситуации в понимании содержания понятия «историческое сознание». Необходимо определиться с явлениями, составляющими содержание понятия «историческое сознание», наполнить абстракцию феноменами духовной жизни, существующими в реальности, «видимыми» и на уровне обыденной жизни, способными быть предметом исследования, регулирования и влияния. Полученные результаты способны раскрыть механизм генерирования деятельного отношения к бытию личности, осознания наличия коллективных (этнических, национальных, профессиональных и др) интересов, необходимости социумного существования. Начало традиции интерпретации понятия «историческое сознание» было положено Ю.А. Левадой, он писал, что это: «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознано (воспринимает и оценивает) свое прошлое, – точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени» [3, С. 16]. Такое понимание понятия стало общепринятым. Так, Ж. Т. Тощенко определяя понятие, писал, что историческое сознание: «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а так же отдельных людей» [7, С. 3]. Понятие стало употребляемым на разных уровнях и традиционным стала интерпретация сущности и существования исторического сознания как явления, обусловленного существованием исторического процесса, прошлого, в событиях, в деятельности социальных субъектов. При этом, в общественном сознании исторический процесс стал восприниматься как нечто объективное, так же как времена года, движение планет.

При таком понимании теряется современное бытийственное содержание исторического сознания. Понятие «историческое сознание» приобретает адекватное содержание при её интерпретации в контексте структуры и функциональности социума, как фактора социальности. Понятие «социальность» используется для фиксации организменного существования общества, на базе сформулированных нормативов, способов и форм сосуществования и деятельности людей. Существующие в течение жизнедеятельности многих поколений, историческом времени социальные образования характеризуются целостностью, самодостаточностью и самостоятельностью. Социальность существует как сформировавшаяся система предписаний, выполняющих функции трансцендентального и константного распорядителя, определяющего каким быть общности. Социальность характеризуется восприятием длительности и последовательности происходящего, социального бытия как процесса. Такое понимание времени является признаком и неперенным условием существования и человека. В человеке способность воспринимать время, а также и пространство, заложена на уровне существования природных свойств, образы пространства и времени существуют вместе с биологическими ощущениями. Социум так же обладает подобным свойством, пониманием и восприятием времени как осознания собственного состояния в прошлом, настоящем и будущем. Известный историк М. А. Барг отмечал, что историческое сознание охватывает «родовое прошлое (генезис), «видовое настоящее» (данная фаза общественной эволюции) и «призываемое будущее», проистекающее «из явного или неявного целеполагания» [2, С. 5]. Он так же писал, что при таком понимании, историческое сознание предстает целостным. Генезис и развитие социальности происходит, на основе становления способности общества существовать в восприятии и различения процессов длительности и последовательности. Социальное бытие носит характер объективного исторического процесса, и историчность является необходимой гранью существования общества. Понятие историческое сознание имеет смысл и эвристическое содержание при определении её феноменом социальности, способом деятельного существования социальных образований.

При исследовании исторического сознания, как правило, интерпретируется первая часть понятия, то есть «историческое». Но необходимо обратить внимание и на вторую часть понятия, т.е. «сознание» и начать с констатации того, что феномен существует как сознание, т.е. совместное знание прошлого. Понимание исторического сознания в немалой степени зависит от интерпретации сущности и существования общества, взаимоотношении общества и человека. В теоретической социологии было в основном выработано два подхода в решении этой проблемы. Исторически первая точка зрения, была выражена еще в античной философии. Аристотелю принадлежит определение общества (у Аристотеля государства)— и её соотношения с человеком, где «государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшийся в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» [1, С. 379]. О сути двух подходов было сказано в предисловии к работе Ф. Хайека, где указано: «Коллективисты (Сен-Симон, Конт, Гегель, Маркс, неомарксисты, структуралисты) утверждают, что коллективистским понятиям соответствует некая определенная реальность, автономная и независимая от людей: общество, партии, классы в качестве реальных образований лепят индивидов, а ученый обязан искать и описывать законы развития этих субстанций. Сторонники методологического индивидуализма (А. Смит, Д. Юм, К. Поппер, Хайек — ближе к ним Р. Будон) утверждают, что коллективным понятиям не соответствует никакая специфическая реальность. Классов, обществ, партий, ни даже вооруженных сил не существует. Есть только индивиды» [11, С. 43].

Индивидуалистическая интерпретация общества снимает проблему роли и функции исторического сознания в социальных процессах. Интересен вывод М. Шелера о существовании высших аксиом социологии, где первую аксиому знания определил в следующей форме: «Знание каждого человека о том, что он — «член» общества, — это не эмпирическое знание, а априори. Оно генетически предшествует этапам его, так называемого самосознания и сознания собственной ценности: нет никакого «я» без «мы», и «мы» генетически всегда раньше наполнено содержанием, чем «я» [9, С. 162]. Историческое сознание это нечто присущее социальным субъектам, но её общественно признаваемое и познаваемое существование связано с формированием субъектного самосознания у этносов, а в современности нации. В многонациональных социумах, как правило, наиболее активно в составе и в роли субъектов гражданского общества выступают этносы, национальные движения. Нации впервые возникают вместе со становлением государственности, возникшей на базе идеи суверенитета народа (нации). Становление такого общества

происходит на основе возникновения культуры социоорганизменного существования отдельного общества. Становление национального государства происходит путём изменения социальной жизни, возникновения механизмов саморазвития и самоуправления на основе принципов и норм демократии. Одновременно происходит изменение естественноисторической основы социума, т.е. этносов, на основе приобретения субъектного самосознания и культуры такого существования. Такой этнос и определяется как нация. В странах с многонациональным составом государство формируются на основе введения принципа федерализма, где и фиксируется признание субъектных прав этносов. Понятие историческое сознание стало популярным и обсуждаемым с появлением на арене истории нации или же сознания национальных интересов. Историческое сознание существует в переплетении трёх блоков представлений, формирующих образы: предполагаемого будущего нации; воспринимаемого настоящего и конструируемого прошлого нации. В актуальном состоянии они представляют собой единую картину ликов бытия социума во времени. Временные границы такого сознания и её содержание определяются понятием «судьба нации, социума». В понятии «судьба нации, социума» фиксируются суждения и представления о событиях, заполняющих историческое время существования социума. Историческое сознание существует как способ интерпретации судьбы общности, восприятие определенной картины бытия социума как необходимой и реальной. Соотношение в этой картине разных модальностей времени зависит от содержания эпохи, переживаемой общностью, жизненной ситуации. В период парадигмального существования социума историческое сознание конструируется на основе образа прошлого, где возможное будущее видится в контурах стабильности и повторяемости. В периоды социальных трансформаций историческое сознание формируется на основе представлений о возможном или невозможном, но желаемом будущем. Историческое сознание в своем содержании детерминировано *образом желаемого будущего*, а прошлое переписывается в соответствии с представлениями о необходимом. Носителем исторического сознания и являются субъекты гражданского общества. В переплетении интересов и целей субъектов гражданского общества складывается деятельное существование гражданского общества, и в конечном итоге, всего социального организма. Таким образом, историческое сознание обладает атрибутивными свойствами в процессе самоопределения социума в будущем. Историческое сознание меняется и утверждается в своем содержании на основе создания, конструирования новой истории общности, её взаимоотношений с сосуществующими народами. Историческое сознание содержит многообразные формы идеальных феноменов, но определяется и меняется под влиянием результатов исторических исследований, т.е. истории.

Понятие «история» существует, имея неоднозначное содержание. История традиционно понимается как процесс существования во времени разных социальных образований, от рода и до человечества в целом. История (исторические труды) это и итог познания процесса существования во времени социальных общностей и человека. История существует в различных концепциях прошлого, в диссертационных исследованиях, монографиях и статьях. История в таком качестве обладает в общественном сознании статусом источника объективных и адекватных знаний, освященных авторитетом науки. История как система научных знаний (или же ненаучных, но принимаемых за таковых) и составляет базу исторического сознания. Актуальное историческое сознание в «видимой» форме существует как восприятие и интерпретация исторического процесса. И такое сознание является способом легитимации тех или иных представлений о будущем и происходит на основе создания представлений о прошлом, которое принимает форму необходимых предпосылок будущего.

История как явление общественной жизни исторично в своем содержании и форме. Впервые о необходимости выявления роли истории в общественной жизни, её историчности сказал Ф. Ницше. Интерес к проблеме был вызван процессами, происходящими в исследовании и восприятии прошлых событий во второй половине XIX века. История до этого излагалась как литературно-публицистическое творчество, она относилась к филологии и имела форму свободного повествования о событиях прошлого. XIX век стал временем становления гуманитарного познания. Возникает и история как элемент социогуманитарного познания, где основным героем становится народ как этническая общность (нация). История приобретает форму научных текстов, возникают теоретические концепции и реальность воссоздается в определенной логике, соблюдая принимаемые критерии истинности.

Существенные изменения с историей и с её ролью в общественной жизни произошли в XX веке. Изменение содержания и принципов формирования истории было обусловлено процессами, происходящими в жизнедеятельности народов и цивилизаций. Такое изменение роли исторических концепций в общественной жизни было связано с признанием субъектных прав наций в начале века. В течении XX века нации и национальные государства стали массовидным явлением. Это и государства, возникшие в результате мировых войн, развала колониальной системы. Одновременно с этими процессами создаются истории, где главным героем становится нация, не герои не полководцы, не государство, а нация. Историческое сознание становится определяющим элементом национального субъектного самосознания. С формированием наций и национальных государств история (как наука) становится востребованной и популярной. Создаются концепции существования наций во времени. В течение жизнедеятельности нескольких поколений эти образы существования народов во времени воспринимаются как знания, непререкаемые истины. Историческое сознание функционирует, выполняя охранительные функции, легитимируя настоящее, ссылаясь на героическое прошлое. Именно конструирование подобных истории народов является неоспоримым признаком формирования национального субъектного самосознания этноса. Историческая наука в таких условиях становится формой существования теоретического национального самосознания. Историческое сознание в последние десятилетия существует, будучи явлением характерным для эпохи перемен. В эпоху социальных трансформаций историческое сознание приобретает соответствующее содержание и форму. И происходит это на основе конструирования и распространения нового видения судеб народов и цивилизации, человечества в целом. В этот период вместо истории народов как концептуальных картин, созданных по канонам исторической науки, возникают *историописания*. Понятие «историописание» становится популярным и распространенным, отражая те существенные перемены, которые произошли с формированием и распространением представлений о судьбах народов. Понятие стало предметом осмысления и определения. В апреле 2009 года центр

истории исторического знания Института всеобщей истории РАН провел дискуссию по теме «Понятие «историописание» и его границы». С.Г. Мереминский, участник дискуссии, определяя понятие «историописание», его содержание и границы выделил три группы значений. Одно из них существование историописаний определяет «как «писание» истории в противовес историческому исследованию, основанному на научном анализе. Тем самым историописание явно или неявно противопоставляется исторической науке» [8, С. 7]. Авторы, создающие картины национальной истории и судьбы, как правило, проявляются свободными «художниками» в конструировании представлении о судьбах народов, о прошлом. Критерием, на основе которого создаются представления о прошлом становится образ предполагаемого или же желаемого будущего. Возникшие историописания имеют отдаленное отношение к требованиям объективности и адекватности. Историописания возникают как явления политического сознания, они представляют собой тип классических идеологических учений. Основная цель создаваемых картин прошлого это обоснование локальных, групповых интересов. Эпоха перемен характеризуется появлением различных политических движений, апеллирующих к национально-этническим проблемам. Историописания создаются, замещая национальные истории народов и существуют как способ истолкования прошлого. Впервые на существование истории в таком содержании и форме и на закономерность её появления указал К. Поппер. Он писал: «Не может быть истории прошлого в том виде, как оно действительно имело место, возможны только исторические интерпретации, и не одна из них не является окончательной. Каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, и не только имеет право, а в каком-то смысле и обязательно делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности» [10, С. 310].

Можно утверждать о закономерном характере изменении содержания и роли истории в общественной жизни в периоды кризиса социальности. В десятилетие перемен, на рубеже веков, история стала средством политической борьбы, и такой факт был признан конгрессом профессиональных историков. В августе 2000 года, на 19-м Международном конгрессе исторических наук в Осло одно из трех главных заседаний тематически было определено в следующей редакции «Использование и злоупотребление историей и ответственность историков» [5, С. 341]. На постсоветском пространстве мифологизация истории приняла массовый характер, все это не только происходило, но и происходит в настоящее время. В реальных процессах общественной жизни, в межнациональных коллизиях история и историки участвовали и играли роль идеологов и идеологии. В государствах, возникших в процессе развала СССР, стало частым явлением привлечение людей с историческим образованием в государственные структуры. Переписывание истории происходило в явном противоречии с установленными научными фактами. В событиях, которые происходили в различных регионах Российской Федерации в эти годы и связанных с проблемами национальной жизни, отчетливо видна негативная роль исторических интерпретаций. Такая роль истории и историков выпукло видна в событиях на Северном Кавказе, в описании прошлого этносов региона. Созданы фантастические картины прошлой жизни народов региона и самое интересно то, что при изложении великого прошлого того или иного народа в регионе куда-то исчезают все остальные народы региона. Одновременно с этим существует историческое сознание, выступающее в форме совокупности разнообразных явлений общественного сознания, сопровождающих существование этносов и других социальных образований актуальных или же потенциальных субъектов гражданского общества. В таком качестве существуют знания и верования, исторический опыт и память, убеждения, обычаи и обряды, символы и идеи. Они формируют мировоззрение и ментальность социальной общности и оказывают влияние на состояние гражданского общества. Историческое сознание оказывает регулятивное влияние на общественную жизнь, социально значимую активность людей, субъектов гражданского общества.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аристотель. Политика / Аристотель : Соч. в 4-х т. Т. 4. – М. : 1983.-830 с.
2. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М.А. Барг // - М., 1987. -348с.
3. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной// - М.: Круг, 2006. -768 с.
4. История исторического знания: Пособие для вузов / Л.П.Репина, В.В.Зверева, М. Ю. Парамонова // -М.-Дрофа, 2004. -288с.
5. Муравьева М.Г. XIX Международный конгресс исторических наук в Осло: на перепутье / М.Г. Муравьева // Проблемы истории международных отношений и историографии всеобщей истории. СПб., 2002. -270 с.
6. Ницше Ф. Несвоевременные размышления: О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NICSHE/razмышleniya1.txt>. (дата обращения:15.10.2021).
7. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж. Т. Тощенко // Новая и новейшая история. - 2000. - № 4. - С. 3-14.
8. Терминология исторической науки. Историописание: / - М - ИВИ РАН, 2010. - 335 с.
9. Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / М.: Книжный дом «Университет», - 2002. — Ч. 1. -471 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. / К.Поппер // - Т.2. -М -1992.-448с.
11. Хайек Ф.А. Познание конкуренция и свобода. Антология сочинений. / Ф.А. Хайек //- СПб., 1999. -287 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aristotle. Politika [Politics] / Aristotle : Op. in 4 vols. Vol. 4. -Moscow : 1983.-830 p. [in Russian]
2. Barg M.A. Jepochi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and ideas. The formation of historicism] / M.A. Barg // - М., 1987. - 348 p. [in Russian]
3. Istorija i pamjat': Istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni [History and memory: The historical culture of Europe before the beginning of Modern Times] / Edited by L. P. Repina. - М.: Krug, 2006. - 768 p. [in Russian]

4. Istorija istoricheskogo znanija [The history of historical knowledge: A handbook for universities] / L.P.Repina, V.V.Zvereva, M. Y. Paramonov // -M.-Bustard, 2004. - 288 p. [in Russian]
5. Muravyeva M.G. XIX Mezhdunarodnyj kongress istoricheskikh nauk v Oslo: na pereput'e [XIX International Congress of Historical Sciences in Oslo: at the crossroads] / M.G. Muravyeva // Problemy istorii mezhdunarodnyh otnoshenij i istoriografii vseobshhej istorii [Problems of the history of international relations and historiography of universal history]. St. Petersburg, 2002. - 270 p. [in Russian]
6. Nietzsche F. Nesvoevremennye razmyshlenija: O pol'ze i vrede istorii dlja zhizni [Untimely reflections: On the benefits and harm of history for life] / F. Nietzsche. [Electronic resource]. URL: <http://lib.ru/NICSHE/razmyshleniya1.txt>. (accessed:10/15/2021). [in Russian]
7. Toshchenko J. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamjat': analiz sovremennogo sostojanija [Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state] / J. T. Toshchenko // Novaja i novejschaja istorija [New and modern history]. - 2000. - No. 4. - pp. 3-14. [in Russian]
8. Terminologija istoricheskoi nauki. Istoriopisanie [Terminology of historical science. Historiography]: / - M - IVI RAS, 2010. - 335 p. [in Russian]
9. Teoreticheskaja sociologija: Antologija [Theoretical sociology: Anthology]: In 2 hours / M.: Book House "University", - 2002. - Part 1. - 471 p. [in Russian]
10. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [Open society and its enemies]. / K.Popper // - Vol.2. -M -1992.-448 p.
11. Hayek F.A. Poznanie konkurencija i svoboda. Antologija sochinenij [Cognition competition and freedom. Anthology of works]. / F.A. Hayek. - St. Petersburg, 1999. - 287 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.172>**СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКРЕТНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Научная статья

Мерзлякова И.Л.*

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия

* Корреспондирующий автор (merzlyakovail[at]mail.ru)

Аннотация

В представленной статье предпринята попытка выявить виды и особенности социальных технологий, которые наиболее ярко проявились в процессе формирования дискретного исторического сознания русского общества. Интерес к данной проблематике обусловлен в том числе и тем, что применение социальных технологий в процесс формирования дискретного исторического сознания актуализирует проблематику человеческого фактора и способствует проявлению субъектности русского общества. Обращение к категории «социальная технология» позволяет более системно рассматривать особенности формирования дискретного исторического сознания в контексте социокультурных констант русского общества.

В статье социальная технология рассматривается как способ цельного социального взаимодействия, которое может быть реализовано как программа, содержащая процедуры и операции (способы и средства деятельности), и как деятельность, построенная в соответствии с этой программой.

Ключевые слова: социальная технология, историческое сознание, дискретность, историческая реальность, субъект социальной технологии.

SOCIAL TECHNOLOGIES OF FORMATION OF DISCRETE HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Research article

Merzlyakova I.L.*

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

* Corresponding author (merzlyakovail[at]mail.ru)

Abstract

The article attempts to identify the types and features of social technologies that have most clearly manifested themselves in the process of forming a discrete historical consciousness of Russian society. The interest in this problem also lies in the fact that the use of social technologies in the process of forming a discrete historical consciousness actualizes the problems of the human factor and contributes to the manifestation of the subjectivity of Russian society. The appeal to the category of "social technology" allows the authors to examine more systematically the features of the formation of discrete historical consciousness in the context of the socio-cultural constants of Russian society.

The article considers social technology as a way of integral social interaction, which can be implemented as a program containing procedures and operations (methods and means of activity), and as an activity built in accordance with this program.

Keywords: social technology, historical consciousness, discreteness, historical reality, subject of social technology.

Введение

Актуальность изучения представленной темы объясняется тем, что в условиях социокультурных изменений социальные технологии, направленные на формирование общественного сознания способны оказывать различное влияние на процесс реформирования, определяя нелинейное развитие социума и исторического процесса. В связи с этим следует обратить внимание на вопрос о субъектах социальных технологий, к которым можно отнести отдельного индивида, социальную группу, социум в целом. Постановка этих вопросов будет способствовать осознанию степени включенности русского общества как субъекта социальных технологий в процесс формирования собственного исторического развития. Рассмотрение особенностей использования социальных технологий, которые оказывают существенное влияние на историческое сознание, следует изучать учитывая, степень их влияния и на исторический процесс как комплекс социокультурных феноменов, проявляющихся и возникающих в определенных исторических контекстах.

Теоретико-методологическую базу работы составляют исследования В.Г. Афанасьев, И. Стефанова [1], В. Н. Иванова, В. И. Патрушева [2], А.А. Шияна [3], В. В. Щербины [4], Ю. П. Сурмина и Н. В. Туленкова [5], Э. Капитоновой, В.В. Попова, О.А. Музыка, Д.В. Ковтуновой, Г.И. Колесниковой [6].

Следует отметить, что разработка концептуально-методологических принципов анализа российского общества как субъекта социальных технологий, способствующих развитию дискретности исторического сознания, а также как сложной саморазвивающейся системы, нуждается в дальнейшей проработке и формировании «семантического аппарата, отражающего специфику и перспективы его развития» [7, С. 192].

Особый интерес вызывает социосинергетика, как подход в рамках которого возможен анализ русского социума как субъекта социальных технологий, оказывающих в условиях социокультурных трансформаций и нестабильности влияние не только на социальную структуру, но и на историческое сознание. В.В. Попов отмечает, что «в данном направлении вполне уместны исследования, связанные с построением модельных конструкций, раскрывающих механизм нестабильных ситуаций в социальной структуре социальных процессов с точки зрения их преодоления в социальном времени с учетом его альтернативности в будущих сценариях» [8, С. 8]. Использование в рамках представленной работы синергетического подхода обосновано тем что русское –российское общество нами

рассматривается как сложный саморазвивающийся субъект-объект социальных технологий, направленных на формирование исторического сознания.

В условиях социокультурных трансформаций необходимо особое внимание уделять субъектами социальных технологий. На наш взгляд к таким субъектам следует отнести как отдельного индивида, так и особые социальные группы. Индивид как субъект социальной технологии обладает сложной психической организацией и в связи с этим, «трудно предсказать какой выбор будет сделан в определенный момент времени, это будет зависеть как от объективных, так и от субъективных обстоятельств» [9]. Деятельность индивидов как субъектов социальных технологий, направленных на трансформации предметного мира, осуществляется в определенных социокультурных условиях, соответствующих этапам исторического процесса и с учетом их интересов и ценностей.

Рассматривая социальные технологии формирования исторического сознания, которые были использованы в прошлом следует учитывать их влияние на процесс формирования исторического сознания и в настоящем. В связи с этим, «возникают проблемы, касающиеся того, как в этих конструкциях исследуются не просто комплексы социальных событий, но также взаимодействия и связи, которые при этом образуются. В этом случае, постулируя определенную последовательность с точки зрения хронологии социальных событий, принимаются во внимание особенности социального времени, причем на приоритетные роли выходят такие важные концептуальные характеристики как дискретность и непрерывность» [10, С. 72].

Социальная технология как механизм формирования дискретного исторического сознания в отечественной научно-исследовательской литературе практически не рассматривается или рассматривается фрагментарно и без четкого определения ее применения. Социальная технология как научный концепт в терминологический инструментарий наук был введен во второй половине XX в. благодаря работам К. Поппера и получил дальнейшую разработку в том числе и в отечественных исследованиях. Так в своих работах В.Г. Афанасьев рассматривает социальную технологию как «важный элемент механизма управления, поскольку она являет собой средство перевода требований объективных законов на язык общественной практики социального управления. Это перевод абстрактного языка науки, отражающей объективные закономерности развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей, каждого конкретного человека на наилучшее достижение поставленных целей» [11, С. 235].

В работе «Социология XX века. История и технология» Э. Капитоновой социальная технология рассматривается как «способ реализации проекта воздействия на предмет какой-либо деятельности, рационально расчлененной на отдельные процедуры и операции, направленные на поддержание социальной системы в рабочем состоянии или преобразование ее в соответствии с заданными параметрами» [12, С. 210-211].

В рамках нашего исследования «социальная технология» не рассматривается как жесткий алгоритм социального взаимодействия и представляет собой способ социального конструирования и формирования дискретного исторического сознания, с целью обеспечения потребностей субъекта технологии, реализации его потенциальных способностей и интересов. Дискретное историческое сознание формируется с помощью социальных технологий субъектами, которыми могут являться разные индивидуальные и коллективные социальные агенты: государство, общество или какие-либо иные институты, действующие в своих интересах.

Значимой функцией «социальной технологии» является повышение социальной активности, включение социума в решение социальных проблем и использование его потенциала в процессе социокультурного развития и формирования дискретного исторического сознания.

На наш взгляд отличительной особенностью социальных технологий является наличие субъекта, которым может являться само русское общество как дискретная социальная конструкция с особым историческим сознанием.

В рамках изучения социальных технологий формирования дискретного исторического сознания, особый интерес приобретает характеристика исторического времени и степень социальной энтропия, поскольку их соотношение определяет направления развития социокультурной системы и оживления исторического сознания, исторических феноменов, социокультурных констант, зафиксированных в нем. В силу того, что социальная технология, как поэтапный процесс направлена на прошлое, настоящее и будущее, можно говорить о том, что она имеет темпоральные характеристики, свойственные историческому сознанию.

Социальные технологии формирования дискретного исторического сознания представлены такими уровнями как концептуальный, определяющий парадигму социального и исторического конструирования; доктринальный, в рамках которого формируется правовое пространство, определяются принципы и нормы для практической реализации деятельности, направленной на формирование исторического сознания. Такая схема соотносится с уровнями идеологии как технологии формирования дискретного исторического сознания, что роднит ее с социальной технологией.

Если классифицировать социальные технологии по субъектам, наиболее ярко действующих в историческом процессе и зафиксированных в историческом сознании русского общества, то к ним можно отнести идеологические технологии (направленные на формирование государственности), религию как технологию (пронизывающую процесс формирования государственности и защищающую интересы в первую очередь представителей высшего сословия), социальные технологии в чистом виде, субъектом которых является самоорганизующееся общество со своим историческим сознанием, системой социокультурных констант и логикой развития.

Субъектами идеологической и религиозной технологий являются представители высшего социального сословия в форме таких институции как государство и церковь; субъектами социальных технологий в чистом виде являются представители русского общества в форме таких традиционных институций как вира-род-община или же самоорганизующихся институций, которые возникают в критические исторические эпохи под напором власти или внешних акторов исторического процесса.

Особый интерес привлекают внешние акторы исторического процесса – это представители социокультурных и государственно-политических и идеологических систем, в орбиту интересов которых включено геополитическое

пространство, историал Руси-России. В качестве примера можно привести значение принятия христианства Русью после знаменитого диспута о выборе веры, описанного Повестью временных лет для самой Византии. Христианизация Руси проходила в условиях противостояния Рима и Константинополя как крупнейших религиозных центров. Раскол между ними произошел в «иконоборческий период» в Византийской империи с 726 – 843 гг., в период, когда уничтожались иконы, мощи святых, происходило закрытие монастырей, что вызывало отторжение в западном мире и ставило под сомнение чистоту веры византийского христианства. В середине IX в. в Византии произошел возврат к привычной церковной практике, но репутация Константинополя в глазах Рима и Западной Европы была значительно подорвана. Деятельность патриарха Фотия, направленная на восстановление репутации и придание православию нового дыхания была сосредоточена на вовлечении в сферу влияния Византии славянских земель, что привело к конфликтам с римским понтификом и взаимным анафемам до официального разделения, состоявшегося в 1054 году.

Заключение

Таким образом, использование социальных технологий в процессе формирования исторического сознания разными субъектами, представленными как отдельными индивидами, так и социальными группами приобретают особое значение в условиях социокультурных трансформаций. Социальная технология - упорядоченная во времени и пространстве последовательность процессов социально значимого взаимодействия, совокупность методов, направленных на достижение целей в рамках реализации социального заказа на основе социокультурных констант, зафиксированных в историческом сознании социума. Социальная технология – это вид целесообразной деятельности, направленной на социальное конструирование и освоение исторической действительности, результаты которой фиксируются в историческом сознании социума.

Субъектами социальных технологий могут являться внутренние и внешние исторические акторы, которые исходят из своих целей и интересов, вовлекая в мировой исторический процесс Русь-Россию с ее потенциалом и возможностями. Социальная технология представляет собой средство обмена человеческими способностями и потребностями между духовным и материальным производством, средство регуляции взаимодействия социума, выраженное в соответствующих социокультурных константах, зафиксированных в историческом сознании социума и социальных институтах сформированных в соответствии с ними.

Социальные технологии, направленные на формирование дискретности исторического сознания обладает следующими параметрами: наличие социальной потребности в формировании особого типа исторического сознания, связанного с историческими условиями социокультурных трансформаций, происходящих на определенном этапе исторического процесса - дискретного. Множественность субъектов социальной технологии, оказывающих влияние на процесс формирования особого типа исторического сознания приносят свои изменения в историческую и социальную реальность, способствуют внедрению в историческое сознание социума и личности различные идеи и ценности, потенциально способные изменить и саму социальную конструкцию.

Дискретность исторического сознания является следствием того, что в ходе постижения исторической действительности мы постигаем ее не целиком, а фрагментарно, выделяя из этой действительности разного рода отдельные ее части-фрагменты (исторические события, явления, персонажи, предметы и их состояния) и фиксируем их в историческом сознании в виде определенных конструктов сознания. Дискретность как характерную черту исторического сознания объясняет особенности субъекта социальных технологий, который выделяет из этой действительности в большей степени *только* те ее части-фрагменты, которые являются актуальными для него. Выделяя, фрагмент субъект вкладывает собственное содержание, подменяя систему ценностей той, которая для него актуальна. некую собственную умственную составляющую, которая соответствует нашим сегодняшним представлениям, то есть является результатом подогнанных или «урезанных» представлений о мире. Обретая затем статус независимого конструкта, она как бы тем самым уже подменяет собой выделяемый ранее нами фрагмент. И в этом смысле мы можем сказать, что мы пребываем не столько в мире действительности, сколько в мире дискрет как конструктов – умственных построений, подменяющих или, скорее, уже подменивших собою историческую действительность, что свидетельствует о дискретности исторического сознания.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Стефанов И. Общественные науки и социальная технология / И. Стефанов. Перев. с болг. -М.: 1976 – 182 с.
2. Иванов В. Н. Социальные технологии / В. Н. Иванов, В.И. Патрушев. – М.: 2004. -488 с.
3. Шиян А. Руководство по социальным технологиям / А. Шиян. [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/shijan_rukovodstvo/00.aspx (дата обращения: 22.10.2021)
4. Щербина В.В. Проблема технологизации социоинженерной деятельности / В.В. Щербина // Социологические исследования -1990.- №8. - 79, 95 с.
5. Сурмин Ю. П. Теория социальных технологий: Учеб. Пособие / Ю. П. Сурмин, Н. В. Туленков. – К.: МАУП, 2004. - 608 с.
6. Колесникова Г. И. Социальный механизм манипуляции сознанием личности: монография / Г. И. Колесникова. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 272 с.
7. Музыка О.А. Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ / О.А. Музыка, Д.В. Ковтунова // "Фундаментальные исследования". № 11. Ч.1. Москва: РАЕ, 2012. – 192-196 с.

8. Попов В.В. Социальное время и альтернативы развития будущего / В.В. Попов // Философия права - Ростов-на-Дону, 2012 - №4. - 7-10 с.
9. Попов В.В. Философия нестабильности и современная социальная структура общества / В.В. Попов // Приволжский научный вестник. - 2012. - № 4 (8). - 55-58 с.
10. Попов В.В. Социальный процесс и фактор темпоральности / В.В. Попов, О.А. Музыка // Современные исследования социальных проблем. - 2016 -№4-1(28). - 67-76 с.
11. Афанасьев В. Г. Общество системность познание и управление / В. Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
12. Капитонов Э. А. Социология XX века. История и технология / Э. А. Капитонов. Ростов н/Д: Феникс, 1996. - 512 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Stefanov I. Obshchestvennye nauki i social'naja tehnologija [Social sciences and social technology] / I. Stefanov. Perv. from bolg. -M.: 1976 - 182 p. [in Russian]
2. Ivanov V. N. Social'nye tehnologii [Social technologies] / V. N. Ivanov, V.I. Patrushev. - M.: 2004. - 488 p. [in Russian]
3. Shiyan A. Rukovodstvo po social'nym tehnologijam [Guide to social technologies] / A. Shiyan. [Electronic resource]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/shijan_rukovodstvo/00.aspx (accessed: 10/22/2021) [in Russian]
4. Shcherbina V.V. Problema tehnologizacii socioinzhenernoj dejatel'nosti [The problem of technologization of socio-engineering activity] / V.V. Shcherbina // Sociologicheskie issledovanija [Sociological research] -1990. - №8. - 79, 95 p. [in Russian]
5. Surmin Yu. P. Teorija social'nyh tehnologij [Theory of social technologies]: Textbook. Manual / Yu. P. Surmin, N. V. Tulenkov. - K.: IAPM, 2004. - 608 p. [in Russian]
6. Kolesnikova G. I. Social'nyj mehanizm manipuljacii soznaniem lichnosti [Social mechanism of manipulation of personality consciousness]: monograph / G. I. Kolesnikova. - Rostov n/A: Publishing house of SFU, 2010. - 272 p. [in Russian]
7. Music O.A. Linejnaja (klassicheskaja) i nelinejnaja (postneklassicheskaja) koncepcii social'no-istoricheskogo processa: sravnitel'nyj analiz [Linear (classical) and nonlinear (post-non-classical) concepts of the socio-historical process: comparative analysis] / O.A. Music, D.V. Kovtunova // Fundamental'nye issledovanija [Fundamental research]. No. 11. Part 1. Moscow: RAE, 2012– - 192-196 p. [in Russian]
8. Popov V.V. Social'noe vremja i al'ternativy razvitija budushhego [Social time and alternatives for the development of the future] / V.V. Popov // Filosofija prava [Philosophy of Law] - Rostov-on-Don, 2012 - No. 4. - 7-10 p. [in Russian]
9. Popov V.V. Filosofija nestabil'nosti i sovremennaja social'naja struktura obshhestva [Philosophy of instability and the modern social structure of society] / V.V. Popov // Privolzhsky Scientific Bulletin. - 2012. - № 4 (8). - 55-58 P. [in Russian]
10. Popov V.V. Social'nyj process i faktor temporal'nosti [Social process and the factor of temporality] / V.V. Popov, O.A. Music // Sovremennye issledovanija social'nyh problem [Modern studies of social problems]. - 2016 -№4-1(28). - 7-76 P. [in Russian]
11. Afanasyev V. G. Obshchestvo sistemnost' poznanie i upravlenie [Society system knowledge and management] / V. G. Afanasyev. - M.: Politizdat, 1981– - 432 p. [in Russian]
12. Kapitonov E. A. Sociologija XX veka. Istorija i tehnologija [Sociology of the XX century. History and technology] / E. A. Kapitonov. Rostov n/A: Phoenix, 1996. - 512 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.173>**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ КОНФУЦИЯ И МО-ЦЫ (МО ДИ) ОБ ОБРАЗОВАНИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ**

Научная статья

Цай Юнхун¹, Эмих Н.А.^{2,*}¹ORCID: 0000-0001-5302-889X;²ORCID: 0000-0002-1825-0097;^{1, 2} Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

* Корреспондирующий автор (marf_05[at]mail.ru)

Аннотация

Формируя концепцию современного образования с китайской спецификой, теоретики обращаются к философским концепциям Конфуция и Мо-цзы (Мо-зи), представителям различных школ, для обоснования ценностей образования, которое формирует человеческую природу, воспитывает таланты. Хотя позиции древних мыслителей отличаются по определению цели и задач образования, они сходятся в одном – формирование личности (таланта) с высокими моральными качествами. Поэтому обращение к компаративистскому анализу, как к цели исследования, позволяет сопоставить философско-антропологические идеи мудрецов. Это достигается благодаря реализации поставленных задач: на основе анализа философских взглядов Конфуция и Мо-цзы определить различие в трактовке системы образования; сходство идей в обосновании морального облика личности (таланта и джентльмена). Актуальность данной статьи обоснована осмыслением теории модернизации современного образования с китайской спецификой, которая ориентирована на сохранение традиционных ценностей.

Ключевые слова: Конфуций, Мо-цзы, философия образования, традиционные ценности, формирование талантов и джентльменов, знание и мораль, ориентация на человека, ориентация на мораль.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL REFLECTIONS OF CONFUCIUS AND MOZI ON EDUCATION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Research article

Cai Yonghong¹, Emikh N.A.^{2,*}¹ORCID: 0000-0001-5302-889X;²ORCID: 0000-0002-1825-0097;^{1, 2} Transbaikial State University, Chita, Russia

* Corresponding author (marf_05[at]mail.ru)

Abstract

Forming the concept of modern education with Chinese specifics, theorists turn to the philosophical concepts of Confucius and Mozi, the representatives of two different schools of thought, to substantiate the values of education, which shapes human nature and forms talents. Although the positions of ancient thinkers differ in defining the goals and objectives of education, they agree the formation of a personality (talent) with high moral qualities. Therefore, the use of comparative analysis as a research goal allows for comparing the philosophical and anthropological ideas of these authors under study. This is achieved through the implementation of the tasks set: to determine the difference in the interpretation of the education system based on the analysis of the philosophical views of Confucius and Mozi; similarity of ideas in the justification of the moral character of the individual (talent and gentleman). The relevance of this article lies in the comprehension of the theory of modernization of modern education with Chinese specifics, which is focused on the preservation of traditional values.

Keywords: Confucius, Mozi, philosophy of education, traditional values, formation of talents and gentlemen, knowledge and morality, human orientation, moral orientation.

Все сферы жизнедеятельности китайского общества сегодня подвержены процессу модернизации, но особая роль отводится системе образования, так как оно характеризует социальный уровень развития Китая. Выдвинутый принцип «экономика знаний», который стал стратегическим направлением интеграции в мировое пространство, диктует необходимость проведения исследований для развития человеческих ресурсов [18]. Но они не мыслимы без обращения к традиционным ценностям, являющихся фундаментом китайского общества, так как «ориентированы на людей» (люди превыше всего) и «ориентированы на мораль» (мораль выше закона) [10]. Сформировавшись как моральные нормы в философии древних мыслителей Китая, они должны быть не только ориентиром для конкретного человека, но и базовыми ценностями общества. Как замечает Чен Лай, смысл жизни, добродетели, культурная принадлежность не могут быть заменены западными ценностями. Поэтому традиционная культура Китая должна быть направлена на формирование разума и духа человека, на гармонию в обществе. Следовательно, продолжает он, необходимо определить заново критерии традиций и подчеркнуть ценность традиций китайской культуры [10].

Еще в конце 90-х годов XX в. Чжан Яцюнь заметил, что конфуцианская этика направляет стремления человека к самосовершенствованию, преданности и патриотичности, формирует знания и ясный дух для развития мира [12, С. 13]. И продолжает, что она должна направлять на воспитание национальных чувств и повышение качества национальной культуры. Но для этого необходимо понимать, что традиционная китайская культура – это всего «лишь неотъемлемая часть социальной культуры», которая «ограничивает высшее образование и влияет на него» [12, С. 14]. Так как в модернизации образования есть факторы риска, то обращение к традиционным ценностям обусловлено необходимостью формирования, как заметил Дун Ци, «ценностного сознания системы образования с китайскими

особенностями» [14], что позволит не только обогатить национальную культуру, развить образование мирового образца, но и сформировать таланты.

Понимание «таланта» связано с конфуцианской философией, трактующей его как человека, обладающего незаурядными знаниями, волей, направленными на развитие общества. Поэтому размышления Конфуция о талантах являются важным фактом в истории китайской мысли. А политика современного образования в сфере развития талантов – ценностная стратегия китайского образования [1]. Аналогично и с понятием «джентльмен» («дзюньцзы»), к которому периодически обращается Конфуций [5], трактуя его как доброжелательного, благородного, бескорыстного, воплощающего и реализующего в своей жизни моральные ценности человека, что близко по своей сути его описанию благородного мужа [4]. Для Мо-цзы джентльмен – уверенный в себе человек, не меняющий своих убеждений [6]. В данном контексте философские размышления Конфуция и Мо-цзы (Мо Ди) о формировании талантов, как доминирующей части китайской культуры, представляют «своего рода культуру человеческого бытия» [3]. Поэтому неслучайно, Дун Ци, обращаясь к речи Генерального секретаря Си Цзиньпина, отметил, что современное образование представляет единство китайских особенностей со стандартами мирового уровня, что должно способствовать всестороннему развитию человека [14].

Философско-антропологические концепции Конфуция и Мо-цзы, будучи различимы по своему содержанию, вносят, тем не менее, значительный вклад в развитие современной теории образования в Китае. Они стремились сформировать учение о возрождении общества и личности, которое способствовало бы объединению Китая. Конфуций был великим мыслителем и просветителем в древнем Китае, основателем конфуцианской школы. Как отметил М.Л. Титаренко, будучи антиподом «конфуцианства, служившего защите социальных устоев» [8, С. 28] Мо-цзы раскритиковал его учение о традиции, отрицая привилегии аристократии, сформировав принцип почитания талантов, в основе которого было равенство людей, не взирая на их социальное положение.

Философские взгляды Конфуция не столько политически, сколько антропо-политически ориентированы. Он выступал за управление страной в силу добродетели и считал, что правители должны активно осуществлять доброжелательность. И как отмечают Сэнь Пэйцин и Ду Чэньсиан, по мнению Конфуция образование должно выполнять роль политики, поэтому он стремился улучшить его качество и культурный уровень образованных [7, С. 201]. В свою очередь Мо-цзы, по мнению Цзянь Ай Фей Гонг, относится к образованию как к средству достижения идеала «дружеской любви и взаимной выгоды», поэтому его образовательная цель направлена на развитие «способности», проявляющейся в «дружеской любви» людей из разных социальных слоев, выполняющих свои обязанности и развивающих интеллектуалов [15].

Говоря об особенностях социальной среды, формирующей человека, Конфуций утверждал, что люди отличаются друг от друга не по своей природе, а по качеству образования. Хотя, по мнению Ван Бинчжао, он не избавился от влияния врожденного детерминизма, так как в его философии присутствуют очевидные иерархические концепции и ограничения [2, С. 122]. Мо-цзы, как пишет Юй Юнкай, развивая далее мысль Конфуция, доказывал, что окружающая среда и образование оказывают большое влияние на формирование человеческой натуры [19]. Поэтому, как заметил Ван Бинчжао, по утверждению Мо-цзы, человек должен полностью проявить свою субъективную инициативу и изменить свою судьбу с помощью приобретенного образования и своих собственных усилий [2, С. 301]. Как для Конфуция, так и для Мо-цзы усилия человека должны, прежде всего, концентрироваться на моральном облике, поэтому моральное воспитание – составляющая часть их философских мыслей. А достичь облика морально воспитанного человека это для Конфуция – путь жизни. По этому поводу он заметил, что «если вы знаете гуманность и добродетель утром, вы можете умереть ночью», что аналогично его высказыванию о том, что он научился отличать правду от лжи в 60 лет [4].

Ставя теорию нравственного воспитания на первое место, Конфуций заявлял, как отмечает Ян Боцзюнь, что необходимо сосредоточиться «на добрых делах и реформах», поверить, «что хорошие моральные качества нравственных людей» заключаются в том, что они должны «видеть мудрость, думать вместе, видеть иррациональность и самоанализ» [20, С. 97]. Эта мысль была продолжена Мо-цзы, подчеркивающего важность нравственных качеств, которыми должен обладать джентльмен – человек, ведущий себя достойно. И здесь стоит заметить, как отмечает Цянь Му, Конфуций и Мо-цзы ценили важность следования слов и поступков, дел [17, С. 344], поэтому слово джентльмена должно согласовываться с его делами.

Конфуций и Мо-цзы в образовательном процессе, прежде всего, видели человека как субъекта деятельности. Это – и учитель, это – и ученик. Хотя для одного образовательный процесс был направлен на представителей феодальной власти, а для другого – на мелких производителей. По словам Чэнь Лай, принцип «ориентированность на людей», как важная черта традиционной китайской культуры, сформировался еще задолго до Конфуция, когда еще большинство основных древних цивилизаций мира практиковали «ориентацию на Бога» [9]. Поэтому и у мудрецов, как установка к действию, звучат слова о человеколюбии, к формированию которого каждый шел своим путем. Если Конфуций концентрировал внимание на музыке, и, по мнению Цзэн Яиньин не придавал значения естественным знаниям [16, С. 47], считая, что она развивает таланты человека [4], то Мо-цзы, критикуя эту систему, акцент делает на развитие мышления, в основе которого – знания [6]. Эти слова Мо-цзы аналогичны мысли Конфуция, что развитие мышления не отделимо от обучения, так как он не наставляет тех, «кто не стремится к знанию», не обучает тех, «кто не сгорает от нетерпения получить Знание» [4]. Суть данных философских идей представлена в принципе современной концепции «экономика знаний».

Мнение Чжан Ихань, что идея образования Конфуция расширила социальные границы, идея Мо-цзы определила принцип активности обучения [11, С. 141], созвучно мысли ЦаоХун – образование ближе всего к традиции, так как оно наследует культуру и цивилизацию. Философско-антропологическое содержание его слов раскрывается в сентенции: «Если история отрезана, а традиции отброшены, тогда нет образования и нет такой вещи, как человеческое существование» [13]. Таким образом, можно утверждать, что, не только философская мысль Конфуция и Мен-Цзы, но и других древних мыслителей Китая, будучи философско-антропологической, формирует теорию природы человека.

Заключение

Критерий образовательных систем Китая, направленных на формирование природы человека через приобретение знаний и усвоения морали, был сформулирован еще китайскими мудрецами. Обращение к компаративистскому анализу, который позволяет в различных философских системах выявить общее и частное, сходство и различие без оценочных выводов, дало возможность прийти к следующим результатам: Конфуций и Мо-цзы, принадлежа к различным философским школам, выстраивали систему образования с ориентацией на образование аристократов (Конфуций) и на мелких производителей (Мо-цзы); исходили из того, что образование выполняет роль политики (Конфуций) и это средство достижения взаимных интересов (Мо-цзы); утверждали, что учитель и ученик – это субъект деятельности; формировали таланты, которых определяет моральный облик; воспитывали джентльменов, у которых не расходятся слово и дело. И в целом, философско-антропологическую сущность философии образования Конфуция и Мо-цзы определяет единство знания и морали. Таким образом, обращение к философским традициям Конфуция и Мо-цзы, которые определяют ценность и значимость приобретения знаний, формирующих талант; направленность морального воспитания, создающего джентльмена, становится для современной трансформации системы образования внутренней ценностью, благодаря которой начинает оформляться национальная культура.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. 学苑]孔子的人才思想. [Electronic resource]. URL: https://www.sohu.com/a/321192800_100114158. (accessed 20.06.21)
2. 王炳照. 简明中国教育史. //北京: 北京师范大学出版社. 2008. 页数:
3. 现代教育背景下如何开展国学教育. [Electronic resource]. URL: <http://www.taoxingzhi.org/newsitem/277565026>. (accessed 01.10.21)
4. Конфуций. «Лунь Юй». «Беседы и суждения» / Конфуций. [Электронный ресурс] URL: <https://gigabaza.ru/doc/67322-pall.html> (дата обращения: 14.01.2020)
5. 孔子论君子 [Electronic resource]. URL: http://www.chinakongzi.org/zt/qqtjk/kzzh/201609/t20160923_20585.htm (accessed 22.06.21)
6. 墨子. [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/mozi/befriending-the-learned/zhs> (accessed 01.05.21)
7. 孙培青, 杜成宪. 中国教育史 //上海: 华东师范大学出版社. 2009. 页数: 515.
8. Титаренко, М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. / М.Л. Титаренко. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 245 с.
9. 陈来: 传统文化与核心价值. [Electronic resource]. URL: <https://inlnk.ru/G66awK> (accessed 14.05.21)
10. 中华优秀传统文化及传统价值观的传承和发展 — 访清华大学国学研究院院长陈来教授. 高校马克思主义理论研究, 2016, 2(4): 5-13. DOI: 101349A-2016-4-001
11. 张映晗. 浅论对于孔子教育思想的认知. //现代交际: 2018 (5): 141
12. 张亚群. 中国传统文化与现代高等教育辩证关系评析. 有色金属高教研究 1998 年第 5 期. 13-16
13. 曹红. 中国传统教育的现代性意义. [Electronic resource]. URL: <https://www.xzbu.com/9/view-10214207.htm> (accessed 21.01.21)
14. 中国特色教育体系的价值自觉与价值追求 (作者系北京师范大学校长董奇). [Electronic resource]. URL: http://www.wenming.cn/ll_pd/sh/201411/t20141119_2297675.shtml (accessed 20.06.21)
15. 兼爱非攻. 墨子的学术思想与哲学理论. [Electronic resource]. URL: https://www.sohu.com/a/231254847_100151382. (accessed 20.11.20)
16. 曾云莺. 孔墨教育思想比较及其影响评析 //广西社会科学
17. 钱穆. 论语新解. 北京: 三联书店 2012. 页数: 515.
18. 知识经济 (经济学理论概念). [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZJUkN> (accessed 22.07.20)
19. 余云开. 墨子的哲学与知识论. [Electronic resource]. URL: https://www.sohu.com/a/417242855_120074559 (accessed 07.06.21)
20. 杨伯峻·论语译注. 2012. 页数: 294.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Academy. Confucius' Thoughts on Talents. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZJUwZ>. (accessed: 20.06.21) [in Chinese]
2. Wang, Bingzhao. A brief history of Chinese education / B. Wang // Beijing: Beijing Normal University Press. 2008. 422 p. [in Chinese]
3. How to Develop Chinese Studies Education under the Background of Modern Education. [Electronic resource]. URL: http://www.taoxingzhi.org/new_sitem/277565026 (accessed: 01.10.21) [in Chinese]
4. Confucius. «Lun' Juj». «Besedy i suzhdenija» ["Lun Yu". "Conversations and Judgments"] / Confucius. [Electronic resource]. URL: <https://gigabaza.ru/doc/67322-pall.html> (accessed: 14.01.20) [in Russian]
5. Confucius on Gentlemen. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZJVJs> (accessed: 22.06.21) [in Chinese]
6. Mozi. [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/mozi/befriending-the-learned/zhs> (accessed: 01.05.21) [in Chinese]
7. Sun, Peiqing. History of Chinese Education / P. Sun / C. Du. // Shanghai: East China Normal University Press. 2009. – 515 p. [in Chinese]

8. Titarenko M.L. Drevnekitajskij filosof Mo Di, ego shkola i uchenie [Ancient Chinese philosopher Mo Di, his school and teaching]. / M.L. Titarenko. The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house, 1985. – 245 p. [in Russian]
9. Chen, Lai. Traditional Culture and Core Value / L. Chen. [Electronic resource]. URL: <https://inlnk.ru/G66awK> (accessed: 14.05.21) [in Chinese]
10. The Inheritance and Development of Chinese Excellent Traditional Culture and Traditional Values — Interview with Professor Chen Lai, Dean of the Institute of Chinese Studies, Tsinghua University. University Marxist Theory Research, 2016, 2(4): 5-13 DOI: 101349A-2016-4-001. [in Chinese]
11. Zhang, Yanhan. A brief discussion on the cognition of Confucius' educational thoughts / Y. Zhang. // Modern Communication: 2018 (5). P. 141 [in Chinese]
12. Zhang, Yaquin. Analysis of the Dialectical Relationship between Chinese Traditional Culture and Modern Higher Education. / Y. Zhang // Non-ferrous Metals Higher Education Research 1998 Vol. 5. 13-16. [in Chinese]
13. Cao, Hong. The Modern Significance of Chinese Traditional Education. / H. Cao. [Electronic resource]. URL: <https://www.xzbu.com/9/view-10214207.htm> (accessed: 21.01.21) [in Chinese]
14. The Value Consciousness and Value Pursuit of the Education System with Chinese Characteristics (The author is the President of Beijing Normal University Dong Qi). [Electronic resource]. URL: http://www.wenming.cn/ll_pd/sh/201411/t20141119_2297675.shtml. (accessed: 20.06.21) [in Chinese]
15. Jian, Ai Fei Gong. Mozi's Academic Thoughts and Philosophical Theory / A. F. G. Jian. [Electronic resource]. URL: https://www.sohu.com/a/231254847_100151382 (accessed: 20.11.20) [in Chinese]
16. Zeng, Yunying. The Comparison of Confucian and Mohist Educational Thoughts and the Analysis of Its Influence / Y. Zeng. // Guangxi Social Science=Guangxi Social Science, 2004 (2): 42-47. [in Chinese]
17. Qian, Mu. New Interpretation of The Analects. / M. Qian. Beijing: Sanlian Bookstore 2012. 515 p. [in Chinese]
18. Knowledge economy (concepts of economics theory). [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/ZJUKN> (accessed: 22.07.21) [in Chinese]
19. Yu, Yunkai. Mozi's Philosophy and Theory of Knowledge. / Y.Yu [Electronic resource]. URL: https://www.sohu.com/a/417242855_120074559 (accessed: 22.07.21) [in Chinese]
20. Yang, Bojun. The Analects of Analects. / B. Yang. Beijing: Zhonghua Book Company. 2012. 294 p. [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.174>

КУЛЬТ ЛЕБЕДЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Научная статья

Дашиева Л.Д.*

ORCID: 0000-0003-0492-7252,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия

* Корреспондирующий автор (dashieva2006[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается культ птицы лебедя *Хун шубуун* в традиционной культуре бурят. Целью исследования является репрезентация образа лебедя как прародительницы бурятских племен *хори-бурят* и *хонгодоров* в произведениях бурятского фольклора: мифах, легендах, эпосе, обрядовых песнях, танцах и музыкальных инструментах. Согласно древним религиозным и мифологическим воззрениям бурят, белая лебедь *Хун шубуун* на своих крыльях приносит счастье, богатство и процветание своим земным потомкам. Поэтому в обрядовой системе бурят существовал целый комплекс ритуалов и запретов, связанных с культом небесных птиц. В образе лебедя *Хун шубуун* очевидна сакральная связь с солярными культами и культом плодородия в контексте древних религиозных верований тюркских и монгольских народов.

Ключевые слова: культ лебедя, тотемизм, семантика, традиционная культура, буряты.

THE CULT OF THE SWAN IN THE TRADITIONAL BURYAT CULTURE

Research article

Dashieva L.D.*

ORCID: 0000-0003-0492-7252,

Institute of Mongolian studies, Buddhology and Tibetology of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

* Corresponding author (dashieva2006[at]yandex.ru)

Abstract

This article discusses the cult of the swan "Хун шубуун" (*Hun shubuun*) in the traditional Buryat culture. The aim of the study is to represent the image of the swan as the ancestor of the Buryat tribes of the *Khori-Buryats* and *Khongodors* in the works of Buryat folklore such as myths, legends, epics, ritual songs, dances, and musical instruments. According to the ancient religious and mythological views of the Buryats, the white swan *Hun shubuun* brings happiness, wealth, and prosperity to its earthly descendants on its wings. Therefore, the ritual system of the Buryats had a whole complex of rituals and prohibitions associated with the cult of divine birds. In the image of the swan *Hun shubuun*, there is an obvious sacred connection with solar cults and the cult of fertility in the context of ancient religious beliefs of the Turkic and Mongolian peoples.

Keywords: swan cult, totemism, semantics, traditional culture, Buryats.

В традиционном религиозно-мифологическом мышлении любого этноса отражаются представления о природе и космосе, об устройстве мира и социума. В обрядовой системе бурят большую роль играют культы животных и птиц, тесно связанные с одной из ранних религиозных форм – тотемизмом.

У бурят родовыми тотемами были *Хун шубуун* (птица лебедь) у *хори-бурят* и *хонгодоров*, *Буха нойон* (бык) у *булагатов*, рыба у *эхиритов*, орёл у ольхонцев и баргузинцев. В бурятском фольклоре бытуют замечательные генеалогические легенды о происхождении племён и родов. В частности, у *хори-бурят* и *хонгодоров* широко распространена старинная легенда об их прародительнице лебеди *Хун шубуун*. В ней отражаются корни происхождения одиннадцати хори-бурятских родов от небесной девы-лебедя.

Однажды молодой охотник *Хоридой мэргэн* бродил в поисках охотничьей добычи по тайге и случайно забрел на берег высокогорного озера (вариант – берег озера Байкал). Здесь в кустах он сел отдохнуть. Через некоторое время прилетели три белых лебедя. Сбросив с себя лебяжье оперение и превратившись в необычайно красивых девушек, стали купаться в прозрачной воде горного озера. Охотник незаметно подкрался и похитил одежду одной из небесных дев. Накупавшись вдоволь, девушки вышли из воды. Две из них надели свою одежду и, превратившись в белых лебедей, улетели. Третья же осталась на земле и вынуждена была выйти замуж за *Хоридоя мэргэна*. Прожив с ним много лет, она родила одиннадцать сыновей. Однажды она попросила мужа показать ее лебяжью одежду. Старик *Хоридой*, уверенный в том, что после стольких лет совместной жизни она не посмеет уйти от него, отдал то, что просили. Найдя одежду в целостности и сохранности, женщина выстирала ее в чистой родниковой воде, окурила дымом пихтовой коры и можжевельника, затем начала ее примерять и, превратившись в прекрасного лебедя, расправила крылья и вылетела через дымовое отверстие юрты. Старик *Хоридой*, хлопотавший у очага, не обратил внимания на происходящее, а когда понял, что жена собирается покинуть его, было уже поздно. Старик лишь успел схватить ее за ноги (*ланки* – Л.Д.), но его руки, обмазанные толстым слоем глины, были скользкими, и удержать ее он не сумел [7, С. 104]. «Это древнее предание, – пишет Д.С. Дугаров, – и сегодня можно услышать в бурятских улусах от стариков, которые при этом непременно добавят как бы от себя о том, что люди одиннадцати хоринских родов являются потомками одиннадцати сыновей небесной девы-лебедя *Хун шубуун*» [7, С. 104].

По древним религиозным воззрениям бурят, божественная прародительница *хоринцев* и *хонгодоров* – белая лебедь *Хун шубуун* на своих крыльях приносит счастье, богатство и процветание своим земным потомкам. По традиции,

«когда весной над стойбищами пролетали перелетные птицы, женщины хори-бурятки выбегали на улицу с подойником. На дно наливали немного молока, сметаны или какого-нибудь кисломолочного продукта и закрывали подойник шкуркой белого ягненка» [8, С. 148]. Навстречу птицам брызгали молоком и перед собой делали вращательные движения ведром с молоком и заклинали: «Хурый! Хурый! Хурый!» («Приди! Приди! Приди!»). Этот обряд получил название *далга абалга* – приманивание счастья, или же *хэиэг хурылха* – получение небесной благодати [там же]. Причем хори-бурятки осенью брызгали молоком вслед улетающим птицам, как бы благословляя их в дальний путь и прося для своей семьи здоровья, счастья и благополучия. По сведениям Г.Р. Галдановой, «при кроплении молоком баргузинские галзуты говорили: «Хун шубуун гарбалнай, хори – монгол удхамнай, хуһан модон – сэргэмнай (Происхождение наше от птицы лебедь, род наш хори-монгол, коновязь наша – береза)» [2, С. 48].

В традиционном бурятском обществе существовала целая система запретов, связанных с культом животных и птиц. Например, священных животных и птиц запрещено было убивать, осквернять места их обитания, употреблять их мясо в пищу. Считалось, что птицы имеют своих духов-покровителей *эжинов*. В частности, лебедь имеет своего *эжина*, «а потому буряты сильно боятся лебедей и не стреляют в них; если кто-нибудь застрелит лебеда, имеющего своего *эжина*, то этот человек умрет, а лебедь долго не забывает о потере своего друга, весной и осенью при полете и отлете постоянно кружится над местом, где лишился друга, и жалобно кричит» [13, С. 86]. Как было указано выше, убивать тотемных животных и птиц строго запрещено (по-бурятски *сэртэ* – «грех»). В этой связи существовала система обрядов и ритуалов, направленных на задабривание духов *эжинов*.

По мнению бурятского ученого Д.С. Дугарова, птица лебедь *Хун шубуун* была тотемом многих тюркоязычных племен [8, С. 60]. Исследуя этимологию слова *хун* в тюркских языках, ученый утверждает, что «бурятское слово *хун* – «лебедь» восходит к тюркскому *кун* – «солнце». Тюркская фонема *к* в монгольских языках закономерно переходит в *х*. В таком случае бурятское название лебеда – *хун шубуун* в буквальном переводе означает «солнце-птица» или «солнечная птица» [8, С. 60].

Очевидно, культ лебеда в качестве родового тотема был распространен у одного из алтайских народов челканцев, называющих себя *куу-кижи* (букв. «человек с реки Лебедь») и проживающих на берегу реки Лебедь в Турочакском районе Республики Алтай. В мифологии челканцев присутствует миф о сотворении земли, в котором ключевую роль играет птица лебедь: «... в мифах шалганов, живущих на реке Лебеди и её притокам и называющих себя *ку-кижи*, т. е. люди-лебеди, большую роль в мироздании играет птица лебедь: «вначале была лишь вода, земли не было, говорит легенда, бог посылает белого лебеда, который и достает, нырнув в воду, землю» [11, С. 123].

Култ лебеда *Хун шубуун* реализован в материальной и духовной культуре тюркских и монгольских народов. В ранних формах их религиозных верований отражалась сакральная связь с солярными культами и культом плодородия. Вероятно, неслучайно каждое шаманское призывание *хори-бурят* начинается с устойчивой формулы:

Хуһан модон сэргэмни, Береза – священное дерево мое,

Хун шубуун эхэмни! Лебедь – мать моя! [8, С. 59].

Образ лебеда многогранно отражается в бурятском фольклоре: эпосе, мифах, легендах, сказках, песнях, танцах и музыкальных инструментах.

Подробное описание культа лебеда в эпической мифологии принадлежит исследователю бурятской Гэсэриады Б.С. Дугарову [10]. Уточняя происхождение культа лебеда и его отражение в улигерах западных *эхирит-булагатов* и восточных *хори-бурят*, Б.С. Дугаров пишет: «... почитание белой птицы, носившее у части бурят тотемистический характер, восходит к солярному культу, орнитофанией которого выступает солнечная богиня с ее сакральной манифестацией в облике лебеда» [10, С. 68].

Рассмотрим образ лебеда в бурятских народных песнях и танцах. В одном из раннефольклорных жанров восточных *хори-бурят* танце *нэрьелгэ* и сопровождающих песнях *нэрьээнэй дуунууд* отражается образ лебеда:

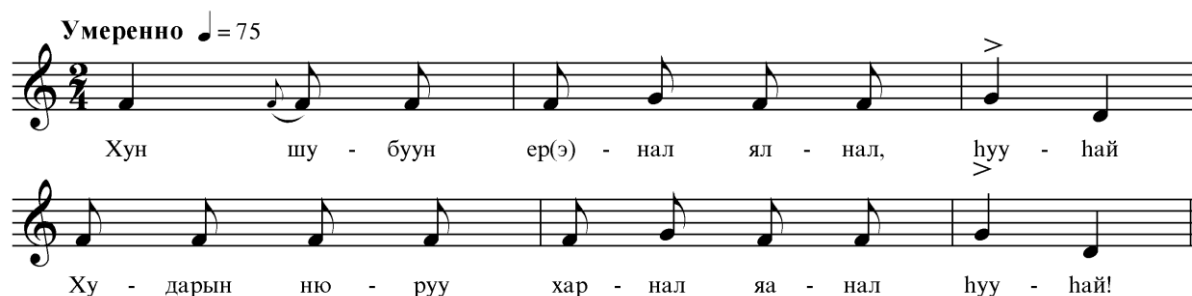

Рис. 1 – Танец *нэрьелгэ*

Хун шубуун ерэнэл яанал, hyu-хай!

Хударын нюруу харанал яанал, hyu-хай!

Хаанһаа сааза ерэнэл яанал, hyu-хай!

Хайртай хүүндэ буунал яанал, hyu-хай!

Птица лебедь к нам летит, говорят, ох-ах!

Кударинский хребет увидала, говорят, ох-ах!

От хана закон спускается, говорят, ох-ах!

К счастливейшему спускается, говорят, ох-ах! [6, С. 67].

Вероятно, репрезентация образа лебеда *Хун шубуун* в тексте *нэрьээнэй дуун*, сопровождающем древний хори-бурятский танец *нэрьелгэ* не случайна. В переводе *нэрьелгэ* означает «громыхание» или «грохотание» (от слова «*нэрьехэ*» – «поднимать шум, греметь, грохотать») [8, С. 184]. У западных бурят слово *нэрьээр* означает «удар грома» или «удар бога-громовержца». Имя этого верховного бога – Аяа. По сведениям Д.С. Дугарова, именно богу Аяа буряты посвящали грандиозные обрядовые жертвоприношения *тэнгри тайха* («жертвоприношение небу») [8, С. 184].

Частью этого ритуала был древний *хори-бурятский* танец *нэрбелгэ*. В этой связи можно предположить сакральную связь ритуала с культами бога Айна и белого лебедя *Хун шубуун*.

В одной из локальных разновидностей западнобурятского кругового танца *ёхор* тункинских бурят *хонгодоров Ульмээшэлхэ* («Танец на цыпочках») прослеживается семантическая связь с культом лебедя *Хун шубуун*. По мнению информанта, ценного знатока фольклора западных бурят Марии Прокопьевны Данчиновой (1932–1995), «Ульмээшэлгэ – девичий круговой хоровод танцевали в честь Белой Лебеди-праматери. По ее детским воспоминаниям считалось, что Небесные девы в серебристо-белых одеждах спускались на землю и устраивали игрища. После их отлета на этом месте трава желтела кругами» [12, С. 5]. По-видимому, в круговом танце *хонгодоров Ульмээшэлхэ* осуществлялось подражание движениям белой лебеди *Хун шубуун*, как и в круговом танце *долган хэйро* – полету стерхов. По сведениям исследователя традиционной музыки *долган* Г.Г. Алексеевой, семантика *хэйро* связана с подражанием брачным танцам стерхов [1, С. 119]. По ее мнению, якутский круговой танец *оһуохай* центральной и вилуйской группы, эвенский *хэдьэ (һэдьэ)*, эвенкийский *дэвэйдэ* передают интонации пения птиц и их танцевальные движения [1, С. 119].

В структурном отношении образец бурятского *Ульмээшэлхэ* отличается тем, что в нем присутствует одностроичный припев вместо двухстроичного. По-видимому, такое ненормативное строение является следствием модификации одного из древних напевов *хонгодоров*, в котором, по сведениям Д. С. Дугарова, «указанный припев присутствует в до неузнаваемости искаженном виде, что свидетельствует о полной утрате его прежней обрядовой семантики» [9, С. 375]. Вероятно, такое предположение можно отнести также к вербальному тексту, мелодике,

фактуре и кинетике *Ульмээшэлхэ*. Что касается ритма, то выделение ритмоформулы $\bullet \bullet \bullet \bullet \bullet \bullet \bullet \bullet$ основано на ударных константах. Она повторяется несколько раз со строгой периодичностью, что позволяет говорить об унифицированном ритме *ёхора хонгодоров* и его связи с кинетикой *Ульмээшэлхэ*. Вероятно, поэтому он получил специфическое название «Танец на цыпочках». По данным бурятского этнохореографа Т. Е. Гергесовой, танец исполняется на полупальцах (поэтому он и получил такое название. – Л. Д.) с небольшим приседанием, очень живо и энергично [4, С. 28–29, 103].

Кроме того, в свадебном *ёхоре* южных джидинских бурят, исполняющемся на *басаганай наадан* («игры невесты») присутствует сакральная связь с культом лебедя, осуществляемая через предметный код, реализуемый в белой шали, накинутой на невесту и ее двух подруг, сидящих в центре круга во время исполнения кругового танца *ёхор*. Эта шаль белого цвета символизировала крылья лебедя. Вероятно, белая шаль во время свадебных обрядов имела ещё другую, более глубинную семантику, отражающую ритуалы перехода человека из одного социального статуса в другой. Можно сравнить эту белую шаль с белым саваном в похоронных ритуалах бурят. Кроме того, в обрядах перехода доказательством может служить исполнение *ёхора* на похоронах у *хонгодоров*. По сведениям бурятского этнографа Г.Р. Галдановой, «раньше *ёхор* плясали, когда хоронили» [3, С. 98].

Образ лебедя раскрывается в музыкальном инструментарии монголов и бурят. В генезисе традиционного монгольского музыкального инструмента *моринхура*, аналогом которого является двухструнный смычковый инструмент *хур (хуур)* бурят, присутствует связь с образом лебедя, отраженного в красивой монгольской легенде: «Возле озера жила красавица по имени *Нонжгой*. В этом озере плавали восемь лебедей. Каждое утро девушка умывалась в озере, но вдруг она внезапно заболела и умерла. Один лебедь кружил вокруг нее, а потом улетел. Он очень тосковал по девушке и три года подряд прилетал на это озеро. Здесь он и умер. Об этом узнал жених той девушки, и в память о своей невесте он сделал *шанаган хуур*, гриф которого украсил изображением головы человека. Это был *хун хуур*. А потом он сделал еще один *хур* в форме головы лебедя» [5, С. 114].

Здесь речь идет о монгольском ковшеобразном *хуре* с головой человека *хун толгойтой шанаган хуур* или головой лебедя.

Таким образом, мифологический образ и культ лебедя *Хун шубуун* проникает не только в материальную культуру, эпос, песни и танцы бурят, но и в традиционный музыкальный инструментарий.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (№ 121031000263-3).

Funding

The article was written within the framework of the state task - the project "Written traditions of the peoples of the Baikal region in the context of the historical and cultural heritage of Russia and Inner Asia" (No. 121031000263-3).

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Алексеева Г. Г. Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры *долган* / Г.Г. Алексеева – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2005. – 438 с.
2. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / Г.Р. Галданова – Новосибирск: Наука, 1987. – 120 с.
3. Галданова Г.Р. Материалы экспедиции в Закаменский, Тункинский, Баргузинский районы Бур.АССР (1974 г.) / Г.Р. Галданова // Рукопись. ЦВРК ИМБТ СО РАН. – Инв. № 2265. – 221 л.
4. Гергесова Т. Е. Бурятские народные танцы / Т.Е. Гергесова – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 114 с.
5. Дашиева Л.Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учебно-методическое пособие / Л.Д. Дашиева – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. – 188 с.
6. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни *хори-бурят* / Д.С. Дугаров // БКНИИ СО АН СССР. – Улан-Удэ, 1964. – 443 с.

7. Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов / Д.С. Дугаров // СЭ. 1983, №5. с. 104 – 113.
8. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д.С. Дугаров. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
9. Дугаров Д. С. Буряты / Д.С. Дугаров, О.И. Куницын // Музыкальная культура Сибири: в 3-х т. – Новосибирск, 1997. – Т. 1, кн. 1. – С. 336–404.
10. Дугаров Б.С. Мифология бурятской Гэсэриады: западные тэнгри / Б.С. Дугаров – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – 268 с.
11. Дыренкова Н. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири / Н. Дыренкова // Культура и письменность Востока. – Баку, 1929. – кн. 4, С. 119-126.
12. Николаева Д. А. Танцевально-игровая культура бурят Приангарья: учебно-методическое пособие / Д.А. Николаева, О.Б. Буксикова – Улан-Удэ, ИПК ВСГАКИ, 2001. – 47 с.
13. Сказания бурят, записанные в конце XIX века. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. – 174 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alekseeva G. G. Narodno-pesennoe tvorchestvo v sisteme tradicionnoj muzykal'noj kul'tury dolgan [Folk song creativity in the system of traditional musical culture dolgan] / G.G. Alekseeva – Yakutsk: YAF Publishing house SO RAN, 2005. – 438 p. [in Russian]
2. Galdanova G. R. Dolamaistskie verovaniya buryat [Dolamaist beliefs of the Buryats] / G.R. Galdanova – Novosibirsk: Nauka, 1987. – 120 p. [in Russian]
3. Galdanova G.R. Materialy ekspedicii v Zakamenskij, Tunkinskij, Barguzinskij rajony Bur.ASSR (1974 g.) [Materials of the expedition to the Zakamensky, Tunkinsky, Barguzinsky districts of the Bur.ASSR (1974)] / G.R. Galdanova // Rukopis'. CVRK IMBT SO RAN [Manuscript. CVRK IMBT SB RAS] – Inv. № 2265. – 221 p. [in Russian]
4. Gergesova T. E. Buryatskie narodnye tancy [Buryat folk dances] / T.E. Gergesova – Ulan-Ude: Buryat. Publishing house, 1974. – 114 p. [in Russian]
5. Dashieva L.D. Tradicionnaya muzykal'naya kul'tura buryat: uchebno-metodicheskoe posobie [Traditional musical culture of the Buryats: an educational and methodical manual] / L.D. Dashieva – Ulan-Ude: Publishing house ОАО «Respublikanskaya tipografiya», 2005. – 188 p. [in Russian]
6. Dugarov D. S. Buryatskie narodnye pesni. Pesni hori-buryat [Buryat folk songs. Songs of the Khor-Buryats] / D.S. Dugarov // BKNII SO AN SSSR. – Ulan-Ude, 1964. – 443 p. [in Russian]
7. Dugarov D. S. Lebed' v ornamente zhenskogo kostyuma tyurko-mongol'skih narodov [Swan in the ornament of the female costume of the Turkic-Mongolian peoples] / D.S. Dugarov // SE. 1983, №5. P. 104 – 113. [in Russian]
8. Dugarov D. S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obryadovogo fol'klora buryat) [Historical roots of white shamanism (based on ritual folklore of the Buryats)] / D.S. Dugarov. – М.: Nauka, 1991. – 300 p. [in Russian]
9. Dugarov D. S. Buryaty [Buryats] / D.S. Dugarov, O.I. Kunicyn // Muzykal'naya kul'tura Sibiri: v 3-h t. [Musical culture of Siberia: in 3 v] – Novosibirsk, 1997. – Vol. 1, book. 1. – P. 336-404. [in Russian]
10. Dugarov B.S. Mifologiya buryatskoj Geseriady: zapadnye tengri [Mythology Buryat Geseriada: West of Tengri] / B.S. Dugarov – Ulan-Ude: Publishing house ОАО «Respublikanskaya tipografiya», 2007. – 268 p. [in Russian]
11. Dyrenkova N. Ptica v kosmogonicheskikh predstavleniyah tureckih plemen Sibiri [Bird in cosmogonic representations of the Turkish tribes of Siberia] / N. Dyrenkova // Kul'tura i pis'mennost' Vostoka [Culture and writing of the East] – Baku, 1929. – book. 4, P. 119-126. [in Russian]
12. Nikolaeva D. A. Tanceval'no-igrovaya kul'tura buryat Priangar'ya: uchebno-metodicheskoe posobie [Dance and game culture of the Buryat Angara region: an educational and methodological manual] / D.A. Nikolaeva, O.B. Buksikova – Ulan-Ude, IPK VSGAKI, 2001. – 47 p. [in Russian]
13. Skazaniya buryat, zapisannye v konce XIX veka [The legends of the Buryats, recorded at the end of the XIX century] – Irkutsk: Publishing house «Ottisk», 2015. – 174 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.175>

ЦИКЛ РАБОТ «СОТВОРЕНИЕ МИРА» К. ЮОНА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОЦЕССА РУБЕЖА ВЕКОВ

Научная статья

Дроздова М.А.*

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (maria_drozdova[at]hotmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается цикл работ К. Юона «Сотворение мира» (1908-1909), в котором художник в значительной степени меняет свой стиль и обращается к ранее несвойственным для него библейским сюжетам. Поскольку Юон в советском искусствоведении традиционно считался мастером реалистической живописи, основным мотивом творчества которого являлся городской архитектурный пейзаж, то этот цикл работ был оставлен исследователями его творчества практически без внимания. Представляется интересным проанализировать работы из цикла «Сотворение мира» с позиций современного искусствознания, что позволит выявить в них не только влияние русской школы живописи, но и популярных в конце XIX – начале XX века различных европейских направлений в искусстве. В этом цикле работ художник предстает не только как последователь национальной живописной традиции, а скорее как космополит и участник международного художественного процесса. Переосмысление значения творчества К. Юона 1900-х гг. открывает новые перспективы как для дальнейшего исследования его творчества, так и для новой интерпретации малоизвестных работ других художников этой эпохи.

Ключевые слова: русское искусство, Юон, искусство XX века, графика, модерн, символизм.

KONSTANTIN YUON'S "CREATION OF THE WORLD" IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL ARTISTIC PROCESS OF THE TURN OF THE CENTURY

Research article

Drozdova M.A.*

Postgraduate student, Ilya Repin St. Petersburg Academy of Arts, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (maria_drozdova[at]hotmail.com)

Abstract

The article discusses the cycle of Konstantin Yuon's *The Creation of the World* (1908-1909), in which the artist largely changes his style and turns to biblical subjects previously uncharacteristic of his oeuvre. Since Yuon was traditionally considered a master of realistic painting in Soviet art criticism, the main motive of whose creativity was the urban architectural landscape, these works were left almost unnoticed by the researchers of his work. The author sees value in analyzing the works from the "Creation of the World" from the standpoint of modern art studies, which will allow for determining not only the influence of the Russian school of painting but also various European trends in art popular in the late 19 – 20th centuries. In the works under study, the artist appears not only as a follower of the national painting tradition but rather as a cosmopolitan and a participant in the international artistic process. Rethinking the meaning of Yuon's creativity of the 1900s opens up new perspectives both for further research of his work and for a new interpretation of little-known works by other artists of this era.

Keywords: Russian art, Yuon, art of the twentieth century, graphics, Art Nouveau, symbolism.

Константин Федорович Юон, известный русский живописец, в 1908-1909 гг. создал цикл рисунков «Сотворение мира», в котором он обращается к ранее несвойственным ему библейским сюжетам. В советском искусствоведении художник традиционно считался мастером реалистической живописи, основным мотивом творчества которого являлся городской архитектурный пейзаж, поэтому этот цикл работ был оставлен исследователями его творчества практически без внимания. К тому же все крупные монографии о творчестве К. Юона были написаны еще в советское время, когда библейский сюжет и мистические мотивы не представляли собой интересный материал для исследований в то время [1], [9], [12], [14]. В «Сотворении мира» явно ощущается влияние стиля модерн, считавшегося в послереволюционный период вредным буржуазным течением. Все это способствовало тому, что этот цикл остался малоизвестным и практически не изученным произведением искусства, несмотря на свои несомненные художественные достоинства. В крупнейшей монографии о творчестве художника авторства Н.Н. Третьякова «К.Ф. Юон» 1957 года издания о ней даже не упоминается в тексте, хотя она входит в тщательно составленный перечень работ художника [14].

Представляется интересным проанализировать работы из цикла «Сотворение мира» с позиции современного искусствознания, что позволит выявить в них не только влияние русской школы живописи, но и популярных в конце XIX – начале XX века европейских направлений в искусстве. В них художник предстает не только как последователь национальной традиции, а, скорее, как космополит и участник международного художественного процесса. «Сотворение мира» создано в стилистике ар-нуво и наполнено символистскими аллегориями и скрытыми мистическими и философскими смыслами, ставшими в то время популярным течением в мировом художественном контексте.

В цикл работ входят литографии «Хаос», «Да будет свет», «Ночные светила», «Царство растительности», «Царство водное», «Царство животных», «Адам и Ева», созданные в 1908-1909 гг. К. Юоном в разных техниках – тушью, пером, в смешанной технике. В Русском музее и других художественных институциях хранятся рисунки и гравюры на цинке этого цикла. В 1910 году московским издательством «Скорпион» был выпущен альбом хромолитографий на 10 листах с 7 хромолитографиями размером 17,5*14 см и экслибрисом [15]. Это издательство, по

воспоминаниям В. Брюсова, в начале XX века было центром «нового искусства» [2, С. 113-114]. В нем печатались работы таких поэтов-символистов как К. Бальмонт, А. Белый, В. Брюсов, З. Гиппиус и других. Также «Скорпион» сотрудничал со многими художниками-символистами, в частности, с В. Борисовым-Мусатовым, М. Дурновым и другими. Издательство, занимаясь просветительской деятельностью, издавало произведения известных мыслителей того времени - Ф. Ницше, О. Уайльда и других, а также монографии об современных зарубежных художниках (например, монографию А. Симонса и Р. Росса о Бердсли [10]).

Все работы цикла развивают космогонические мотивы, в них ощущается тонкое символическое видение процессов мироздания. Рисунки являются ярким воплощением мистических концепций, популярных в мировой художественной жизни начала XX века. Представляется, что в «Сотворении мира» ярче всего прослеживаются символистские корни творчества К. Юона.

Первая из цикла работа «Хаос», написанная тушью и графитовым карандашом на бумаге, является реминисценцией работы И. Айвазовского «Сотворение мира». Здесь автором использован тот же образ волн, драматически вздымающихся в центре композиции. Художник добавляет скалы и клубящиеся облака, что придает образу ощущение необитаемости и опасности. Разрезающий посередине композицию, буквально несущийся слева направо поток воды придает работе динамичность и создает ощущение тревоги и опасности, несвойственные другим частям цикла. Зритель буквально погружается в битву стихий, слышит рев волн, разбивающихся о скалы, а тревожный небосвод, грозно нависающий над горизонтом, лишь добавляет ощущение опасности.

Вторая работа цикла «Да будет свет», выполненная тушью и пером, как и все остальные рисунки цикла, вызывает противоположные эмоции. Низкая линия горизонта переносит все внимание в воздух, а образ солнца, буквально изливая потоки света на землю. Композиция этой литографии менее динамична – круглый образ солнца, создающего дополнительные концентрические круги в центре работы, фокусирует внимание на себе, а талантливо переданное художником ощущение залитого утренним светом неба создает ощущение счастья, радости и гармонии. Перед зрителем символ начала новой жизни. В этом рисунке ощущается большая степень декоративности, внимания к деталям.

В третьей работе цикла «Ночные светила» новые звезды кажутся затейливым узором на ткани. В рисунке чувствуются мистические мотивы. Благодаря высокой точке зрения, кажется, как будто зритель смотрит из космоса на землю, а новые светила – символы новой жизни, почти волшебные цветы, создают ощущение множества миров, напоминающих «Звездную ночь» (1889) В. Ван Гога.

Четвертая работа из цикла – «Царство растений» поражает обилием деталей и богатством декоративного узора. В ней ощущается наибольшее влияние стиля ар-нуво – кажется, что перед зрителем расстелается ковер с богатым растительным узором. Линия Юона тонка, точна и изящна, а композиция поражает разнообразием пластических форм. При этом в райском царстве растений ощущаются тишина и спокойствие идеальной гармонии. При этом верхняя часть литографии наполнена льющимися лучами утреннего солнца, что создает ощущение гармонии и радости бытия.

Пятый рисунок из цикла «Царство животных» создан также в стилистике ар-нуво с извилистым изгибом линии и богатым декоративным узором. Новый мир, полный экзотических животных – львом, жирафов, гепардов, стремительно бегущим зебр, придающих композиции динамику, ласково освещается восходящим солнцем.

На шестой работе из цикла «Водное царство» подводный мир поражает обилием деталей и выписанностью каждой рыбки. Отсутствие линии горизонта и перспективы, декоративность «узора» говорят о влиянии стиля модерн на художественный язык автора.

В последней, седьмой работе цикла «Адам и Ева» художник работает ретроспективно, обращаясь к немецкой гравюре эпохи Дюрера и Кранаха, к технике голландских офортов. И этим его работа отличается от других стилизаций, к которым тяготели художники «Мира искусства». Павлины на дереве над головами первых людей символизируют бессмертие, а рассвет на дальнем плане также отсылает к мотиву нового начала. Адам и Ева отделяются от мира растений и животных солнечными окружностями, которые схожи с кругами, исходящими от небесных светил на рисунке «Да будет свет». Возможно, этим художник хотел показать наполненность первых людей божественной благодатью. В этой последней работе цикла перспектива и планы разработаны лучше всего – здесь зритель видит мир уже полностью созданным, со всеми приметами реального пейзажа. Мотив солнца на всех работах цикла также можно трактовать как символ Бога, который, испуская потоки света, тепла и любви, заполняет новый мир гармонией.

При рассмотрении всех рисунков цикла обращает на себя внимание точность, уверенность и изящество линии Юона. Художник при помощи таких малых средств как бумага, карандаш и тушь создал графические произведения, на которых оживает целый мифологический мир. Техническое исполнение поражает высоким уровнем владения академическим рисунком. При этом в нем присутствует лиричность и декоративность, свойственные всему живописному творчеству автора. «Сотворение мира» является на удивление «молчаливой» работой, в тишине которой зритель сильнее вовлекается в ее сюжет – мир до появления в нем человека, шума современной жизни, даже звуков природы.

В произведениях этого цикла Юон предстает не столько как носитель русской художественной традиции, но и как мастер, точно чувствующий потребности времени и главные тенденции в мировой художественной жизни. В «Сотворении мира» ощущается влияние символизма на творчество автора – его образы зарождающейся жизни полны тоски по недостижимой гармонии и красоте идеального призрачного мира, а художественный язык с точной, извивающейся декоративной линией, обилием растительных мотивов и декоративностью рисунка близки общеевропейскому стилю ар-нуво, затронувшему также и Россию, особенно круг художников «Мира искусства». Несмотря на то, что К. Юон был ярким представителем московской школы живописи, в своих графических работах он был ближе петербургскому объединению мирискусников. Как точно писал о художниках этого круга Д. Сарабьянов: «их пристрастие к графике отвечало глубокой сущности изобразительного мышления художников «Мира искусства»,

которые, по характеру своих дарований были не живописцами и колористами, а в первую очередь рисовальщиками, острыми изощренными мастерами линии и декоративно-графического силуэта» [13, С. 9]. Эта характеристика объединения как нельзя лучше подходит для описания таланта Юона-рисовальщика, чья богатая одаренность позволяла ему быть ярким представителем и петербургской, и московской школ живописи, творческие методы и вкусы которых расходились в некоторых позициях.

К религиозному мифу о творении мира обращались многие авторы на протяжении всей истории искусства: Иероним Босх «Сотворение Мира» (1500-1510), Микеланджело «Сотворение Мира» (1508-1512), Уильям Блейк («Сотворение Мира. Великий Архитектор» (1794). Во второй половине XIX и начале XX века вечный сюжет творения мира появляется в работах многих художников: В. Баранова-Россине, К. Петрова-Водкина, М. Шагала, М. Нестерова и В. Васнецова и других европейских и русских живописцев. Они создавали свои варианты образов Эдема и первых людей. Представляется, что цикл работ К. Юона «Сотворение мира» передает современное для той эпохи философское видение картины мира.

Идеи ницшеанской философии, в частности, его знаменитое высказывание «Бог мертв», ставшее популярным в философской мысли в России в начале XX века, трактуется художником через отсутствия образа Отца-Бога как создателя мира. В его работах мир возникает как результат процесса творения, но творца мы не видим. В рисунках художника ощущается тишина, спокойствие и гармония, отсутствие чьего-либо, даже божественного присутствия. А лучи восходящего солнца отдаленно напоминают свет, который можно трактовать как образ того «нового рассвета», о котором писал Ф. Ницше в «Сумерках идолов» [7]. В работах графического цикла художник как будто ищет лекарство от морального кризиса своей эпохи. Ведь идея смерти Создателя — это лишь аллегория одной из главных проблем эпохи — того факта, что многие люди, особенно просвещенная Европа, перестали нуждаться в идее Бога как источнике моральных ценностей. На место религии пришли философия и наука, люди лишь метафорически убили Бога своей научно-технической революцией. И этот мир прогресса и надвигающегося атеизма окружал художника, который среди все нарастающей индустриализации ощущал бездушность нового механистического мира. Этому же ощущению нравственного кризиса эпохи способствовал и хаос, связанный с тяжелыми политическими событиями Революции 1905 года. В полных символических смыслах образах безгрешного бытия «Сотворения мира» автор искал те нравственные основы, которые могли бы остаться ориентирами в быстро меняющемся новом мире.

Представляется, что мотив восхода, рассвета, лучей солнца, предвещающего новый день, в частности, в рисунках «Адам и Ева», «Да будет свет», «Ночные светила» также символизирует новый расцвет человечества, новой морали, идеалов, ценностей. Уместно сравнить схожие по художественному языку, созданные примерно в одно время циклы «Сотворение мира» К. Юона и М. Черлунеса (1906-1909). Работы обоих мастеров (хотя у Черлунеса это живописные полотна) отличает наполненность символическими образами, отсутствие образа создателя и декоративность. В обоих циклах присутствуют мотивы тишины и восхода, эфемерности идеального мира. М. Черлунес, как и К. Юон, чутко ощущает необходимость создания нового художественного образа для вечного сюжета.

В творчестве московского художника графический цикл «Сотворение мира» стоит особняком, поскольку он является практически единственным произведением Константина Юона на библейский сюжет. Художник был мастером пейзажного жанра, известным своими архитектурными пейзажами, дополненными жанровыми сценами из народной жизни. Его работы отличаются богатым колоритом, влажным блеск красок, декоративной звучностью образов. А в «Сотворении мира» автор пользуется такими скупыми художественными средствами, но создает законченные картины мистических миров, наполненных образами жителей райского сада.

Юон-график мало известен широкой публике, а его графические работы недостаточно исследованы в даже в искусствоведческой литературе. Многие любители и знатоки графики и, в частности, П.Е. Корнилов ценили именно эту сторону творчества художника [5, С. 119]. В архиве Русского музея хранится переписка А.А. Сидорова с П.Е. Корниловым, из которой следует, что рисунки и акварели художника пользовались огромной популярностью среди коллекционеров [8].

Графический цикл «Сотворение мира» Юона демонстрирует не только его высокий уровень как художника, но и как преподавателя основ рисунка. В начале прошлого века в русской школе живописи отмечалось значительное снижение уровня преподавания академического рисунка. Так, Д.Н. Кардовский писал: «обходя эти ученические выставки, совершенно ясно убеждаешься, что у теперешнего преподавательского персонала Высшего художественного училища нет желания заниматься своими учениками...кажется, что Высшее художественное училище существует не для того, чтобы учить своих питомцев рисовать, писать, лепить, а для того, чтобы раздавать дипломы» [4, С. 127]. Н.Н. Ростовцев также пишет об этой тенденции: «со стороны официальных государственных учебных заведений наблюдались полная пассивность и безразличие к учебным делам...в эти годы академический рисунок теряет своей значение» [11, С. 202], он отмечает снижение строгости и четкости конструктивного построения учебного рисунка, который преподавали в этих институтах. Ориентация на классицистический рисунок и в целом на классицистическое понимание пластической формы должна была вызывать внутреннее сопротивление у студентов, молодых художников, которые, разумеется, в большей мере ощущали рождение новой стилистики и потребность ее освоить. Вместе с тем эта новая стилистика, новые элементы пластического языка, новая тематика искусства — все это остро подчеркивало необходимость внести некие перемены и в организацию учебного процесса, и в систему педагогических задач. В своей московской студии К. Юон именно так строил преподавание, обращая внимание учеников на важность тщательного изучения натуры и постижения основ академического рисунка, что создавало основу, на которой строились дальнейшее изучения живописной техники и последующая возможность поиска нового художественного языка. Начинающие художники в его студии слушали лекции по истории рисунка, изучали принципы рисования старых мастеров (Дюрера, Гольбейна и других), также новый художественный стиль модного Обри Бердсли, Эдварда Берн-Джонса и других современных авторов. Таким образом учитель не только расширял художественный кругозор учеников, но и включал их творчество в современный интернациональный стиль, в современное художественное движения, а сам также, благодаря этим занятиям, включался в актуальный контекст мирового искусства.

Так, в работах графического цикла «Сотворение мира» К. Юона ощущается не столько влияние русской школы живописи и, в частности, его учителей В. Серова и Л. Пастернака, сколько западной стилистики модерна. Здесь заметно пристальное внимание к мельчайшим деталям внешнего мира и виртуозность изображения растительных мотивов, вдохновленная творчеством голландских мастеров, которые органично соединяются со свойственной всему творчеству Юона лиричностью. Изящность и нежность рисунка подчеркивают хрупкость нового мира, поразительно гармоничного и спокойного. Художник особенно в работе «Да будет свет», «Царство растительности», «Царство животных» старается передать законы красоты и гармонии, существовавшие в идеальном мире, при этом его работы отличает ясная образная структура. Зрителя захватывает богатство графического языка художника, ясность линии и объема, где экономичность художественных средств сочетается со сложной витиеватостью рисунка. При этом во всех работах цикла присутствуют тщательно разработанная композиция, текучесть и динамизм форм, в них ощущаются стилистика модерна и семантическая многослойность символизма. Художник воплотил в мистических образах свое видение истории происхождения мира и полной гармонии райской жизни до грехопадения. Представляется, что этот цикл стал высшим графическим достижением художника.

В «Сотворении мира» художник напрямую разговаривает с чувствами зрителей, ведь для понимания сюжета здесь не нужны глубокие знания сакральных текстов или научные объяснения, манифесты или обоснования, как это было необходимо для современных в ту эпоху направлений в искусстве. Своим творчеством автор воздействует на эмоциональную сторону зрителя, а не обращается к его интеллекту.

«Сотворение мира» К. Юона представляется попыткой обратиться к универсальной космологической теме и классическому сюжету с тем, чтобы противопоставить надвигающейся современности с ее новыми ценностями – кубизму, экспрессионизму, футуризму, те основы искусства, которые ему представляются важными. В графических работах К. Юона ощущается именно та искренность и интимность, против которых выступали художники новых направлений. Так, К. Малевич утверждал, что борется против искренности в искусстве: «Только тупые и бессильные художники прикрывают свое искусство искренностью. В искусстве нужна истина, но не искренность» [6, С. 15]. А в «Сотворении мира» в противоположность высказыванию основоположника супрематизма присутствуют и искренность, и ненатуралистичная истинность. Как писал Б. Гройс: «Каждое течение в искусстве провоцировало контр течение, каждая попытка сформулировать теоретическое определение искусства побуждала художников к созданию произведений, не подпадающих под это определение» [3, С. 6]. И в этом смысле творчество К. Юона той основой, на которой возникнет противопоставляемое ей авангардное искусство. А творческие поиски и новая религиозность К. Малевича, получившая выражение в, по сути, иконе «Черный квадрат» являются реакцией на художественный язык, используемый в цикле «Сотворение мира».

Мотивы космологичности будут в дальнейшем продолжены в его самых известных живописных работах 1920-х гг. В них символизм уступит место фантастическому переосмыслению темы сотворения мира, где творцом и строителем жизни является не бог, а человек. Мотивы луча, солнца, новой планеты и космоса получают дальнейшее развитие в таких работах как «Новая планета» (1921), «Люди» (1923).

Детальное рассмотрение графического цикла «Сотворение мира» открывает широкие перспективы для дальнейшего исследования, рассмотрения и понимания работ К. Юона в контексте общеевропейского развития художественного процесса.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Апушкин Я.В. Константин Федорович Юон / Я.В. Апушкин. – М.: Всекохудожник, 1936. – 115 с.
2. Брюсов В.Я. Автобиография / В.Я. Брюсов // Русская литература XX века. 1890—1914 / Под ред. С. А. Венгерова. — М.: 1914. — Т. 1, - 55 с.
3. Гройс Б. «Политика поэтики» / Б. Гройс. – М.: Ad Marginem, 2013. – 400 с.
4. Кардовский Д.Н. Об искусстве: Воспоминания, статьи, письма / Д.Н. Кардовский. – Москва: Изд-во Акад. художеств СССР, 1960. – 340 с.
5. Корнилов П.Е. Заметка по поводу одного портрета / П.Е. Корнилов // Казанский музейный вестник. 1921. №3(6). – С.118-120.
6. Малевич К.С. Черный квадрат / К.С. Малевич. - Санкт-Петербург: Азбука, 2017. – 288 с.
7. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Ф. Ницше. – М.: Эксмо, 2018. – 153 с.
8. Переписка Сидорова А.А. с Корниловым П.Е. ОР ГРМ. Ф. 145/2. Оп. 1. Ед. Хр. 1224 л. 1-2.
9. Осмоловский Ю.Э. Константин Федорович Юон / Ю.Э. Осмоловский. - М. : Сов. художник, 1982. - 248 с.
10. Росс Р. Бердслей / Р. Росс, А. Симонс. - М.: Скорпион, 1912. - 199 с.
11. Ростовцев Н.Н. Очерки по истории методов преподавания рисунка / Н.Н. Ростовцев. – М.: Изобразительное искусство, 1983. – 288 с.
12. Ростовцева И.Т. Константин Федорович Юон / И.Т. Ростовцева. – Ленинград : Художник РСФСР, 1964. - 42 с.
13. Сарабьянов Д. В. Стиль модерн: Истоки. История. Проблемы / Д. В. Сарабьянов. - М. : Искусство, 1989. - 293 с.
14. Третьяков Н.Н. Константин Федорович Юон / Н.Н. Третьяков. – М. : Искусство, 1957. - 220 с.
15. Юон К.Ф. Сотворение мира / К.Ф. Юон. - М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1910 – 8 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apushkin Ja.V. Konstantin Fedorovich Juon / Ja. V. Apushkin – M.: Vsekohudozhnik, 1936. - p. 115 [in Russian]
2. Brjusov V.Ja. Avtobiografija [Autobiography] / V. Ja. Brjusov // Russkaja literatura XX veka. 1890—1914 / Edited by S. A. Vengerov. — M.: 1914. — Vol. 1, - p. 55 [in Russian]
3. Grojs B. Politika poetiki [The Politics of Poetics] / B. Grojs– M.: Ad Marginem, 2013. – p. 400 [in Russian]

4. Kardovskij D.N. Ob iskusstve: Vospominanija, stat'i, pis'ma [About Art: Memoirs, Articles, Letters] / D. N. Kardovskij. – Moskva: Publishing house Akad. hudozhestv SSSR, 1960. – p. 340 [in Russian]
5. Kornilov P.E. Zametka po povodu odnogo portreta [A Note About One Portrait] / P.E. Kornilov // Kazanskij muzejnyj vestnik [Kazan Museum Bulletin]. 1921. №3(6). – pp. 118-120. [in Russian]
6. Malevich K.S. Chernyj kvadrat [Black Square] / K. S. Malevich. – Sankt-Peterburg: Azbuka, 2017. – p. 288 [in Russian]
7. Nietzsche F. Sumerki idolov, ili kak filosofstvujut molotom [Twilight of Idols, or How to Philosophize With a Hammer] / F. Nietzsche. – M.: Jeksmo, 2018. – p. 153 [in Russian]
8. Perepiska Sidorova A.A. s Kornilovym P.E. [Correspondence of Sidorov A.A. With Kornilov P.E.] / OR GRM. Fund 145/2. Inventory. 1. Ed. Hr. 1224 l. 1-2. [in Russian]
9. Osmolovskij Ju.Je. Konstantin Fedorovich Juon / Ju. Je. Osmolovskij. – M. : Sov. hudozhnik, 1982. – p. 248 [in Russian]
10. Ross R., Symons A. Beardsley.- M.: Skorpion, 1912. – p. 199 [in Russian]
11. Rostovcev N.N. Oчерки po istorii metodov prepodavanija risunka [Essays on the History of Methods of Teaching Drawing] / N. N. Rostovces – M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1983. – p. 288 [in Russian]
12. Rostovceva I.T. Konstantin Fedorovich Juon / I. T. Rostovceva. – Leningrad : Hudozhnik RSFSR, 1964. – p. 42 [in Russian]
13. Sarab'janov D. V. Stil' modern: Istoki. Istorija. Problemy. [Art Nouveau Style: Origins. History. Problems.] / D. V. Sarab'janov - M. : Iskusstvo, 1989. – p. 293 [in Russian]
14. Tret'jakov N.N. Konstantin Fedorovich Juon / N. N. Tret'jakov. – M. : Iskusstvo, 1957. – p. 220 [in Russian]
15. Juon K.F. Sotvorenje mira [Creation of the World] / K. F. Juon.- M.: Publishing house «Skorpion», 1910 – p. 8 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.176>

СОВРЕМЕННОЕ МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КИТАЯ С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Научная статья

Лю Юйцзю*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (lyu.yuyszyu.94[at]bk.ru)

Аннотация

В статье рассматривается современное монументальное искусство Китая в контексте городского культурного пространства. Осуществляется анализ основных тенденций трансформационных процессов, связанных с памятниками в контексте функционирования городского культурного пространства, обусловленных социально-экономическими, культурными изменениями в современном Китае. Уточнена суть понятия «городское культурное пространство». Подчеркнута социальная роль монументальной пластики в сфере создания городского культурного ландшафта в современном Китае. Также рассмотрены примеры основных направлений современного искусства в Китае.

Ключевые слова: современное монументальное искусство Китая, памятники, городское культурное пространство, городской ландшафт.

CONTEMPORARY MONUMENTAL ART OF CHINA FROM THE PERSPECTIVE OF THE FUNCTIONING OF URBAN CULTURAL ENVIRONMENT

Research article

Liu Yujiu*

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (lyu.yuyszyu.94[at]bk.ru)

Abstract

The article examines the contemporary monumental art of China in the context of urban cultural environment. The author conducts an analysis of the main trends of the transformation processes associated with monuments in the context of the functioning of urban cultural environment caused by socio-economic, cultural changes in today's China. The essence of the concept of "urban cultural environment" is also clarified. The article highlights the social role of monumental sculpture in the field of creating an urban cultural landscape in modern China and examines examples of the main trends of contemporary art in China.

Keywords: modern monumental art of China, monuments, urban cultural space, urban landscape.

В процессе создания объектов современного монументального искусства перед художником часто возникает вопрос понимания истоков и процесса формирования образа национального стиля в монументалистике. Кроме того, стоит отметить, что сегодня мы можем наблюдать синтез городского ландшафта, архитектуры и монументального искусства, что приводит к смене понимания принципов создания современного монументального искусства. Таким образом, обращения к анализу современного монументального искусства Китая может помочь сформулировать концептуальные принципы создания образцов национального монументального искусства на высокопрофессиональном уровне.

Разработка восприятия городских пространств представлена в исследованиях К. Линча А. Крашенинникова, А. Бунина, Т. Саваренского, В. Глазычева и др. В трудах авторов раскрывается структура городов, значимость архитектурных элементов и памятников в процессе восприятия города, методы гармонизации городского пространств и т.д.

Большое количество современных исследований китайских ученых посвящены изучению концепции соединения различных видов монументального искусства и окружающей среды (Ли Янцзю «Экологическое искусство» (2005), Кап Ляп и Канн Юй «Фэншуй и архитектура» (2001), Линь Юйлян «Психология окружающей среды» (2009), Линь Хуйсянь «Культурная антропология» (2005), Гуань Линьмао «Экологическая скульптура» (2006) и др.

Первым исследователем, который предпринял попытку систематизировать процесс изучения культурного пространства города, был М.С. Каган. В своей статье «Культура города и пути ее изучения» ученый выделил четыре фактора, которые определяют культурное пространство города:

- 1) географический, природный фактор;
- 2) социальный статус города и сфера деятельности основной части населения города;
- 3) архитектурный – пространственно-художественная организация города;
- 4) эстетически-художественный, который включает общую природную, культурную, архитектурную и т.д.» [2, С. 19].

М.С. Каган подчеркивает, что именно «различное сочетание всех четырех факторов придает городу неповторимость, оригинальность, самобытность. Это позволяет утверждать правомерность вывода о самобытности любого города и его культуры» [2, С. 21].

В современной науке существует более 30 определений городов, которые базируются на самых разных признаках: формирование городской культуры, выполнение административных функций, занятость населения вне сферы сельского хозяйства, численность населения и т.д. Наиболее распространенным пока остается демографическое определение, которое проводит границу между городом и другими населенными пунктами на основе численности проживающего населения.

Как отмечает М. Вебер, с социологической точки зрения город – это «населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, при этом население настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом» [1, С. 310].

В последнее время, из-за пространственного и демографического разрастания городов, постепенное исчезновение осязаемого различия между сельской и городской жизнью, все чаще используется термин «агломерация» или «урбанистическая зона», что означает город и другие населенные пункты, привязанные к нему и от него зависимые.

Стоит отметить, что само понимание городского пространства в контексте современной урбанистики Китая, имеет свою специфику. Это объясняется наличием в Китае основных четырех регионов, которые принципиально отличны по форме урбанизации. Так, например, северный регион страны (с двумя столицами Пекин и Шанхай, ультраурбанизированный), южный (дезурбанизированный), северо-западный (уйгуры, монголы), восточный (Гонконг, ультраурбанизированный). В каждом регионе, соответственно, концепция создания городского пространства имеет свои особенности, что обусловлено историческими, культурными и социальными факторами их развития.

Несмотря на все большую тенденцию к глобализации и урбанизации, городское культурное пространство в современном Китае продолжает сохранять черты самобытности.

Производство городского пространства, его восприятие, осмысление и проживание превращаются в перманентный процесс, поэтому и формируется определенный пространственный код, который является не просто способом чтения и интерпретации пространства, но и образом жизни в этом пространстве и способом производства этого пространства.

Одним из интересных объектов в определении пространственно-временных координат города являются памятники как своеобразные маркеры городского пространства. Памятники являются одним из материализованных знаков коллективной памяти. Это знак, содержащий определенный код, делает его «понятным» для одной группы, несущий определенную информацию, которая может быть прочитанной и непонятной для другой, не обладает механизмом расшифровки этого кода. Это влияет на процесс создания идентичности – то есть чувство принадлежности к определенной социальной общности – района, города, региона, государства и т.д., которая всегда связывается с появлением ощущения отличия от других, не являющихся членами этой группы.

Огромное значение в развитии монументального искусства приобрела концепция городского пространства, которая сформировалась в Китае во второй половине XX в. Как подчеркивает Сунь Луньбэнь, «интерес к единству предметно-образного мира, зародившийся в мировой архитектурно-художественной практике еще в 60-70-е годы прошлого столетия, как следствие распространения постмодернистских тенденций, оказал влияние на понимание китайскими художниками необходимости обновления творческих позиций, поиска новых форм искусства, соответствующих своему времени» [3, С. 3].

Долгое время процесс установления памятников в Китае являлось одним из средств закрепления доминирующего идеологического конструкта в сознании граждан государства. Тем более, что этот конструкт и его материальное воплощение в памятниках, во-первых, спускался «сверху», на основании официальных решений, а не гражданской инициативы; во-вторых, был универсальным, стандартизированным для всех городов страны. Неслучайно исследователь Тен Жи отмечает, что «объекты монументальной пластики в XX в. служили утверждению общественно-значимых идей, прославляющих героев нового общества» [4, С. 101].

Одним из примеров сказанного может служить знаменитая масштабная скульптура Сунь Вэй «Призыв» (2001), которая посвящена героям Наньчанского восстания 1 августа 1927 г., которая в настоящее время находится перед главным входом в Мемориальный зал Площади скульптур Цзяньцзунь (рис. 1.).

Рис. 1 – Сунь Вэй. «Призыв». Площадь скульптур Цзяньцзунь

Сегодня скульптура уже не является только лишь «проводником» государственной идеологии, а и отражает популярную эстетическую концепцию, служит украшением городской среды. Как указывает Тен Жи, «в конце XX – начале XXI в. монументальная скульптура становится главным средством улучшения городской среды» [4, С. 101].

В монументальной пластике как части городского культурного ландшафта в современном Китае прослеживаются следующие направления:

- связь объекта с историей города, попытка передать его культурное своеобразие;

– органичная связь с окружающей средой (природным ландшафтом или архитектурным стилем находящихся рядом сооружений), создание скульптурных парков;

– сочетание реалистических приемов и символических элементов для выражения общественно-значимых идей.

Примером первого из обозначенного направления может служить скульптурная композиция «Три реки» в городском округе Синин (провинция Цинхай) (рис. 2.).

Скульптура целиком выполнена из нержавеющей стали, в виде трех абстрактных линии, переплетающихся хаотичным образом. Каждая линия олицетворяет три известные реки провинции Цинхай: Желтая река, река Янцзы и Цинхая. Башнеобразная конструкция символизирует горы Куньлунь.

Рис. 2 – Городская скульптура «Три реки», г. Синин, железнодорожный вокзал

Издавека узор, составленный из линий, представляет собой холмистый горный хребет, который является символом горы Куньлунь. Эта группа скульптурного искусства демонстрирует святость и торжественность природы в регионе Цинхай. На скульптуре установлены световые точки, которые создают эффект текучести и прозрачности.

Второе направление находит свое воплощение в создании так называемых скульптурных парков. Начиная с прошлого века этот вид ландшафтных объектов стал популярным по всему миру. Своей актуальностью парки скульптур обязаны полифункциональности, ведь сочетают в себе рекреационную и экспозиционную функции. Скульптуры в парковом пространстве чаще всего объединены по стилистике или принадлежности к определенной эпохе.

Рассматривая традицию создания скульптурных парков в Китае, невозможно не упомянуть Чанчуньский парк мировой скульптуры, который расположен в центре города Чанчунь – столице провинции Цилинь на северо-востоке Китая. Отличительной особенностью парка является синтез современной скульптуры, природного гористого пейзажа и городского ландшафта. Основная художественно-эстетическая идея парка – соединение западной и восточной культур. Центральное место в парке отведено 23-метровой гранитной скульптуре «Дружба. Мир. Весна» скульпторов Е. Юйшаня, Пань Хэ. Созданная в 2000 году, данная скульптура посвящена теме шести творческих симпозиумов, проходивших здесь с 1997 г. (рис. 3.). Полуобнаженные женские фигуры поднимают вверх букеты цветов и голубей, символизирующих весну и мир. Монументальную композицию фланкируют пять групп огромных бронзовых фигур – аллегории континентов. Они танцуют и играют на музыкальных инструментах, прославляя мир и дружбу.

Рис. 3 – Е. Юйшань, Пань Хэ. Дружба. Мир. Весна. 2000. Чанчуньский парк мировой скульптуры

Развитие современной городской скульптуры происходит и в другой от традиционной «ретроспекции памяти» сторону. Городская декоративная и садово-парковая скульптура все увереннее борется за роль «пространственных акцентов» в городской среде. Не будучи связана с историческим контекстом, она несет в себе тот современный «культурный код», который влечет за собой трансформацию его функционального, образного, социокультурного аспектов. Эта скульптура несет функциональную нагрузку, обыгрывая внешние коммуникационные системы, выполняет функцию объемных пластических объектов как специальных знаков-символов.

Об актуализации вопроса функционирования городского культурного пространства и интеграции в нем современного монументального искусства, свидетельствует проведение в декабре 2013 г. в Китае проведена Центральная рабочая конференция по урбанизации, на которой было предложено акцентировать внимание на построении «наследующей культуры, в частности развитие красивых городов с исторической памятью, региональными и этническими характеристиками» [6, С. 95]. Как указывает исследователь Ян Цзюньян, «защита исторических памятников является основой создания современного городского пространства» [7, С. 44]. Продолжая этот тезис, исследователи Чжэн Давэй и Руань Пинань подчеркивают, что «культурная мощь, которая формируется в рамках городского культурного пространства, напрямую влияет на общее социально-экономическое состояние города» [5, С. 164].

Конец XX – начало XXI в. в Китае можно назвать апогеем усиление социальной роли скульптурного памятника: генезис его развития, проявился в широком диапазоне жанров, сублимируясь с условиями глобальных процессов, привела к детерминирующей функции памятника в формировании общественной мысли, использования его как инструмента социального диалога.

Сегодня памятники становятся своеобразной акупунктурой городского культурного пространства, семантическими координатами общественных ценностей; они привлекают внимание зрителя и транслируют в его сознание закодированные в них символические смыслы и идеи; провоцируют к определенным действиям; становятся знаками, символами времени и пространства. Роль памятника как семантически-смысловой доминанты в жилом пространстве человека, выступает как детерминант, в котором она является одновременно как результатом концентрации духовной энергии народа, так и средством концептуализации окружающего пространства, играя существенную роль в процессах социокультурного диалога общества.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Вебер М. Город / М. Вебер // Избранное. Образ общества / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – С. 309–330.
2. Каган М. С. Культура города и пути её изучения / М. С. Каган // Город и культура: сб. науч. трудов. СПб., 1992. С. 15-34.
3. Сунь Луньбэнь. Современные тенденции развития средовой скульптуры Китая : автореф. дис. ... канд. искусствовед. : 17.00.04 / Сунь Луньбэнь. – СПб., 2009. – 24 с.
4. Тен Жи. Основные тенденции развития китайской монументальной скульптуры в XX в. / Тен Жи // Вестник Харьковской государственной академии дизайна и искусства. – 2008. – № 9. – С. 99-104.
5. 鄭大偉, 阮平南. 城市文化遺產的性質和文化要素. 學術論壇. 2007.
6. 楊維清. 城市歷史景觀中國化的思考北京, 2018 年. 90-102.
7. 楊俊宴. 城市空間形態分區的理论建构与实践探索. 城市规划. 2017 年 第 41 卷 第 3 期

Список литературы на английском языке / References in English

1. Weber M. Gorod [City] / M. Weber // Izbrannoe. Obraz obshchestva [Selected works. The image of society] / Translated from German - Moscow: Yurist, 1994. - pp. 309-330 [in Russian]
2. Kagan M. S. Kul'tura goroda i puti ejo izuchenija [Culture of the city and ways of its study] / M. S. Kagan // Gorod i kul'tura: sb. nauch. trudov [City and culture: collection of scientific works]. St. Petersburg, 1992, pp. 15-34 [in Russian]
3. Sun Lunben. Sovremennye tendencii razvitija sredovoj skul'ptury Kitaja [Modern trends in the development of environmental sculpture in China : extended abstract of Candidate's thesis. Art History. 17.00.04 / Sun Lunben / Sun Lunben. - St. Petersburg, 2009. - 24 p. [in Russian]
4. Ten Zhi. Osnovnye tendencii razvitija kitajjskoj monumental'noj skul'ptury v KhKh v. [The main trends in the development of Chinese monumental sculpture in the twentieth century] / Ten Zhi // Vestnik Khar'kovskoj gosudarstvennoj akademii dizajna i iskusstva [Bulletin of the Kharkiv State Academy of Design and Art]. - 2008. - No. 9. - pp. 99-104 [in Russian]
5. Zheng Dawei. The nature of urban cultural heritage and cultural elements / Zheng Dawei, Ruan Pinan // Academic Forum, 2007. No. 4. - pp. 163-167. [in Chinese]
6. Yang, Weiqing. Reflections on the Sinification of the Historical urban landscape / Yang Weiqing. - Beijing, 2018. - pp. 90-102. [in Chinese]
7. Yang Junyang. Theoretical and practical study of the city. Analysis of the spatial form / Yang Junyang // Overview of city planning. – Vol. 41 (№3). – 2017. – Pp. 41-51. [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.177>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ «ИНТОНАЦИЯ» И «ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ ИНТОНИРОВАНИЕ» В РОССИЙСКОМ МУЗЫКОЗНАНИИ

Научная статья

Чжан Фан*

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (chzhan.fan[at]bk.ru)

Аннотация

В статье обозначаются основные этапы становления интонационной теории. Данная теория признаётся одной из ведущих музыкальных теоретических систем XX и XXI вв. Ключевой вклад в развитие учения об интонации сделали российские музыковеды (Б. Л. Яворский, Б. В. Асафьев, В. В. Медушевский и др.). Категория интонации объясняет многие вопросы музыкального искусства; позволяет объединить в единую систему социум и культуру, композиторское и исполнительское творчество, слушателей. В наши дни теория интонации обогащается связями с психологией, лингвистикой, семиотикой.

Вопросам фортепианного интонирования уделяют внимание многие выдающиеся педагоги. В частности, о путях развития интонирования на фортепиано пишет Г. Г. Нейгауз. В наши дни сфера фортепианного интонирования выделяется в отдельную научную область (В. В. Малинковская). Работа над интонацией в фортепианном классе охватывает практически все аспекты обучения и имеет огромное развивающее и воспитательное значение.

Ключевые слова: интонационная теория, интонация, интонирование, фортепианное интонирование.

INTERPRETATION OF THE CONCEPTS OF "INTONATION" AND "PERFORMING INTONATION" IN RUSSIAN MUSICOLOGY

Research article

Zhang Fang*

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

* Corresponding author (chzhan.fan[at]bk.ru)

Abstract

The article outlines the main stages of the formation of intonation theory. This theory is recognized as one of the leading musical theoretical systems of the 20th and 21st centuries. A key contribution to the development of the doctrine of intonation was made by Russian musicologists (B. L. Yavorsky, B. V. Asafyev, V. V. Medushevsky et al.). The category of intonation explains many issues of musical art; it allows for combining society and culture, composing and performing creativity, and listeners into a single system. Today, the theory of intonation is enriched by connections with psychology, linguistics, and semiotics.

Many outstanding teachers pay attention to the issues of piano intonation. In particular, the ways of developing intonation on the piano are explored in the writings of H. G. Neuhaus. Nowadays, the sphere of piano intonation is allocated to a separate scientific field (V. V. Malinkovskaya). The work on intonation in the piano class covers almost all aspects of learning and has a significant developmental and educational value.

Keywords: intonation theory, intonation, intoning, piano intonation.

Актуальность обращения к данной теме определяется огромным значением, которое приобретают в настоящее время понятия интонации и исполнительского интонирования в музыкальной теории и практике. Научная новизна работы определяется обобщением широкого круга музыковедческой и методической литературы, в том числе трудов с описанием опыта работы над интонированием классиков российской фортепианной педагогики. Чрезвычайно велико практическое значение темы, так как понимание сущности интонации и исполнительского интонирования позволяет педагогу правильно расставить акценты в работе над развитием интонационного мышления учащихся и студентов в классе фортепиано.

Музыка всегда была связана с жизненным опытом людей. Интонационный запас обогащается вслед за развитием языка, литературного творчества, наблюдением за законами окружающего мира, изменениями в обществе и человеческом сознании. Музыканты и учёные-исследователи всегда стремились понять, что такое «интонация», каковы особенности «интонационного мышления», «исполнительского интонирования». Эти проблемы неизменно притягивали внимание, им посвящено множество трактатов и теорий, начиная с древних времён. В данной статье нами будет освещена российская традиция подхода к сфере музыкальной интонации в композиции и исполнительстве.

Ещё Аристотель (IV век до нашей эры) заметил: «одной мелодии свойственна одна природа, другой – другая» и подразделил мелодии на «этические, практические и энтузиастические». Музыка возникла как подражание («мимесис»), но в результате её воздействия достигается очищение души, человек испытывает сильные этические и эстетические переживания («катарсис») [5, С. 63].

В трудах XVI – XVIII веков акцентируются вопросы соотношения музыки и слова, музыки и определённых эмоций и чувств. Итальянский педагог и композитор Я. Пери пишет о том, что каждое чувство (жалоба, радость и другие) выражается своим тоном и силой голоса. Выдающийся французский учёный Р. Декарт в XVII в. видит цель музыки в доставлении человеку наслаждения и возбуждении разнообразных аффектов (сильных чувств) [2, С. 100]. Французский философ, писатель и композитор Ж. Ж. Руссо отмечает сходство музыкальных фраз с речами ораторов. Музыка подражает речи и обладает эмоционально окрашенными «говорящими интонациями». Благодаря этому музыка передаёт всё, что может передать человеческая речь (жалоба, повеление, обида, радость и др.) [6].

Глубокая разработка учения об интонации относится к первой половине XX в. и принадлежит русским музыковедам Б. Л. Яворскому (труд «Строение музыкальной речи», 1908), Л. Л. Сабанееву («Музыка речи», 1923). Интонационная природа музыки всесторонне освещена в многочисленных работах академика Б. В. Асафьева (1884–1949). Начиная с трудов Б. В. Асафьева (статьи о музыке русских композиторов, о различных музыкальных жанрах, труд «Музыкальная форма как процесс», 1947) интонационная теория целенаправленно развивается и становится одной из ведущих музыкальных теоретико-эстетических систем XX и XXI вв.

Основные положения учения Б. В. Асафьева об интонации заключаются в следующем:

- интонация всегда социально и исторически обусловлена, благодаря чему имеет огромные коммуникативные возможности;
- в обществе постепенно складывается «интонационный словарь», который со временем меняется, переосмысливается (явление «переинтонирования»);
- интонация – смысловая ячейка в процессе становления музыкальной мысли;
- весь процесс фиксируется в единстве содержания и формы, в определённой музыкальной конструкции [13, С. 7].

Для преподавателей фортепианного класса чрезвычайно ценно понимание Б. В. Асафьевым интонации как «музыкального слова», обладающего определённой семантикой (значением) и связанного с образно-интеллектуальным мышлением человека.

Доктор искусствоведения, профессор Московской государственной консерватории В. Н. Холопова даёт определение: «Интонация – музыкальный оборот с относительно закреплённой выразительностью» [14, С. 137]. Оно вполне применимо на уроках фортепиано с учащимися и студентами.

Во второй половине XX в. интонационная теория обогатилась контактами с психологией, лингвистикой, семиотикой и др. В частности, В. В. Медушевский опирается на положения современной нейropsychологии об асимметрии полушарий головного мозга (левое полушарие управляет речью и логикой, правое – целостным и чувственным восприятием). В осознании музыки ведущую роль играет правое полушарие, способное к целостному и одномоментному охвату образа. В этом, как считает В. В. Медушевский, заключается сила воздействия музыкальной интонации, её комплексное влияние. «Музыкальная интонация воспринимается как живая потому, что в ней отражён живой человек... Музыкальная интонация промышляется дыханием, связками, мимикой, жестами – целостным движением тела... Это одновременно и дыхание, и напряжение мышц, и биение сердца. Целостная звуко-смысловая интонация музыки осмысливается правым мозгом уже как телесная интонация» [9, С. 235].

Интонация несёт в себе миропонимание определённой эпохи, нации, концентрирует в себе опыт всей культуры. «Воплощать социальную сущность человека музыка может именно потому, что и культуру она научилась “свёртывать” в интонацию. До размеров интонации уменьшаются культурные стили, жанры, целые художественные эпохи», – пишет В. В. Медушевский [10, С. 136]. Положения о целостном воздействии интонации (от физиологии до мировоззрения человека) чрезвычайно важны для фортепианного обучения.

Практическое значение имеет также ответ на вопрос, какой элемент музыкального произведения может считаться интонацией. Большинство исследователей признают, что ведущий интонационный уровень соответствует уровню слов в речи – это мотивы, фразы. Но следует учитывать: и в речи, и в музыке действует закон многозначности слов (полисемия). Музыкальная интонация чрезвычайно разнообразна [8].

Интонирование для Б. В. Асафьева – это реализация музыки, в том числе во внутреннем слуховом представлении. Академик подчёркивает: музыкальная мысль выражается через интонирование: «...мысль, чтобы стать звуковыраженной, становится интонацией, интонируется» [1, С. 212]. Интонирование осуществляется в трёх главных сферах существования музыки: в композиторском творчестве, в исполнении, в слушательском восприятии. Через интонирование происходит взаимодействие между композитором, исполнителем и слушателем.

Б. В. Асафьев считал идеальным исполнительское интонирование, продолжающее творческий процесс композитора, рождающее спаянное с ним единое слушательское сопереживание, обогащающее душевный мир слушателей. Творческое исполнение принципиально отличается от «ремесленного». «Основных разрядов исполнителей два: одни слушают и понимают музыку внутренним слухом, интонируя её в себе до воспроизведения; то есть до того, как они её слушают извне: из-под пальцев своих или в оркестре; другие не интонируют музыку в своём сознании, принимают её извне, лишь воспроизводя нотную запись» [1, С. 297–298]. Последнее, то есть не прочувствованное, не продуманное и не освоенное внутренним слухом исполнение, механическое озвучивание текста академик считал наибольшим злом.

Идеи Б. В. Асафьева об исполнительском интонировании развивает А. В. Малинковская – автор нескольких трудов об искусстве фортепианного интонирования. Она данный вид интонирования как «процесс осмысленно-выразительный, в его направленности на слушательское восприятие, звуковой реализации музыкального произведения» [7, С. 36]. Фортепианное интонирование является главным и наполняющим звеном в системе «композитор – исполнитель – слушатель». Своим исполнением пианист осуществляет настоящую музыкальную коммуникацию и передаёт то, что его взволновало, высказывает что-то «желанное, нужное данному кругу слушателей» [1, С. 264].

Интонирование – смысловой, творческий акт, в центре которого должна стоять Личность исполнителя. Не надо умалять возможности личности учащихся – детей и подростков. Наоборот, для них включение в интонирование имеет огромное воспитательное и развивающее значение. Непроинтонированная музыка как бы «не существует», она не интересна слушателям – эту мысль следует доводить до учеников с первых лет обучения.

Круг явлений, включаемых в фортепианное интонирование, весьма широк, – от слухового внимания и высокого интеллекта, учёта возможностей инструмента до движений рук, «произнесения» интервалов, выявления различных тембров [1, С. 275]. В рамках работы над фортепианным интонированием исполнителями и педагогами охватывается широчайший спектр проблем: раскрытие образного содержания и логики развития, мотивное строение мелодии,

динамические оттенки и агогика, подчёркивание наиболее выразительных оборотов и гармоний, тяготений, смена дыхания и цезуры, интерпретация и забота об эмоциональном тоне, а также многое другое.

Проблема исполнительского (фортепианного) интонирования рассматривается в трудах классиков российской фортепианной педагогики – Ф. М. Blumenfelda, А. Б. Гольденвейзера, К. Н. Игумнова, Е. Ф. Гнесиной, С. Е. Фейнберга, Г. Г. Нейгауза, А. Н. Николаевой и других. Так, главное внимание К. Н. Игумнова всегда было направлено на интонирование. Интонацию педагог считал ядром музыкального образа, средством выявления характера музыки. Из высказываний К. Н. Игумнова следует, что он «основным при изучении музыкального произведения считает интонацию»; «от умения передать интонационный смысл произведения во многом зависит содержательность исполнения» [11, С. 56].

Сильнейшее воздействие исполнительского интонирования на слушателей подчёркивал Г. М. Коган: «...единственно звук способен не только непосредственно выражать переживания, но и возбуждать их в другом. Музыкальное звучание, ритмоинтонационно организованное, имеющее определённый тембр и силу, становится инобытием человеческого переживания и одновременно его диалогическим обращением к другим людям, призывом разделить его, заразиться им, душевно приобщиться к нему» [4, С. 270].

Г. Г. Нейгауз стремился к тому, чтобы развивать учеников не только пианистически, но и музыкально, интеллектуально, артистически. В своём классическом труде «Об искусстве фортепианной игры» (1958) он называет пути, всесторонне развивающие интонационное мышление пианистов:

- развивать слуховые данные;
- знакомить с широким кругом музыкальной литературы;
- подолгу «вживаться» в одного автора (то есть сыграть множество произведений композитора);
- выучивать произведения «внутренним слухом», без инструмента;
- дать необходимые знания по гармонии, полифонии, форме произведений;
- развивать фантазию с помощью поэтических образов, метафор, аналогий;
- толковать музыкальную речь произведений;
- формировать любовь к другим искусствам (поэзии, живописи, архитектуры);
- равняться на лучших, по возможности «включать» профессиональное честолюбие;
- осознать этику художника-творца, его ответственность и права перед создателями музыки и аудиторией

[12, С. 26–27].

Таким образом, знание сущности понятий «интонация», «исполнительское (фортепианное) интонирование» необходимо современному педагогу фортепиано. Интонация – ячейка в процессе становления музыкальной мысли; она культурно и исторически обусловлена, целостна, обладает огромными коммуникативными возможностями, воздействует на весь организм человека. В каждом обществе и в каждой культуре складывается «интонационный словарь» с наиболее значимыми интонационными оборотами. Исполнительское (фортепианное) интонирование – выявление музыкальной интонации, процесс формирования музыкального образа, содержательная и духовная связь между композитором, исполнителем и слушателями.

Теоретическая и практическая разработка вопросов исполнительского (фортепианного) интонирования является в наше время весьма перспективной. Обращение к музыке других культур, к новой музыке, интерпретация классических и современных произведений – это области фортепианного исполнительства и педагогики, требующие целенаправленной работы над исполнительским интонированием.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – Л. : Музгиз, 1963. – 380 с.
2. Гудимова, С. А. Музыка в трудах учёных XVII века / С. А. Гудимова // Вестник культурологи. – 2017. – № 4 (83). – С. 98–108.
3. Коган, Г. М. У врат мастерства. Работа пианиста / Г. М. Коган. – 2-е изд. – М. : Музыка, 2020. – 342 с.
4. Коган, Г. М. У врат мастерства. Работа пианиста / Г. М. Коган. – 2-е изд. – М. : Музыка, 2020. – С. 270.
5. Коломиец, Г. Г. Философия Аристотеля в значении онтологического статуса музыки / Г. Г. Коломиец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Философия. – 2018. – Т. 22. № 1. – С. 55–64.
6. Комиссаренко, А. Н. Жан Жак Руссо о сущности музыки / А. Н. Комиссаренко. – [Электронный ресурс]. URL : <http://www.info-library.com.ua/books-text-11907.html> (дата обращения : 10.06.2021).
7. Малинковская, А. В. Класс основного музыкального инструмента. Искусство фортепианного интонирования / А. В. Малинковская. – М. : Владос, 2005. – 381 с.
8. Медушевский, В. В. Интонационная форма музыки : Исследование / В. В. Медушевский. – М. : Композитор, 1993. – 262 с.
9. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах воздействия музыки / В. В. Медушевский. – М. : Музыка, 1976. – 253 с.
10. Медушевский, В. В. Человек в зеркале интонационной формы / В. В. Медушевский // Методологическая культура педагога-музыканта : учеб. пособие / Под ред. Э. Б. Абдуллина. – М. : Академия, 2002. – С. 129–138.
11. Мильштейн, Я. И. Константин Николаевич Игумнов / Я. И. Мильштейн. – М. : Музыка, 1975. – 471 с.
12. Нейгауз, Г. Г. Об искусстве фортепианной игры. Записки педагога / Г. Г. Нейгауз. – 5-е изд. – М. : Музыка, 1987. – 240 с.

13. Орлова, Е. М. Интонационная теория Асафьева как учение о специфике музыкального мышления : История. Становление. Сущность / Е. М. Орлова. – М. : Музыка, 1984. – 302 с.

14. Холопова, В. Н. Феномен музыки / В. Н. Холопова. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 384 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Asafyev, B. V. Muzykal'naja forma kak process [Musical form as a process] / B. V. Asafyev– L. : Muzgiz, 1963– - 380 p. [in Russian]

2. Gudimova, S. A. Muzyka v trudakh uchjonykh XVII veka [Music in the works of scientists of the 17th century] / S. A. Gudimova // Vestnik kul'turologi [Bulletin of Cultural Studies]. – 2017. – № 4 (83). – Pp. 98-108 [in Russian]

3. Kogan, G. M. U vrat masterstva. Rabota pianista [At the gates of mastery. The work of a pianist] / G. M. Kogan. - 2nd ed. - M. : Muzyka, 2020. - 342 p. [in Russian]

4. Kogan, G. M. U vrat masterstva. Rabota pianista [At the gates of mastery. The work of a pianist] / G. M. Kogan– - 2nd ed. - M. : Muzyka, 2020. - p. 270. [in Russian]

5. Kolomiets, G. G. Filosofija Aristotelja v znachenii ontologicheskogo statusa muzyki [Philosophy of Aristotle in the Meaning of the Ontological status of Music] / G. G. Kolomiets // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija : Filosofija [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series : Philosophy]. - 2018. - Vol. 22. No. 1. - pp. 55-64. [in Russian]

6. Komissarenko, A. N. Zhan Zhak Russo o sushhnosti muzyki [Jean Jacques Rousseau on the essence of music] / A. N. Komissarenko. - [Electronic resource]. URL : <http://www.info-library.com.ua/books-text-11907.html> (accessed : 10.06.2021). [in Russian]

7. Malinkovskaya, A. V. Klass osnovnogo muzykal'nogo instrumenta. Iskusstvo fortepiannogo intonirovaniya [The class of the main musical instrument. The art of piano intonation] / A. V. Malinkovskaya. - M. : Vlado, 2005– 381 p. [in Russian]

8. Medushevsky, V. V. Intonacionnaja forma muzyki : Issledovanie [Intonation form of music : Research] / V. V. Medushevsky. - M. : kompozitor, 1993– - 262 p. [in Russian]

9. Medushevsky, V. V. O zakonomernostjakh i sredstvakh vozdejstvija muzyki [On the laws and means of music influence] / V. V. Medushevsky. - M. : Muzyka, 1976– 253 p. [in Russian]

10. Medushevsky, V. V. Chelovek v zerkale intonacionnoj formy [The man in the mirror of intonation form] / V. V. Medushevsky // Metodologicheskaja kul'tura pedagoga-muzykanta : ucheb. posobie [Methodological culture of a teacher-musician : a manual] / Ed . B. Abdullina. - M. : Akademiya, 2002. - pp. 129-138. [in Russian]

11. Milstein, Ya. I. Konstantin Nikolaevich Igumnov [Konstantin Nikolaevich Igumnov] / Ya. I. Milstein. - M. : Muzyka, 1975. - 471 p. [in Russian]

12. Neuhaus, G. G. Ob iskusstve fortepiannoj igry. Zapiski pedagoga [On the art of piano playing. Notes of the teacher] / G. G. Neuhaus. - 5th ed. - Moscow : Muzyka, 1987. - 240 p. [in Russian]

13. Orlova, E. M. Intonacionnaja teorija Asaf'eva kak uchenie o specifikе muzykal'nogo myshlenija : Istorija. Stanovlenie. Sushhnost' [Asafiev's intonation theory as a teaching on the specifics of musical thinking : History. Becoming. Essence] / E . M. Orlova– M. : Muzyka, 1984– - 302 p. [in Russian]

14. Kholopova, V. N. Fenomen muzyki [The phenomenon of music] / V. N. Kholopova. - M. : Direkt-Media, 2014. - 384 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.178>

ИЗ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МУЗЫКИ КАМЕРНО-ВОКАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

Шэнь Лянь Кан*

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (shen.lyankan.94[at]bk.ru)

Аннотация

В статье делается обзор традиционной китайской музыки камерно-вокального направления. Это многочисленные лирические жанры, тесно связанные с классической китайской поэзией, игрой на цине, с театром, особой прослойкой образованных людей. Рассматривается место лирических вокальных жанров в структуре традиционной китайской музыкальной культуры, кратко очерчиваются их образные и выразительные особенности, специфика нотации. Лирические произведения требуют для исполнения значительного мастерства и вкуса. В статье есть сведения о наиболее известных авторах и исполнителях данной музыки. Делается вывод о том, что ещё до взаимодействия с европейской романтической музыкой Китай имел многовековую традицию камерно-вокальной по своему бытованию музыки.

Ключевые слова: традиционная китайская музыка, лирическое пение, циньгэ, цы, ваньюэ, цюй, саньцюй, юаньцюй, таньцы, цзацзюй.

FROM THE HISTORY OF TRADITIONAL CHINESE VOCAL CHAMBER MUSIC

Research article

Shen Lian Kang*

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

* Corresponding author (shen.lyankan.94[at]bk.ru)

Abstract

The article provides an overview of traditional Chinese vocal chamber music. These are numerous lyrical genres that are closely related to classical Chinese poetry, qin playing, theater, and certain groups of educated people. The article examines the place of lyrical vocal genres in the structure of traditional Chinese musical culture as well as briefly outlines their figurative and expressive features, the specifics of notation. Lyrical works require considerable skill and taste to perform. The article contains information about the most famous authors and performers of this music. It is concluded that even before the interaction with European romantic music, China had a centuries-old tradition of vocal chamber music.

Keywords: traditional Chinese music, lyrical singing, traditional chinese singing with qin, ci, wanyue, qu, sanqu, yuanqu, tánci, zaju.

Актуальность исследуемой темы определяется отсутствием современных работ, содержащих наиболее полный обзор такой важной части китайской культуры, как лирические высокохудожественные вокально-поэтические жанры. Этих жанров и их разновидностей достаточно много, и все они обладают специфическими особенностями сочинения и исполнения. В исследовательской литературе информация о данных жанрах разрознена, обобщающих работ на сегодняшний день нет. Важным аспектом актуальности является и то, что проведённое исследование позволит по-новому взглянуть на взаимодействие почвенных китайских и привнесённых в Китай европейских романтических традиций в XIX – XX вв.

Традиционная китайская музыка с самого начала развития была тесно связана с китайской философией и социальной структурой общества. Внутри китайской музыки сложилась самобытная теория и системы музыкального мышления, разнообразные музыкальные, музыкально-поэтические и драматические жанры. Музыка была частью традиционной государственной системы Китая. Хотя в ней и происходили исторические изменения, она сохранилась до настоящего времени как целостное эстетическое явление.

Древнейшие сведения о китайской музыке сохранились в трактатах. Каноническим конфуцианским трактатом является *Ли цзы* («Книга ритуалов», «Книга установлений», IV–I вв. до н. э.). Одна из глав книги называется *Юэ цзи* («Записи о музыке») [23]. Сведения о древней музыке и связанных с ней ритуалах содержатся в классическом энциклопедическом памятнике философской мысли Китая *Ляоши чунцю* («Вёсны и осени господина Ляо», III в. до н. э.) [21]. Названные трактаты включают музыку в натурфилософскую систему мира Древнего Китая. Музыка, музыкальный ритм обладают созидательной и преобразующей силой. Природный звук преобразуется усилиями человека в эстетические, искусные звучания. В музыке выражается образ, рождённый в сердце человека. Звук, музыка – часть вселенской гармонии [5, С. 322]. Про песни в *Юэ цзи* говорится так: «С помощью песен человек направляет себя на правильный путь и развивает лучшие свои стороны. Тогда его действиям соответствуют движения неба и земли, и устанавливается гармония четырех времён года, правильный ход планет и благоприятное развитие всего живого» [19, С. 2].

Музыкальные звуки рождаются в сердце в результате воздействия внешних вещей и событий. В энциклопедическом источнике *Ши цзи* («Исторические записки») Сыма Цянь (145–86 гг. до н. э.) перечислены шесть чувств (печаль, покой, радость, гнев, благоговение, любовь), которым соответствует определённый характер звука *шэнь*. По характеру звука можно определить, какие это чувства. Так, 其愛心感者, 其聲和以柔. / «Когда сердце человека исполнено любовных чувств, звуки его музыки гармоничны и нежны». Облагороженные в звуках чувства благодаря мастеру-музыканту преобразуются в звуки (мелодию) *инь* [13, С. 73].

Структура музыкальной культуры Китая до её взаимодействия с европейской традицией была следующей.

Традиционная китайская музыка (англ. «traditional Chinese music») – 中國傳統音樂 *чжунго чуаньтун иньюэ* включает в себя дворцовую, религиозную, народную музыку, а также 文人音樂 *вэньжэнь иньюэ* – классическую музыку или «музыку учёных людей» [7, С. 182]. В основе всех слоёв традиционной музыки Китая лежит *цюй* – напев, мотив, песня.

Особым многообразием жанров и форм отличается народная китайская музыка. Современные китайские авторы (Чжан Цзюнь) отмечают современное бытование в Китае пяти форм народной музыки. Это песня, песенные сказы, «местные оперы», танцевальная, инструментальная музыка [16, С. 16].

Классическая (или «учёная») музыка – 古典音樂 *гудянь иньюэ*, или 文人音樂 *вэньжэнь иньюэ*. Это музыка, организованная в соответствии с установленной эстетической системой. Такая музыка практикуется в среде *вэньжэнь* – образованных, учёных людей. Задача *вэньжэнь* – принять от учителя его мастерство и передать без искажения. Центральное место в *вэньжэнь иньюэ* занимает традиция исполнения на семиструнной цитре *цин* (также *гуцин* – древняя *цин*). Заметим, что классическая и романтическая европейская музыка, а также произведения китайских композиторов, написанные по европейским канонам, входят в слой высокой музыки Китая (*гудянь иньюэ*) [7, с. 189].

Традиции камерно-вокальной музыки Китая (хотя в академическом понимании жанр сформировался здесь лишь в XX веке) укоренены глубоко в истории. Знатоки считают, что лирическое пение появилось ещё в эпоху Ранней Цинь (351–395). К жанру камерно-вокальной музыки относят песни под аккомпанемент цитры *цин* эпохи Сун (960–1279) и художественную декламацию эпохи Тан (618–907). В XX в. древние камерно-вокальные жанры получили в китайском музыковедении название «высокохудожественные китайские древние песни» [2, С. 43].

Наиболее ранние сведения – о сборнике песен *Ши цзин* («Книга песен», примерно 770–221 гг. до н. э.) [25]. Мелодии из него могли декламироваться или петься (более 300 мелодий). На сегодняшний день известно 305 песен из *Ши цзин*. В книге четыре части: «нравы царств» 国风 *го фын* (бытовые, народные лирические песни), «малые оды» 小雅 *сяо-я* (лирические песни, сочинённые образованными людьми), «великие оды» 大雅 *дя-я*, «гимны» 颂 *сун* (музыка и танцы, исполнявшиеся на церемониях). Все песни *Ши цзин* весьма профессиональны и художественны. «Малые оды» *сяо-я* отличаются выразительными характеристиками, тонким психологизмом. Многие оды невозможно исполнить без специальной вокальной подготовки, что отличает их от народных песен [22, С. 61].

Циньгэ («песни для циня») – особая традиция вокально-инструментального музицирования, сохранившаяся с Китае с древних времён. Цинь отличается большой гибкостью в интонировании. Один из ранних образцов *цингэ* – «Янчунь байсюэ» («Белый снег солнечной весной»), приписываемой Конфуцию (551–479 гг. до н. э.). Учёный и музыкант 司马相如 *Сыма Сянжу* (179–118 гг. до н. э.), живший в эпоху Хань, сочинил известную *цингэ* «Феникс, ищущий подругу». Песня передаёт чувство любви; требует высочайшего исполнительского мастерства. Наиболее известными были длинные лирические песни Цай Вэньзи (蔡文姬, примерно 177–205 гг.). Сохранились ноты для пения с её вокальным циклом из 18 частей (胡笳十八拍 *Хуцзя шиба пай* – «18 пай для флейты хуцзя»). Это песни трогательные, рассказывающие о жизни людей, о любви к своей родине. Шедеврами были признаны некоторые песни эпохи Тан. Например, песня 阳关三迭 «Три прощания на заставе Янгуань» 王维 *Ван Вэй* (699–759). Это лирическая песня, известная в Китае до наших дней [15, С. 44]. Цинь также часто играет в дуэте с флейтой *сяо*, которая заменяет звучание голоса. Цинь и сяо – инструменты двух типов («шёлка», то есть с шёлковыми струнами и «бамбука»), и их дуэт носит в китайской традиции поэтичное название «дуэт Феникса и Дракона» [4, С. 85].

Традиционным для Китая является жанр *цы* – импровизация мелодии на стихи. Жанр возник в эпоху Тан и достиг расцвета в эпоху Сун [9]. Легендарные мастера *цы* – 李白 *Ли Бо* (701–762), 韋莊 *Вэй Чжуан* (примерно 836–910), 李煜 *Ли Юй* (937–978) и др. Известная антология *цы* *Хуанцянь цзи* («Среди цветов») относится к X в. [24]. В *цы* использовались пяти- и семисловные стихи, комбинации поэтических строк разной длины. Инструментальная партия в *цы* обычно дублирует вокальную партию, возможно, с небольшими изменениями [17, С. 204].

Песни эпохи Сун сочинялись интеллектуальной элитой своего времени (*вэньжэнь*). Жанрово-стилевые направления – 婉约词派 *ваньюэ* («изысканные песни») и 豪放词派 *хаофан* («раздольные, естественные песни»). Один из известных поэтов и сочинителей песен эпохи Сун – 姜夔 *Цзян Куэй* (около 1155–1221), чьи лирические песни стали классическими («Тень абрикосового дерева», «Мелодия сливы за ручьём», «Янчжоуская мелодия мань») [15, С. 45]. Его поэзия характеризуется определениями *цин-кун* (чистота горного ручья, освобождение от преходящего) и *сао-я* (благородство) [14, С. 10].

В эпоху Юань (1279–1368) развивались такие традиционные вокальные жанры, как песня *цюй*, классическая драма *сицюй* с ариями *саньцюй*, драма *цзацюй*. *Цюй* («песня»), или *юаньцюй* – китайская поэзия, исполняемая под аккомпанемент. Известные мелодии, на которые пелись стихи, определяли ритм и строение фраз. Различали *цюй* для сольного и театрального исполнения. Сольные *цюй* – *саньцюй* – делились на 小令 *сяолин* (отдельные стихотворения) и 套數 *таошу* (циклы стихотворений с общей темой, рифмой, мелодией, ладом). В *таошу* включались от двух до 30-ти стихотворений. Крупнейшие поэты и музыканты в жанре *цюй* – 關漢卿 *Гуань Ханьцин* (1210–1280), 白樸 *Бо Пу* (примерно 1226–1306), 馬致遠 *Ма Чжиюань* (1250–1321), 張可久 *Чжан Кэцзю* (1275–1345), 喬吉 *Цяо Цзи* (1280–1345) [11].

Вид традиционной камерно-вокальной музыки, известный с древних времён и близкий *цы*, – это рифмованный сказ *таньцы* – включал в себя пение, декламацию и инструментальную импровизацию (на струнном щипковом инструменте). В эпоху Цин (1644–1912) сказ *таньцы* часто сочиняли женщины (аналогия с современными женщинами-писательницами). Они создавали настоящие *таньцы*-романы, рассказывающие о судьбе женщин, часто занимательные и сложные по сюжету [8, С. 282].

Старинному китайскому вокальному искусству присуща синтетичность. Во времена династии Юань (1271–1368) отмечается расцвет *цзацзюй* («смешанное представление», их называли «юаньскими драмами» – *юань цюй*). *Цзацзюй* считается одним из высших достижений городской культуры средневекового Китая. Это были «смешанные представления», в них сочетались диалоги, декламация, стихотворные вставки, фарсовые сценки, народные песни, поэтические арии. Диалоги *цзацзюй* были понятны простым горожанам, а арии соответствовали вкусу образованных людей [12].

Музыкальное сопровождение было весьма развёрнуто и играло значительную выразительную роль. В *цзацзюй* было от трёх до пяти актов, в каждом из которых – цикл арий (близких *цюй* и *цы*) в одном ладу и с единой рифмой. Мелодия в ариях имела ведущее значение. Пел эти арии один персонаж – мужской или женский, и действие было выстроено так, чтобы он оказался в центре драматических коллизий. (Аналогия с камерными вокальными циклами более позднего времени.) *Цзацзюй* сочинялось чрезвычайно много (до настоящего времени дошло более 700 произведений). Охват сюжетов был очень широк – народные предания, семейные темы, легенды, любовные приключения, истории о преступлениях, интриги, исторические события. Сюжеты брались из фольклора, литературы, окружающей жизни. В драмах *цзацзюй* созданы тысячи человеческих образов, различных по статусу, морали, характеру. В целом, характеры были ближе к амплуа, в них не было раздвоенности, сомнений. Из предромантических деталей можно отметить использование мотива сна – например, в *цзацзюй* «Пионовая беседа» 湯顯祖 Тан Сянцзю (1550–1616) [10].

В Китае сложилось примерно около 16-ти систем традиционных музыкальных нотаций, в основе которых лежат иероглифы. Особенность иероглифов в том, что они обладают возможностями символов, многозначностью, изобразительностью, визуальной природой. Одна из функций традиционной китайской записи – суггестивная – внушение исполнителю определённого круга образов и системы представлений, связанной с тем или иным жанром, ритуалом [6, С. 24]. Каждая система традиционной нотации фиксирует высоту и продолжительность звуков, а также другие особенности звучания по-своему. Так, нотацию *пин-грэ* связывают с китайской живописью и каллиграфией. Нотация *пин-цзэ* запечатлевает изменение напряжения речевого аппарата при пении. Также *пин-цзэ* связана с тональной системой китайского языка. Четыре музыкальных «тона» китайского языка, обозначаемых иероглифами, одновременно фиксируют изменение высоты звука, ритм, темп, динамику и артикуляцию. *Пин-цзэ* использовалась в традиционной вокальной музыке [6, С. 18]. Для музицирования на цине использовались нотации *вэнь цзэпу* и *чэнь цзэпу* [3, С. 219]. Создавались сборники текстов и нот для лирического пения: «Нотные тетради рода Вэй», «Цзю Гун да Чэн», «Золотые блёстки». В сборнике «Нотные тетради рода Вэй» (составитель Вэй Шуанхоу) более 50 вокальных произведений [15, С. 45].

В Китае традиционно крепка связь между поэзией и музыкой. Благодаря тоновой природе китайского языка, поэтический текст уже имеет свою мелодию. Поэтому сами поэты часто сравнивали звучание стихов с музыкой. Взаимодействие поэзии и музыки может или подчёркивать, или сглаживать изначальный тоновый рисунок текста. Особое мастерство поэта и композитора – в том, насколько точно две «мелодии» совпадут. Важная грань мастерства китайского вокалиста – тонкое интонирование тонов языка во время пения. Если мелодия не совпадает с тоновым рисунком, музыкант воспроизводит его только с помощью голоса [4, С. 88].

Особенность китайской поэзии в том, что она не описывает чувства, а как бы «намекает» на них. Учёный эпохи Сун Вэй Тай говорил: «поэзия должна быть точна в описании вещей, но должна избегать прямого выражения чувств, которые она намеревается передать. Таким образом, читателю предоставляется возможность представить всё самому и разделить самые сокровенные мысли автора» [21, С. 8]. Такие тексты стимулируют личностный мир слушателя, «заставляя его отыскивать в глубине себя самого сокровенный ответ, родившийся из таинственных смысловых созвучий» (У. Эко) [18, С. 37].

Лирическая поэзия почти всегда могла распеваться. В жанре *цы* стихи создавались на уже известную мелодию. Теснейшее взаимодействие музыки и слова отличает жанр *цингэ*. *Цингэ* могут быть исполнены и с пением, и на *цине* соло; исполнитель сам решает, петь ему или нет. Часто исполнители во время занятий тихонько подпевают себе слова песни. *Цингэ* без пения можно сравнить с европейскими «песнями без слов». В традиционной музыке Китая вокальная и инструментальная партия исполняют одну и ту же мелодию. Небольшие расхождения связаны с добавлением украшений, инструментальными проигрышами.

Произведения, признанные вокальной классикой Китая, отличаются красотой и напевностью, высоким стилем, богатством технических приёмов. Для китайской песенной традиции характерны импровизационно-вариационное развитие, расцветивающие подголоски, орнаментальность, ритмическая полифония [1, С. 252]. Это соответствовало высокому уровню профессионального вокального образования, о чём было сказано выше.

Таким образом, ещё до взаимодействия с европейской романтической музыкой Китай имел многовековую традицию камерно-вокальной по своему бытованию музыки. Здесь издавна складывается круг лирических высокохудожественных вокально-поэтических жанров. Лирическую музыку, связанную с классической китайской поэзией, игрой на цине, театром отличают поэтическая образность, красота, высокие требования к мастерству исполнителя. В связи с этим интерес к романтической музыке и интеграция национального и европейского романтического начала является закономерным этапом в развитии профессиональной (композиторской) китайской музыки XX – начала XXI вв.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Арзаманов Ф. Г. О некоторых особенностях многоголосной китайской народной музыки / Ф. Г. Арзаманов // Музыка народов Азии и Африки: сб. статей. Вып. 5. М.: Советский композитор, 1967. С. 241—256.
2. Ван Даян. Общий обзор художественной песни / Ван Даян. Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2009. 389 с. На кит. языке.
3. Васильченко Е. В. Музыкальные культуры мира. Культура звука в традиционных восточных цивилизациях Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия / Е. В. Васильченко ; Ред. Ю. В. Рождественский. М.: Изд-во РУДН, 2001. 408 с.
4. Глухова Е. 青歌 Цингэ: традиционное китайское пение под звуки циня / Е. Глухова // Музыкальная культура Беларуси и мира: новые направления исследований: сб. статей / Сост. Е. В. Куракина. Вып. 29. Минск: БГАМ, 2013. С. 84—89.
5. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / Ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: Восточная литература, 2006. 727 с.
6. Ключко С. И. Специфика традиционной музыкальной письменности Восточной Азии (на примере Китая и Кореи) / С. И. Ключко: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. Владивосток, 2009. 26 с.
7. Новосёлова А. В. Китайская музыка в структуре музыкальной культуры современного Китая // Музыкальная культура Беларуси: на путях исследований / А. В. Новосёлова // Научные труды Белорусской государственной академии музыки. Вып. 28. Серия 6. Вопросы современного музыковедения в трудах молодых учёных. Минск: БГАМ, 2012. С. 182—190.
8. Пэн Юй. Галерея «переодетых женщин» в древней китайской литературе / Пэн Юй // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов Междунар. студенческой науч.-практ. конф., 25 ноября 2016 г. / Науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. С. 279—283.
9. Серебряков Е. А. Жанр 詞 цы: эпоха Сун (X – XII вв.) / Е. А. Серебряков // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2008. С. 58—65.
10. Сорокин В. Ф. Классическая китайская драматургия: энцикл. статья / В. Ф. Сорокин. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.synologia.ru/> (дата обращения: 21.07.2021).
11. Сорокин В. Ф. 曲 Цюй / В. Ф. Сорокин // Краткая литературная энциклопедия: сетевой ресурс. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke8/ke8-4122.htm> (дата обращения: 20.07.2021).
12. Сорокин В. Ф. Юаньская драма / В. Ф. Сорокин // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8 / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1975. Стб. 999—1000.
13. Сыма Цянь. Исторические записки Ши цзи (史記) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. Т. 4. М.: Наука, 1986. 453 с.
14. Торопцев С. А. Цзян Куй. И был мне сон. Стихи / С. А. Торопцев; Пер. с кит. Литрес: Самиздат, 2019. 36 с.
15. Цао Шули. Истоки жанрового разнообразия камерно-вокальной музыки в Китае / Цао Шули // Искусство и культура. 2011. № 1 (1). С. 41—46.
16. Чжан Цзюнь. Китайская народная музыка в профессиональной подготовке студентов музыкальных факультетов / Чжан Цзюнь: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2009. 22 с.
17. Чжао Ж. Проблемы типологии камерно-вокальных жанров в современной китайской музыке / Ж. Чжао // Университетский научный журнал. 2020. № 57. С. 202—207.
18. Эко У. Открытое произведение / У. Эко ; Пер. с итал. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.
19. Юэ цзи (樂記) // Музыкальная эстетика стран Востока: сетевой ресурс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Jue_czy/text.htm (дата обращения: 20.07.2021).
20. Wang J. The Complete Ci-poems of Li Qingzhao: A New English Translation / J. Wang // Sino-Platonic Papers. 1989. N. 13 (October). Philadelphia: University of Pennsylvania. 122 p.
21. 呂氏春秋. [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qi/zh> (accessed: 04.09.2021).
22. 杨荫浏著. 中国音乐史纲. 北京: 人民音乐, 1981:458.
23. 禮記. [Electronic resource]. URL: <https://www.chineseclassic.com/content/320> (accessed: 05.09.2021).
24. 花間集 [Electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%8A%B1%E9%96%93%E9%9B%86> (accessed: 10.09.2021).
25. 詩經. [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/book-of-poetry/zh> (accessed: 30.08.2021).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arzamanov F. G. O nekotoryh osobennostyah mnogogolosnoj kitajskoj narodnoj muzyki [About some features of polyphonic Chinese folk music] / F. G. Arzamanov // Music of the peoples of Asia and Africa: collection of articles. Issue 5. Moscow: Sovetsky kompozitor, 1967. Pp. 241-256 [in Russian]
2. Van Dayan. Obshhij obzor hudozhestvennoj pesni [A general overview of the art song] / Van Dayan. Shanghai: Shanghai Music Publishing House, 2009. 389 p. [in Russian]
3. Vasilchenko E. V. Muzykal'nye kul'tury mira. Kul'tura zvuka v tradicionnykh vostochnykh civilizacijakh Blizhnij i Srednij Vostok, Juzhnaja Azija, Dal'nij Vostok, Jugo-Vostochnaja Azija [Musical cultures of the world. The culture of sound in traditional Eastern civilizations of the Near and Middle East, South Asia, Far East, Southeast Asia] / Edited by Yu. V. Rozhdestvenskaya. Moscow: RUDN Publishing House, 2001. 408 p. [in Russian]
4. Glukhova E. Cin'geh: tradicionnoe kitajskoe penie pod zvuki cinja [Traditional Chinese singing to the sounds of qin] / E. Glukhova // Muzykal'naja kul'tura Belarusi i mira: novye napravlenija issledovaniij: sb. statej [Musical culture of Belarus and the world: new directions of research: a collection of articles] / Compiled by E. V. Kurakina. Issue 29. Minsk: Belarusian State Academy of Music, 2013, pp. 84-89 [in Russian]

5. Dukhovnaja kul'tura Kitaja: ehnciklopedija: Filosofija [Spiritual culture of China: Encyclopedia: in 5 vols. Vol. 1. Philosophy] / Edited by M. L. Titarenko, A. Pedagogical Kobzev, A. E. Lukyanov. Moscow: Vostochnaja literatura, 2006. 727 p. [in Russian]
6. Klyuchko S. I. Specifika tradicionnoj muzykal'noj pis'mennosti Vostochnoj Azii (na primere Kitaja i Korei) [The specifics of the traditional musical writing of East Asia (on the example of China and Korea)]: extended abstract of Candidate's thesis. Art History: 17.00.09 / S. I. Klyuchko. Vladivostok, 2009. 26 p. [in Russian]
7. Novosyolova A. V. Kitajskaja muzyka v strukture muzykal'noj kul'tury sovremenogo Kitaja [Chinese music in the structure of the musical culture of modern China] / A. V. Novosyolova // Muzykal'naja kul'tura Belarusi: na putjakh issledovanij [Musical culture of Belarus: on the ways of research] / Nauchnye trudy Belorusskoj gosudarstvennoj akademii muzyki. Vyp. 28. Serija 6. Voprosy sovremenogo muzykoznanija v trudakh molodykh uchjonykh [Scientific works of the Belarusian State Academy of Music. Issue 28. Series 6. Issues of modern musicology in the works of young scientists]. Minsk: BGAM, 2012, pp. 182-190 [in Russian]
8. Peng Yu. Galereja «pereodetykh zhenshin» v drevnej kitajskoj literature [Gallery of "disguised women" in ancient Chinese literature] / Yu. Peng // Mirovaja literatura glazami sovremennoj molodezhi: sb. materialov Mezhdunar. studencheskoj nauch.-prakt. konf., 25 nojabrja 2016 g. [World literature through the eyes of modern youth: collection of materials of the International Student Scientific and Practical Conference, November 25, 2016] / edited by S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Publishing House of the Magnitogorsk State Technical University, 2016, pp. 279-283 [in Russian]
9. Serebryakov E. A. Zhanr 詞 cy: ehpokha Sun (X – XII vv.) [Genre 詞: the Song Epoch (X - XII centuries)] / E. A. Serebryakov // Dukhovnaja kul'tura Kitaja: ehnciklopedija: Literatura. Jazyk i pis'mennost' [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vols. Vol. 3. Literature. Language and writing] / edited by M. L. Titarenko. Moscow: Vostochnaja literatura, 2008, pp. 58-65 [in Russian]
10. Sorokin V. F. Klassicheskaja kitajskaja dramaturgija: ehncikl. stat'ja [Classical Chinese Drama] / V. F. Sorokin. [Electronic resource]. URL: <https://www.synologia.ru/...> (accessed: 07/21/2021) [in Russian]
11. Sorokin V. F. 曲 Qu // Brief literary encyclopedia: [Electronic resource]. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke8/ke8-4122.htm> (accessed: 07/20/2021) [in Russian]
12. Sorokin V. F. Yuan drama // A brief literary encyclopedia. Vol. 8 / Edited by A. A. Surkov. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1975. Column 999-1000 [in Russian]
13. Sima Qian. Istoricheskie zapiski Shi czi [Historical notes of Shi ji (史記)] / Translation from Chinese: R. V. Vyatkina. Vol. 4. Moscow : Nauka, 1986. 453 p. [in Russian]
14. Toroptsev S. A. Czjan Kujj. I byl mne son. Stikhi [Jiang Kui. And I had a dream. Poems] / S. A. Toroptsev / Translation from Chinese. Litres: Samizdat, 2019. 36 p. [in Russian]
15. Cao Shuli. Istoki zhanrovogo raznoobrazija kamerno-vokal'noj muzyki v Kitae [The origins of the genre diversity of chamber vocal music in China] / Cao Shuli // Iskusstvo i kul'tura [Art and Culture]. 2011. № 1 (1), pp. 41-46 [in Russian]
16. Zhang Jun. [Chinese folk music in the professional training of students of music faculties]: extended abstract of Candidate's thesis. Pedagogical Sciences: 13.00.02 / Zhang Jun. Moscow, 2009. 22 p. [in Russian]
17. Zhao Zh. Problemy tipologii kamerno-vokal'nykh zhanrov v sovremennoj kitajskoj muzyke [Problems of typology of chamber-vocal genres in modern Chinese music] // Universitetskij nauchnyj zhurnal [Humanities and Science University Journal]. 2020. № 57, pp. 202-207 [in Russian]
18. Eco U. Otkrytoe proizvedenie [The Open work] / U. Eco Translation from Italian. St. Petersburg: Akademicheskij proekt, 2004. 384 p. [in Russian]
19. Yue ji (樂記) // Muzykal'naja ehstetika stran Vostoka [Musical aesthetics of the countries of the East] [Electronic resource] / Yue ji. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Jue_czy/text.htm (accessed: 07/20/2021) [in Russian]
20. Wang J. The Complete Ci-poems of Li Qingzhao: A New English Translation / J. Wang // Sino-Platonic Papers. 1989. N. 13 (October). Philadelphia: University of Pennsylvania. 122 p.
21. Liushi chunqiu [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu/zh> (accessed: 04.09.2021) [in Chinese]
22. Yang Yin Liu said. Outline of Chinese Music History. Beijing: People's Yngui. [in Chinese]
23. Li Tzu: [Electronic resource]. URL: <https://www.chineseclassic.com/content/320> (accessed: 05.09.2021) [in Chinese]
24. Huangqian ji: [Electronic resource]. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%8A%B1%E9%96%93%E9%9B%86> (accessed: 09/10/2021) [in Chinese]
25. Shi Jing: [Electronic resource]. URL: <https://ctext.org/book-of-poetry/zh> (accessed: 30.08.2021) [in Chinese]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.179>

**ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ**

Научная статья

Исакиева З.С.*

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия

* Корреспондирующий автор (Zulai-787[at]mail.ru)

Аннотация

В представленной статье на основе архивных документов и воспоминаний бывших спецпереселенцев предлагается анализ повседневности чеченцев и ингушей, высланных в Казахстан и Среднюю Азию зимой 1944 года. Новые материалы и факты выявленных автором в центральных и региональных архивах позволяют расширить аспекты исследования жизни депортированных чеченцев и ингушей и функционирования спецпоселенческой системы. В статье раскрыты вопросы расселения, хозяйственного и трудового устройства, социального обеспечения, медицинского обслуживания, производственной и общественной деятельности спецконтингента. Обозначены национальные особенности как разбросанных и разрозненных по территории Казахстана и Средней Азии спецпереселенцев из Северного Кавказа, так и принимающей стороны. Отмечается, что труд для депортированных чеченцев и ингушей был фактором выживания и адаптации в местах спецпоселений.

Ключевые слова: депортация, спецпоселение, расселение, голод, трудоустройство.

**FROM THE HISTORY OF THE DAILY LIFE OF CHECHENS AND INGUSH AS DEPORTED PEOPLES
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Research article

Isakieva Z.S.*

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

* Corresponding author (Zulai-787[at]mail.ru)

Abstract

Based on archival documents and memoirs of former special settlers, the article presents an analysis of the everyday life of Chechens and Ingush exiled to Kazakhstan and Central Asia in the winter of 1944. New materials and facts identified in the central and regional archives allow the author to expand the aspects of the study of the life of deported Chechens and Ingush and the functioning of the special settlement system. The article explores the issues of settlement, economic and labor arrangements, social security, medical care, industrial and social activities of the special settlers. The research outlines the national features of both scattered special settlers from the North Caucasus and the host country across the territory of Kazakhstan and Central Asia. It is noted that labor for deported Chechens and Ingush was a factor of survival and adaptation in places of special settlements.

Keywords: deportation, special settlement, resettlement, hunger, employment.

В статье используются общенаучные принципы объективности, историзма, системности. В своей совокупности указанные методы позволили выявить проблемы повседневной жизни спецпереселенцев, показать стратегию выживания и обозначить роль труда в процессе их адаптации в местах вынужденного пребывания.

Источниковую базу статьи составили:

1) архивные материалы представленные документами, хранящимися в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально политической истории, Центральном государственном архиве Республики Казахстан, Государственных архивах Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Кызыл-ординской областей;

2) научные работы российских и казахстанских исследователей (Бугай Н. Ф., Березовая А.Ю., А.В. Кучева, В.С. Мордвинцева, Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. ,Муса Ибрагимов, Ж.А. Ермакбай, Сактаганова З. Г., Веремченко В. А., Абдрахманова К. К., Ж.Б. Абылхожина, М.Л. Акулова, А.В. Цай);

3) источники личного происхождения, освещающие повседневную жизнь спецпереселенцев (воспоминания).

В Казахстане, Киргизии, Чеченской Республике и Республике Ингушетия проживают живые свидетели, испытавшие судьбу спецпереселенцев. Полевой материал, собранный в ходе бесед с очевидцами событий тех лет, позволил реконструировать повседневную жизнь советских людей в условиях спецпоселения. Сообщения информантов совпадают с историческими фактами и событиями прошлого, что подтверждается официальными документами.

В современной истории тематика, отражающая повседневную жизнь советских людей, вызывает научный интерес. Актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории [1, С. 8].

В анализе повседневной жизни лежит ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами вопроса: как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи? Как люди приспосабливались к жизненным обстоятельствам? [2].

Как справедливо отмечают российские ученые Н. Л. Пушкарева и С.В. Любичанковский «реконструкция повседневности не так проста: во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна, во-вторых у историка часто нет источников (или слишком много) относимых именно и только к ней» [3].

В XX веке советское общество подверглось социальным потрясениям, которые характеризуются резкими, быстрыми изменениями, происходящими в короткие сроки. Охватывая различные области общественной жизни, они затрагивают главные для социума ценности, правила, убеждения и имеют негативные последствия [4, С. 74]. Одним из таких социальных потрясений, оказавшее влияние на мировоззрение, как на самих его участников, так и на все последующие поколения является депортация народов в годы Великой Отечественной войны.

История повседневной жизни советских людей исследована американским историком, советологом, Ш. Фицпатрик (Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город), российским философом, социологом Н.Н. Козловой (Советские люди. Сцены из истории), советским и российским историком и культурологом Л.О. Лейбовичем (В городе М.: очерки политической повседневности советской провинции в 40 — 50-х гг. XX века.). Изучению повседневной жизни в СССР в послевоенные годы посвящены научные работы доктора исторических наук, руководителя Центра социальной истории России ИРИ РАН Е. Ю. Зубковой (Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945-1953). Проблемы повседневной жизни и стратегия выживания спецпереселенцев в годы вынужденного переселения нашли отражение в исследованиях Х. -М.А. Сабанчиева, А. И. Тетуева, В.Б. Убушаева, К. Н. Максимова, В. Г Шнайдера, Э.А Аджиевой, М.М. Ибрагимов, Р. С. Агиева, Л. Я. Арапхановой, З. М. Борлаковой, В. И. Котова, Е. Н. Наумовой, А. С. Хунагова, Арапиева М. А. З.С. Исакиевой и др.

Вопросы пребывания и адаптации депортированных народов с позиции «принимающих сторон» исследуются в трудах казахстанских и киргизских историков: Ж. А. Ермакбаева, Ж. Б. Абылхожина, К. С. Алдажуманова, М. К. Козыбаева, М. Т. Баймаханова, А. Гунашева, Н. А. Аубова, З. Г. Сактагановой, В.В. Козиной, С.И. Бегалиева, Л.Н. Дьяченко и др.

С марта 1944 по январь 1946 гг. на спецпоселении находились в Казахской ССР — 866 300 человек; Узбекской ССР — 181 800 человек; Киргизской ССР — 112 400 человек. В Красноярском крае было распределено — 125 600 человек; Алтайском крае — 85 800 человек. В Кемеровской области числилось 97 200 человек; Томской области — 92 400 человек; Свердловской области — 89 200 человек; Молотовской области — 84 300 человек [5, С.361]. В условиях войны и зимнего времени массовые депортации потребовали огромных материальных затрат и организационных усилий. Спецпереселенцы из числа чеченцев и ингушей в большинстве были высланы в Казахстан и Киргизию. В Казахстане были размещены 239 768 чеченцев и 78 470 ингушей, в Киргизии — 70 097 чеченцев и 2 278 ингушей. В основном они расселялись по Алма-Атинской, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской областям Казахской ССР, а в Киргизской ССР по Фрунзенской и Ошской областям [6, С.107,108].

Невыносимые условия транспортировки, моральная подавленность и растерянность от поспешного и жестокого выселения и предъявленных огульных обвинений в «пособничестве немцам», усугублялись плохой подготовкой районов расселения для принятия, размещения, обеспечения продуктами питания, условиями жизни и трудоустройства огромного количества людей.

Принудительное выселение, лишения, голод, болезни, регистрация в спецкомендатурах, исковерканные судьбы, трудовая и общественная деятельность бережно хранится в памяти бывших спецпереселенцев и будет передаваться из поколения в поколение. Как отмечает профессор Колумбийского университета Марианна Хирш «Пост-память» характерна для поколения «после», для детей поколения, которое прошло через историческую травму, через тяжелый коллективный опыт, опыт, который пост-поколение «помнит» по рассказам тех, с кем они выросли. «Пост-память» передается не только через воспоминания и рассказы, но и через то, о чем молчали в семье, через привычки и паттерны поведения, через реакции на опасность» [7, С.173].

Воспоминания бывших спецпереселенцев восполняют пробелы, существующие в официальных документах, позволяют судить о повседневности и настроениях в их среде. Из воспоминаний жительница села Майртуп, Курчалоевского района Чеченской Республики Мадаевой Насарт: «В то злополучное утро 23 февраля 1944 года нас погрузили в вагоны, которые предназначались для развозки скота и увезли, как потом выяснилось в Кыргызстан. В семье нашей было 4 девочки, среди них я была старшей и единственный мальчик, самый младший. В пути от голода наш брат умер. На наших глазах у матери с рук вырвали его труп и скинули с поезда. Это была страшная картина. Каждый день мы наблюдали, как люди умирали от холода и голода, их тела просто сбрасывали с вагонов, а поезд продолжал двигаться дальше. Так, через 13 дней пути обессиленные, истощенные прибыли мы в село Иваново-Алексеевка Таласского района, Киргизской ССР. В холодные дни без еды, питья, крыши над головой люди семьями умирали, а оставшиеся в живых пытались как-то устроиться, выжить. Моя мама устроилась работать в местный колхоз уборщицей. За свой труд она получала горсть пшеницы и маленькую чашку молока. Придя домой, она делила между нами эти зёрнышки пшеницы и давала сделать по одному глотку молока. Мама держала на огне кастрюлю с камнями наполненную водой и иногда говорила нам, что готовит ужин. Так мы засыпали, не дожидаясь горячего ужина. Это было очень тяжелое время.

Когда мне было 12 лет, мы потеряли отца. Как позже выяснилось, его расстреляли из-за попытки украсть одну из овец, которые принадлежали председателю колхоза. Преступления такого рода совершались от безысходности, только чтобы не умереть с голоду. Годы шли, но не проходило ни одного дня, чтобы каждый выживший в этой депортации не мечтал о возвращении домой, в свой край, в свой родной дом» [8].

Из сведений информанта Вахаевой Рукият, 1935 года рождения запись 2016 г. «После прибытия в Казахстан нашу семью (родители и 5 детей) расселили в Джамбулской области. В колхозе нам выделили комнату. С девяти лет я ходила собирать сено. За этот труд нам давали кружку супа и кусок овсяного хлеба, а иногда и не доставалось его. Через год умер наш отец по дороге в больницу. Там его и похоронили в своей одежде. В тот же день меня увели на работу. На следующий день умер и брат. Мы были подавлены, не знали, что делать дальше. Вскоре я научилась делать

из резины обувь и стала ее продавать. Однажды я пошла на базар и до сих пор не могу забыть увиденное. Женщины, пришедшие туда в надежде поесть хотя бы ботву репы, остались без сил ждать и сидя у стены умерли от голода. Это было ужасно. Но более меня удивило то, что сказали мужчины, глядя на них: «Если собаки не растерзают, похороним завтра. Сил копать могилы, уже нет». Через несколько лет мы переехали в Алма-Ату, построили дом. В родную республику вернулись в 1957 году» [9].

Массовые этнические депортации вносили в планы расселения, трудоустройства и социально-бытового обеспечения спецконтингента сумятицу и хаос. Руководство республик, местные жители, сочувствующие депортированным чеченцам и ингушам, не справлялись с наплывом людей и не могли обеспечить им элементарных человеческих условий.

Большинство чеченцев и ингушей пережили зиму 1944 г. в невыносимых условиях без необходимого запаса дров, теплой одежды. Остро стояла проблема с продовольствием, продукты распределяли по карточкам. По воспоминаниям бывшей спецпереселенки из Караганды Якушевой А.Е.: «Карточки были как тетрадные листы голубого цвета, где на каждый день указывалась дата и количество граммов. Например, иждивенцы в послевоенное время получали 400 г. хлеба, шахтеры по 1 кг. Часто выдавали дробные талоны, т.е. при норме отпуска на день 600г хлеба имелось три талона на 300, 200 и 100г. Жилье мы строили из канав, самана не было. Чтобы саман сделать нужна была солома, но ее не было. Люди резали дерн, т.е. верхний слой земли срезали и из него делали кирпич. Из этого материала строили бараки, в каждый из которых поселяли по 60 человек. Каждая семья жила в маленьких комнатах с перегородками. Условия были ужасные, не было бани, питьевой воды. Те, кто работал на шахтах, жили в бараках и общежитиях. Условия в общежитиях тоже были не лучшие. В комнатах кроме железных кроватей, стола и иногда табуреток ничего не стояло. В общежитиях было тесно, работала одна кухня, где люди после работы стирались, готовили еду. Воды не было. Ее возили в бочках на лошадях. Особенно тяжело было шахтерам, которые ходили пешком по 7 км туда и обратно, транспорта никакого не было. Очень высокой была смертность, особенно среди детей» [10 С.238- 240].

Многие семьи спецпереселенцев находились на грани вымирания. Неудовлетворительное медицинское обслуживание было характерно для первых лет пребывания чеченцев и ингушей в депортации. В некоторых областях не могли организовать лечение распространенных чесоточных болезней. В Зырянском рудоуправлении Восточно-Казахстанской области чеченцы, живущие в землянках из-за отсутствия одежды не могли пойти в медучреждения [11, Л.5].

Спецпереселенцам предписывалась компенсация за потерянное во время депортации материальное имущество. Архивные и опубликованные материалы свидетельствуют, что в местах компактного расселения чеченцев и ингушей принятое Постановление СНК СССР от 29 мая 1944 г. «О выдаче скота и продовольственного зерна спецпереселенцам – карачаевцам, чеченцам, ингушам, балкарцам и калмыкам в обмен на принятые от них по скот и зерно в местах выселения» не всегда выполнялось. Республиканские власти в 1944 г. не смогли возместить изъятый у спецпереселенцев при выселении скот в полном объеме и начали наводить порядок в раздаче скота только в 1945 г. Колхозы получили дополнительно 9036 голов, к 1946 г. долг перед спецпоселенцами по скоту остался в размере 3541 головы. Позже эти вопросы были отрегулированы [12, С. 138, 139].

При расселении и хозяйственном устройстве спецпереселенцев ощущалось отсутствие свободной жилой площади, дефицит продовольственных ресурсов, неадекватное отношение к ним ряда руководителей советских и партийных органов, некоторой части местного населения, а также распространение среди горцев различных эпидемических заболеваний, особенно сыпного тифа. Это затрудняло адаптацию спецпереселенцев к производству в колхозах, совхозах и промышленных предприятиях, порождало, как писали советские и партийные чиновники, «упаднические настроения, вызванные переменой постоянного места жительства» [13, Л. 5]. Дети спецпереселенцев из-за недоедания, отсутствия одежды, обуви не могли посещать школу. В ходе депортации многие дети остались без родителей. Беспорядочных детей брали на учет и устраивали детские дома. Так по Северо-Казахстанской области с 1944 по 1946 гг. из учтенных 108 детей, оставшиеся без родителей в детские дома были устроены 72, а остальных забрали родственники [14, Л. 171].

29 июня 1944г. решением исполкома Кзыл-Ординского областного совета депутатов трудящихся было принято «в связи с наличием в детдомах области 333 детей чеченцев, совершенно не владеющих русским языком, что вызывает затруднения в проведении учебно-воспитательной работы среди них. Также продолжающимся потоком детей чеченцев и невозможностью размещения их в существующих детдомах за недостатком жилой площади открыть к 10 июля дополнительный детдом с контингентом 200 человек на базе интерната при Казахской СШ Кармакчайского района» [15, Л. 99].

Стоит отметить, что в период депортации, когда были случаи разлуки близких и особенно детей, чеченцы и ингуши по возможности не оставляли детей в детских домах. Узнав, что дети родных по крови или знакомых остались без родителей и находятся в детдомах, чеченцы и ингуши старались забрать их в свои семьи. Это было характерной национальной особенностью этих народов, где тейповое родство не позволяло оставаться самим собой вне общины, что отличало их от других депортированных народов [16, С. 143].

Несмотря на сложности военного времени, готовность поделить последним постоянно сопровождала жизнь людей. По воспоминаниям М.А. Баятакова: «В 1944 г. в наш маленький домик из двух комнат (Жана-аул Павлодарской области) вселили женщину-чеченку с 4-мя детьми. Они привезли с собой два мешка кукурузы. Жили мы одной семьей. У взрослых комната, у детей – другая. И питались, как говорится из одного «котла», но «котел» чаще был пуст. Из четверых мальчиков-чеченцев трое умерли один за другим, выжил только младший – Ляга. Затем умерла его мать. Ляга оставался в семье дяди до конца войны. Он был задиристым мальчуганом, часто наши игры кончались потасовкой, но я никогда на него не обижался. В те годы в каждой аульной семье, кто-нибудь жил из депортированных» [17, С. 57].

Тяжелое положение разбросанных и разрозненных по территории Казахстана и Средней Азии спецпереселенцев из Северного Кавказа отмечалось по всем предприятиям этих регионов. К примеру, в постановлении бюро

Карагандинского горкома КП (б) Казахстана от 13 октября 1944 года сообщалось, что «все переселенцы размещены в 2 стандартных бараках и в 2 землянках. В бараках очень тесно, на 35 кв. м размещено 80 человек, кровати стоят в два паруса, в здании душно и грязно. Совершенно нетерпимое положение в землянках, где размещено около 400 человек, землянки к жилью не приспособлены, в них сыро, душно отсутствует естественный свет. Все живущие в землянках абсолютно раздеты и не имеют постельных принадлежностей.

В результате создавшихся таких условий люди ослабли, и выйти на работу не в состоянии. Такое отношение создало угрожающее положение, и за короткий промежуток времени умерло 35 человек только Metallургстрое. Секретарь Кировского горкома КП (б) т. Захаров и т. Карягин прошли мимо такого возмутительного факта и не потребовали от начальника строительства Белова улучшить бытовые и материальные условия спецпереселенцев. Партийно-массовая работа среди спецпереселенцев проводится крайне неудовлетворительно, только этим можно объяснить, что часть людей не трудоустроена, подготовка к зиме не ведется, индивидуальное строительство не организовано, дети учебой не охвачены [18, Л.146-149].

В Куршабском районе Ошской области 907 семей в количестве 3 483 человека, из которых более половины составляли дети, «были расселены в 17 колхозах и 2 предприятиях крайне неудовлетворительно, живут в антисанитарных условиях, очень скученно, в комнатах 6-12 кв. м. живут по 2-3 семьи с количеством от 5 до 10 человек. В колхозах Фрунзенского района Ошской области летом 1945 г. в одной комнате проживало по 5-7 семей» [19, Л. 65-70].

Из разных советских, партийных и силовых источников раскрывается картина повседневной жизни, свидетельствующая об активном участии чеченцев и ингушей в выполнении производственных заданий. Со времени прибытия в Казахстан и Среднюю Азию чеченцы и ингуши работали в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях, на шахтах, рудниках, строительстве жилья и промышленных предприятий, благоустройстве городов и поселков. Работали практически все трудоспособные спецпоселенцы, а иногда даже и те, кого считали нетрудоспособным, особенно это замечалось в первые годы проживания. «Летом 1944 г. в Джамбульской области из 16 396 человек трудоспособных работало 16 927 человек, причем на полевые сезонные работы было привлечено 583 старика и подростка. В Акмолинской области из 17 667 человека учтенных трудоспособных фактически работало 19 345 человек, в том числе 2 746 стариков и подростков. На 1 июля 1946 года на шахтах и рудниках Карагандинского угольного бассейна трудилось 17468 человека, из них в Джезказгане – 10 417 человек, на шахтах и рудниках Караганды и Сарани – 5448, на предприятиях Темиртау – 1468» [20, С. 136].

Техническая учеба по повышению квалификации среди спецпереселенцев проводилась за счет обучения в стахановских школах, овладением техникума и индивидуально-бригадной формой обучения.

Отчеты, докладные записки партийных, советских учреждений, органов внутренних дел свидетельствуют, что чеченцы выполняли и перевыполняли производственные нормы. В 1945 г. в колхозах Северо-Казахстанской области работало 6777 спецпереселенцев, за год им был выработан 161 трудодень. В совхозах работало 777 спецпереселенцев, средний заработок составлял 150 руб., на предприятиях трудилось 337 человек, средний заработок которых был 275 руб. В колхозах Карагандинской области было премировано 435 человек. В Осакаровском районе в колхозе «Комсомольский» Х. Алдамов, А. Юсупов, С. Батукаев, А. Яхиханов были премированы деньгами и ценными подарками. В колхозе «Октябрьский» того же района были поощрены Х. Хамидов, А. Дайкуев, Ш. Сиданов, Т. Одаев, М. Обоев, П. Самаев, которые выработали от 500 до 600 трудодней. На Джезканганском марганцевом руднике за перевыполнение нормы выработки были премированы М. Кусова, К.Темирсултанов, К. Кулаева, Э.Шебиханов. В 1946 г. из общего числа работавших в системе Наркомугля 843 спецпереселенца-чеченца перевыполняли нормы выработки от 200 до 300%. Сохранились материалы, свидетельствующие о трудовой деятельности горянок. В числе многих женщин в первый год депортации работала откатчицей на шахте «Кировская» Хадижат Умарова. За трудовые рекорды горнячки премировались отрезами тканей на платья. В Сталинском районе 27 чеченок за перевыполнение производственных заданий были премированы отрезами мануфактуры. На шахте № 18-бис откатчица Товжан Умарова годовую норму 1954 г. выполнила на 115%. Приказом директора была награждена денежной премией. Кусиева Халипат на шахте № 42/43 выполнила норму 1955 г. на 106%

По сведениям управления внутренних дел в Кызыл – Ординской области в 1946г. на Джусалинском механическом заводе работали 341 человек из числа чеченцев, среди которых 30% составляли стахановцы и ударники. Стахановцами были овладевшие специальностями токаря М. Байбатыров, выполнявший норму выработки на 300%, В. Эдилсултанов, Т. Галаев, Ш. Борщигов и другие, достигшие производственных успехов на 200% [16, С. 124,125].

В архивных источниках отмечено, что на рудниках Спасска и Успенки стахановцами числились Э. Цадаров, К. Товсултанов, Я. Исаев, И. Сапаров, И. Эльжуркаев, А. Осмаев. Несмотря на сложности послевоенного времени, не ослабевал трудовой энтузиазм трудящихся, многие предприятия выполняли и перевыполняли годовые задания. Так, Джезказганские рудники план 1947 г. перевыполнили по всем показателям, в частности, по добыче руды на 107,9%, по горнопроходческим работам на 110,5%, снизили себестоимость руды по сравнению с планом на 129% [21, С. 114-116].

За август 1944 г. по Лениногорскому рудуправлению выполнили норму 415 человек, а перевыполнили – 382 из числа чеченцев. На Зырянском рудуправлении в горном цехе из 85 работающих чеченцев 23 были стахановцами и ударниками труда. В колхозе «Гигант» Чилийского района Кызыл – Ординской области чеченцы и ингуши составляли 20% рабочей силы. В 1945г. спецпереселенцы из числа чеченцев этого колхоза организовали отдельную бригаду, которая с момента поселения четыре раза получала переходящее Красное знамя района, а также получала денежные премии в сумме 27 615 руб.,5 голов скота. Бригадир Цураев получил персональную премию в сумме 5000 руб. [15, Л.30].

Наравне с взрослыми на спецпоселении трудились и подростки. В колхозе «Путь Октября» Джагалашского района В. Махабов 1932 года рождения выработал 156 трудодней, подросток В. Ишханов 1934 года рождения выработал 191 трудодень, Ж. Снугуров 1934 года рождения - 179 трудодней.

На 1 января 1949 г. в сельскохозяйственной отрасли были заняты 125 753 чеченцев и ингушей, в угольной промышленности работали 6 175, в металлургии – 9 737, в местной промышленности – 12 011, в нефтяной – 600, в торговле – 2 107 человек [22, Л.163,190].

Стоит отметить, что в годы депортации особенно возросла религиозность среди чеченцев и ингушей. Советская система воспитания и образования не поколебала в них веру в каноны шариата. Муллы и алимы – богословы играли важную роль в духовной жизни чеченцев и ингушей. По воспоминаниям Балтимбая Ильясова, 1928 г.р. уроженца казахского села Мариновка Акмолинской области «в марте 1944 г. в наше село привели более 20 семей депортированных с Кавказа чеченцев, кроме одежды у них ничего не было. Наши родители уважали чеченцев – мусульман, кормили, чем могли, давали хлеб, молоко, пшеницу... Чеченские семьи были распределены между казахами. Они жили вместе с казахами, как родные братья. Среди чеченцев был сорокалетний очень религиозный и уважаемый мулла по имени Макшарип. Он жил поочередно у казахов (то у одного, то у другого). В пять раз молился, постился (держал уразу). Все прибывшие чеченцы работали в колхозе «Красный партизан», вели себя достойно, вежливо, вредных привычек я у них не видел».

Из воспоминаний Багаудина Бекбузарова: «узнав, что мы относимся к мусульманам, в село Талбай Калининского района Акмолинской области к нам прибыл на верблюде казах и прочел суру из Корана. Наша девятилетняя тетка (сестра отца) все время плакала, пока он читал суру. У нее не было ни чашек, ни ложек, все было отобрано во время выселения. Нас подселили к русским семьям. Жили дружно. Из колхоза выделили картофель и муку размолотую. На человека в семье выделяли паек, 6-8 кг. муки, 2кг. мяса на семью. Летом заставляли делать для проживания землянки глубиной в метр и больше. Весной в середине апреля собирали колоски в поле. Стояли скирды, где была необмолоченная пшеница, ее просеивали и собирали зерно» [23, С.431,433].

В Казахстане в местах компактного проживания чеченцев и ингушей действовали религиозные братства, которые в условиях спецрежима несли в себе определенную этнокультурную роль в сохранении национальной идентичности в полиэтническом обществе.

В справке за 1946 г. о состоянии религиозной деятельности уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Кокчетавской области Елеусизова сообщалось, что «верующие чеченцы и ингуши не приобщаются с коренным населением - казахами и татарами по совершению различных религиозных обрядов. Главная причина здесь, считаю, непонимание языка. Среди чеченцев и ингушей никаких религиозных групп пока не существует. Каждый верующий отправляет свои религиозные потребности у себя дома, соблюдая довольно строго адатов, 5 правил «Ислама». Среди верующих чеченцев и ингушей, переселенных из Северного Кавказа, существуют абсолютные безразличия на все мероприятия, проводимые государством...» [13, Л. 12].

Одна из причин самодостаточности чеченцев и ингушей в отправлении своих религиозных чувств определялась наличием среди них мулл с законченным духовным образованием. Они могли читать на арабском языке Коран и совершать все исламские обряды. В справке за 1946 по Северо-Казахстанской области от В. Ляпунова сообщается, что «специальных молитвенных домов с постоянным количеством верующих и с систематическим совершением в них богослужений мусульмане - чеченцы не имеют. Намазы в дни больших праздников Рамадан и Байрам они совершают под открытым небом. Коллективные намазы по пятницам совершаются при случае в разных домах. Обязательно совершаются все неотложные религиозные обряды. Центрами религиозной активности мусульман - чеченцев являются пункты, где проживают их муллы, которые пользуются исключительно большим авторитетом. Их предложения беспрекословны. Причем предложения эти не ограничиваются только указаниям вопросам религиозного порядка, но и всех проводимых хозяйственно - политических мероприятий [23, С.228].

Чеченцы и ингуши уделяли серьезное внимание своей внешности. Ношение той или иной одежды было регламентировано как мужчинам, так и женщинам. Женщины укрывали голову платком и ни в коем случае не надевали брюки, в повседневной жизни обычно носили длинные платья. Мужчины и женщины не носили пестрые и тем более яркие одежды. Этикет чеченцев и ингушей был пронизан духом чести и дисциплины, так как с самого рождения человек находился в системе национального регламента. Чеченское общество умело воздействовать на каждого своего члена словом, делом, авторитетом и силой обычая. Подростков и юношей они воспитывали в духе мужественности и стойкости, девушек – в соблюдении нравственного кодекса целомудрия и уважения окружающего общества [23, С. 324].

Несмотря на всевозможные ограничения, спецпереселенцы постепенно, по мере обустройства в новых регионах, начинали проявлять себя в общественно-политической жизни. Чеченцев постепенно стали выдвигать в состав выборных партийных, профсоюзных, комсомольских и других органов. Например, в 1950 году кандидатом в депутаты Лениногорского городского Совета депутатов трудящихся, Восточно-Казахстанской области был выдвинут начальник горного участка Лениногорского рудника Хусаин Лобазанов. На том же Лениногорском руднике 5 чеченцев были избраны профоргами и 2 чеченца членами комитета комсомола. Депутатом райсовета одного из районов города Алма-Ата был избран Ваха Татаев, работавший одним из руководителей Казахской государственной филармонии им. Джамбула [24 С.176, 177].

Участие спецпереселенцев в общественно-политической жизни значительно расширилось к середине 1950-х годов, после смерти И. Сталина. Постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года со спецпереселенцев снимались некоторые ограничения в правовом положении. В нем особое внимание уделялось усилению политической работы среди спецпереселенцев. Предлагалось вовлекать их в активную общественно-политическую жизнь, а также поощрять и награждать за трудовые успехи и использовать на работе в соответствии с их образованием и специальностью [25, С. 115]. В марте 1955 года Совет Министров СССР издал распоряжение о призыве спецпереселенцев в кадры Советской Армии.

Таким образом, депортированные народы Северного Кавказа, в том числе чеченцы и ингуши в военный период перенесли неимоверные трудности и тяготы. Был нарушен их хозяйственно-трудовой быт, разорваны родственные связи, они оказались разбросанными по безлюдным территориям Казахстана и Киргизии.

Советское государство предприняло успешные попытки социализации чеченцев и ингушей в местах их нового проживания. Депортированные чеченцы и ингуши самостоятельно могли зарабатывать себе на пропитание и жилье, их уровень жизни постепенно повышался. Многие семьи построили дома, приобретали скот в личное пользование. Острая потребность в рабочей силе способствовала дальнейшему накоплению масштабов использования в экономике принудительного труда спецпереселенцев с Северного Кавказа. Их труд активно использовался в сельском хозяйстве, в промышленном и гражданском строительстве угледобыче и других отраслях. Совместный труд позволял им не только постепенно выйти из тяжелого материального положения, но и, объединив с местным населением, помог выйти из морально-психологической депрессии.

По мере налаживания жизни в ссылке укреплялась земляческая и родовая связь, а религия играла, в свою очередь, главную духовную роль, что в целом создавало условия для тесного контакта между чеченцами и ингушами и оказания взаимной помощи и покровительства в поиске работы и жилья. Все это укрепляло национальную идентичность и сохраняло историческую память. Религиозные лидеры оказывали большое влияние на них, а совет старейшин оставался непререкаемым авторитетом в решении жизненных проблем. Последствия депортационной политики прослеживаются до настоящего времени и одной из актуальных задач исторической науки остается анализ и изучение жизни депортированных народов в местах спецпоселения, чтобы развеять мифы о народах Северного Кавказа.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований по теме «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)», а также при финансовой поддержке РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований), проект 21-09-43022 «Чечено-Ингушетия в годы советской власти».

Funding

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental Scientific research on the topic "The Soviet Era: History and heritage (to the 100th anniversary of the formation of the USSR)", as well as with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 21-09-43022 "Chechen-Ingushetia in the years of Soviet power".

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Сактаганова З. Г. Города Центрального Казахстана в 1950-1960-е годы: история и повседневность / З. Г. Сактаганова, В. А. Веремченко, К. К. Абдрахманова и др.; под общей редакцией З. Г. Сактагановой; Министерство образования и науки Республики Казахстан, Карагандинский государственный университет им. академика Е. А. Букетова, Центр этнокультурных и историко-антропологических исследований. - Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. - 222 с.
2. Березовая А.Ю. Становление термина «Повседневность». Различные подходы к рассмотрению термина «Повседневность» учеными / А.Ю. Березовая. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-termina-povsednevnost-razlichnye-podhody-k-rassmotreniyu-termina-povsednevnost-uchenymi> (дата обращения 16.10.2021).
3. Пушкарева Н. Л. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе / Н. Л. Пушкарева, С. В. Любичанковский. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-istorii-povsednevnosti-v-sovremennom-istoricheskom-issledovanii-ot-shkoly-annalov-k-rossiyskoj-filosofskoy-shkole> (дата обращения 16.10.2021)
4. Кучева А.В. Повседневная жизнь советского человека в послевоенный период (40–50-е годы XX века): основные стратегии выживания и преодоления травмы / А.В. Кучева, В.С. Мордвинцева // Технологос. – 2019. – № 3. – С. 73–83.
5. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. — Алматы: Арыс, Казахстан, 1998. — 319 с.
6. Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» / Н. Ф. Бугай. М.: АИРО-XX, 1995. — 319 с.
7. Живая память. Сталинизм в Казахстане — Прошлое, Память, Преодоление / Под ред. Ж.Б. Абылхожина, М.Л. Акулова, А.В. Цай. — Алматы: «Дайк-Пресс», 2019. — 272 с.
8. Интервью с Мадаевой Насарт (1934г.р.) жительницей с. Майртуп, Курчалоевского района Чеченской Республики записано в 2017г. Юнусовой Маликой.
9. Интервью с Вахоевой Рукият, 1935 года рождения запись 2016 г. Полевой материал Исакиевой З.С.
10. Сборник документов и материалов. Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, Б.А. Досова и др. — Караганда: Издательство КарГУ, 2016. — 277 с.
11. ГАВКО Ф.1п.Оп.1.Д.3420
12. От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан: Международный фонд гуманитарной помощи «Нур» / составители: Грибанова Е.М., Гунашев А.А., Зулкашева А.С., Сапонова Л.Н. — Алматы: Дәуір, 2004. — 256 с.
13. ЦГА РК Ф.1711.Оп.1.Д.8
14. РГАСПИ.Ф.17.Оп.88.Д.396
15. ГАРКО Ф.283.Оп.1.Д.182
16. Ермекбай Ж.А. Чеченцы и ингуши Казахстана / Ж.А. Ермекбай. — Ассамблея народа Казахстана, Комитет науки Министерства образования и науки РК, Академия госуправления при президенте РК. Астана, 2016. - 204 с.

17. Современное осмысление уроков репрессий 1930-1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека: материалы «круглого стола» /; изд. 2-е - Изд. 2-е, доп. - Алматы: OST-XXI век, 2006. - 174 с.
18. ГАКО.Ф.3п.Оп.1.Д.187.
19. УЦГА КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8.
20. Исакиева З.С. Оценка трудовых усилий чеченцев на шахтах и рудниках Карагандинского угольного бассейна (1944-1957гг.) / З.С. Исакиева // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014, №20, с.136-138.
21. ГАКО. Ф. 596. ОП. 1/6. Д. 399. С. 114-116.
22. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 432. Л. 163-190.
23. Ермекбаев. Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане / Ж. А. Ермекбаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2009.- 508.с
24. Исакиева, З. С. Вклад спецэмигрантов из числа чеченцев и ингушей в освоение Карагандинского угольного бассейна в 1944-1957 гг. / З. С. Исакиева // Средиземноморский журнал социальных наук, 6(5 S3), 324. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.richtmann.org/journal/index.php/mjss/article/view/7781> (дата обращения 22.10.2021)
25. Ибрагимов М.М. Участие чеченских спецпереселенцев в трудовой и общественно-политической жизни в период сталинской депортации / М.М. Ибрагимов // Путь К Великой Победе: История И Современность :Материалы международной научно-практической конференция, посвящённая 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Майкоп, 2020 Изд-во: Адыгейский государственный университет (Майкоп) С.115-122

Список литературы на английском языке / References in English

1. Saktaganova Z. G. Goroda Central'nogo Kazakhstana v 1950-1960-e gody: istorija i povsednevnost' [Cities of Central Kazakhstan in the 1950s and 1960s: History and Everyday Life] / Z. G. Saktaganova, V. A. Veremenko, K. K. Abdrahmanova et al.; Edited by Z. G. Saktaganovoj; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazahstan, Karagandinskij gosudarstvennyj universitet im. akademika E. A. Buketova, Centr jetnoku'lturnyh i istoriko-antropologicheskikh issledovanij. - Karaganda: Publishing house KarGU, 2017. - p. 222 [in Russian]
2. Berezovaja A.Ju. Stanovlenie termina «Povsednevnost'». Razlichnye podhody k rassmotreniju termina «Povsednevnost'» uchenymi [The Formation of the Term “Everyday Life”. Different Approaches to the Consideration of the Term “Everyday Life” by Scientists] / A. Ju. Berezovaja. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-termina-povsednevnost-razlichnye-podhody-k-rassmotreniyu-termina-povsednevnost-uchenymi> (accessed 16.10.2021). [in Russian]
3. Pushkareva N. L. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole [Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annals School to the Russian Philosophical School] / N. L. Pushkareva, S. V. Ljubichankovskij. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-istorii-povsednevnosti-v-sovremennom-istoricheskom-issledovanii-ot-shkoly-annalov-k-rossijskoj-filosofskoj-shkole> (accessed 16.10.2021) [in Russian]
4. Kucheva A.V. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo cheloveka v poslevoennyj period (40–50-e gody XX veka): osnovnye strategii vyzhivaniya i preodoleniya travmy [Everyday Life of a Soviet Person in the Post-war Period (40s-50s of the XX Century): Basic Strategies for Survival and Overcoming Trauma] / A.V. Kucheva, V.S. Mordvinceva // Tehnologos. – 2019. – № 3. – p. 73–83. [in Russian]
5. Deportirovannye v Kazahstan narody: vremya i sud'by [The Peoples Deported to Kazakhstan: Time and Fate]. — Алматы: Arys, Kazakhstan, 1998. — p. 319 [in Russian]
6. Bugaj N. F. L. Berija – I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu...» [L. Beria to I. Stalin: “According to Your Instructions...”] / N. F. Bugaj M.: AIRO-HH, 1995. — p. 319 [in Russian]
7. Zhivaja pamjat'. Stalinizm v Kazahstane – Proshloe, Pamjat', Preodolenie [Living Memory. Stalinism in Kazakhstan - The Past, Memory, Overcoming] / Edited by Zh.B. Abylhozhina, M.L. Akulova, A.V. Caj. – Алматы: «Dajk-Press», 2019. – p. 272 [in Russian]
8. Interv'ju s Madaevoj Nasart (1934g.r.) zhitel'nicej s. Majrtup, Kurchaloevskogo rajona Chechenskoj Respubliki zapisano v 2017g. Junusovoj Malikoj [An Interview With Madaeva Nasart (1934), a Resident of the Village of Mayrtup, Kurchaloevsky District of the Chechen Republic, Recorded in 2017 by Yunusova Malika]. [in Russian]
9. Interv'ju s Vahaevoj Rukijat, 1935 goda rozhdenija zapis' 2016 g. Polevoj material Isakievoj Z.S. [Interview With Vakhaeva Rukiyat (1935), Recorded in 2016. Field Material by Isakieva Z.S.] [in Russian]
10. Sbornik dokumentov i materialov [Collection of Documents and Materials]. Compiled by Z.G. Saktaganova, K.K. Abdrahmanova, B.A. Dosova et al. — Karaganda: Publishing house of KarGU, 2016. — p. 277 [in Russian]
11. State Archive of the East Kazakhstan region Fund 1p. Inventory.1. File 3420 [in Russian]
12. Ot deportacii k integracii: dokumenty i materialy, posvjashhennye 60-letiju deportacii chechencev i ingushej v Kazahstan: Mezhdunarodnyj fond gumanitarnoj pomoshhi «Nur» [From Deportation to Integration: Documents and Materials Dedicated to the 60th Anniversary of the Deportation of Chechens and Ingush to Kazakhstan: International Humanitarian Aid Fund “Nur”] / Compiled by Gribanova E.M., Gunashev A.A., Zulkasheva A.S., Saponova L.N. – Алматы: Däuir, 2004. – p. 256 [in Russian]
13. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan Fund 1711. Inventory 1. File 8 [in Russian]
14. Russian State Archive of Socio-Political History Fund 17. Inventory 88. File 396 [in Russian]
15. State Archive of the Kyzyl-Orda Region Fund 283. Inventory 1. File 182 [in Russian]
16. Ermekbaj Zh.A. Chechency i ingushi Kazahstana [Chechens and Ingush of Kazakhstan] / Zh. A. Ermekbaj. – Assambleja naroda Kazahstana, Komitet nauki Ministerstva obrazovaniya i nauki RK, Akademija gosupravleniya pri prezidente RK [Assembly of People of Kazakhstan, Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Academy of Public Administration Under the President of the Republic of Kazakhstan]. Astana, 2016. - p. 204 [in Russian]

17. Sovremennoe osmyslenie urokov repressij 1930-1950-h gg. v Kazahstane i problemy zashhity prav cheloveka: materialy «kruglogo stola» [Modern Understanding of the Lessons of Repression of the 1930s-1950s in Kazakhstan and the Problems of Human Rights Protection: Materials of the “Round Table”] /; 2nd Ed., updated - Almaty: OST-XXI vek, 2006. - p. 174 [in Russian]
18. GAKO.Fund 3p. Inventory 1. File 187. [in Russian]
19. Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic. Fund R-774. Inventory 1. File 8. [in Russian]
20. Isakieva Z.S. Ocenka trudovyh usilij chechencev na shahtah i rudnikah Karagandinskogo ugol'nogo bassejna (1944-1957gg.) [Evaluation of the Labor Efforts of Chechens in the Mines and Mines of the Karaganda Coal Basin (1944-1957)] / Z.S. Isakieva // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and Practice of Social Development]. Krasnodar, 2014, №20, pp. 136-138. [in Russian]
21. GAKO. Fund 596. Inventory 1/6. File 399. pp. 114-116. [in Russian]
22. State Archive of the Russian Federation. Fund R-9479. Inventory 1. File 432. Sheet 163-190. [in Russian]
23. Ermekbaev. Zh. A. Chechency i ingushi v Kazahstane [Chechens and Ingush in Kazakhstan] / Zh. A. Ermekbaev. Almaty: Dajk-Press, 2009.- p. 508 [in Russian]
24. Isakieva, Z. S. (2015). Vklad specjemigrantov iz chisla chechencev i ingushej v osvoenie Karagandinskogo ugol'nogo bassejna v 1944-1957 gg [Contribution of Special Emigrants From Chechens and Ingush to the Development of the Karaganda Coal Basin in 1944-1957] / Z. S. Isakieva. Sredizemnomorskij zhurnal social'nyh nauk [Mediterranean Journal of Social Sciences], 6(5 S3), 324. [Electronic resource]. URL: <https://www.richtmann.org/journal/index.php/mjss/article/view/7781> (date accessed 22.10.2021) [in Russian]
25. Ibragimov M.M. Uchastie chechenskikh specpereselencev v trudovoj i obshhestvenno-politicheskoj zhizni v period stalinskoj deportacii Put' K Velikoj Pobede: Istorija I Sovremennost' [Participation of Chechen Special Settlers in Labor and Socio-Political Life During the Stalinist Deportation the Way to the Great Victory: History and Modernity] / M. M. Imragimov // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencija, posvjashhonnaja 75-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Majkop, 2020 Publishing house: Adygejskij gosudarstvennyj universitet (Majkop) pp. 115-122 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.180>

РАЗВИТИЕ СПИРТОВОДОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТАТАРСТАНЕ В 1921–1929 ГГ.

Научная статья

Камалов И.Ф.*

ORCID: 0000-0003-0535-6180,

Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Казань, Россия

* Корреспондирующий автор (kamalove1994[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматриваются задачи и особенности восстановления спиртоводочной промышленности в Татарстане в период новой экономической политики (1921–1929 гг.). Автором вкратце анализируется экономическая ситуация в Татарстане, количественный и качественный рост предприятий по изготовлению спиртовой продукции в республике. Положение Татарской республики в начале 1920-х гг. было очень тяжелым, на восстановление спиртоводочной промышленности не хватало материальных и финансовых средств. Спирт был необходимым продуктом в промышленности, медицине, который невозможно было заменить. Принятие «Татспирттрестом» первого пятилетнего плана развития спиртоводочной промышленности Татарстана в 1925/26 г. способствовало дальнейшему расширению спиртоводочного производства, борьбе с самогонварением, снижению дефицита спирта.

Ключевые слова: Татарстан, новая экономическая политика, «Татспирттрест», винокуренная промышленность, техническая модернизация спиртоводочных предприятий, себестоимость спирта.

ON THE DEVELOPMENT OF THE DISTILLERY INDUSTRY IN TATARSTAN IN THE PERIOD FROM 1921 TO 1929

Research article

Kamalov I.F.*

ORCID: 0000-0003-0535-6180,

Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

* Corresponding author (kamalove1994[at]gmail.com)

Abstract

The article discusses the tasks and features of the restoration of the distillery industry in Tatarstan during the period of the new economic policy (1921-1929). The author briefly analyzes the economic situation in Tatarstan and the quantitative and qualitative growth of alcohol production enterprises in the republic. The situation in the Tatar Republic in the early 1920s was very difficult, as there were not enough material and financial resources to restore the distillery industry. Alcohol was a necessary product in industry and medicine and could not be replaced. Tatarspiirtrest's adoption of the first five-year plan for the development of the Tatarstan distillery industry in 1925/26 contributed to the further expansion of distillery production, the fight against moonshine production, and the reduction of alcohol deficiency.

Keywords: Tatarstan, new economic policy, Tatarspiirtrest, distillery industry, technical modernization of distilleries, cost of alcohol.

История спиртоводочной промышленности Татарстана периода новой экономической политики до сих пор остается малоизученной темой. В современной татарстанской историографии нет специальных работ по названной проблематике. Эта тематика в основном рассматривалась в контексте анализа других проблем (к примеру, статья А.Р. Габсаламова [6]). Говоря о других работах по изучаемой проблематике, увидевших свет в иных российских регионах, следует заметить, что многие из них также не являются специально-тематическими исследованиями по истории спиртоводочной промышленности. Среди них следует выделить монографии С.А. Сафронова, Т.В. Протко, В.В. Похлебкина, диссертации А.В. Николаева, О.А. Чагадаевой, статьи В.П. Микитюка, Н.В. Сметневой [11], [12], [14], [20], [22]. В них основное внимание уделяется не столько рассмотрению особенностей и производственных причин развития спиртоводочной промышленности в России, сколько формам реализации политики «сухого закона», борьбы с асоциальными явлениями, возникшими на почве «пьяной преступности». Во многих из них лишь вскользь рассматриваются отдельные проблемы, связанные с поэтапной и историко-событийной трансформацией спиртовой отрасли экономики России и ее отдельных регионов. Причем в то же время спиртоводочное производство активно изучается учеными из технических областей науки [2].

Впрочем, данная тема важна и актуальна для понимания причин массового производства самогонной продукции, повальных проявлений пьянства среди населения, особенно среди партийных и советских работников в годы нэпа [24, С. 178–181]. Анализ процесса и особенностей реконструкции спиртоводочной промышленности нэповского периода позволяет выявить имеющиеся проблемы в отрасли и показать ее значимость для Советского государства и Татарской республики, восстановлением которой было активно занято руководство страны. После Октябрьского переворота 1917 г. спиртная промышленность была национализирована, и затем под предлогом борьбы с пьянством уже 26 августа 1920 г. председатель СНК В. И. Ленин подписал декрет «Об объявлении всех запасов вин, коньяков и водочных изделий государственной собственностью» [10, С. 213]. О важности восстановления спиртовой промышленности говорил на 3-м съезде Советов ТАССР 1921 г. товарищ Е.Н. Забицкий, обративший внимание на необходимость спирта в других отраслях индустрии [3, Л. 404–404об.].

Как известно, к началу XX в. спиртоводочное производство было на подъеме в результате введения государственной винной монополии министром финансов С.Ю. Витте в 1894 г. и широкой распродажи дешевых казенных винно-водочных напитков населению. Что, в конечном итоге, привело к значительному росту пьянства в

стране и связанных с ним асоциальных явлений. С целью отрезвить общество царское правительство летом 1914 г. ввело в стране «сухой закон», который повлек за собой сокращение производства алкогольных напитков и тем самым привел к количественному снижению пьянства. Полностью прекратить производство спирта государство не могло, поскольку он был особо значимым сырьем в военной и фармацевтической промышленности, к примеру, использовался при просушке пороха, изготовлении лекарств.

За годы Первой мировой и Гражданской войн спиртоводочные заводы России и Татарстана пришли в упадок: вследствие отсутствия целенаправленного финансирования, обеспечения сырьем и техническими средствами значительная часть из них закрылась или работала не в полную мощность. На основании этих причин со временем приходило в негодность заводское оборудование, разрушались и обветшали производственные помещения, происходил массовый отток специалистов и рабочих. Из имевшихся в Татарской республике заводов по выпуску спирта, от многих из них после войн остались только стены, часть оборудования, топливного сырья, а на работающих предприятиях выпуск спирта происходил в минимально возможном количестве. В частности, Мамадышский завод №17 после войны был разоружен, его оставшееся оборудование было отправлено на Шумбутский №5 и Смыловский №27 заводы [4, Л. 1–6]. Гребеневский завод №6 в Свияжском кантоне в 1920–1921 гг. работал, однако, все же к 1926 г. его процент использования от полной мощности аппаратуры составлял всего 58,3% [5, Л. 91-91 об.]. Все эти обстоятельства, в конечном итоге, привели к значительному снижению производства спирта в стране так нужного для изготовления боеприпасов, медикаментов, топлива и технических жидкостей для авиационного и автомобильного транспорта. Так, «по подсчетам финансового ведомства, страна стояла на пороге серьезного дефицита спирта, что грозило обороноспособности империи. Запасы казны на 1 января 1917 г. составляли около 44 миллионов ведер в пересчете на 40 градусный спирт. Еще около 5 миллионов составляли запасы частного спирта, а также в распоряжении Министерства финансов находилось 6,5 миллиона ведер алкогольных продуктов, которые постепенно перерабатывались обратно в спирт. При этом годовой расход спирта внутри страны исчислялся в 34 миллиона ведер, из которых до 20 миллионов расходовались на нужды войны. Остальные 14 миллионов ведер шли на приготовление денатурированного спирта и на прочие технические надобности. Кроме того, страна имела обязательства перед союзниками: по контракту необходимо было поставить около 1,8 миллиона ведер очищенного спирта во Францию в течение 1917 года. Это означало, что при продолжении войны в 1918 году, спирта не хватило бы даже на нужды государственной обороны» [23].

Участие Российской империи в Первой мировой войне, введение «сухого закона», революционные потрясения 1917 г. и последующая за ними братоубийственная Гражданская война негативно отразились на состоянии отечественной промышленности в целом. Объем валовой продукции промышленности России к 1917 г. по сравнению с 1913 г. упал на 29%. Производство товаров первичного потребления в 1917 г. составило 63,7% от довоенного уровня [21, С. 41]. В отчете «О деятельности ТСНХ и состоянии промышленности и торговли ТАССР» за 1921/22 хозяйственный год говорилось, что многие предприятия закрывались из-за недостатка сырья для производства или работали не в полную мощность себе в убыток [13, С. 16–17]. Так, по оценкам историка В.Б. Аксенова, «уничтожение спиртных запасов и прекращение производства спирта привели к снижению доходов государства в 1916 г. более чем в 17 раз (доходы от реализации спиртного составили 1,5 % государственного бюджета против 26,5 % в 1913 г.)» [1, С. 135].

Восстановление спиртоводочной промышленности в Советской России началось уже в годы Гражданской войны, оно в первую очередь коснулось национализированных предприятий. К примеру, в постановлении советского правительства «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» от 19 декабря 1919 г. особо подчеркивалось, что продажа спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ для технических (врачебных, фармацевтических, химических, учебных, ученых и т.п.) надобностей, а также для вывоза за границу производится исключительно национализированными или взятыми государством на учет заводов и заведений, из складов, аптек и других мест торговли, которым правительством разрешена продажа [8]. Все национализированные предприятия были переданы в ведение Центрального управления государственным винокурением и спиртоочистением (с 18 ноября 1918 г. – Центроспирт, с 6 сентября 1920 г. – Главспирт) в составе химического отдела ВСНХ РСФСР.

К началу нэпа в Татарской республике в работоспособном состоянии сохранились только 7 спиртоводочных предприятий, которые, хотя и сносно, были обеспечены техникой, сырьем и топливом [3, Л. 394]. На них работали 189 чел. По данным «Списка винокуренных заводов ТАССР» 1922 г. в Татарстане числилось 35 спиртоводочных предприятий, из которых только 10 заводов было в рабочем состоянии. Остальные находились в полуразрушенном состоянии, и им требовался капитальный ремонт [4, Л. 1–6], поскольку основное оборудование заводов (браго-перегонные аппараты-насосы, заторные и квасильные чаны) было сильно изношено, оно физически и морально устарело. Паросиловое хозяйство, а именно паровые машины, котлы, насосы, паровое и водяное оборудование, трансмиссии также требовало капитального ремонта. Особенно в плохом состоянии на некоторых полуразрушенных заводах были паровые котлы, срок службы которых превышал допустимый и составлял 30–35 лет.

Быстрое восстановление промышленного производства к середине 1920-х гг. усилило спрос на технический и пищевой спирт. Больше всего вырос спрос на спирт с восстановлением фармацевтических, парфюмерных, лакокрасочных, уксусных, мыловаренных, кожевенных и других производств. Всем этим предприятиям требовался как технический, так и пищевой спирт [9, С. 74–75]. Однако сложное социально-экономическое положение Татарстана сильно затруднило техническую реконструкцию и ремонт спиртоводочных предприятий. Неурожаи хлебов и массовый голод населения в Поволжье 1921–1923 гг. значительно усугубили обеспечение сырьем спиртоводочные производства. Выработка спирта практически приостановилась и возобновилась только в 1924 г. В то же время на восстановление спиртоводочных производств, разрушенных за годы войны и революций, остро не хватало материально-технических и финансовых средств. Наконец, в 1925–1926 гг. с переходом народного хозяйства на централизованную плановую систему произошла смена управления спиртоводочными заводами, которые от

«Главспирта» были переданы в ведение «Главсельпрома». Тем самым на некоторое время прекратилось поступление денежных ассигнований на ремонт заводов и сырья для их работы, а также произведенный спирт остался не востребованным [3, Л. 394–396].

С целью повысить эффективность спиртоводочного производства в Татарстане согласно постановлению ТСНХ за № 31 от 16 июля 1925 г. был организован «Татспирттрест». Учитывая тяжелое состояние спиртоводочного производства, «Татспирттрестом» в 1925 г. была составлена смета на ремонт 7 заводов, на каждый из которых требовалось около 100 000 руб. Средства на ремонт были ссужены Народным комиссариатом финансов ТАССР в условиях возврата долга за счет производимой продукции. Задолженность «Татспирттрестом» планировалось погасить в течение 12–15 лет при условии стабильной работы треста [5, Л. 88–88 об.]. Производство спирта давало огромные доходы государству, поэтому предоставление долгосрочной ссуды для предприятий спиртовой промышленности было выгодным вложением. Например, доходы государственного бюджета СССР от продажи спиртных напитков возросли от 2% бюджета СССР в 1923/24 г. до 12% в 1927/28 г. [7, С. 143].

После ремонта и реконструкции действующих спиртоводочных заводов, руководство «Татспирттреста» продолжило расширение производственных мощностей этой отрасли. В «Объяснительной записке к 5-летнему перспективному плану «Татспирттреста» говорится о том, число действующих спиртоводочных заводов к 1929 г. выросло с 8 до 14 (см. табл. 1), а число рабочих и служащих — до 518 и 156 чел. соответственно [5, Л. 82 об.].

Таблица 1 – Размещение спиртоводочных заводов по кантонам Татарстана в 1925–1929 гг.

Кантоны/районы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	Заводы	Общая мощность (в ведрах 40°)
Арский кантон	1	2	2	2	Усадский №6, Алатский №12	190000
Бугульминский кантон	1	1	1	2	Александровский №25, Бугульминский (с 1928 г.)	375000
Лаишевский район	1	2	2	2	Александровский №3, Шумбутский №5	210000
Мамадышский кантон	-	1	1	1	Мамадышский №17	300000
Свияжский район	1	1	1	1	Гребеневский №1	120000
Спасский кантон	-	-	-	1	Спасский (с 1928г.)	300000
Челнинский кантон	2	3	3	3	Петровский №12, Князевский №16, Смыловский №27	250000
Чистопольский кантон	1	1	2	2	Ново-Троицкий №16, Марасинский №22 (с 1927 г.)	175000
Всего:	8	11	12	14		1 920000

Примечание: таблица составлена по данным: ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д. 464. Л.76, Л.91–91об.

К концу 1926 г. был восстановлен и запущен Александровский завод №3. В 1926/27 г. планом предусматривалось восстановление и запуск еще двух заводов — Алатского №12 и Мамадышского №17, которым требовался капитальный ремонт и техническая реконструкция. Мамадышский завод в то время был крупнейшим предприятием в Татарской республике по своей мощности (300 тыс. ведер 40-градусного спирта в сезон). В 1927/28 г. был восстановлен Марасинский завод №22, в 1928/29 гг. была намечена постройка двух новых заводов: Спасского и Бугульминского. Таким образом, общее число действующих спиртоводочных предприятий в Татарстане к 1929 г. выросло до 14.

Восстановление старых и постройка новых спиртоводочных заводов существенно увеличивало производство спиртовой продукции. Согласно данным пятилетнего плана «Татспирттреста» предполагалось увеличить производство 40-градусного спирта в 1925–1929 гг. в 4 раза (с 475000 до 1 895000 ведер, или на 1 420000 ведер больше) [5, Л. 91–91об.]. По объему производственной мощности в ведрах 40-градусного спирта крупнейшими заводами считались Мамадышский №3, Бугульминский, Спасский, каждый из которых имел максимальную мощность до 300000 ведер спирта в сезон. В сравнении с довоенным временем Казанской губернии к концу нэпа в 1928/29 г. производство спирта значительно выросло. Так, в довоенное время в Казанской губернии имелось 18 спиртоводочных заводов, которые с октября по апрель (примерно 200 дней) производили в среднем от 1 до 1,2 млн ведер 40-градусного спирта-сырца [5, Л. 2–2 об.]. В 1929 г. наибольший прирост производства спирта произошел благодаря технически реконструированным и вновь построенным заводам, на долю которых приходилось 1,15 млн ведер спирта, т.е. почти 60% от общего производства треста [5, Л. 2–2об.].

Сырьем для производства спирта на заводах в довоенное время служил исключительно картофель, реже зерновые хлеба и, как исключение в неурожайные годы кукуруза, ввозимая с Кавказа. И в период нэпа, основным сырьем для производства спирта был картофель (50–75%). На 1 ведро 40-градусного спирта расходовался 1 пуд ржи или 3 пуда картофеля [5, Л. 88–88об.].

Характер обеспечения предприятий топливом по сравнению с довоенным временем не изменился. Часть заводов «Татспирттреста» использовала дрова (Гребеневский №1, Александровский №3, Смыловский №27, Мамадышский №17), часть (Петровский №12, Усадский №6 и Князевский №16) в качестве топлива (примерно, на 50%) — торф, добываемый из близлежащих торфяных болот.

Все возрастающие объемы производства спирта в 1925–1929 гг. постоянно диктовали снижение себестоимости производимой продукции путем уменьшения издержек на его выпуск. В этом отношении татарстанские

производители спирта добились некоторых успехов: себестоимость 1 ведра 40-градусного спирта в рассматриваемые годы снизилась более чем на 100% (с 1 руб. 88 коп. до 93,53 коп.) (см. табл. 2).

Таблица 2 – Себестоимость производства 1 ведра 40-градусного спирта

Себестоимость 1 ведра спирта		Себестоимость 1 ведра спирта с начислением 8% прибыли	
1925/26 г.	1 руб. 88,24 коп.	1925/26 г.	2 руб.
1926/27 г.	1 руб. 43,3 коп.	1926/27 г.	1 руб. 54,8 коп.
1927/28 г.	1 руб. 18,9 коп.	1927/28 г.	1 руб. 28,4 коп.
1928/29 г.	93,53 коп.	1928/29 г.	1 руб. 01,3 коп.

Примечание: таблица составлена по данным: ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д. 464. Л.83-83 об.

Снижение себестоимости произведенной продукции было важно не только в целях повышения рентабельности спиртоводочной промышленности, но и, по словам председателя СНК А.И. Рыкова, выпуск водки являлся «одним из способов борьбы с самогоном... Пока мы не можем искоренить всякое потребление водки – лучше давать ее от государства» [19, С. 49]. Но особых успехов в борьбе с самогоном путем введения советской винной монополии не наблюдалось. Так, при сравнении цены казенной водки в регионе с ценами самогона можно заметить, что бутылка самогона в Татарстане была в 4,3 раза дешевле бутылки водки (36 коп и 1,53 руб.) [9, С. 42–43].

Таким образом, спиртоводочная промышленность Татарстана прошла сложный путь, развитие которой задерживалось не только введением «сухого закона», но и военными и революционными реквизициями хлебов, неурожаем хлебов и массовым голодом населения. В результате к началу нэпа из 35 спиртоводочных предприятий на территории Татарстана действовали 7 заводов. Принятие «Татспирттрестом» первого пятилетнего плана развития спиртоводочной промышленности Татарстана в 1925/26 г. способствовало не только быстрому восстановлению спиртоводочной промышленности республики, а также ее технической реконструкции и расширению. В итоге к концу 1929 г. в Татарстане действовали 14 спиртоводочных заводов с мощностью в 1,9 млн ведер 40-градусного спирта за сезон. Развитие спиртоводочной промышленности стало необходимым звеном послевоенного восстановления промышленности Татарстана, поскольку спирт требовался как в военно-оборонительных целях, так и в других отраслях промышленности.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аксенов В.Б. «Сухой закон» 1914 г: от придворной интриги до революции / В.Б. Аксенов // Российская история. 2011. № 4. С. 126–139.
2. Бачурин П.Я. Технология ликероводочного производства / П.Я. Бачурин, В.А. Смирнов. – М.: «Пищевая промышленность», 1975. – 327 с.
3. ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.165.
4. ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.192.
5. ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.464.
6. Гапсаламов А.Р. Система управления промышленностью в годы НЭПа: история становления трестов Татарской АССР / А.Р. Гапсаламов // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 2. – С.11–18.
7. Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним / Э. И. Дейчман. – М., 1927. – 224 с.
8. Декрет от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17717#06255636966549678> (дата обращения: 09.10.2021).
9. Исчисление количества самогонных аппаратов, цены на спиртные напитки и показания статкоров об употреблении примесей к самогонке по районам и губерниям РСФСР // Алкоголизм в современной деревне. – М., 1929. – 56 с.
10. Маюров А.Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней / А.Н. Маюров. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 880 с.
11. Микитюк В.П. Винокурная промышленность Пермской губернии в условиях государственной винной монополии (1895–1914 гг.) / В.П. Микитюк // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. – Екатеринбург: АМБ, 2007. – Т. 1. – С. 179–184.
12. Николаев А. В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории / А. В. Николаев: дис. ... к. и. н. – Самара, 2002. – 201 с.
13. Отчет «О деятельности ТСНХ и состоянии промышленности и торговли ТАССР» за 1921–1922 хозяйственный год. – Казань: «Красный печатник», 1922. – 128 с.
14. Похлебкин В.В. История водки / В.В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2005. – 142 с.
15. Протьюко Т. В борьбе за трезвость: страницы истории / Т. Протьюко ; под ред. М. О. Бича. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 165 с.
16. Сафронов С.А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов. Т.2. От казенной винной монополии С.Ю. Витте до «сухого закона» / С.А. Сафронов. Сибирский федеральный университет, 2017. – 547 с.

17. Сметнева Н.В. Розничная торговля спиртными напитками в Прибайкалье в период действия акцизной системы (60-е годы XIX – начало XX века) / Н.В. Сметнева // Исторический ежегодник. – Новосибирск, 2007. – №1 – С.72–87.
18. Сметнева Н.В. Развитие винокурения и виноторговли Прибайкалья во второй половине XVII- начале XX вв. / Н.В. Сметнева: дис. ... к. и. н. Иркутск, 2003. – 265 с.
19. Суменкова М.В. Алкоголь как фактор дестабилизации режима (на примере России первой четверти XX века) / М.В. Суменкова // Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура). – Пенза, 29–30 сентября 2017 года 2017. – С. 36–52.
20. Такала И.Р. «За трезвый быт!»: Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы / И.Р. Такала // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. – 2007. – Vol. 1. – P. 55–88.
21. Фабрично-заводская промышленность в период 1913 – 1918 гг. // Труды ЦСУ. Т. XXVI. – 1924. – Вып. 1/2. – 874 с.
22. Чагадеева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / О.А. Чагадеева: автореферат дис. ... к.и.н. – М., 2013. – 32 с.
23. Чагадеева О.А. К чему привела антиалкогольная кампания в период Первой мировой войны / О.А. Чагадеева. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2017/05/29/rodina-antialkogolnaia-kampaniia.html> (дата обращения: 10.10.2021).
24. Шайдуллин Р. В. Основные формы проявления пьяной преступности в Татарстане в 1920-е годы / Р. В. Шайдуллин // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 24-25 марта 2011 г.) Вып. 3/ Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. – С.171–196.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aksenov V.B. «Sukhoj zakon» 1914 g: ot pridvornoj intrigi do revoljucii ["Prohibition Law" of 1914: from court intrigue to revolution] / V. B. Aksenov // Rossijskaja istorija [Russian history]. 2011. № 4, pp. 126-139 [in Russian]
2. Bachurin P.Ya., V.A. Smirnov Smirnov Tekhnologija likerovodochnogo proizvodstva [Technology of distillery production] / P. Ya. Bachurin, V. A. Smirnov. - М.: «Pishhevaja promyshlennost'», 1975. - 327 p [in Russian]
3. State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-787. Inventory 1. File 165 [in Russian]
4. State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-787. Inventory 1. File 192 [in Russian]
5. State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund P-787. Inventory 1. File 464 [in Russian]
6. Gapsalamov A.R. Sistema upravlenija promyshlennost'ju v gody NEhPa: istorija stanovlenija trestov Tatarskoj ASSR [Industrial management system in the years of the NEP: the history of the formation of trusts of the Tatar ASSR] / A. R. Gapsalamov // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanities and Social Sciences]. - 2013. - No. 2. - pp.11-18 [in Russian]
7. Deychman E. I. Alkogolizm i bor'ba s nim [Alcoholism and the fight against it] / E. I. Deychman. - М., 1927– 224 p. [in Russian]
8. Decree of December 19, 1919 «O vospreshhenii na territorii RSFSR izgotovlenija i prodazhi spirta, krepkih napitkov i ne odnosjashhikhsja k napitkam spirtosoderzhashhikh veshhestv» ["On the prohibition on the territory of the RSFSR of the manufacture and sale of alcohol, spirits and alcohol-containing substances not related to beverages"] [Electronic resource]. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17717#06255636966549678> (accessed: 09.10.2021) [in Russian]
9. Ischislenie kolichestva samogonnykh apparatov, ceny na spirtnye napitki i pokazanija statkorov ob upotreblenii primesej k samogonke po rajjonam i gubernijam RSFSR [Calculation of the number of moonshine distillers, prices for alcoholic beverages and indications of statcors on the use of impurities to moonshine by districts and provinces of the RSFSR] // Alkogolizm v sovremennoj derevne [Alcoholism in the modern village]. - М., 1929. - 56 p. [in Russian]
10. Mayurov A.N. Bor'ba s p'janstvom v Rossii s drevnikh vremen do nashikh dnejj [The fight against drunkenness in Russia from ancient times to the present day] / A. N. Mayurov - Moscow: Institute of Russian Civilization, 2016. - 880 p. [in Russian]
11. Mikityuk V.P. Vinokurennaja promyshlennost' Permskoj gubernii v uslovijakh gosudarstvennoj vinnoj monopolii (1895–1914 gg.) [Distillery industry of Perm province in the conditions of the state wine monopoly (1895-1914)] / V.P. Mikityuk // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chtenija: materialy VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii, [g. Ekaterinburg], 27–28 aprelja 2007 g. [Ural Industrial Bakunin readings: materials of the VIII All-Russian Scientific Conference, [g. Yekaterinburg], April 27-28, 2007] - Yekaterinburg: AMB, 2007. - Vol. 1. - pp. 179-184 [in Russian]
12. Nikolaev A. V. Bor'ba s p'janstvom i alkogolizmom v 1894–1932 gg. [The fight against drunkenness and alcoholism in 1894-1932: the experience of national history] / A. V. Nikolaev: Candidate's thesis. - Samara, 2002. - 201 p. [in Russian]
13. Otchet «O dejatel'nosti TSNKh i sostojanii promyshlennosti i trgovli TASSR» za 1921–1922 khozjajstvennyj god [Report "On the activities of TSNH and the state of industry and trade of the TASSR" for the 1921-1922 economic year]. - Kazan: "Krasnyj pechatnik", 1922. - 128 p. [in Russian]
14. Pokhlebkina V.V. Istoriya vodki [The history of vodka] / V. V. Pokhlebkina. - М.: Tsentropoligraf, 2005. - 142 p. [in Russian]
15. Protko T. V bor'be za trezvest': stranicy istorii [In the struggle for sobriety: Pages of history] / T. V. Protko. edited by M. O. Bich. - Мн.: Nauka i tekhnika, 1988. - 165 p. [in Russian]
16. Safronov S.A. «P'janyj vopros» v Rossii i «sukhoj zakon» 1914–1925 godov. T.2. Ot kazennoj vinnoj monopolii S.Ju. Vitte do «sukhogo zakona» [The "drunken question" in Russia and the "dry law" of 1914-1925. Vol. 2. From the state-owned wine monopoly S.Yu. Witte before the "prohibition"] / S. A. Safronov, "Siberian Federal University", 2017. - 547 p. [in Russian]

17. Smetneva N.V. Roznichnaja trgovlja spirtnymi napitkami v Pribajkal'e v period dejstvija akciznoj sistemy (60-e gody XIX – nachalo XX veka) [Retail sale of alcoholic beverages in the Baikal region during the period of the excise system (60s of the 19th - beginning of the 20 century)] / N. V. Smetneva // Istoricheskij ezhegodnik [Historical Yearbook]. - Novosibirsk, 2007. - No. 1 - pp.72-87 [in Russian]
18. Smetneva N.V. Razvitie vinokurenija i vinotorgovli Pribajkal'ja vo vtoroj polovine XVII- nachale XX vv. [The development of distilling and wine trade in the Baikal region in the second half of the 17th- early 20th centuries]: Candidate's thesis. History / N. V. Smetneva. Irkutsk, 2003– 265 p. [in Russian]
19. Sumenkova M.V. Alkogol' kak faktor destabilizacii rezhima (na primere Rossii pervoj chetverti XX veka) [Alcohol as a factor of destabilization of the regime (on the example of Russia in the first quarter of the 20th century)] / M. V. Sumenkova // Vzgljad cherez stoletie: revoljucionnaja transformacija 1917 goda (obshhestvo, politicheskaja kommunikacija, filosofija, kul'tura) [View through the century: the revolutionary transformation of 1917 (society, political communication, philosophy, culture)]. - Penza, September 29-30, 2017, 2017. - pp. 36-52 [in Russian]
20. Takala I.R. «Za trezvyj byt!»: Alkogol'naja politika sovetskogo gosudarstva v 1920-e gody ["For a sober life!": Alcohol policy of the Soviet state in the 1920s] / I. R. Takala // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928 [The NEP Era: Soviet Russia 1921-1928]. - 2007. - Vol. 1. - pp. 55-88 [in Russian]
21. Fabrichno-zavodskaja promyshlennost' v period 1913 – 1918 gg. [The factory industry in the period 1913 - 1918] // Proceedings of the Central Statistic Office. Vol. XXVI. - 1924. - Issue 1/2. - 874 p. [in Russian]
22. Chagadeeva O.A. «Sukhoj zakon» v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam Petrograda i Moskvy) ["Dry Law" in the Russian Empire during the First World War (based on the materials of Petrograd and Moscow)] / O. A. Chagadeeva: extended abstract of Candidate's thesis. - M., 2013. - 32 p. [in Russian]
23. Chagadeeva O.A. K chemu privela antialkogol'naja kampanija v period Pervoj mirovoj vojny [What the anti-alcohol campaign led to during the First World War] / O. A. Chagadeeva. - [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2017/05/29/rodina-antialkogolnaia-kampaniia.html> (accessed: 10.10.2021) [in Russian]
24. Shaidullin R. V. Osnovnye formy projavlenija p'janost' v Tatarstane v 1920-e gody [The main forms of drunken crime in Tatarstan in the 1920s] / R. V. Shaydullin // Istorija Rossii i Tatarstana: itogi i perspektivy ehnciklopedicheskikh issledovanij: sbornik statej itogovoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The history of Russia and Tatarstan: results and prospects of encyclopedic research: a collection of articles of the final scientific and practical conference] (Kazan, March 24-25, 2011) Issue 3/ Institute of Tatar Encyclopedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Kazan: Publishing House of the Ministry of Education of the Republic of Tatarstan, 2011. - pp.171-196 [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.181>

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х – НАЧАЛО 1990-х ГОДОВ)

Научная статья

Коновалов А.Б.*

ORCID: 0000-0003-3016-1422,

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

* Корреспондирующий автор (konab[at]list.ru)

Аннотация

В статье реконструирован порядок действий республиканских, краевых и областных руководителей органов КПСС по защите региональных интересов в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, отраслевых министерствах и ведомствах. Показаны формы воздействия (направление писем и просьб, формирование общественного мнения, заключение неформальных соглашений с эффективными лоббистами и представителями академической науки) и оценена практика эффективности усилий региональных лидеров в условиях перестройки. Делается вывод о поступательном разрушении сложившейся в советский период модели взаимоотношений между Центром и регионами. Снижение политической значимости партийных лидеров привело к усложнению механизмов защиты региональных интересов, в которой появляются новые субъекты – лидеры рабочего движения, народные депутаты СССР и РСФСР.

Ключевые слова: Региональные интересы, лоббирование, партийно-государственная номенклатура, региональная политическая власть, перестройка, КПСС, взаимоотношения Центра и регионов.

MECHANISMS OF PROTECTION OF REGIONAL INTERESTS IN THE CENTRAL BODIES OF THE PARTY-STATE POWER OF THE USSR (THE SECOND HALF OF THE 1980s - EARLY 1990s)

Research article

Kononov A.B.*

ORCID : 0000-0003-3016-1422,

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

* Corresponding author (konab[at]list.ru)

Abstract

The article reconstructs the procedure of actions of republic, krai, and oblast heads of the CPSU bodies to protect regional interests in the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR, as well as branch ministries and departments. The article demonstrates the forms of influence (letters and requests, formation of public opinion, conclusion of informal agreements with effective lobbyists and representatives of the scientific field) and evaluates the practice of the effectiveness of the efforts of regional leaders in the context of perestroika. The study comes to conclusion about the progressive destruction of the model of relations between the Center and the regions that developed in the Soviet period. The decline in the political importance of party leaders led to the complication of mechanisms for the protection of regional interests and the introduction of leaders of the labor movement, People's Deputies of the USSR and the RSFSR.

Keywords: Regional interests, lobbying, party-state governance, regional political power, perestroika, CPSU, relations between the Center and the regions.

Введение

В современной отечественной историографии теме позднесоветского регионального лоббизма уделяется достаточное место [7], [11], [12]. Получили освещение проблемы взаимодействия экономических интересов региональных и отраслевых групп элиты [9], определена тактика воздействия местных лоббистов на центры принятия решений в условиях действия «административно-бюрократического рынка» [5], [6], имеются и вполне четкие представления о пределах и возможностях региональных лидеров (первых секретарей крайкомов и обкомов КПСС, председателей облисполкомов) корректировать территориальные планы социально-экономического развития [10, С. 100]. Вместе с тем проблема защиты региональных интересов еще не получила достаточного отражения [13]. Применительно к поставленному для изучения периоду остается открытым вопрос – через какие каналы и какими путями местные лидеры предпринимали усилия по диверсификации экономики, увеличению капиталовложений, сглаживанию диспропорций между индустриальным и социальным освоением территорий.

Методы и принципы исследования

В числе методов исследования использовался анализ документов (выявленные в фондах федеральных и региональных архивов письма, просьбы, записки первых секретарей краевых и областных комитетов КПСС позволили определить основные аргументы защиты региональных интересов, эффективность обращений к руководству ЦК КПСС и советского правительства), а также структурно-функциональный анализ (позволил осознать конкретные властные полномочия должностных лиц) и проблемно-хронологический метод (дал возможность последовательно проследить изменения способов защиты региональных интересов от момента начала перестройки до ее краха).

В числе принципов исследования следует прежде всего выделить системность, что позволило рассматривать наличие механизмов защиты региональных интересов как элемент баланса сил между Центром и регионами с одной стороны, и между регионами и отраслями производства, с другой.

Основные результаты

Выявленные в архивных фондах региональных комитетов КПСС документы показали, что масштабное обновление корпуса региональных лидеров в 1985–1987 годах и замена большинства отраслевых министров привели к перезагрузке отношений между Центром и регионами. Субъективные факторы (осознание лидерами на территориях возрастающей роли республик, краев и областей в развитии промышленного потенциала страны, необходимость содействия первых секретарей внедрению хозяйственного расчета, производству товаров народного потребления) стимулировали региональные элиты к постановке перспективных вопросов и активизации борьбы за разрешение накопившихся противоречий в жизни местных сообществ.

Артикуляция региональных интересов (под ними можно понимать желаемый результат социально-экономических отношений, способствующий повышению уровня и качества жизни населения на территории [8, С. 106]) проводилась путем направления обстоятельных записок Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву, председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову, отраслевым министрам. В числе наиболее значительных вопросов, которые обозначались в подобных письмах – узковедомственный подход к развитию регионов (наращивание планов промышленного производства при сохранении либо сокращении капиталовложений на социальную инфраструктуру), обострение экологических проблем (в принимаемых партийно-правительственных постановлениях отраслевые министерства обязывались к скорейшей установке очистных сооружений, однако недостаток выделяемых средств и низкие темпы ввода данных объектов в эксплуатацию не позволяли кардинально оздоровить ситуацию), нарастание продовольственного и промтоварного кризиса.

В документах данного периода активно проявляется защита интересов, обусловленных жалобами жителей территорий. И в короткие сроки происходит перестройка иерархии потребностей, появляются виды ресурсов, которые союзно-республиканский центр должен был обеспечить в первую очередь. Например, первый секретарь Кемеровского обкома КПСС В. В. Бакатин в письме к председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову по вопросу улучшения продовольственного снабжения трудящихся Кузбасса аргументирует необходимость увеличения дотаций мясопродуктов растущим недовольством населения. В документе от 28 января 1988 года (до массовых акций протеста еще 1,5 года) имелся по этому поводу специальный абзац: «Шахтеры просят партийных, советских руководителей объяснить, почему они, выдавая на-гора сверхплановый уголь и читая в газетах о перевыполнении областью планов продажи скота, не видят реального улучшения на прилавках магазинов, в столовых» [1]. На деле апеллирование к мнению рабочих далеко не всегда вело к полному решению проблемы. В условиях планово-распределительной системы получение ресурсов обеспечивалось за счет воздействия сразу нескольких групп – региональных руководителей, отраслевых отделов ЦК, руководителей Госплана и Госснаба СССР, отраслевых министров. Слом привычных шаблонов приходится на лето 1989 года, когда практика согласований резко замещается удовлетворением ультимативных требований рабочих, получивших поддержку со стороны партийно-советского руководства.

В регионах важным субъектом воздействия на центры принятия решений являлись академические учреждения. Например, в краях и областях Сибири поддержку первым секретарям оказывали директора институтов Сибирского отделения Академии наук СССР. В 1986 году Институтом экономики и организации промышленного производства обосновывалась идея разукрупнения Западно-Сибирского экономического района на два самостоятельных – Западно-Сибирский и Южно-Сибирский. В первый могли войти Тюменская и Томская области, во второй – Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская и Омская области. С точки зрения руководства Томского обкома КПСС выделение двух районов «даст возможность лучше вести программно-целевое планирование и управление территориальным развитием Западно-Сибирского экономического региона» [15]. Выдвигалось предложение территориально разграничить деятельность планово-координационных органов Госплана СССР, придав Межведомственной комиссии по Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу в Тюмени статуса аппарата Уполномоченного Госплана СССР по новому Западно-Сибирскому экономическому району, а в Новосибирске деятельность аппарата уполномоченного Госплана ограничить территорией выделяемого Южно-Сибирского района. Такой вариант мог ускорить решение вопросов перспективного развития территорий, однако в данном случае идея поддержана не была.

В рассматриваемый период имеются примеры участия крупных ученых в лоббировании региональных интересов. Для Тюменской области во второй половине 1980-х годов экономическое развитие связывалось с наращиванием нефтегазодобывающей промышленности, что требовало поддержки со стороны профильных институтов Сибирского отделения Академии наук СССР. Академик А. А. Трофимук при поддержке Тюменского обкома КПСС обращался лично к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с жалобами на Министерство геологии СССР, которое игнорировало предложения Института геологии и геофизики СО АН СССР по сосредоточению поиска нефти на наиболее перспективных направлениях, позволявших обеспечить прирост крупных высококачественных запасов [3]. Разрешение конфликтов в треугольнике «партийные органы – отраслевые министерства – академические учреждения» являлось прерогативой ЦК КПСС и Совета Министров СССР и могло завершиться убедительной победой позиции территорий.

Руководство регионов видело необходимость в создании академических учреждений, поскольку проведение научных исследований по актуальной тематике и формирование экспертного сообщества из научных работников помогало в защите территориальных интересов. В Западной Сибири во второй половине 1980-х годов между Томской и Кемеровской областями шла негласная борьба за организацию научно-исследовательского института экологии человека. Томские властные функционеры полагали, что создание такого института позволит «вывести на качественно новый уровень решение задачи первичной профилактики и всеобщей диспансеризации населения в Сибири и на Дальнем Востоке, обеспечить существенное улучшение состояния здоровья населения интенсивно развивающегося региона нашей страны» [17, Л. 39–40]. Между тем данное предложение поддержано не было – решение приняли в пользу Кемеровской области, где в результате шахтерских забастовок 1989 года региональному руководству удалось добиться немало преференций.

Академическая наука позволяла региональному руководству лоббировать интересы с помощью подготовки стратегически значимых документов – планов социально-экономического развития, концепций развития производительных сил. В 1989 году в Сибирском отделении Академии наук СССР обсуждались основные положения концепции развития производительных сил до 2005 года. Региональные руководители положительно оценивали ее содержание, однако выступали за включение в нее подраздела «Концепция-минимум», поскольку «ориентиры только на длительную перспективу не позволяли решать насущных нужд народа». Виделась необходимость в выработке научных предложений по решению в регионе первоочередных проблем – жилищной, продовольственной, производства товаров народного потребления.

В механизме защиты региональных интересов большое место уделялось практикам согласований по вопросам размещения производительных сил. И в данный период увеличивается количество случаев отказа со стороны региональных руководителей в поддержке строительства экологически вредных производств. Томские руководители в апреле 1988 года направили в ЦК КПСС записку с несогласием по поводу сооружения завода по производству завода белково-витаминных концентратов в областном центре. Как отмечалось в письме за подписью первого секретаря Томского обкома КПСС В. И. Зоркальцева, «мы не можем дать аргументированные, исчерпывающие ответы на вопросы трудящихся о возможных последствиях в связи с размещением завода вблизи действующих крупных химических производств» [16]. В результате реализацию проекта пришлось отложить.

Подобная ситуация по Томской области возникла и в отношении размещения химического комплекса в районе города Стрежевого. Жители города выражали недовольство тем, что строительную площадку предполагалось разместить в непосредственной близости от садово-огородных участков. Партийный и советский руководители Томской области В. И. Зоркальцев и А. Е. Высоцкий в июле 1989 года просили Совет Министров СССР «поручить Министерству химической промышленности СССР совместно с Тюменским и Томским облисполкомами определить место строительства химкомплекса, удовлетворяющее интересы производства и населения» [19, Л. 2].

Министерство химической промышленности СССР разделяло опасения томских руководителей по поводу создания химического комплекса как потенциально опасного в экологическом отношении объекта. В ответе, данном отраслевыми руководителями в августе 1989 года, давалось обещание вернуться к вопросу правильности выбора точки строительства химкомплекса и его экологической безопасности [19, Л. 3]. Однако томские руководители не удовлетворились данным ответом и в декабре 1989 года отправили письмо члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС Е. К. Лигачеву, который с 1965 по 1983 годы сам возглавлял Томский обком КПСС. Документы в его адрес направлялись в случаях трудноразрешимых ситуаций, в которых требовалось принятие окончательного и категоричного решения. Руководители области информировали, что обком КПСС и облисполком трижды в 1988–1989 годах обращались в Совет Министров СССР, Миннефтехимпром СССР с просьбой об уточнении правильности выбора места строительства комплекса. Местные лидеры выражали убежденность, что при принятии окончательного решения о создании комбината должна быть выбрана площадка, удовлетворяющая интересам как производства, так и населения городов Нижневартовска и Стрежевого [17, Л. 56]. Задействование в этом вопросе фигуры Е. К. Лигачева позволяло региональным руководителям минимизировать возможные риски и обеспечить максимальные преференции со стороны отраслевого министерства для социального развития территории.

С конца 1980-х годов появляются новые институты и лидеры региональной политики, которые по степени своей влияния не только не уступали партийным комитетам во главе с первыми секретарями, но и в ряде случаев превосходили их по оперативности в решении вопросов и эффективности в достижении желаемых результатов. Шахтерские забастовки в регионах страны (наиболее ярко проявились в Кузбассе, Коми АССР, Ростовской области) привели к появлению специальных комитетов, руководители которых диктовали органам союзно-республиканской власти свои условия. Например, в июле 1989 года был подписан протокол о согласованных мерах между региональным забастовочным комитетом Кузбасса и комиссии ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС [2]. В числе требований, которые пришлось удовлетворить – установление районного коэффициента всем трудящимся Кузбасса в размере 30 % (до этого с 1971 года он составлял 15 %), предоставление полной экономической и юридической самостоятельности предприятиям Кузбасса, шахтам и разрезам в соответствии с Законом о государственном предприятии (объединении), прекращение строительства Крапивинского гидроузла, проект которого резко критиковали экологи.

Решение о введении с 1 августа 1989 года для всех трудящихся Кемеровской области районного коэффициента 1,3 вызвало большой общественный резонанс в Западной Сибири. Руководители Алтайского края, Новосибирского, Омского и Томского обкомов КПСС 21 августа 1989 года подписали совместное письмо в ЦК КПСС, в котором предложили ввести с 1990 года такой же коэффициент для трудящихся Алтайского края, Новосибирской, Омской, Томской областей. Региональные лидеры полагали, что данная мера «будет способствовать социальной справедливости и снизит уровень межобластной миграции населения» [18].

Однако эту просьбу в октябре 1989 года отклонили в Государственном комитете по труду СССР, Министерстве финансов СССР, и Госплане СССР. Аргументация сводилась к тому, что «принятие положительного решения по данному вопросу вызовет очередные просьбы и требования со стороны трудовых коллективов предприятий других регионов, расположенных севернее этих областей, а также крайне напряженное финансовое положение в стране» [20]. Данный пример наглядно свидетельствует о том, что использование привычных схем защиты региональных интересов не гарантирует результата. Центральные партийно-государственные органы были вынуждены идти на уступки группам давления, игнорирование которых угрожало стабильности и без того деформированной системы.

В 1990 году меняются привычные механизмы обращений первых секретарей краевых и областных комитетов КПСС в союзно-республиканские органы. С одной стороны, снижается уровень легитимности партийных руководителей территорий. Они теряют уровень поддержки в региональных парторганизациях (многие освобождаются от должностей по негативным причинам). Изменение содержания статьи 6 Конституции СССР приводит к формированию новых центров власти в лице руководства краевых и областных Советов народных

депутатов, при этом часть первых секретарей стремится занять позиции советских лидеров [14, С. 127–130]. Появляются новые практики выражения региональных интересов: до проведения XXVIII съезда КПСС в июле 1990 года в Политбюро ЦК направляются коллективные обращения участников пленумов краевых и областных комитетов КПСС. В их числе – письмо от тюменских коммунистов, которые требовали ликвидировать социальное напряжение в области.

Внесенные участниками пленума Тюменского обкома КПСС предложения куратор социально-экономической политики секретарь ЦК КПСС Н. Н. Слюньков поручил рассмотреть Госплану СССР. Например, высказывалась идея поручить Министерству внешних экономических связей СССР продать 11 млн тонн тюменской нефти для покупки на валюту 100 тыс. тонн мяса в фонд области. Однако в данном вопросе союзный Госплан тюменцев не поддержал, аргументировав отказ тем, что предусмотренная для продажи нефть полностью распределена – как по социалистическим странам, так и по тем, где велись расчеты в свободно конвертируемой валюте [4, Л. 23–24]. Отказы в решении данных вопросов стимулировали требования со стороны руководства ресурсодобывающих территорий в переводе на региональный хозрасчет.

Анализ содержания писем региональных руководителей в центральные партийно-государственные органы власти в конце 1980-х годов свидетельствует о резком сокращении количества вопросов, которые ставились перед высшим руководством. Уходят на второй план и проблемы перспективного планирования, что не может не свидетельствовать о системном кризисе власти в стране. Лидеры краев и областей концентрируют свои лоббистские усилия на темах текущего жизнеобеспечения, что отражает специфику периода. Вопросы продовольственного и промтоварного обеспечения регионов становятся предметом обсуждения на уровне главы советского правительства Н. И. Рыжкова. Показательно, что направленное ему в марте 1990 года письмо за подписью секретаря Тюменского обкома КПСС В. В. Китаева начинается следующим образом: «Прошу решить лишь один вопрос – увеличить на 1990 год дотации на мясопродукты из союзно-республиканских фондов» [4, Л. 27]. Глава союзного правительства обретает функции «толкача» и «диспетчера», согласовывая поставки ресурсов в регионы с отраслевыми министерствами.

В 1990-м – первой половине 1991 года наблюдается резкое снижение влияния отделов аппарата ЦК КПСС в принятии решений по перспективному развитию территорий. Ликвидация отраслевых отделов и создание на их основе социально-экономических подразделений лишило партийные органы важных координирующих функций, которые позволяли непосредственно воздействовать на союзно-республиканские министерства. В 1990 и частично в 1991 году традиционные записки первых секретарей крайкомов и обкомов КПСС, направляемые в ЦК КПСС, проходили экспертизу в социально-экономическом отделе ЦК КПСС (его возглавлял А. В. Власов, бывший председатель Совета Министров РСФСР). Однако все партийное влияние теперь сводилось к переадресации записок региональных руководителей в Совет Министров СССР «для учета содержащейся информации и предложений при принятии оперативных мер». Однако и в правительстве варианты решения региональных проблем поступательно сокращались.

Деструкция привычных механизмов защиты региональных интересов (через заключения отраслевых отделов ЦК КПСС, с помощью патрон-клиентных отношений, поручений Политбюро и Секретариата ЦК КПСС) активизировало поиск новых способов воздействия на центры принятия решений. Последние тоже сместились из партийных органов в советские. Возникают новые межрегиональные экономические структуры в форме ассоциаций (например, 2 октября 1990 года в Кемерове было подписано Сибирское соглашение «Об основных принципах экономического и социального сотрудничества местных Советов народных депутатов», которое стало основополагающим документом для складывания институциональных основ межрегионального сотрудничества). Появляются яркие региональные лидеры из среды советской и хозяйственной номенклатуры, которые приобрели опыт публичной политики на выборах в Советы в 1989–1990 годах. В их числе начальник Кемеровской железной дороги А. Г. Тулеев, генеральный директор «Братскгэсстрой», председатель Иркутского облисполкома Ю. А. Ножилов, председатель Челябинского облисполкома П. И. Сумин, председатель Краснодарского крайисполкома Н. И. Кондратенко. Они обеспечивают элитный транзит, способствуя перемещению части квалифицированных работников партийного аппарата в аппарат региональных Советов.

Заключение

Действие механизмов защиты региональных интересов в центральных партийно-государственных органах во второй половине 1980-х годов обеспечивалось традиционными способами – через вертикально выстроенные коммуникации по алгоритму «из региона – в Центр». Однако условия перестройки общественно-политической жизни и реформирования органов КПСС резко снизили авторитет корпуса первых секретарей краевых и областных комитетов КПСС, привели к демонтажу системы отраслевых отделов партийного аппарата.

На территориях возникли новые институты воздействия на центры принятия решений (забастовочные комитеты, обновленные Советы), формируется и группа лидеров, не связанных с должностью первого секретаря регионального комитета КПСС. Эти обстоятельства привели к демонтажу старой системы отношений, при которой просьбы региональных руководителей могли быть отклонены после рассмотрения в аппарате ЦК КПСС и Госплана СССР. В конце 1980-х – начале 1990-х годов центральным органам власти приходится учитывать политическую ситуацию и нередко принимать решения в пользу регионов по итогам длительного «административного торга».

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-75. Оп. 63. Д. 69. Л. 10.
2. ГАК. Ф. П-75. Оп. 66. Д. 39. Л. 67–76.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 242. Д. 135. Л. 2.
4. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 254. Д. 72. Л. 23–24.
5. Захарченко А. В. Министерские разногласия и давление на Госплан в советской экономике в начале 1950-х годов / А. В. Захарченко // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 220–224.
6. Кищенко М. С. Верхневолжские регионы в контексте общесоюзных тенденций: дихотомия взаимодействия местных элит и Центра в СССР (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.). / М. С. Кищенко, Ю. С. Никифоров, Д. В. Туманов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1. С. 68–76.
7. Коновалов А. Б. Практики лоббирования региональных интересов в эпоху застоя (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) / А. Б. Коновалов // Общество: философия, культура. 2017. № 7. С. 112–116.
8. Машенцева Н. Г. Интересы региона в различных отраслях социальной сферы / Н. Г. Машенцева // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3. С. 106–109.
9. Медведев Н. П. Лоббизм как механизм продвижения региональных интересов / Н. П. Медведев // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 4 (39). С. 120–126.
10. Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы) / В. П. Мохов. Пермь: кн. изд-во, 2003. 238 с.
11. Никифоров Ю. С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.): теоретико-методологические основы изучения: монография / Ю. С. Никифоров. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. 275 с.
12. Никифоров Ю. С. Соперники Тольятти: борьба волжских городов за новый автозавод как частный случай регионального лоббизма эпохи позднего социализма / Ю. С. Никифоров // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 862–874.
13. Пономарева Е.С. Парадигма интересов региона в условиях совершенствования региональных отношений / Е.С. Пономарева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал ISSN 1999-2645. № 4 (4). [Электронный ресурс] URL: <https://eee-region.ru/article/405/> (дата обращения 22.09.2021)
14. Сельцер Д. Г. Взлеты и падения номенклатуры. Научная монография / Д. Г. Сельцер. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.
15. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 26. Д. 131. Л. 28.
16. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 792. Л. 39–40.
17. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1280.
18. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1281. Л. 52–53.
19. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1296.
20. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 1297. Л. 85.

Список литературы на английском языке / References in English

1. State Archive of Kuzbass. Fund. P-75. Inventory. 63. File. 69. L. 10. [in Russian]
2. State Archive of Kuzbass. Fund. P-75. Inventory. 66. File. 39. L. 67–76. [in Russian]
3. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen region. Fund. 124. Inventory. 242. File. 135. L. 2. [in Russian]
4. State Archive of Socio-Political History of the Tyumen region. Fund. 124. Inventory. 254. File. 72. L. 23–24. [in Russian]
5. Zaharchenko A. V. Ministerskie raznoglasiya i davlenie na Gosplan v sovetskoj ekonomike v nachale 1950-h godov [Disagreements Among Ministries and Pressure On The State Planning Committee In The Soviet Economy In The Early 1950s] / A. V. Zaharchenko // Samarskij nauchnyj vestnik. 2018. Vol. 7. № 1 (22). P. 220–224 [in Russian]
6. Kishchenkov M. S. Verhnevolzhskie regiony v kontekste obshchesoyuznyh tendencij: dihotomiya vzaimodejstviya mestnyh elit i Centra v SSSR (vtoraya polovina 1960-h – 1980-e gg.) [The Regions Of The Upper Volga In The Context Of All-Union Trends: Contradiction Of Interaction Between Local Elites And The Centre In The USSR (Second Half Of The 1960s To The 1980s)] / M. S. Kishchenkov, Yu. S. Nikiforov, D. V. Tumanov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. Vol. 26. № 1. P. 68–76 [in Russian]
7. Konovalov A. B. Praktiki lobbirovaniya regional'nyh interesov v epohu zastoya (vtoraya polovina 1960-h – pervaya polovina 1980-h gg.) [Lobbying Practice Of Regional Interests In The Stagnation Era (The Second Half Of The 1960s – The First Half Of 1980s)] / A. B. Konovalov // Obshchestvo: filosofiya, kul'tura. 2017. № 7. P. 112–116 [in Russian]
8. Mashenceva N. G. Interesy regiona v razlichnyh otraslyah social'noj sfery [Interests Of The Region In Various Branches Of Social Sphere] / N. G. Mashenceva // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013. № 3. P. 106–109 [in Russian]
9. Medvedev N. P. Lobbizm kak mekhanizm prodvizheniya regional'nyh interesov [Lobbyism As A Mechanism For Promoting Regional Interests] / N. P. Medvedev // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2017. № 4 (39). P. 120–126 [in Russian]
10. Mohov V. P. Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gody) [Regional political elite of Russia (1945–1991)] / V. P. Mohov. Perm': Publishing house, 2003. 238 p. [in Russian]
11. Nikiforov Yu. S. Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950–1980-e gg.): teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya: monografiya [The Regions Of The Upper Volga of the RSFSR and the Union-Republican Center (1950s-1980s): theoretical and methodological foundations of the study] / Yu. S. Nikiforov. Yaroslavl': RIO YaGPU, 2021. 275 p. [in Russian]
12. Nikiforov Yu. S. Soperniki Tol'yatti: bor'ba volzhskih gorodov za novyj avtozavod kak chastnyj sluchaj regional'nogo lobbizma epohi pozdnego socializma [Tolyatti's Rivals: The Volga Cities Competing for the New Automobile Plant as an Instance of Regional Lobbying in the Late Socialism Era] / Yu. S. Nikiforov // Vestnik arhivista. 2020. № 3. P. 862–874 [in Russian]

13. Ponomareva E.S. Paradigma interesov regiona v usloviyah sovershenstvovaniya regional'nyh otnoshenij [The Paradigm Of The Interests Of The Region In Terms Of Improving Regional Relations] // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. ISSN 1999-2645. № 4 (4). [Electronic resource] URL: <https://eee-region.ru/article/405/> (acesed 22.09.2021) [in Russian]
14. Sel'cer D. G. Vzlety i padeniya nomenklatury. Nauchnaya monografiya [The Flights And Falls of the Nomenclature. Scientific Monograph] / D. G. Sel'cer. Tambov: TOGUP «Tambovpoligrafizdat», 2006. 592 p. [in Russian]
15. Center for Documentation of the Modern History of the Tomsk region. Fund. 607. Inventory. 26. File. 131. L. 28. [in Russian]
16. Center for Documentation of the Modern History of the Tomsk region. Fund. 607. Inventory. 31. File 792. L. 39–40. [in Russian]
17. Center for Documentation of the Modern History of the Tomsk region. Fund. 607. Inventory. 31. File 1280. [in Russian]
18. Center for Documentation of the Modern History of the Tomsk region. Fund. 607. Inventory. 31. File 1281. L. 52–53. [in Russian]
19. Center for Documentation of the Modern History of the Tomsk region. Fund. 607. Inventory. 31. File 1296. [in Russian]
20. Center for Documentation of the Modern History of the Tomsk region. Fund. 607. Inventory. 31. File 1297. L. 85. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.182>**ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СМУТЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МИХАИЛА РОМАНОВА:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Научная статья

Микаэлян А.С.*

Академия маркетинга и социально-информационных технологий-ИМСИТ, Краснодар, Россия

* Корреспондирующий автор (mikas2012[at]rambler.ru)

Аннотация

Переходные периоды всегда интересны как историкам, так и обществу в целом. Определенные исторические уроки, которые были бы полезны для нашего времени, мы можем извлечь и для себя. В этой статье мы обращаемся к теоретическому осмыслению сведений о периоде правления Михаила Романова, рассматриваем пути преодоления негативных последствий Смуты в государстве. Для своего анализа берем данные преимущественно из дореволюционной историографии. Рассмотрение периода правления Михаила Романова в трудах дореволюционных историков позволило сопоставить и систематизировать их сведения об этом периоде русской истории. По общему признанию историков, преодоление последствий Смуты сводилось к стабилизации во многих сферах жизни русского общества, однако были и изменения другого плана, например, произошло окончательное закрепощение крестьян.

Ключевые слова: правление, Смута, Михаил Романов, Боярская дума, самодержавие, самоуправление, историография.

**OVERCOMING THE CONSEQUENCES OF THE TIME OF TROUBLES DURING THE REIGN
OF MIKHAIL ROMANOV: SOME ASPECTS OF RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY**

Research article

Mikaelyan A.S.*

Academy of Marketing and Social and Information Technologies — IMSIT, Krasnodar, Russia

* Corresponding author (mikas2012[at]rambler.ru)

Abstract

Transitional periods always present interest both to historians and to society as a whole. We can also learn certain historical lessons that would be useful for our time. In this article, the authors turn to the theoretical understanding of information on the period of Mikhail Romanov's reign and examine ways to overcome the negative consequences of the Time of Troubles in the state. For this analysis, the authors take data primarily from pre-revolutionary historiography. The assessment of the period of Mikhail Romanov's reign in the works of pre-revolutionary historians allowed the authors to compare and systematize their information about this period in Russian history. Historians generally admit that overcoming the consequences of the Time of Troubles was reduced to stabilization in many spheres of life of Russian society, but there were also changes of another kind, for example, the final enslavement of serfs that took place at that period of time.

Keywords: government, Turmoil, Mikhail Romanov, Boyar Duma, autocracy, self-government, historiography.

Период правления Михаила Романова интересен, прежде всего, тем, как высшая власть справлялась с экономическими, политическими, духовными и другими последствиями Смуты.

Михаил Романов был «вторым» избранным царем, если первым считать Бориса Годунова. По мнению В.О. Ключевского, 16-летний Михаил имел мало прав на престол и его избрание является результатом компромисса дворянства и казачества. В.О. Ключевский называет следующие причины избрания Михаила на престол: успешная агитация, давление казачества, популярность фамилии, родственная связь с прежней династией, благосклонность народа [2], [3, С. 57-60].

Н.И. Костомаров указывает, что претендентов на престол было множество. Польша и Швеция предлагала своих представителей, своего претендента имела и казацкая вольница. Пожарский предлагал на трон брата цезаря Максимилиана. По мнению Н.И. Костомарова, избрание Михаила Романова на царство было связано с народной любовью к семье, в особенности к Никите Романовичу, заступнику за мучеников при Иване Грозном. Кроме того, страдания народа во время смуты перекликались со страданиями рода Романовых. А именно, судьбой троих братьев Романовых [4, С. 293-298], [10].

Период правления Михаила характеризуется тем, что самодержавная власть была слаба. Например, В.О. Ключевский, ссылаясь на воспоминания современников эпохи, указывает на то, что бояре после воцарения Михаила не считаются с царем. Царь был избран, но он вступил на престол с определенными ограничениями своей власти [3, С. 71]. Причем В.О. Ключевский считает, ссылаясь на воспоминания современников, Татищева, Страленберга, что, возможно, существовала тайная письменная или устная сделка между царем и боярством об ограничениях царской власти. Сделка была заключена, чтобы обезопасить боярство от самоволия царя. Но она не была обнародована - это было неловко представлять земскому собору [3, С. 73].

Ограничения в правлении Михаила подтверждает и Д.И. Иловайский «избирательный Земский собор 1613 года помогал в управлении Михаилу до 1615 включительно» [1, С. 335], [5].

Д.И. Иловайский отмечает важнейшую роль в управлении государством Боярской думы, которая пользовалась неопытностью и юностью царя [1, С. 335]. По мнению Н.И. Костомарова, в начале царствования царя окружали «лживые и корыстолюбивые люди», не было людей, отличавшихся государственным умом и энергией. Значительное влияние на царя в Боярской Думе имели братья Салтыковы, которые приходились племянниками матери Михаила. По возвращении из плена Филарета они были удалены от двора, но возвращены в 1641 г. с прежними чинами. Кроме

того, до возвращения из польского плена своего отца Филарета Никитича, царь был подвержен сильному влиянию своей властной матери [1, С. 336], [4], [9, С. 658].

После возвращения из польского плена Филарета Никитича, Михаил оказывается под властью твердой руки своего отца. Д.И. Иловайский замечает, что даже на государственных грамотах стояло два имени – Михаила и Филарета [1, С. 341]. О совместном правлении Михаила и его отца Филарета упоминает и В.О. Ключевский, а также С.М. Соловьев. При этом двоевластие объяснялось семейными понятиями и политическими соображениями [3, С. 75-76], [9, С. 662].

По мнению Д.И. Иловайского первые шесть лет правления Михаила характеризуются тем, что Земская Дума была «господствующим и постоянным правительственным учреждением» [1, С. 335]. О том же пишет и В.О. Ключевский, отмечая, что при Михаиле возрастает роль земского собора. Например, за время правления Михаила было до 10 созывов этого органа народного представительства. То есть высшими правительственными органами являлись Боярская дума и земский собор. Теперь земский собор рассматривал те дела, за которые ранее отвечала Боярская дума, например, вопрос о налогах [3, С. 73-74], [4].

Однако, как отмечает С.Ф. Платонов, между царем и Земским собором возникали «недоразумения», и царь показывал свое неудовольствие делами Земского Собора [6, С. 334]. По мнению В.О. Ключевского закрепощение большинства крестьян при царе Михаиле привело к тому, что, земский собор не превратился в орган, который бы постоянно выражал народные интересы [3, С. 198-199].

Необходимо отметить, что С.Ф. Платонов не совсем согласен с тем, что в тот период были ограничения царской власти. По его мнению, Земский собор был совещательным органом, а влияние матери государя ограничивалось «только дворцом» и она «поддерживала не царство, а свой род» [6, С. 335].

Первые годы правления (1613-1622 гг.) Михаил, по мнению С.Ф. Платонова, правит вместе с Земским собором. Царь «...опирался на Земский собор как на средство лучшего управления» [6, С. 344-345], [7]. Объяснялось это тем, что последствия Смуты не были еще окончательно преодолены. Московское правительство находилось в трудном положении, поскольку казна была пуста. Поэтому первая забота государства – взыскание недоимок, поиск денег с помощью займов (например, у Строгановых) [6, С. 345]. Кроме того, важнейшей заботой государства являлось устройство войска для защиты от врагов внутренних и внешних [6, С. 346], [8]. С.Ф. Платонов характеризует правление Михаила до 1619 г. как политику, не имевшую определенного направления [6, С. 349]. С приездом отца – патриарха Филарета в 1619 г. В Московском царстве начинается двоевластие [6, С. 349]. Как отмечает С.Ф. Платонов, если до приезда Филарета Земские соборы и занимались устройством государства, но без опытного руководителя оно шло без системы и с массой злоупотреблений со стороны администрации и населения. Например, это касалось собирания подати [6, С. 351-352]. Как указывает Д.И. Иловайский, после возвращения из польского плена особое внимание Филарет обращает на тяжелое экономическое положение государства. С государем обсуждаются вопросы беспорядков, злоупотреблений, наведения порядка во взыскании податей. Обращалось внимание на неравномерность уплаты податей, на льготы от уплаты последних, а также на возвращение, на старое местожительство крестьян и посадских, которые уклонялись от уплаты податей [1, С. 345-348], [9, С. 670].

Поскольку после Смуты многое в Российском государстве было в расстроенном состоянии, то необходимо было восстановить порядок. При этом как указывает В.О. Ключевский, предполагалось «произвести в государственном строе пересмотр без переворота, частичную починку без перестройки целого». Поэтому и действия правительства отличались осторожностью и неполнотой. Наведение порядка требовало в том числе законодательство и, как указывает В.О. Ключевский, царствование Михаила характеризуется бурным законотворчеством по многим вопросам государственного устройства [3, С. 122].

Основным направлением политики становится:

- 1) улучшить администрацию;
- 2) поднять платежеспособность страны;
- 3) восстановить служивое сословие [6, С. 353].

Следует остановиться на борьбе московского правительства со злоупотреблениями власти на местах. Для этого в 1619 г. учреждается сыскной приказ, а в 1621 г. появляется запрещение давать воеводам взятки, а также исполнять их незаконные требования [6, С. 354].

Как указывает С.М. Соловьев, главной причиной изменения обустройства городов, было насилие воевод и приказных людей. Для противоборства со злоупотреблениями воевод издавались грамоты, где указывалось, что могут и чего не могут себе позволять воеводы. Другим методом борьбы со злоупотреблениями чиновников являлось восстановление грамот Ивана Грозного, которые давали возможность гражданам (миру) судиться с выборными чиновниками, а кроме того, самим выбирать чиновников. [9, С. 670].

В 1627 г. правительство восстанавливает институт губных старост и делает попытку заменить воевод на губных старост [9, С. 671]. Однако иногда города были недовольны губными старостами и просили назначить им воевод. Таким образом, воеводы переходили в разряд выборных чиновников [9, С. 672].

С.Ф. Платонов отмечает, что эти мероприятия центральной власти в целом не смогли справиться со злоупотреблениями на местах. Это подтверждали земские люди на соборе 1642 г. На севере Руси сохранилось полное самоуправление. А центральное управление при Михаиле Федоровиче строилось по старым образцам XVI века в форме приказов [6, С. 355], [6, С. 672]. Своей целью правительство считало централизацию управления, под которым понималось «... соединение в одном лице или учреждении разнородных предметов» [3, С. 139].

При царе Михаиле институт воеводства внедряется повсеместно, что ведет к бюрократизации местного управления. Однако это не было возвращением к наместничеству. Для центральной власти воевода более подходил, так как удобно иметь дело с одним правителем уезда, а не с многочисленными выборными властями. В реальности с точки зрения местного населения воеводство являлось ухудшенным вариантом наместничества [3, С. 139-140].

При этом В.О. Ключевский, характеризуя воеводство, говорит о том, что оно сочетало в себе, с одной стороны, многочисленные злоупотребления, а с другой стороны, подчас бездействие [3, С. 141]. В правление Михаила отражено колебание власти между институтом воеводства и губными старостами. Институт губных старост то вводился, то отменялся. В одних местах воеводы заменяли губных старост, в других губные старосты ведали делами воевод [3, С. 141-142]. Централизация местного управления привела к уменьшению самостоятельности земских учреждений при сохранении старых обязанностей и ответственности [3, С. 142-143]. При Михаиле запрещалось воеводам злоупотребления, с угрозой взыскать за проступок вдвое. Земские учреждения фактически были под наблюдением и управлением воевод [3, С. 143].

Централизация коснулась также центрального управления. Центральное управление было раздроблено по многочисленным приказам, поэтому власть пыталась бороться с этим, путем сосредоточения приказов в одно учреждение или подчинение одному начальнику нескольких приказов [3, С. 144-145]. Однако предпринятые меры не привели к желаемым результатам. Работа администрации не стала эффективнее, удешевление нужд администрации также не получилось. Земское представительство в дальнейшем утратило смысл, и причинами этого были централизация управления, упрочение династии Романовых, сословное разделение, рост чиновничества [3, С. 198-199, С. 223].

Важной целью своей деятельностью московское правительство считало поднятие общего благосостояния, связанное с благоустройством государственных повинностей. В общем, характеризуя действия правительства, С.Ф. Платонов говорит о том, что оно пыталось использовать старые образцы и средства управления. Однако своих целей по консервации режима правительство не достигло, более того многое в государстве стало меняться. Например, воеводская власть из временной становится постоянной и гражданской. Вместо дворянских ополчений вводится иноземный ратный строй, солдатские и рейтарские полки. Царствование Михаила Федоровича характеризовалось увеличением срока поиска беглых крестьян до 10 лет и постепенным окончательным закрепощением крестьян за помещиками [6, С. 355-363]. Как указывает С.Ф. Платонов, «правительству Михаила Федоровича не удалось быть верным старине, не удалось добиться своей цели, т.е. исправить администрацию и устроить благосостояние» [6, С. 361].

Тяжелое положение страны требовало очень жестких мер. Например, с разоренного народа собирались тяжелые налоги: запросные деньги, хлебные поборы, посошная служба в войсках. Народ терпел притеснения, как от правительственных лиц, так и от разбойников и внешних врагов [4].

При Михаиле начинается социальная перестройка общества. На место дробных чинов создаются замкнутые классы, которые получили название сословий. По мнению В.О. Ключевского при Михаиле окончательно утверждается сословный принцип общественного устройства в соответствии с имущественным положением или по тому, чем занимался человек [3, С. 148-149]. То есть служебное и тягловое состояние закреплялось в сословное положение. Это позволяло государству регулировать труд народа в интересах казны [3, С. 146-152]. Смутное время привело к нарушению землевладельческого хозяйства. Особенно это касалось податного населения, например, тяглых обывателей, закладчиков. Необходимо было произвести перепись населения, что было связано с большой работой писцов и дозорщиков, которые вносили все в писцовые книги. В.О. Ключевский указывает на двойственность решения по крепостному праву. Здесь сталкиваются государственный и частный интересы. С одной стороны, государству нужно было иметь «усидчивого тяглеца», который платит подати и которого можно найти по писцовой книге на определенном участке. С другой стороны, помещику нужно было иметь пахотного холопа, которого можно продать, заложить, лишить земли [1, С. 349], [3, С. 162-167, С. 207]. И перепись населения, и закрепощение крестьянства имело полицейско-финансовое назначение. Крепостная зависимость была только юридическим оформлением давно сложившегося положения или была вызвана потребностью казны перенести податное поземельное обложение с пашни на самого хлебопашца [3, С. 162-165]. Окончательному закрепощению крестьянина способствовала отмена урочных лет [1, С. 467-469]. Данная мера была уступкой государства дворянству. Отмена срока давности поиска беглых крестьян превращала личную крестьянскую крепость в потомственную [3, С. 166-167]. Дворянство, поглощая боярство, стало самым привилегированным классом [3, С. 199]. Разделение общества на сословия привело к усилению классовой розни. Финансовые мероприятия привели к недоимкам, банкротству и недовольству народа [3, С. 223]. С.М. Соловьев отмечает снижение числа посадских людей, занимающихся торговлей и промышленностью. Причинами этого являлись злоупотребления воевод, состояние правосудия, монополия казны, отсутствие образованности, плохие дороги и разбой на дорогах [9, С. 677].

Во внешней политике задачей новой династии было возратить земли, потерянные во время Смуты, а это требовало напряжения народных сил. При этом войны вначале оборонительные с течением времени становятся наступательными [3, С. 86-87]. Как отмечает Д.И. Иловайский, внешняя политика в правление Михаила Романова играет более важную роль, чем раньше, однако это касается в основном промышленно-торгового направления. Переговоры ведутся с представителями таких европейских государств, как Англия, Франция, Голландия по поводу свободного проезда в Персию и даже возможности колонизации российских земель [1, С. 353-355]. В 1621 г. происходит политическое сближение Швеции, Крымского ханства и Москвы против Польско-литовского государства. Однако союз держав не привел в этот раз к войне с Польшей [1, С. 356-360]. В конце царствования Михаила дружественные отношения сложились со Швецией, Данией, Австрией, Турцией, Персией, Голштинией, даже с Крымом и Польшей [1, С. 482].

Во время царствования Михаила ход военных компаний показывал «несостоятельность русского войска». Поэтому русское войско реорганизовывалось, определялись новые методы отбора в войска – стрельцов, казаков, иноземцев. Например, в стрельцы нельзя было брать «худых недорослей, крепостных, посадских и пашенных крестьян». Набор казаков определялся распоряжением 1632 г., при этом запрещалось записывать в казаки крестьян, служивых и тягловых людей. Во главе казаков становились дворяне и сотники, а также запрещалось казакам чинить в полках различные злоупотребления [9, С. 665-668]. Одной из главных проблем новой династии был поиск финансов, в

том числе для ведения военных действий. Однако наличных денежных средств у правительства не хватало. В.О. Ключевский указывает на причину этого – к 1631 г. вооруженные силы возросли в 2,5 раза, а расходы на них в 3 раза. В ходе военных преобразований армия изменилась количественно и качественно. Например, появились рейтарские, пешие, солдатские и драгунские полки, в основном под начальством иноземных офицеров. Изменился способ пополнения армии – рекрутский набор двойного комплектования. Однако новая армия не была регулярной, большинство полков по окончании войны распускались, оставались только офицерские кадры [3, С. 200-203], [9, С. 669].

При Михаиле широко использовалось привлечение иностранцев в качестве солдат, офицеров. Иностранцам не нравилось в Москве, но они охотно нанимались на службу московскому царю. Московское правительство охотнее привлекало протестантов и подозрительно относилось к католикам. Но если вначале их просто нанимали, в дальнейшем решили, что дешевле научить русских ратных людей, а иностранцев использовать в качестве обучающихся и офицеров. Таким образом, происходила реорганизация войска по иноземному принципу [3, С. 248-249], [9, С. 668].

Иноземцы привлекались в Россию также для того, чтобы устраивать различного рода заводы: металлургические, поташные, стеклянные и т.д. Особенно это было необходимо для создания оружия, которое закупалось по высокой цене за границей. Привлекались иностранные капиталы и знания. Например, обязанностью заводчиков было непременно обучить русских своему мастерству. В это время в Москву выписывались рудознаты, каменщики, литейщики, живописцы, пушечные и часовые мастера и т.д. [3, С. 249-250].

По мере того, как Московское государство крепло, увеличивалась его военная мощь и стремление вернуть земли, захваченные в Смутное время Речью Посполитой. Для этого укреплялись пограничные крепости, набиралось войско, вербовались иностранцы в качестве офицеров и солдат, закупалось оружие за границей [1, С. 359-360]. Кроме того, с целью защиты от набегов крымцев и ногайцев правительство предпринимает оборонительные меры на своих южных и юго-восточных пределах. Поэтому восстанавливаются старые и строятся новые крепости, засечные листья [1, С. 441-443]. Московское правительство использовало гонения на православных в Западной России и казацкое движение против поляков [1, С. 447].

Колонизация Сибири в царствование Михаила Федоровича заключалась в построении новых городов и острогов, обустройстве русских сел и деревень. Происходила также крестьянская колонизация из переселенцев, в том числе из дворцовых сел [1, С. 447-448]. Таким образом, Сибирь заселяется служилым народом и крестьянством, кроме того, прирост русского населения происходит за счет ссыльных, т.е. разного рода преступников [1, С. 448-449]. Труднее всего шло заселение Сибири духовенством, т.к. оно неохотно соглашалось жить в данном регионе [1, С. 449]. Заселение Западной Сибири русскими встретило сильное сопротивление со стороны коренных народов, а покорение Восточной Сибири сопровождалось меньшими препятствиями [1, С. 453].

Д.И. Иловайский с сожалением указывает, что одним из последствий Смуты было увеличение пьянства, а «царев кабак» становится одним из главных доходов казны. При этом даже патриарх Филарет, очень строгий в отношении нравственности, не препятствовал этому злу [1, С. 465-467].

Борьба с еще одним из последствий Смутного времени – увеличение шаек разбойников и борьба с ними - являлась задачей московского правительства [1, С. 468-469]. Опустошительные пожары деревянной России приводили к жестким мерам правительства, например, запретом летом топить печи. Кроме того, вызывала становление новых организационных мероприятий антипожарного характера [1, С. 470-471].

С.М. Соловьев значительное место уделяет борьбе московского государства с разорением, которое причиняли шайки казаков-воров и, в частности, с атаманом Заруцким [9, С. 532-541]. Вопрос даже стоял следующим образом: Михаил не хотел воцариться в Москве, пока собор не выполнит обещания и не прекратит разбой в стране [9, С. 655].

В 1631 г. умирает мать Михаила, через два года умирает его отец Филарет и Михаил Федорович становится полновластным государем. По мнению Д.И. Иловайского, последние 12 лет своего царствования Михаил Федорович правил государством «без особых ошибок». В этом ему помогло восстановленное самодержавие, личный характер и опытность. Все это позволило устранить последствия Смутного времени и второй польской войны [1, С. 439-440]. Подводя итоги царствования Михаила, Д.И. Иловайский делает вывод, что фигура царя не была выдающейся, тем не менее, ему удалось водворить мир и спокойствие в стране после разорительных лет Смуты. Также отмечается увеличение влияния в России европейцев, особенно немцев. Это касалось и военного искусства и материальной европейской культуры [1, С. 502].

Таким образом, анализ историографии о периоде правления Михаила Романова позволил прийти к следующим выводам:

1. Произошла стабилизация в области экономики, политики и других сферах государственной жизни после разорительных лет Смуты;
2. Утвердился сословный принцип социального устройства общества, были отменены урочные лета, произошло окончательное закрепощение крестьян;
3. Уменьшилось значение земского представительства, произошла централизация управления, закрепились на престоле династия Романовых, отметился рост чиновничества;
4. Увеличилось влияние иностранцев, произошла реорганизация русского войска.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Иловайский Д.И. Новая династия / Д.И. Иловайский. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. – 749 с.

2. Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича / П.Г. Васенко. - СПб., издание Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых, 1913. - 224 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти т. Т. 3 Курс русской истории. Ч. 3 / В.О. Ключевский; Под ред. В.Л. Янина, Послесл. и коммент. Составили В.А. Александров, В.Т. Зимица. - М.: Мысль, 1988. - 414 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. / Н. И. Костомаров. - 6-е изд. - С.-Петербург. - Кн. 2: Господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II, XVII-ое столетие. - 1912. - 441 с.
5. Маркевич А.И. Избрание на царство Михаила Федоровича Романова / А.И. Маркевич // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. - № 277. - С. 176-203.
6. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. - М.: Высшая школа, 1993. - 736 с.
7. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI - XVII вв. / С.Ф. Платонов. - СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. - 642 с.
8. Платонов С.Ф. К вопросу об избрании М.Ф. Романова в русской литературе / С.Ф. Платонов // Журнал Министерства народного просвещения. - 1913. № 2. - С. 177-191
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. Книга вторая. Т. VI-X. Второе издание. - С.-Петербург, 1896. - 1726 с.
10. Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство / Д.В. Цветаев. - М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1913. - 79 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Povaisky D.I. Novaja dinastija [New Dynasty] / D.I. Povaisky. - M.: Astrel', OOO AST, 2003-- - 749 p. [in Russian]
2. Vasenko P.G. Bojare Romanovy i vocarenie Mikhaila Fedorovicha [The Romanov Boyars and the accession of Mikhail Fedorovich] / P. G. Vasenko. - St. Petersburg, publication of the Committee for the celebration of the tercentenary of the reign of the House of Romanov, 1913. - 224 p. [in Russian]
3. Klyuchevsky V.O. Sochineniya. Kurs russkoj istorii. Ch. 3/ [Essays in 9 vols. Vol. 3 Course of Russian history. Vol. 3] / Edited by V.L. Yanina, afterword. and commentary compiled by V.A. Aleksandrov, V.T. Zimitsa. - M.: Mysl, 1988-- 414 p. [in Russian]
4. Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhizneopisanijakh ee glavnejshikh dejatelej. Vtorojj otdel [Russian history in the biographies of its most important figures. The second department] / N. I. Kostomarov. - 6th ed. - St. Petersburg. - Gospodstvo Doma Romanovykh do vstuplenija na prestol Ekateriny II, XVII-oe stoletie [Book 2: The rule of the House of Romanov before the accession to the throne of Catherine II, 17th century]. - 1912. - 441 p. [in Russian]
5. Markevich A.I. Izbranie na carstvo Mikhaila Fedorovicha Romanova [Election to the kingdom of Mikhail Fedorovich Romanov] / A. I. Markevich // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Journal of the Ministry of Public Education]. 1891. - No. 277. - pp. 176-203 [in Russian]
6. Platonov S.F. Lekcii po russkoj istorii [Lectures on Russian history] / S. F. Platonov. - Moscow:Vysshaja shkola, 1993-- 736 p. [in Russian]
7. Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI - XVII vv. [Essays on the history of the Troubles in the Moscow state of the 16-17th centuries] / S. F. Platonov. - St. Petersburg: M.A. Aleksandrov's typography, 1910-- 642 p. [in Russian]
8. Platonov S.F. K voprosu ob izbranii M.F. Romanova v russkoj literature [On the question of the election of M.F. Romanov in Russian literature] / S. F. Platonov // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [Journal of the Ministry of Public Education]. - 1913. No. 2. - pp. 177-191 [in Russian]
9. Solovyov S.M. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. Kniga vtoraja [The history of Russia since ancient times. Book two] / S. M. Solovyov. Vol. 6-10. Second edition. - St. Petersburg, 1896-- 1726 p. [in Russian]
10. Tsvetaev D.V. Izbranie Mikhaila Fedorovicha Romanova na carstvo [The election of Mikhail Fedorovich Romanov to the kingdom] / D. V. Tsvetaev. - M.: A. A. Levenson typography, 1913. - 79 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.183>

ПРОБЛЕМЫ В РАЗВИТИИ АСТРАХАНСКОГО ТУРИЗМА (1991-2012 ГГ.)

Научная статья

Молчанова В.В.*

ORCID: 0000-0002-4999-0522,

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

* Корреспондирующий автор (violetta-molchanova[at]rambler.ru)

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы в отечественном туризме на примере астраханского. Несмотря на то, что данная отрасль является одной из самых перспективных, возникает ряд сложностей, которые мешают ей должным образом функционировать и приносить прибыль государству. Иногда проблема или ряд проблем могут настолько усугубить ситуацию, что наносимый ими урон может перевесить многочисленные достоинства. Прежде чем решать проблемы, их нужно конкретизировать. Чем чаще будут проводиться такие процедуры, тем больше будет вероятность данные проблемы разрешить. В статье проблемы будут выявлены, детально рассмотрены и конкретизированы. Дополнительно будут рассмотрены способы (предположительные) их минимизации и решения. Этим вопросам и посвящена данная статья.

Ключевые слова: туризм, индустрия туризма, астраханский туризм, проблемы туризма.

PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF ASTRAKHAN TOURISM (1991-2012)

Research article

Molchanova V.V.*

ORCID: 0000-0002-4999-0522,

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

* Corresponding author (violetta-molchanova[at]rambler.ru)

Abstract

This article discusses the problems in domestic tourism; particularly, it touches on the Astrakhan tourism. Despite the fact that this industry is one of the most promising, there are a number of difficulties that prevent it from functioning properly and bringing profit to the state. Sometimes a problem or a series of problems can aggravate the situation so much that the damage they cause can outweigh the numerous advantages. Before solving such problems, they need to be specified. The more often such procedures are carried out, the more likely these problems can be resolved. The article identifies, examines, and specifies the problems while also providing possible methods of minimizing and solving them.

Keywords: tourism, tourism industry, Astrakhan tourism, tourism problems.

Введение

Любая отрасль является единым, хорошо отлаженным механизмом. Однако в процессе функционирования могут возникать сложности. Часть из них можно спрогнозировать, а часть – нет. Однако появляющиеся проблемы следует обнаруживать и решать.

Отечественный туризм имеет ряд проблем. Но не стоит забывать, что каждый регион уникален, поэтому проблемы одного региона у другого будут отсутствовать. Следовательно, каждый регион нужно рассматривать индивидуально, отдельно друг от друга. В данной статье обзорно рассмотрим проблемы в туристической отрасли Астраханской области.

Проблемы

Среди проблем, которые будут рассматриваться, выделим наиболее важные и потенциально опасные. Дальнейший ход статьи можно поделить на несколько логических блоков. Первый: название проблемы. Второй: её характеристика и описание. Третий: потенциальный способ решения проблемы. Теперь перейдём к конкретным примерам.

• Малоизвестность

Суть проблемы: если упомянуть отечественный туризм, то «курорты Краснодарского края» известны многим россиянам. Прежде всего, это города: Сочи, Туапсе, Лазаревское, пригороды, такие как Адлер, популярные места отдыха, как, например, Красная поляна, 33 водопада. Данные туристические объекты объединяет то, что их названия и образы растиражированы среди населения, «на слуху». Соответственно, соседние регионы не могут должным образом конкурировать с «брендовым».

Астрахань в данном аспекте не является исключением. Данная проблема фактически становится основной. Об Астрахани стандартному туристу мало что известно. Поэтому неизвестному астраханскому региону предпочтут что-то более популярное [5].

Возможный способ решения проблемы: использовать всевозможные СМИ как транслятор среди населения. Современная эпоха называется информационной. Поэтому на её появление возник известный афоризм: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Следовательно, средства массовой информации являются первостепенным помощником в решении данной проблемы. Можно пойти по нескольким направлениям. Старшее поколение предположительно можно привлечь с помощью печатных изданий: журналы, газеты, книги, брошюры. Молодые люди обращают внимание на такие виды СМИ как телевидение, реклама. Всё большее распространение среди людей находит Интернет-пространство. Не стоит ограничиваться только одним из методов. В идеале стоит использовать все способы передачи информации одновременно [1].

- Относительно малое финансирование

Суть проблемы: фактически первый пункт является причиной, как для данного пункта, так и почти всех последующих. Финансирование в малых объемах может иметь несколько причин: известность продуктов или прибыль. Поэтому регионы, находящиеся далеко от столицы, имеют более проигрышные позиции, чем те, что находятся ближе к политическому и экономическому центру страны. Астраханская область является провинцией, во-первых, и не особо известным регионом, во-вторых, и популярным у населения страны туристическим центром, в-третьих. Данные факторы позволяют сделать вывод, что для финансирования на государственном уровне Астраханская область не является привлекательной [4].

Возможный способ решения проблемы: искать разные способы привлечения инвестиций как внутри региона, так и за его пределами. Возможно, стоит увеличить сумму, которую регион выделяет на туризм. Изыскивать возможности убедить Центр выделять больше финансирования на туризм. Привлекать представителей частного бизнеса. Можно использовать географическое положение Астраханской области. Регион является приграничным, следовательно, связан сухопутно и через Каспийское море с другими государствами. Международные контакты следует использовать для попытки привлечения иностранного капитала в туризм Астрахани. Не следует забывать о таком факторе как меценатство. Если банки, требуют не только возвращение денег, но и проценты, то благотворительность безвозмездна. Помимо вышеперечисленного стоит оказывать поддержку частному туристическому бизнесу и пытаться сделать оба направления, частное и государственное, взаимовыгодным и взаимозаменяемым [11].

- Стереотипность астраханского туризма

Суть проблемы: для многих гостей региона Астрахань является местом для рыбалки (в большей мере) и охоты. На другие виды досуга (культурный, лечебный) люди меньше обращают внимание. В 90-е годы, когда туристическая отрасль, как и другие, переживала тяжёлые времена, астраханский туризм сузился до рамок рыбалки и охоты. Однако ситуация началась выправляться в новом тысячелетии. Но устаревшая информация продолжает влиять на предпочтения людей. Астраханская область продолжает ассоциироваться с местом для активного отдыха с удочкой или ружьём [7].

Возможный способ решения проблемы: как в случае с первой проблемой стоит использовать СМИ. На «рыбном» факторе можно было бы сыграть или интересно обыграть. Что-то на подобии: «Астрахань – не только для рыбалки», «Порыбачил – посети дельту и заповедники» или что-то подобное. Проблема стереотипов заключается в том, что они долго живут в сознании населения. Поэтому избавиться от них – задача сложная и долгая. Наиболее действенным способом может стать своеобразное создание нового стереотипа взамен действующего. Тот, который туроператоры и турагенты могут относительно контролировать. Но при этом существует потенциальная опасность, что новый стереотип со временем может устареть и сработать против своих идеологов и создателей. Следовательно, стереотип следует временами корректировать в зависимости от текущей ситуации [12].

- Переориентация туризма / Узконаправленность

Суть проблемы: данная проблема является следствием предыдущей. Астраханский туризм вынужден перестраиваться под нужды и желания туристов, как потребителей данной отрасли. Современный рынок, вне зависимости от отрасли, действует по определённым законам. А именно, если товар или услуга перестают пользоваться спросом у потребителей, то она сначала минимизируется, потом исчезает.

Туризм подчинён законам рынка. Если регион рассматривают как место рыбалки, то астраханский туризм будет консолидироваться вокруг данной сферы. Следовательно, финансовые потоки на туризм будут распределяться на охоту и рыбалку, минуя иные направления, делая их вторичными [8].

Возможный способ решения проблемы: как в случае с предыдущей проблемой, нужна просветительская деятельность. Помощником могут выступить СМИ. Как среди местного населения, так и среди приезжающих нужно проводить информационное просвещение. Реализацией могут быть билборды, стенды, реклама. По поводу рекламы можно добавить, что постоянное напоминание привлечёт внимание людей. Реклама может проецироваться на население не только в письменном виде, (газеты, стенды, журналы) но и визуально (например, через радио и телевидение, а также Интернет) [10].

- Слаборазвитая инфраструктура

Суть проблемы: отсутствие популярности у туристов, далёкое от столиц расположение, слабое или недостаточное финансирование ведёт к тому, что инфраструктура в регионе будет развита слабо. В проблеме с инфраструктурой можно выделить два аспекта. Первый заключается в том, что на территории Астрахани недостаточно широко функционируют гостиницы, отели, транспорт. Это можно назвать внутренней проблемой. Второй характеризуется тем, что до туристических объектов, которые находятся за пределами как Астрахани, так и населённых пунктов, тяжело добраться. Это внешняя проблема. Напомним, что последнее время туристы предпочитают максимально возможный комфорт. Поэтому между интересным объектом или удобным способом передвижения гости региона, скорее всего, отдадут предпочтение второму варианту [2].

Возможный способ решения проблемы: укреплять финансовые позиции, о чём было написано ранее. Можно попытаться привлечь внимание к Астрахани, организовав общероссийские или международные форумы. Выделяемые средства можно вложить в обновление действующих ресурсов или создание новых. Кроме того, необходимо улучшать дорожную ситуацию, чтобы людям было проще и комфортнее добираться до интересующих их мест [9].

- Экологические условия

Суть проблемы: Данную проблему можно рассматривать не только с позиции туристов, но с точки зрения интересов региона. Принимающая сторона должна не только обладать туристическими ресурсами, такими как инфраструктура, кадры, туристические объекты, но и безопасным пребыванием. Речь идёт не про человеческий фактор, (потенциальная угроза терроризма) а про природный. Экология, а точнее угроза экологической катастрофы может отвлечь от себя как действующих инвесторов и туристов, так и потенциальных. Данная проблема может перечеркнуть все прочие достоинства. Вред природе может быть нанесен под влиянием нескольких факторов.

Первый: малоэффективная политика региона в экологическом вопросе. Второй: деятельность туристов, находящихся в регионе. Для Астраханской области ключевыми проблемами является поджог степи и редких лесов, а также неконтролируемый вылов рыбы. Общей проблемой для любого региона станет замусоривание территории. Если «официальные» туристы поддаются контролю со стороны соответствующих служб, то с деятельностью самоорганизованных туристов («дикарём») возникают сложности [3].

Возможный способ решения проблемы: Решением проблемы могут стать два подхода: идеологический и финансовый. Первый заключается в том, чтобы вести позитивную пропаганду, как среди населения, так и для туристов. Подразумевается, что через позитивную пропаганду и просвещение людей может снизиться уровень засорения региона. Это реклама на радио и региональном телевидении. Это транспаранты при въезде/выезде в город или из города и в местах, где любят отдыхать люди. Второй способ заключается в системе штрафов. Угрозу для природы нужно уметь вовремя выявить и предотвратить [6].

Заключение

Существуют и другие проблемы, связанные с туристической отраслью. Но в данной статье были описаны наиболее актуальные и важные. У любой отрасли существуют те или иные проблемы, туристическая (на примере Астраханской области) не является исключением. Если проблемы, препятствующие нормальному развитию туризма, будут вовремя выявлены, решены или минимизированы, то отрасль будет функционировать должным образом. Следовательно, будет привлекать и новых туристов. Подобные меры нужно принимать, чтобы регионом мог стать наиболее интересным и привлекательным для туристов. Одним из принципов развития современного общества, особенно сферы услуг, является высокий уровень конкурентоспособности. Значит, есть и будет альтернатива собственной услуги. Поэтому важно отслеживать, выявлять и устранять проблемы туристической отрасли. От данных действий выигрывают все участники туристического процесса. Наш регион, туристы, наше Отечество.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Абакумова Е. В. Анализ и перспективы развития туризма А Астраханской области / Е.В. Абакумова, Т. А. Макарова // Актуальные проблемы развития туризма: Материалы международной научно-практической конференции, Москва 11-12 марта 2019 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)», 2019. – С. 8-11.
2. Бабошкина П.А. Проблемы и перспективы развития туризма в Астраханской области / П. А. Бабошкина, Е. А. Лебедева, Д. Е. Ращупкина // Инновации, технологии, наука: сборник статей международно-практической конференции: в 4 частях, Пермь, 25 января 2017 года. – Пермь: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2017. – С. 14-18.
3. Болонина Г.В. Влияние климатических условий на туристско-рекреационный потенциал Астраханской области / Г.В. Болонина, А. Н. Мармилов, Т.С. Чигина и др. // Геология, география и глобальная энергия. – 2015. № 1 (56). С. 191-199.
4. Конаныхина О.В. Современное состояние развитие туризма в Астраханской области / О.В. Конаныхина // Транспортное дело России. – 2017. – №4. – С. 40-42.
5. Макарова Т. А. Проблемы развития регионального туризма в Астраханской области/ Т. А. Макарова, А.Н. Неапланный // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2011. – №1. – С 205-208.
6. Неваленный А. Н. Экологический туризм в Астраханской области как вид природопользования: проблемы и пути их решения / А.Н. Неваленный // Международная научная конференция научно-педагогических работников Астраханского государственного технического университета (60-я НПР): материалы конференции, Астрахань, 25-29 апреля 2016 года / ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет». – Астрахань: Астраханский государственный технический университет, 2016. – С. 199-200.
7. Проблемы и перспективы развития туризма в Южном федеральном округе: сб. науч. тр. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – 300 с.
8. Проблемы развития туризма в Астраханской области / А.П. Еритенко, М. О. Малыгина, А.А. Шайхиева и др. // Географические науки и образование: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Астрахань, 25 марта 2015 года. – Астрахань: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2015. – С. 70-72.
9. Романова А. А. Виды туризма в Астраханской области: современные тенденции, развитие и проблемы / А.А. Романова, Л. Ю. Тимовкина // Проблемы и перспективы развития туризма в Южном федеральном округе: Сборник научных трудов, Севастополь, 11-14 октября 2017 года. – Севастополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 225-226.
10. Севастьянова С.А. Региональное планирование развития туризма и гостиничного хозяйства / С.А. Севастьянова. М.: КНОРУС, 2007. 256 с.
11. Сорокин В.М. влияние географии туризма на экономику Астраханской области / В.М. Сорокин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т.11. – С. 4081-4085.
12. Хлебцова Л. В. Проблемы и перспективы развития туризма в Астраханской области / Л. В. Хлебцова, И. И. Потапова // European Researcher . – 2010. –№1 (1). – С. 97-100.

Список литературы на английском/ References in English

1. Abakumova E. V. Analiz i perspektivy razvitiya turizma A Astrahanskoj oblasti [Analysis and prospects of tourism development in the Astrakhan region] / E.V. Abakumova, T. A. Makarova // Aktual'nye problemy razvitiya turizma: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva 11-12 marta 2019 goda [Actual problems of tourism development: Materials of the International scientific and practical conference, Moscow, March 11-12, 2019]. - Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism", 2019. - pp. 8-11. [in Russian]
2. Baboshkina P.A. Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Astrahanskoj oblasti [Problems and prospects of tourism development in the Astrakhan region] / P. A. Baboshkina, E. A. Lebedeva, D. E. Raschupkina // Innovacii, tehnologii, nauka: sbornik statej mezhdunarodno-prakticheskoy konferencii: v 4 chastjah, Permm', 25 janvarja 2017 goda [Innovations, technologies, science: collection of articles of the international practical conference: in 4 parts, Perm, January 25, 2017]. - Perm: Aeterna Limited Liability Company, 2017. - pp. 14-18. [in Russian]
3. Bolonina G.V. Vlijanie klimaticheskikh uslovij na turistsko-rekreacionnyj potencial Astrahanskoj oblasti [Influence of climatic conditions on the tourist and recreational potential of the Astrakhan region] / G.V. Bolonina, A. N. Marmilov, T.S. Chigina et al. // Geologija, geografija i global'naja jenergija [Geology, Geography and Global Energy]. - 2015. No. 1 (56). pp. 191-199. [in Russian]
4. Konanykhina O.V. Sovremennoe sostojanie razvitie turizma v Astrahanskoj oblasti [The current state of tourism development in the Astrakhan region] / O.V. Konanykhina // Transportnoe delo Rossii [Transport business of Russia]. - 2017. - No. 4. - pp. 40-42. [in Russian]
5. Makarova T. A. Problemy razvitiya regional'nogo turizma v Astrahanskoj oblasti [Problems of regional tourism development in the Astrakhan region] / T. A. Makarova, A.N. Neapolennyi // Kurortno-rekreacionnyj kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya: innovacionnye podhody [Resort and recreational complex in the system of regional development: innovative approaches]. - 2011. - No. 1. - From 205-208. [in Russian]
6. Nevalenny A. N. Jekologicheskij turizm v Astrahanskoj oblasti kak vid prirodopol'zovanija: problemy i puti ih reshenija [Ecological tourism in the Astrakhan region as a type of nature management: problems and ways to solve them] / A.N. Nevalenny // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (60-ja NPR): materialy konferencii, Astrahan', 25-29 aprelja 2016 goda [International Scientific Conference of Scientific and Pedagogical workers of Astrakhan State Technical University (60th NPR): materials of the conference, Astrakhan, April 25-29, 2016] / Astrakhan State Technical University. - Astrakhan: Astrakhan State Technical University, 2016. - pp. 199-200. [in Russian]
7. Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Juzhnom federal'nom okruge [Problems and prospects of tourism development in the Southern Federal District]: collection of scientific works. - Simferopol: IT "ARIAL", 2017. - 300 p. [in Russian]
8. Problemy razvitiya turizma v Astrahanskoj oblasti [Problems of tourism development in the Astrakhan region] / A.P. Yeritenko, M. O. Malygina, A.A. Shaikheva, et al. // Geograficheskie nauki i obrazovanie: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Astrahan', 25 marta 2015 goda [Geographical sciences and education: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Astrakhan, March 25, 2015]. - Astrakhan: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Astrakhan State University", 2015. - pp. 70-72. [in Russian]
9. Romanova A. A. Vidy turizma v Astrahanskoj oblasti: slvremennye tendencii, razvitie i problemy [Types of tourism in the Astrakhan region: contemporary trends, development and problems] / A.A. Romanova, L. Y. Timovkina // Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Juzhnom federal'nom okruge: Sbornik nauchnyh trudov, Sevastopol', 11-14 oktjabrja 2017 goda [Problems and prospects of tourism development in the Southern Federal District: Collection of scientific papers, Sevastopol, October 11-14, 2017]. - Sevastopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2017. - pp. 225-226. [in Russian]
10. Sevastyanova S.A. Regional'noe pranirovanie razvitiya turizma i gostinichnogo hozjajstva [Regional planning of tourism and hotel industry development] / S.A. Sevastyanova. M.: KNORUS, 2007. 256 p. [in Russian]
11. Sorokin V.M. vlijanie geografii turizma na jekonomiku Astrahanskoj oblasti [the influence of tourism geography on the economy of the Astrakhan region] / V.M. Sorokin // Scientific and methodological electronic journal "Concept". - 2016. - Vol.11. - pp. 4081-4085. [in Russian]
12. Khlebtsova L. V. Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Astrahanskoj oblasti [Problems and prospects of tourism development in the Astrakhan region] / L. V. Khlebtsova, I. I. Potapova // European Researcher. - 2010. -№1 (1). - Pp. 97-100. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.184>**ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УЛЬЯНОВСКОГО ОКРУГА
В КОНЦЕ 1920-х–1930-е ГОДЫ**

Научная статья

Фролов А.Ю.*

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, Ульяновск, Россия

* Корреспондирующий автор (rasit56[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема развития и состояния промышленных предприятий и комбинатов по переработке сельхозпродукции в Ульяновском округе (округ был образован в 14 мая 1928 г. в составе Средне-Волжской области, с 20 октября 1929 г. Средне-Волжского края, до этого была Ульяновская губерния.) в конце 1920-х–1930-е годы, всеобщей индустриализации в СССР. Неотъемлемой чертой этой времени явилась масштабная перестройка всех существовавших ранее властных структур, а также осуществление реформирования в ключевых сферах. Симбирская (Ульяновская) губерния в послереволюционный период прошла преграды и препятствия на пути к модернизации. К началу XX века губерния была преимущественно аграрной, несмотря на тот факт, что отмечалось появление новых предприятий в металлургической, цементной и химической отраслях промышленности. Уже к 1928 году было восстановлено и создано более 1100 мелко-кустарных, ремесленных предприятий, в т.ч. пищевой и легкой промышленности, заводы по производству строительных материалов и т.д. Отказ от новой экономической политики и переход к ускоренным темпам индустриализации привели к ликвидации Ульяновской губернии как самостоятельной административной единицы и к передаче территорий в формирующуюся Средне-Волжскую область.

Ключевые слова: промышленность, станки, завод, фабрика, артель, рабочие, мельницы, пивоваренные и винокурные предприятия, крахмально-паточные заводы.

INDUSTRIALIZATION OF THE ULYANOVSK DISTRICT INDUSTRY IN THE LATE 1920s–1930s

Research article

Frolov A.Yu.*

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russia

* Corresponding author (rasit56[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the problem of the development and condition of industrial enterprises and agricultural processing plants in the Ulyanovsk district (the district was formed on May 14, 1928 as a part of the Middle Volga region, since October 20, 1929) The Middle Volga Krai, initially Ulyanovsk province) in the late 1920s -1930s, the years of general industrialization in the USSR. An integral feature of this time was the large-scale restructuring of all previously existing power structures, as well as the implementation of reforms in key areas. Simbirsk (Ulyanovsk) province in the post-revolutionary period passed various obstacles on its way to modernization. By the beginning of the 20th century, the province was predominantly agrarian, despite the fact that there were new enterprises in the metallurgical, cement, and chemical industries. By 1928, more than 1,100 small-scale handicraft enterprises, including food and light industries, factories for the production of building materials, etc., had been restored and created. The rejection of the new economic policy and the transition to an accelerated pace of industrialization led to the elimination of the Ulyanovsk province as an independent administrative unit and to the transfer of territories to the emerging Middle Volga region.

Keywords: industry, machine tools, factory, factory, artel, workers, mills, breweries and distilleries, starch and treacle factories.

Введение

Отказ от политики «Военного коммунизма» и разрешением ведения рыночных элементов экономики, в народном хозяйстве началось «оживление» всей экономики региона. Промышленные предприятия, которые находились в глубоком кризисе начали свою работу, предпринимая всех мер по улучшению количества и увеличению количества выпускаемой продукции в г. Ульяновске и Ульяновской области.

Наравне с промышленными государственными предприятиями начали работу кооперативные, кустарные и мелко кустарные артели ремесленники. Темпы становления и развития всех этих промышленно-экономических организаций, без вмешательства государства, были сравнительно высоки и экономически эффективны.

Методы и принципы исследования

Исторический опыт модернизации промышленности притягивает многих историков исследователей [1], [16], [17], [18] для всестороннего изучения реформирования промышленного производства и частного предпринимательства. Однако, по сей день, многие стороны процесса индустриализации продолжают оставаться не освещенными как целый ряд аспектов данной многогранной проблемы становления и развития Советской промышленности, что в свою очередь усиливает актуальность данной научной статьи. В статье применены как общенаучные, так специальные методы исследования: сравнительно-исторический, конкретно-исторический и статистический.

Основные результаты

До принятия плана индустриализации, советской глобальной модернизации экономики, в условиях «Военного коммунизма» и в период НЭПа, основными стабилизаторами всего общества в социальном отношении, мелкое

промышленное производство и малое производственное предпринимательство занимали ключевые позиции. В период Гражданской войны, имеющиеся кустарные, ремесленные и промышленные предприятия находились в кризисном положении, как и вся страна. С 1921 по 1925 год все отрасли производства начали не только восстанавливаться, но и создавались новые предприятия и развивалась мелкая и кустарно-ремесленная промышленность. Начала формироваться новая советская «Кустарно-промысловая кооперация в 1921-22 гг. в условиях тотального государственного диктата. Национализация мелких промышленных предприятий, огосударствление потребительской и кредитной кооперации привело к тому, что создаваемые промысловые артели попали в сферу влияния кустарно-промысловых секций системы Центросоюза» [2]. «В условиях общей военно-коммунистической обстановки они либо не обладали изначально, либо утрачивали свою частную или кооперативную природу. Это обстоятельство явилось главной причиной почти полного развала созданной в Симбирской губернии бюрократическим способом кустарно-промысловой системы. Оставленные в период НЭПа без финансовых средств и лишенные налоговых льгот промысловые артели к концу 1923 г. в подавляющем большинстве самоликвидировались» [3]. Состояние промышленности к началу 1924 года оставался удручающим, для принятия оперативных мер в основополагающих отраслях тяжелой индустрии (металлообработки, станкостроения и др.) в начале мае месяце состоялся XIII съезд ВКП(б) [4]. Уже через год собирался и III съезд Советов для конкретного принятия решений по развитию военно-промышленного комплекса. Разрабатывались долгосрочные и перспективные планы развития промышленности сроком в 15 лет, а уже в декабре 1925 года, состоявшийся XIV съезд Всероссийской коммунистической партии обозначил далеко идущую политику коренного переустройства промышленности как локомотива социалистической экономики [5]. Ульяновская губерния, как и в большинстве Поволжские губернии была, с малоразвитой промышленностью, в основном представляла в большей степени переработку сельскохозяйственной продукции, в большом количестве кооперативными и кустарными предприятиями. К числу предприятий, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства в Ульяновском округе относятся следующие отрасли промышленности:

- 1) мукомольная;
- 2) вино куренная и спиртоводочная;
- 3) пивоваренная;
- 4) картофеле-терочная;
- 5) маслобойная;
- 6) сыроваренная;
- 7) канатно – прядильная;
- 8) по переработке фруктовых ягод.

Одним из самых многочисленных предприятий были мукомольные предприятия переработки зерна в муку, см. табл.1. и табл.2.

Таблица 1 – Мукомольные предприятия по Правобережью Ульяновского округа (1928 г.)

Мельницы по районам	Производительность				
	до 300 пуд. в сутки Союзмука	Свыше 300 пуд. сельхоз кооп.	Свыше 300 пуд. Промб. комб.	Свыше 300 пуд. работ на крест. помоле	Всего
Астрадамовский	45	1	1	1	48
Богдашкинский	79	1	-	-	80
Карсунский	113	1	6	1	121
Поповский	92	2	1	7	102
Промзинский	86	-	2	3	91
Сенгилеевский	40	2	1	4	47
Тагаевский	71	-	4	3	78
Телешовский	61	-	4	3	68
Ульяновский	54	3	6	3	66
Итого	641	10	25	25	701

Примечание: составлено автором по материалам: ГАУО. Ф. Р-264. Оп. 2. Д. 157. Л, л. 37- 41

Таблица 2 – Мукомольные предприятия по Левобережью Ульяновского округа

Мельницы по районам	Производительность				
	До 300 пуд. в сутки Союзмука	Свыше 300 пуд. с/хоз.	Свыше 300 пуд. Пром-комбин.	Свыше 300 пуд. работ крест. помола	Всего
Кошкинский	39	3	1	10	53
Мелекесский	117	3	1	--	121
Н.Черемшанский	31	--	1	5	37
Ново-Малыклинский	24	1	--	1	26
Чердаклинский	94	3	1	1	99
Ст. Майнский	--	--	2	3	5
Итого	305	10	6	20	341

Примечание: составлено автором по материалам: ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 224. Л,л. 103-105

Как видно в таблицах 1 и 2, самое большое количество мельниц было у организации Союзмука, по Правобережью 641 и по Левобережью 305 мельниц общим количеством по Ульяновскому округу 946 мельниц из всех 1042, а также сохранялись и работали частные крестьянские 25 мельниц. Кроме того, традиционно было развито винокуренная промышленность, по округу их количество было -1042 см. табл. 3.

Таблица 3 – Винокуренные заводы Ульяновского округа, по состоянию на 1928 г.

№	Название завода	Место расположения
1.	Ульяновский винзавод	г. Ульяновск
2.	Скугаревский	с. Скугаревка
3.	Игнатовский	с. Игнатовка Попов. района
4.	Хохлова - Карлинский	Поповского района
5.	Ртищево - Каменский	Поповского района с. Ртищево- Каменка
6.	Шатрашанский	Астрадамовский р. с. Шатрашаны
7.	Кезьминский	с. Кезьмино
8.	Мулловский винзавод	Мелекесский район, с. Мулловка
9.	Чердаклинский винзавод	Чердаклинск
10.	Ново-Черемшанский винзавод	Ново-Черемшанск

Примечание: составлено автором по материалам: ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 232. Л.12-13

В Ульяновском округе по состоянию на 1928 год работали такие заводы по переработки сельскохозяйственных продуктов:

1. По переработке фруктовых ягод – 6 заводов, из них 3- в Ульяновском районе и 3- в Сенгилеевском [1];
2. Картофеле – терочный завод – 9;
3. Сыроваренных комбината - 20;
4. Канатно-прядельный – 1;
5. Комбинат по переработке фруктов и ягод – 9;
6. Маслобойные заводы – 9 [6].

Всего по Ульяновскому округу было 1110 комбинатов и заводов по переработке продуктов крестьянского хозяйства. Кроме того работали 6 крупных деревообделочных завода, 5 - текстильных фабрик, 1- льно-ткацкая фабрика, 2 - пивоваренных завода, коже-дубильный комбинат – 2 [8], 6 – завода по производству силикатного кирпича, 3- завода по металлообработке, полиграфическая – 5, бумажная -1 и 2 – цементных завода [7]. В 1930-е годы в промышленных предприятиях больше начали вытеснять ручной труд внедрением новых механизированных технологии, например впервые таким образом была поднята производительность самого большого хлебозавода №1 в г. Ульяновске, где за сутки выпекали до 60 тонн хлебной продукции с малым использованием ручного труда [1]. В период первой пятилетки, глобальной индустриализации, в Симбирском округе подверглись технической и технологической реконструкции все машиностроительные заводы, фабрики лёгкой промышленности и мельницы [9]. Данные мероприятия и техническое переоснащение заводов и фабрик, позволили поднять производительность почти в два раза за первые три года Первой пятилетки [10]. Несмотря на достаточное техническое перевооружение фабрик и заводов, доминирующим в экономике Ульяновского округа оставался аграрный сектор. Одним из основных и затормаживающих причин развития промышленного сектора экономики была недостаточное энергообеспечение региона. Такое положение, не хватка электроэнергии, была характерной для многих регионов СССР, в связи с этим было принято решение о строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции. Однако Великая Отечественная война внесла свои коррективы и этот вопрос был отложен на десятилетие.

В конце 1920-х годов появились в Ульяновской губернии, как и по всей стране, бригады социалистического соревнования, позже они переросли в стахановское движение, которое получило распространение почти во всех производственных предприятиях, заводах и фабриках. На ткацких фабриках большой популярностью пользовались бригады «парных ткачей» из работниц, обслуживающих одновременно два станка. Затем этот почин перерос в движение ткачих-многостаночниц. Работница Мулловской суконной фабрики Н.Г. Ильина одной из первых стала одновременно работать на четырех станках. Для удобства они были помещены ближе друг к другу, на них установили автовыключатели, которые останавливали движение полотна при обрыве нити. Теперь сменную норму 26 м. ткани на станок - ткачихи перекрывали в 4-5 раз [11]. Трудовые достижения первых пятилеток были омрачены ухудшением продовольственного снабжения. В связи с тем с апреля 1929 года была введена продовольственные карточки. Не были улучшены жилищные условия рабочих промышленных предприятий. В целях укрепления трудовой дисциплины на предприятиях были введены трудовые книжки.

Заключение

Из проведенного анализа можно констатировать, что промышленность Ульяновского округа в начальный период индустриализации, полностью (к уровню развития 1914-1917 гг.) не возрождена. Однако нужно заметить, в регионе было сделано очень много для развития промышленного сектора экономики, особенно широкое распространение получили в этот период кооперативные, мелко-кустарные, ремесленные предприятия, а также промышленная переработка сельскохозяйственной продукции. Развитие заводов по металлообработке, станкостроения и машиностроения находились в прямой зависимости от состояния оборудования и ее технического и морального износа. Переоснащение заводов и фабрик невозможно было по причине недоступности финансирования закупки новых станков и оборудования. Несмотря на все сложности и трудности, практически были восстановлены все ранее работавшие на территории Симбирской губернии до 1921 г. производственные предприятия. Производительность

труда была достигнута только энтузиазмом рабочих и крестьян, введением социалистического соревнования и других элементов не материального стимулирования рабочих и бригад. И только с 1943 года, в годы Великой Отечественной войны, после перенесения в г. Ульяновск ряда эвакуированных предприятий тяжелой и легкой промышленности, автомобилестроения и станкостроения, а также научно-образовательных учреждений, вновь созданная Ульяновская область стала одним из промышленных центров Среднего Поволжья.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Парамонова, Р.Н. Развитие системы кооперации Среднего Поволжья в условиях новой экономической политики (1921-1928 гг.): Дисс. . канд. ист. наук / Р. Н. Парамонова. - Самара, 2001. — С.5.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. Р-264. Оп. 2. Д. 157. Л. 13-17.
3. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (далее ГАНИ УО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 224. Л.л. 27-29;
4. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 1-5.;
5. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 381. Л. 112-116. Ульяновский окружком ВКП(б), протоколы экстренного пленума от 13 мая.1929 г.;
6. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 314. Л. 23-25. Протоколы бюро окружкома 1928-1929 гг.;
7. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 309. Л. 5. Ульяновский окружной комитет ВКП(б). Общий отдел. 1929 г.;
8. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–57 Мелекесская РКП(б)
9. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 338. Л. 1-5.;
10. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 32.;
11. ГАУО. Ф. Р-264. Оп. 2. Д. 157. Л. 72.
12. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 224. Л. 103
13. ГАНИ УО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 387. Л. 91.
14. ГАУО. Ф. Р-264. Оп. 2. Д. 163. Л. 22.
15. Мухамедов Р. А. Опыт социально-экономического развития региона в условиях плановой экономики во второй половине XX в. (на материалах Ульяновской области) / Р. А. Мухамедов. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2018. С. 63
16. Виноградов, С.В. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы НЭПа. 1921-1927 гг. (На материалах Поволжья): Дисс. . докт. ист. наук / С. В. Виноградов. — Астрахань, 1998.;
17. Безгина, О.А. Кооперативное движение в Самарской губернии в 1918-1928 годах: Дисс. . канд. ист. наук / О. А. Безгина. - Тольятти, 1997.;
18. Белкин, Г. Рабочий вопрос в частной промышленности / Г. Белкин ; Под ред. и с пред. В. В. Шмидта. - М., 1926.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Paramonova, R.N. Razvitiye sistemy kooperacii Srednego Povolzh'ja v usloviyah novoj jekonomicheskoy politiki (1921-1928 gg.): [Development of the System of Cooperation of the Middle Volga Region in the Conditions of the New Economic Policy (1921-1928): Dissertation . of Candidate of Historical Sciences]: Candidate's thesis. History / R. N. Paramonova // - Samara, 2001. — p. 5.; [in Russian]
2. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (dalee GAUO) [The State Archive of the Ulyanovsk Region (Hereinafter GAO)] F. R-264. Op. 2. D. 157. L. 13-17. [in Russian]
3. Gosudarstvennyj arhiv Novejshej istorii Ul'janovskoj oblasti (dalee State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region) [The State Archive of the Modern History of the Ulyanovsk Region (Hereinafter State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region)]. F. 3. Op. 1. D. 224. L.l. 27-29 [in Russian]
4. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. F. 3. Op. 1. D. 338. L. 1-5. [in Russian]
5. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. F. 3. Op. 1. D. 381. L. 112-116. Ul'janovskij okružhkom VKP(b), protokoly jekstrennogo plenuma ot 13 maja.1929 g [Ulyanovsk District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Protocols of the Emergency Plenum of May 13, 1929] [in Russian]
6. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. F. 3. Op. 1. D. 314. L. 23-25. Protokoly bjuro okružhcoma 1928-1929 gg. [Protocols of the Bureau of the District Committee 1928-1929] [in Russian]
7. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. F. 3. Op. 1. D. 309. L. 5. Ul'janovskij okružhnoj komitet VKP(b). Obshhij otdel. 1929 g. [Ulyanovsk District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). General Department. 1929] [in Russian]
8. Fund 1320. Inventory 1. List 1. Sheet 16–57 Melekesskaja RKP(b) [Melekess Russian Communist Party (Bolsheviks)] [in Russian]
9. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. Fund 3. Inventory 1. List 338. Sheet 1-5. [in Russian]
10. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. Fund 3. Inventory 1. list 14. Sheet 32. [in Russian]
11. GAUO. Fund R-264. Inventory 2. List 157. Sheet 72. [in Russian]
12. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. Fund 3. Inventory 1. List 224. Sheet 103 [in Russian]
13. State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region. Fund 3. Inventory 1. List 387. Sheet 91. [in Russian]
14. State Archive of Ulyanovsk Oblast. F. R-264. Op. 2. D. 163. L. 22. [in Russian]
15. Muhamedov R. A. Opyt social'no-jekonomicheskogo razvitija regiona v usloviyah planovoj jekonomiki vo vtoroj polovine HH v. (na materialah Ul'janovskoj oblasti) [Experience of Socio-Economic Development of the Region in a Planned Economy in the Second Half of the Twentieth Century. (Based on the Materials of the Ulyanovsk Region)] / R. A. . Muhamedov Ul'janovsk: UIGPU im. I.N. Ul'janova, 2018. p. 63 [in Russian]

16. Vinogradov, S.V. Vozrozhdenie mnogoukladnoj jekonomiki Rossijskoj Federacii v gody NJePa. 1921-1927 gg. (Na materialah Povolzh'ja): Diss. . dokt. ist. nauk [Revival of the Multicultural Economy of the Russian Federation During the NEP (1921-1927) (Based on the Materials of the Volga Region): Dissertation . of Doctor of Historical Sciences] / S. V. Vinogradov // — Astrahan', 1998.; [in Russian]

17. Bezgina, O.A. Kooperativnoe dvizhenie v Samarskoj gubernii v 1918-1928 godah: Diss. . kand. ist. nauk [Cooperative Movement in Samara Province in 1918-1928: Disseratation . of Candidate of Historical Sciences] / O. A. Bezgina. - Tol'jatti, 1997.; [in Russian]

18. Belkin, G. Rabochij vopros v chastnoj promyshlennosti / G. Belkin // Edited and with preface by V. V. Shmidt. - M., 1926. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.185>**ПЕСЕННЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

Научная статья

Алавердян А.А.*

ORCID: 0000-0003-2887-0502,

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (alavverdyan.a.a[at]my.mgimo.ru)

Аннотация

В рамках данной статьи рассматривается отражение в обществе песенных форм и их влияние на формирование общественного мнения, приводится анализ феномена современного испанского рэп исполнителя и поэта Пабло Хаселя, осужденного за содержание своих песен. Целью данной работы является изучение последствий культурного влияния, к которым приводит творческая деятельность артиста. На данный момент проблема недостаточно изучена и находится в своей активной фазе развития, в связи с чем и вызывает особый интерес. Актуальность обусловлена развитием жанрового многообразия и широким откликом среди разных возрастных групп. Особое внимание уделено текстам песен, всколыхнувшим испанское общество и вызвавшим негативную оценку со стороны властей.

Ключевые слова: песня протеста, формирование общественного мнения, свобода творчества, культура Испании, рэп.

SONG FORMS AS A MEANS OF INFLUENCING THE FORMATION OF PUBLIC OPINION

Research article

Alavverdyan A.A.*

ORCID: 0000-0003-2887-0502

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

* Corresponding author (alavverdyan.a.a[at]my.mgimo.ru)

Abstract

The current article examines the reflection of song forms in society and their influence on the formation of public opinion while also analyzing the phenomenon of the modern Spanish rap artist and poet Pablo Hasél convicted for the content of his songs. The research aims to study the consequences of cultural influence caused by the creative activity of an artist. At the moment, the problem has not been sufficiently studied and is in its active phase of development, which is why it is of particular interest. The relevance of the research is due to the development of genre diversity and a wide response among different age groups. Special attention is paid to the lyrics of the songs that caused a resonance in the Spanish society and caused a negative reaction from the authorities.

Keywords: protest song, formation of public opinion, freedom of creativity, Spanish culture, rap.

На песенном горизонте Испании представлено широкое жанровое многообразие: поп, фламенко, реггетон, инди, рэп, джаз, рок и другие. По теории, которую описывает Н. Левашов, музыку можно рассматривать как один из инструментов влияния на сознание человека и, следовательно, как разновидность пси-оружия [1, С. 56]. С одной стороны, посредством музыки общество отражает свое состояние и описывает то, что его окружает, а значит, ее настроение зависит от происходящего вокруг. С другой стороны, поскольку музыка глубоко проникает в сознание, она может способствовать появлению новых сторонников мнений, отличающихся от установленных, и тем самым вносить существенные изменения в общественное мнение.

Песенные формы, имеющие социальную или политическую направленность, встречаются во всех музыкальных жанрах. Основной их целью является выражение недовольства по отношению к каким-либо действиям, событиям, личностям; или же, наоборот, их поощрение, зачастую настоятельно призывающее прислушаться к выраженному мнению и побуждающее к действию. Согласно теории Р. Харриса, который анализирует методы воздействия на психику человека, выделяется четыре основных метода: информационный, эмоциональный, патриотический и метод пробуждения страха [2, С. 81–82]. Эмоциональное влияние зачастую определяет действия человека. В своих работах В. М. Бехтерев рассматривал влияние музыки на индивида с точки зрения ее практического, воспитательного и лечебного значения, ориентированного на повышение качества жизни человека [3, С. 82]. Однако, данный феномен может быть применен и с обратной стороны и оказывать противоположный эффект. В рамках рэп композиций, являющихся одним из наиболее ярких средств социально-политической рефлексии, в основном наблюдается применение эмоционального метода и метода пробуждения страха, который часто возникает с целью оказать противодействие асоциальному поведению: употреблению наркотиков, алкоголизму, склонности к фашизму и национализму [4, С. 249].

Термин «рэп», заимствованный из английского языка (*rap*) в значении резко говорить, выкрикивать – это жанр поп музыки, ритмический речитатив рифмованного текста на остроактуальную тему [5]. В связи с этим данный жанр вызывает особый интерес при анализе социально направленных песен. Благодаря особой ритмической форме, основной акцент ставится именно на текстовой составляющей рэп композиций, выразительная сила которой значительно увеличивается посредством соответствующего музыкального сопровождения. Музыка, основанная на жестких ритмах, может оказывать наркотическое воздействие, парализовать волю, вводить в состояние транса [6, С. 330]. Рэп музыка возникла в начале 1970х годов в малообеспеченных районах США как одна из ключевых

составляющих хип-хоп культуры [7], к которой наряду с рэпом также относятся брейк-данс, искусство граффити и диджеинг [8]. Будучи плодом районов с неблагоприятными жизненными условиями, хип-хоп можно рассматривать как культуру современной контрреволюции [9, С. 7-26].

1984 год считается годом зарождения рэпа в Испании, а именно в Торрехон-де-Ардос, где находится основная база военно-воздушных сил Испании. Вследствие подписания Мадридского пакта с США, одним из соглашений которого являлось Соглашение об обороне, в Торрехон-де-Ардос была размещена крупная американская военная база, где, соответственно, жило большое количество американских военных, которые привозили с собой и часть своей культуры. Эта «новинка» настолько привлекала юных местных жителей, которые всячески подражали американским военным и их стилю и пытались раздобыть американские пластинки, что впоследствии говорили: «Если у тебя здесь (в Торрехоне) есть сын, то, вероятнее всего, он будет рэпером» [10]. Основателями испанского рэпа стали Frank T, Blue Ice, DJ Lara, Señor T Cee, наряду с другими исполнителями.

С момента появления исполнители рэп музыки в довольно жесткой форме заявляли о самых острых социальных проблемах, и именно из-за своей остросоциальной направленности рэп представляет яркий пример языка социального конфликта [11, С. 85]. На сегодняшний день испанские рэп исполнители продолжают развивать в своих текстах темы, стоящие на повестке дня. В феврале 2021 года творчество одного из современных представителей испанского рэпа каталонского происхождения Пабло Хаселя (Pablo Hasél, настоящее имя – Пабло Ривадурла Дюро) привело к его противоречивому аресту, который спровоцировал громкие события в нескольких регионах Испании. Важно сразу подчеркнуть происхождение артиста, поскольку оно во многом объясняет его протестные настроения: сам Хасель является участником каталонского национального движения, выступающего за суверенитет Каталонии. Хасель считает своим долгом выражать недовольство и бороться с отсутствием справедливости, а такая песенная форма как рэп позволяет в рамках одной композиции распространено и в довольно эмоциональной форме выражать свои мысли. Именно поэтому оказался очевидным его выбор в пользу данного жанра. Более того, основную часть слушателей рэпа составляет молодежь, которая находится в большей готовности к активным действиям благодаря своей переполняющей энергии, меньшим обязательствам и формирующемуся мировоззрению. Сама по себе хип-хоп культура не требует от молодежи больших финансовых расходов и особой инфраструктуры [12, С. 41]. Это является еще одним аргументом в пользу популярности рэп музыки среди молодых людей.

Творчество Хаселя с самых первых песен, записанных в 2004 – 2005 годах, выражает протестные настроения. Первый альбом Хаселя “Esto no es el paraíso” (исп. «Это не рай») содержит семь песен, объединенных одной общей темой критики навязывания народу государством ощущения обеспеченности благоприятными для жизни условиями. Особый интерес в рамках первого альбома с точки зрения наибольшего эмоционального воздействия составляют песни “Creo Que Un Día Fui Pablo” (исп. «Думаю, когда-то я был Пабло» в значении «когда-то я был собой») и “No Busco Clemencia” (исп. «Мне не нужна пощада»). Стоит отметить, что во многих своих песнях образ лирического героя представлен самим Хаселем, волнения которого он отождествляет с волнениями всего общества, для передачи чего зачастую используя глаголы в форме первого лица множественного числа – «мы»; или же, наоборот, выражает тревоги всего общества или отдельных его групп как свои собственные. В частности, в первой упомянутой песне артист повествует о своих страданиях из-за окружающей его несправедливости, распространяя эти страдания на других с помощью таких фраз, как, например, “Somos ángeles condenados al infierno terrenal” (исп. «Мы ангелы, приговоренные к аду на земле») или “Solo somos ratas viviendo en las alcantarillas” [13] (исп. «Мы всего лишь крысы, живущие в сточных канавах»), опять же указывая на плохие жизненные условия. И без того нерадостный с точки зрения описываемых проблем текст песни накладывается на меланхоличную музыку, что вызывает глубокое сострадание к герою с первых нот, еще не успев прислушаться к словам. Дополнительное эмоциональное давление также оказывает живая речь, которую Хасель часто использует в начале своих песен. Это может быть, например, речь людей, описывающих свое плачевное состояние, или политических деятелей, дающих те или иные обещания или высказывающихся относительно того или иного вопроса. В начале рассматриваемой песни можно услышать речь обычных людей, которая вызывает жалость и сострадание: “Aquí no tenemos mucho de nada. Aquí nadie te ayuda.” (исп. «Здесь у нас почти ничего нет. Здесь никто тебе не поможет»).

Во второй же песне, наоборот, использована уже агрессивная подача. В этом случае музыка создает чувство тревоги от начала и до конца. Песня начинается с диалога женщины и мужчины на повышенных тонах, смысл которого заключается в том, что мужчина потерял всякий смысл своего существования, что «у него больше нет ничего, ради чего стоит жить, а вокруг только и осталась, что человеческая глупость, не знающая границ». Речитатив Хаселя с самого начала передается в форме его прямого обращения к властям в довольно резкой форме. В припеве такое напирание настроение продолжается строчками “No busco clemencia porque no le temo a nada” (исп. «Мне не нужна пощада, потому что я ничего не боюсь») и во второй раз “No busco clemencia porque ya soy casi inmune” (исп. «Мне не нужна пощада, потому что меня уже ничем не возьмешь») Хасель тем самым дает почувствовать и понять серьезность своей позиции и уверенность в своей правоте.

С 2004 года Хасель записал 54 сольных и множество совместных альбомов и все они содержат протестные мотивы. Встречаются такие названия, как “La muerte nos obligó a vivir” (исп. «Смерть заставила нас жить»), “Resistir hasta vencer” (исп. «Бороться до победы»), “La voz no puede encerrarse” (исп. «Голос нельзя запереть»), “Semillas de libertad” (исп. «Семена свободы»). В течение нескольких лет с начала творческой деятельности Пабло Хаселя ничего не препятствовало его самовыражению, несмотря на неизменное революционное содержание композиций. Творчество музыканта начало вызывать беспокойство властей лишь в 2011 году, когда его песни стали постепенно обретать массовую популярность, а сам артист начал давать концерты по всей Испании. Особое внимание было уделено песне “Libertad Camarada Arenas” (исп. «Свободу Товарищу Аренасу»), в которой Хасель выражает необходимость освобождения генерального секретаря Коммунистической Партии Испании и осуждает деятельность ИСПП (Испанской социалистической рабочей партии). Сам Мануэль Перес Мартинес, также известный как Товарищ Аренас, был признан членом террористической организации ГРАПО (Группы патриотического антифашистского

сопротивления первого октября) и был неоднократно осужден за преступления террористического характера. В своей песне музыкант поддерживает действия Арена, в контексте борьбы с отсутствием справедливости и ущемлением прав: “Entrenó a las palabras y supo con estas armarse con ... el objetivo de cambiar el mundo aunque ahora parezca cosa de locos” (исп. «Он научился использовать слова как оружие, чтобы ... изменить мир, даже если сейчас это кажется безумием»), “Encierran sin pruebas a quienes a oponer una resistencia férrea se atreven” (исп. «Сажает без доказательств тех, кто осмеливается оказать жесткое сопротивление»).

В 2014 году музыканта впервые осудили после публикации одиннадцати видео на своей странице социальной сети youtube, приговорив к условному заключению сроком на два года за восхваление терроризма в своих песнях. В творчестве музыканта, в частности в упомянутых одиннадцати песнях, часто можно встретить тексты, посвященные организациям, признанным террористическими (что, тем не менее, не означает, что Хасель поддерживает все их действия: в своих песнях и интервью Хасель часто указывает на то, что делает не что иное, как констатирует факты происходящего), или же резкие высказывания по отношению к политическим деятелям Испании. По словам самого Хаселя, основной позицией, на которую он указывает во всех своих песнях, кроме описания действительных фактов, является отстаивание легитимности любых методов борьбы [14]. Подобное обвинение не могло не отразиться на музыкальной деятельности Хаселя. В мае 2014 года представители Народной партии Испании направили официальное сообщение мэрии города Льейда с требованием пересмотреть решение о включении Пабло Хаселя в программу главного фестиваля города, указывая на то, что на фестивале, организованном с целью объединения жителей, недопустимо участие артиста, тексты песен которого затрагивают темы ненависти и протестов. Впоследствии Хасель был исключен из программы фестиваля, а организаторы принесли свои извинения.

Спустя еще несколько лет содержание песен и активная гражданская позиция Пабло Хаселя с новыми силами привлекли внимание к его личности (артист начал общаться с заключенными политиками, которых сам он называет политзаключенными, и их семьями). В песне “Juan Carlos el Bobón” (исп. «Хуан Карлос шут», как насмешка над именем короля Испании (до июля 2014 года) Хуана Карлоса I де Бурбон), написанной в 2016 году и получившей широкую популярность (а после заключения Хаселя еще большее распространение и внимание), музыкант в достаточно грубой форме критикует определенные действия короля и повествует о его жизни, затрагивая довольно серьезные проблемы, в то время как музыкальное сопровождение создает чувство иронии. Песня начинается с записи, на которой молодого Хуана Карлоса спрашивают о его мнении относительно Франсиско Франко, на что будущий король отвечает, что это живой пример патриотизма, который вызывает чувство восхищения. В большей степени именно из-за этой песни пристально были изучены также твиты музыканта, опубликованные на его странице, которые подкрепили обвинения. Как в песне, так и в твитах, содержатся различного рода критикующие характеристики в адрес короля и королевской семьи: вор, паразиты, мафиози и др. В общем итоге Пабло Хасель был осужден по обвинениям в оскорблении короны, оскорблении силовых структур государства и восхвалении терроризма.

С одной стороны, нарастающая популярность артиста могла привести к росту активности сторонников его мировоззрения, которое в той или иной степени противоречит сложившемуся режиму; но, с другой стороны, осуждение и заключение Хаселя в конечном итоге привело к распространению его творчества и позиций не только по всей Испании, но и по всему миру: «Чем чаще рэперов сажали как черных преступников, тем больше становилась их белая аудитория» [15, С. 147]. Самой активной фазой всей сложившейся ситуации оказались массовые беспорядки в течение семи дней в Барселоне, Жироне, Валенсии и других городах Испании с участием тысяч людей. Беспорядки привели к погромам, поджогам и многочисленным задержаниям (большинство задержанных представляли молодые люди до 25 лет). Стоит отметить, что лозунги на плакатах людей, выступающих в поддержку музыканта, содержали в основном лишь требование об освобождении Пабло Хаселя, а не цитаты из его песен, на основании чего можно сделать вывод, что именно прецедент самого задержания музыканта за его творческую деятельность вызвал подобные возмущения. Некоторые учреждения Испании, например, мэрия Манакора, Средняя школа имени Сантьяго Собрекес в Жироне и др., установили на фасадах своих зданий подобные транспаранты в поддержку Хаселя. На шестой день протестов лозунги возглавил транспарант со словами “Nos habéis enseñado que ser pacíficos es inútil” (исп. «Вы научили нас тому, что мирным путем ничего не добиться»).

Вопрос все еще находится в достаточно активной стадии развития и требует решения: после задержания Пабло Хаселя его песни в социальных сетях получили тысячи комментариев с поддержкой уже самих протестных позиций и высказываний артиста от людей со всего мира; созданы официальные страницы в социальных сетях “Libertat Pablo Nasel” (кат. «Свободу Пабло Хаселю») с многотысячными подписчиками, на которых каждый день публикуются актуальные новости о заключении музыканта, его новые стихи, интервью с адвокатом Алехандрой Матаморос и те или иные изменения, происходящие в Испании и в мире, касающиеся данного вопроса. Из последних событий были особо отмечены шесть месяцев со дня заключения Хаселя. В этот день, 16 августа 2021 года, во многих городах Испании на стенах появились такие надписи, как: «6 месяцев в заключении за высказывание объективных фактов! Свободу Пабло Хаселю!», «6 месяцев заключения за защиту рабочего класса! Полная амнистия!»; а сам Пабло опубликовал новое стихотворение под названием «Тик-Так», посвященное времени его пребывания в тюрьме. В течение 2021 года выпущено два документальных фильма, посвященных Пабло Хаселю и теме ограничения свободы творчества: “Hasél: Poeta Proscrito” (исп. «Хасель: Поэт вне закона») и “Art. 490”, в котором в том числе приняли участие рэперы Вальтоник и Эльхио, творчество которых также многократно подвергалось осуждению.

Европейского суд по правам человека выразил свое отношение к проблеме, критикуя несоразмерную суровость приговоров по подобным делам. Учитывая, что королевская семья зачастую привлекает намного больше общественного внимания, нежели просто музыканты, актеры и другие известные личности, предполагается, что по отношению к ним рамки допустимой критики должны быть значительно шире, хотя и действительно представляется сложным определить, где заканчивается свобода слова и свобода творчества и начинается откровенное оскорбление чувств и отсутствие цензуры. Министерством юстиции Испании рассматривался законопроект о смягчении строгости

наказаний, связанных со свободой самовыражения, в особенности, когда это касается творческой и артистической деятельности, который на данный момент отклонен.

С точки зрения культурного влияния для Испании, осуждение и лишение свободы рэп музыканта за его творческую деятельность – это прецедентное явление не только в рамках самой страны, но и для всей Европы и большинства стран мира. Случай вызвал поддержку со стороны других творческих деятелей, озабоченных вопросом ограничения свободы их деятельности. Среди тех, кто особенно поддержал Хаселя оказались лауреаты премии Оскар режиссер Педро Альмодовар и актер Хавьер Бардем и один из самых влиятельных каталонских артистов, певец-песенник Жуан Мануэль Серрат. Свою солидарность с музыкантом также выразили такие публичные личности, как президенты Мексики и Венесуэлы.

Многие творческие деятели, как и Хасель, отражают в своем искусстве современные реалии с целью выразить свое отношение, плохое или хорошее, или привлечь внимание общества к имеющимся проблемам, чтобы попытаться улучшить сложившуюся ситуацию. Искусство, в частности музыка и песенные формы, это мощное культурное оружие борьбы. Пабло Хасель, понимая, что его творчество окажет существенное влияние, не отступает, поскольку считает, что музыка спасает его, и он не может сдаться перед этими трудностями, имея нечто мощное, что чувствует благодаря этой музыке.

Таким образом, творческая деятельность испанского рэпера Пабло Хаселя оказывает уникальное по своей значимости влияние на культуру Испании, которое получает все более широкое распространение по всему миру. Выбрав такое средство самовыражения, как песенные формы, в частности, в жанре рэпа, артисту удается получить прецедентный отклик общественности, что и вызывает обеспокоенность испанских властей; а лишение свободы Хаселя лишь способствует росту числа активных сторонников самого артиста и, как следствие, его позиций.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Левашов Н. В. Сущность и разум / Н. В. Левашов: в 2 т. Т. 1. Сан-Франциско, 2003. – 136 с.
2. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 297 с.
3. Орлова Е. М. К истории отечественных программ по музыкотерапии: В. М. Бехтерев - междисциплинарный подход в науке и образовании / Е. М. Орлова // Музыкальное искусство и образование. 2019. №1. С. 78-94
4. Фадеева, Д. Е. Рэп как разновидность массовой коммуникации / Д. Е. Фадеева, И. С. Сизых // PR и реклама: традиции и инновации. – 2012. – № 7-2. – С. 246-250.
5. Большой Энциклопедический Словарь. // 2010-2021 Словари, энциклопедии и справочники. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy/> (дата обращения: 20.11.2021).
6. Грязнова Е. В. Влияние современной музыки на человека, приводящего к аутодеструктивному поведению / Е. В. Грязнова, Е. М. Губанова // АНИ: педагогика и психология. 2019. №3 (28). – С. 329-331.
7. Davey D. The history of hip-hop / D. Davey. – US, 2007. – [Electronic resource]. URL: <http://www.daveyd.com> (accessed: 15.11.2021).
8. Завьялова М. Доктор прописал кровопускание: риторика насилия и афроамериканская литература 1960-х годов / М. Завьялова // Новое литературное обозрение. – 2003. – №. 64.
9. Хестанов Р. Хип-хоп: культура молодежной контрреволюции / Р. Хестанов // Философско-литературный журнал «Логос». 2016. №4 (113). – С. 7-26.
10. Кожелупенко Т. М. Рэп как язык конфликта в субкультуре хип-хопа / Т. М. Кожелупенко // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. №4. – С. 83-89.
11. Joseba Elola Reportaje: La base americana contagió el 'rap'. MAY 2008. [Electronic resource]. URL: https://elpais.com/diario/2008/05/25/cultura/1211666402_850215.html (accessed: 15.11.2021).
12. Тесленко А.Н. Хип-хоп культура как средство социокультурной анимации и молодежной работы / А.Н. Тесленко // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. №1. С. 39-45.
13. Тексты песен [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.flashlyrics.com/lyrics/pablo-hasel/> (дата обращения: 14.11.2021).
14. Entrevista Pablo Hasél tras la notificación de ingreso en prisión - Semando Escontra la Represión. [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2k3S9NbZh2k> (accessed: 14.11.2021).
15. Samuels D. The Rap on Rap: The “Black Music” that Isn’t Either / D. Samuels // That's the joint!: the hip-hop studies reader / Forman M., Neal M. A. (eds). N.Y. - Routledge, 2004. P.147.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Levashov N. V. Sushhnost' i razum [Essence and mind] / N. V. Levashov: in 2 vol. Vol. 1] San-Francisko, 2003. – 136 p. [in Russian]
2. Harris R. Psihologija massovykh kommunikacij. [Psychology of Mass Communication] / R. Harris. SPb.: Práim-Evroznak, 2001. – 297 p. [in Russian]
3. Orlova E. M. K istorii otechestvennykh programm po muzykoterapii: V. M. Bekhterev - mezhdisciplinarnyj podhod v nauke i obrazovanii [On the history of Russian music therapy programs: V.M.Bekhterev - an interdisciplinary approach in science and education] / E. M. Orlova // Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie [Musical art and education]. 2019. №1. P. 78-94. [in Russian]
4. Fadeeva, D. E. Rjep kak raznovidnost' massovoj kommunikacii [Rap as a type of mass communication] / D. E. Fadeeva, I. S. Sizyh // PR i reklama: tradicii i innovacii [PR and Advertising: Tradition and Innovation]. – 2012. – № 7-2. – P. 246-250. [in Russian]

5. Bol'shoj Jenciklopedicheski Slovar' [Big Encyclopedic Dictionary] // 2010-2021 Slovarei, jenciklopedii i spravocniki. [Electronic resource]. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy/> (accessed: 20.11.2021). [in Russian]
6. Grjaznova E. V. Vlijanie sovremennoj muzyki na cheloveka, privodjashhego k autodestruktivnomu povedeniju [The influence of modern music on a person, leading to self-destructive behavior] / E. V. Grjaznova, E. M. Gubanova // ANI: pedagogika i psihologija [pedagogy and psychology]. 2019. №3 (28). – P. 329-331. [in Russian]
7. Davey D. The history of hip-hop / D. Davey. – US, 2007. – [Electronic resource]. URL: <http://www.daveyd.com> (accessed: 15.11.2021).
8. Zav'jalova M. Doktor propisal krovopuskanie: ritorika nasilija i afroamerikanskaja literatura 1960-h godov [Doctor prescribed bloodletting: the rhetoric of violence and African-American literature of the 1960s] / M. Zav'jalova // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]. – 2003. – №. 64. [in Russian]
9. Hestanov R. Hip-hop: kul'tura molodezhnoj kontrevoljucii [Hip-hop: the culture of youth counter-revolution] / R. Hestanov // Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos» [Philosophical and literary journal "Logos"]. 2016. №4 (113). – P. 7-26. [in Russian]
10. Kozhelupenko T. M. Rjep kak jazyk konflikta v subkul'ture hip-hopa [Rap as a language of conflict in the hip-hop subculture] / T. M. Kozhelupenko // Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika [RUDN Bulletin. Series: Linguistics]. 2008. №4. – P. 83-89. [in Russian]
11. Joseba Elola Reportaje: La base americana contagió el 'rap' [Reportage: The American base infected the 'rap'] // MAY 2008. [Electronic resource]. URL: https://elpais.com/diario/2008/05/25/cultura/1211666402_850215.html (accessed: 15.11.2021). [in Spanish]
12. Teslenko A.N. Hip-hop kul'tura kak sredstvo sociokul'turnoj animacii i molodezhnoj raboty [Hip-hop culture as a means of socio-cultural animation and youth work] / A.N. Teslenko // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. 2019. №1. P. 39-45. [in Russian]
13. Teksty pesen [Lyrics] [Electronic resource]. URL: <https://www.flashlyrics.com/lyrics/pablo-hasel/> (accessed: 14.11.2021). [in Spanish]
14. Entrevista Pablo Hasél tras la notificación de ingreso en prisión - Semando Escontra la Represión [Interview Pablo Hasel after the notification of admission to prison - Semando Escontra la Represión] [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2k3S9NbZh2k> (accessed: 14.11.2021). [in Spanish]
15. Samuels D. The Rap on Rap: The “Black Music” that Isn’t Either / D. Samuels // That's the joint!: the hip-hop studies reader / Forman M., Neal M. A. (eds). N.Y. - Routledge, 2004. P.147.

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.186>

**ТРАДИЦИИ И ФАКТЫ ЯКУТСКОГО ШАМАНИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРЯДА ИСПРАШИВАНИЯ ДУШИ РЕБЕНКА)**

Научная статья

Афанасьев Н.В.¹, Хомус С.С.К.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0002-6934-7585;

^{1, 2} Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

* Корреспондирующий автор (saidara_khomus[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье авторами рассмотрены три обряда испрашивания души ребенка в традиционном шаманизме якутов. Новизна работы заключается в анализе структуры обряда и текста камлания в сравнительно-сопоставительном плане (ранний-новый). В результате сравнительного анализа шаманского обряда испрашивания души ребенка авторы выявили ряд трансформационных отличий и структурных сходств обряда, заключающихся в исполнении обрядового действия (камлания): 1) подготовка к камланию самого шамана и участников обряда; 2) определение цели путешествия шамана; 3) призывание и обращение духам-помощникам, божествам и т.д.; 4) путешествие шамана; 5) возвращение шамана.

Ключевые слова: обряд, шаман, камлание, душа ребенка, духи, божества.

**TRADITIONS AND FACTS OF YAKUT SHAMANISM
(BASED ON THE TRANSFORMATION OF THE RITE OF ASKING FOR THE SOUL OF A CHILD)**

Research article

Afanasyev N.V.¹, Khomus S.S.K.^{2,*}

¹ ORCID: 0000-0002-6934-7585;

^{1, 2} M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

* Corresponding author (saidara_khomus[at]mail.ru)

Abstract

The article examines three rites of asking for the soul of a child in traditional Yakut shamanism. The novelty of the work lies in the analysis of the structure of the rite and the text of the rite in a comparative-comparative plan (early-new). As a result of a comparative analysis of the shamanic rite of asking for the soul of a child, the authors determine the number of transformational differences and structural similarities of the rite, consisting in the performance of ritual activity: 1) preparation for the shaman himself and the participants of the ritual; 2) determination of the purpose of the shaman's journey; 3) invocation and appeal to the helper spirits, deities, etc.; 4) the shaman's journey; 5) the shaman's return.

Keywords: ritual, shaman, shamanistic ritual, child's soul, spirits, deities.

Введение

В традиционном религиозном воззрении якутов обряды жизненного цикла занимают значительное место, самым значимым из которых является обряд подготовки к деторождению. Начиная с XVII в. в работах исследователей-путешественников, описывающих традиционный уклад жизни инородцев Сибири, упоминается об якутском обряде испрашивания души ребенка совершаемый шаманами. С начала XX в. данный обряд в этнографическом плане наиболее подробно была описана в научных трудах В.Л. Серошевского [10], А.Е. Кулаковского [4], Г.В. Ксенофонтова [3], А.А. Саввина [8], А.А. Попова [7], Г.У. Эргис [11].

В данной работе мы рассмотрим обряд испрашивания души ребенка, записанный А.А. Поповым со слов шамана Егора Өлөөкөн, а также сделаем попытку сопоставления с практиками шаманов Иванова Юрия Павловича - Баарабай Бахсы [2] и Одун Элиэнэ Егоровны-Куорсуннаах [5], для выявления трансформации обряда испрашивания души ребенка в современных реалиях.

Основная часть

Испрашивание души ребенка в практике шаманов начала XX в. [7]

Процедура осуществления обряда была следующей. В левой половине якутского балагана на скамейку-кровать хозяев ставится стул, на нем размещается *турсук* (берестяной короб). *Турсук* изготавливает шаман: он шьет его из бересты и обшивает по стенкам лентой из подвесных лоскутьев красной материи и пучками белого конского грива.

Рис. 1 – Турсук [1]

Во внутренней стороне короба выстилают шерсть коровы, кладут белые конские гривы и изображение жаворонка. Семантически *турсук* является гнездом жаворонка. На кровати, по бокам короба, втыкали по одной березке, на ветвях подвешивали пеструю веревку из конской гривы и ставили берестяную чашу с топленным маслом.

Основными действующими лицами в данном шаманском камлании выступают супруги. Они надевают праздничную одежду и рассаживаются по обеим сторонам *турсука*. Женщина должна сидеть без платка, с распущенными волосами. Само гнездо *турсук* и топленное масло в чаше служат приманкой для души ребенка, так как, если супруги окажутся недостойными, то Дух огня может дать душу ребенка ради счастья этого жаворонка [7. С. 80]. Поэтому шаман камлает и обращается к Духу огня, испрашивая душу птенчика.

Аан Алхан эһэм
Аралы дьабыл
Туус тумус
Түүччү кыламан
Бырдья бытык
Дьоруо тобук
Хоруо хоннох
Бырыы бытык
Эйигиттэн дьол-соргу
Уһун туймуу
Кэтит кэһии көрдөллөөхпүн көрдөнө
турдабым!
Ол турарбар
Көмүс түөстээх далбарайы дайытан кулу,
Эйигиттэн көрдөһөбүн!
Ньылгаарыкса, ньолгоорукса буолуохтун!

Великий дедушка
Аралы дьабыл
Белый нос
Долото ресница
Седея борода
Прихрамывающее колено
Черные подмышки
Грязный пах
От тебя испрашиваю высшее счастье
Длиною веревки
И стою, прося от тебя гостинцы!
На это
Заставь подлететь ко мне золотогрудого
птенчика
Испрашиваю от тебя!
Будь благосклонен, растаивай! [7, С. 81-82]

Из данного текста видно, что шаман, обращаясь к Духу огня, описывает его образ архаическими эпитетами и просит от него не саму душу ребенка, а душу птенчика жаворонка. В этой части камлания шаман иносказательно просит душу ребенка, используя метафорическую формулу. Далее рассмотрим фрагмент просительной части шаманского текста.

Оҕо киэнин сүрэ-кута көрдөһөөрүбүн
олоробун,
Мин киһи:
Дьип хаан дьыэ,
Сэгэлдьийэр буолаайабын,
Мой хаан модьобо
Бохтотор буолаайабын!
Туруору аспыт тоһоҕо,
Сытыары кээспит сиэрдийэ,
Туруору аспыт түөт баҕана
Иччитэ суох хаалаары кыммыт үһү,
Ол туһуттан ону иччилиир иччитин

Сижу перед тобою, чтобы испросить душу
ребенка,
Мне:
Крепкое их жилище,
Не вздумай закрывать,
Высокий порог,
Не вздумай задерживать!
Что стоя воткнутой кол,
Лежа положенные жердочки,
Стоя врытые четыре столба
Могут остаться без хозяев,
Ради этого испрашиваю от тебя оберегающего

көрдөһөбүн эйигиттэн:

Аал уот иччитэ,

Аан Алхан эһэм,

Көрдөллөөх олоробун эйигиттэн:

Уруйу-төлкөнү биэрдэргин миэхэ бэрт дээ
буолуо эбит,

Көрдөһөр даа күлтүмүрдээх буолааччы,

Аартаһар даа ахсааннаах буолааччы!

их хозяина:

Дух уважаемого огня,

Великий дедушка,

Сижу с просьбою к тебе:

Хорошо было бы, если бы ты дал мне счастье и
довольство,

И просьбы бывают не зря,

И упрасивания бывают не часто! [7, С.106-107]

Мы видим, что в просительной части шаманского камлания шаман напрямую испрашивает душу ребенка от Духа огня. Гиперболизирует сокровенную нужду супругов. Далее, в заключительной части действия, шаман смазывает маслом изображение птицы и двух березок, трижды кружит гнездо по солнцу, затем к огню, в трех местах подливает топленое масло и кладет по пучку белых конских волос. Далее он, обмакнув пальцы в чашке с маслом, мажет голову и лицо супругов, подходит к камину, отливает половину чашки с маслом в огонь и оставшуюся часть заставляя мужа и жену допивать поочередно. Это можно понимать так, что душу ребенка Дух огня бросил в чашу с топленным маслом, а следом шаман эту душу ребенка вселил к супругам через голову.

Испрашивание души ребенка в практике современных шаманов

Информантами выступили шаман Иванов Юрий Павлович – Баараҕай Бахсы и удаганка Одун Элиэнэ Егоровна – Куорсуннаах.

Баараҕай Бахсы – шаман, практикующий с 2010 года. Он, зная и умея проводить разного рода шаманские обряды, более 10 лет совершает обряд по испрашиванию души ребенка.

Со слов информанта, он проводит обряд как по своей технике, так и по древним якутским канонам. В обоих случаях, после проведенного им обряда, обратившаяся пара в течение одного года становятся родителями.

Мы рассмотрим его шаманский обряд испрашивания души ребенка от богинь Айыыһыт, совершаемый шаманским камланием.

Информант Баараҕай Бахсы обряд испрашивания души ребенка проводит в определенное время года – с 22 мая и до конца октября.

В теплое время года обряд проводится на природе в отдаленной местности, где до проведения камлания шаман и его помощники (8 молодых, непорочных девушек и 9 юношей) выезжают на природу, где он очищает и воспитывает их в течение 7 дней. Там помощники шамана полностью отрываются от цивилизации и сливаются с природой. В эти дни они питаются только молочными продуктами и полностью исключают употребление мясных. В это же время мастер по дереву изготавливает ритуальную коновязь «тобус моойдоох тойон дуурай сэргэ» с изображением наверху жаворонка, опоясанную двумя *ситии быа* (веревка из конского гривы). Мастер изготавливает данную ритуальную коновязь - сэргэ - так, чтобы до обряда никто ее не видел.

Рис. 2 – Тобус томторҕолоох тойон дуурай сэргэ» [9]

Далее, на месте, где ставят сэргэ, шаман усаживает бездетную семейную пару и втыкает перед ними две березки *чэчир*, после чего разводит огонь. Шаман, переодевшись в свой специальный костюм с орлом для легкого

возвышения к верхнему миру, становится перед огнем. За ним становятся помощники: с правой стороны юноши, с левой – девушки. После он обращается к Духу огня и при поддержке своих помощников возвышается к небесам, обращаясь к богиням Ахтар Айыысыт, Нэлбэй Айыысыт или Хотой Айыысыт.

Илбиэннээх издэскинэн,
Илгэлээх тыыннгынан,
Айыы оҕото буолар
Үрүн төлкөтө анаа!
Айыынаат Айыы хааннаабы
Ыччатынан ханыылаа,
Кэнчээриннэн кэскиллээ,
Тускунан туһаай!
Орто дойду туруулаах олоҕо
Тэнийэ турарын туһугар,
Айыы сирин дойдута
Алтан тыыннаабынан
Айылла турарын туһугар,
Айыыһыт хотунуом
Оҕото кулу!
Хаан тардыта,
Киһи ханыыта,
Дьол ортото,
Күн сирэйэ
Бэлэх уун! [2]

Красными щеками,
С изобильным дыханием,
На детей божеств Айыы
Белую судьбу преподноси!
Родственникам божеств Айыы
Преподноси потомство,
Подрастающим поколением даруй,
Благополучие насылай!
Жизнь срединного мира
Чтоб размножался,
Мир человеческий
Золотым дыханием
Чтоб плодился на века,
Госпожа богиня Айыысыт
Преподноси дитя!
Кровное родство,
Человеческая пара,
Счастье человеческое,
Солнечный лик
Даруй! (Перевод авт. – Н.А., С.Х.)

В тексте шаманского камлания Баараҕай Бахсы описывается просительная часть от богини Айыысыт. Условно просительную часть текста можно разделить на четыре части. Все части прошения описываются метафорическими оборотами. Из этого следует, что шаман напрямую обращается только к богине Айыысыт и спрашивает от нее душу ребенка. В завершающей части камлания шаман полученную душу ребенка вдует женщине: если мальчик, то в правое ухо, если девочка, то в левое. При этом поглаживает одновременно темя и живот даруемой женщины.

В холодное время года (сентябрь, октябрь) данный обряд проводят в помещении самого шамана, где он изготавливает гнездо из конских волос, которое служит вместилищем души ребенка. После обряда он отдает гнездо семейной паре.

Со слов информанта, с его помощью стали родителями более 20 семей, причем самой пожилой парой были 45-летние супруги.

Вторым информантом шаманской практики выступила удаганка Одун Э.Е. Она, начиная с 2016 года, помогает многим супругам познать «земное счастье».

По поводу проведения самого обряда информант уточнила, что первым делом она выясняет первопричину «почему семья не может родить?», и только после этого приступает к шаманскому камланию притягивания души ребенка. Камлание имеет несколько поэтапных действий:

1. Проведение шаманского обряда очищения.
2. Наговоры особых благопожеланий.
3. Преподнесение супругам *эмэгэт* «фигура человека», для притягивания души ребенка.

Рис. 3 – Эмэгэт, изготовленная из бересты удаганкой Одун Э.Е. – Куорсуннаах [6]

Обряд спрашивания души ребенка начинается поздним вечером, когда удаганка работает по устранению препятствий. Затем, на завтрашний день, в первой половине дня она обращается к верхним божествам посредством камлания с прошением-молением.

Улуу Дьылҕа Тойон,
 Төрөтөр оҕону төлкөлөө,
 Үтүө дьылҕаны түстээ.
 Уһун Дьурантаайы Суруксут
 Уһун таас олбоххор
 Улуу дьылҕата суруй.
 Орто дойду олоҕун кизгэппит,
 Үгүс үйэлэри уһаппыт,
 Сылаас тапталынан
 Сүрэхтэрин үөрдүбүт,
 Эдэр дьонно эйэни киллэрбит
 Сиппит дьонно ситэри сирэдиппит,
 Эйэлээх энэрдээх
 Эдьэн Иэйиэхсит.
 Үгүһү үөскэтээчи,
 Олоҕу тыыннааччы,
 Омуннаах үөрүүлээх
 Улуу Ахтар Айыыһыт Хотун.
 Бу кэлэн көрдөһө олорор дьоммор -
 Аҕа ийэ буолан
 Ахтыһан таптаһан,
 Кэргэнни буолан
 Кэккэлэһэ сылдьан,
 Эрдии ойох буолан
 Имэннээхтик таптаһалларыгар.
 Уол оҕо кутун дьулайдарыгар уган,
 Кыыс оҕо кутун кытыаран тийсэрэн
 Ийэ ууһа буолан тэнийэллэригэр,
 Аҕа ууһа буолан барбаралларыгар
 Үтүө хараххытынан көрөн
 Күүс көмө буоллаххыт буоллун! [5]

Великий Господин Судьбы
 Осчастливь судьбы будущим детям,
 Прекрасную участь определи.
 Длинный Верзила Писарь
 На великом каменном полотне
 Великую судьбу прострочи.
 Украшавшая срединный мир,
 Длинною многих веков
 Любовью
 Сердце укутывая,
 Молодоженам единомушие привившая,
 Зрелому поколению счастье, приумножающая
 Душевная
 Эдьэн Иэйиэхсит.
 Дающая многое,
 Жизнь подающая,
 Заполненная радостью
 Великая Госпожа Ахтар Айыыһыт.
 Сидя перед тобою, прошу за них –
 Как родители
 Были они со взаимной любовью,
 Как семья
 Были они всегда вместе,
 Как супруги
 Всегда были сладострастны.
 Душу мальчика в темя задуи,
 Душу девочки примкни
 Чтоб славились своею родовитостью
 Хорошим взором посмотрите
 Помогите прошу! (Перевод авт. – Н.А., С.Х.)

Адресатами в данном отрывке благопожелания выступают несколько небожителей-божеств: Улуу Дьылҕа «Тойон Великий Господин Судьбы», Уһун Дьурантаайы Суруксут «Длинный Верзила Писарь», Ахтар Айыыһыт Хотун «Госпожа Ахтар Айыыһыт» и Эдьэн Иэйиэхсит. Все эти божества в какой-то степени являются ответственными за человеческую судьбу. Как видно из текста, информант более подробно описывает метафорическими эпитетами богинь Айыыһыт и Иэйиэхсит. В просительной части камлания шаманка просит от богинь душу ребенка не напрямую, а используя иносказательные обороты.

Итак, рассмотренные шаманские обряды испрашивания души ребенка имеют структурные сходства. Так, во всех обрядах изготавливаются специальные шаманские приспособления для притягивания души ребенка: птичье гнездо, коновязь, фигура человека из бересты. В камланиях Егора Өлөөкөн и Баараҕай Бахсы символом притягивания души ребенка является жаворонок. Из этого можно предположить, что шаманизм якутов за последние 150 лет не утратил свою традиционную основу. Но выше рассмотренные обряды отличаются друг от друга в семиотическом и семантическом плане. Так, в камлании Егора Өлөөкөн адресатом обряда выступает Дух огня. Структура шаманского обряда имеет сложную композиционную структуру: зачин, обращение к Духу огня, просительная часть (данная часть состоит из двух непохожих частей) и заключительная часть камлания. Шаманский обряд, совершаемый Ю. П. Ивановым – Баараҕай Бахсы – имеет очень сложную структуру. Только данному обряду присущ монументализм: изготавливается коновязь, вовлекаются в обряд помощники (8 девушек и 9 юношей). Для совершения данного обряда шаман и его помощники проходят серьезную подготовительную работу. Например, вовлеченные в обряд лица едят только молочную пищу. Из этого следует, что шаман и его помощники не только духом, но телом очищаются и приближаются к божествам Айыы, т.к. божества, по поверьям якутов, едят только белую пищу. Адресатом выступает богиня Айыысыт. В шаманской практике Э.Е.Одун – Куорсуннаах – интересным моментом является то, что адресатами выступают несколько божеств, отвечающих за судьбу, рок человека.

Эти отличительные черты шаманского камлания можно объяснить тем, что у каждого шамана свои методики камлания, обращения к определенным духам/божествам и исполнения обряда. В этом плане у каждого шамана присутствует индивидуализм. Но в структурном плане определенные шаманские обряды имеют сходство, что характерно для обряда испрашивания души ребенка.

Заключение

Таким образом, проведя сравнительный анализ шаманских обрядов испрашивания души ребенка из практик разных веков (XX-XXI вв.), можно сделать вывод, что возрождение традиционных ритуально-обрядовых действий современными практикующими шаманами идет в исторической параллели, трансформируя и внося веяния нынешнего времени, при этом не искореняя и не ухудшая традиционное исполнение обряда испрашивания души ребенка. Главным результатом которого и по сей день остается реальная возможность бездетным семейным парам стать счастливыми родителями.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Берестяной короб – турсук // Коллекция Енисейского краеведческого музея им. Кытманова. [Электронный ресурс]. URL: <https://artefact.culture.ru/ru/subject/teh-8#> (дата обращения: 02.11.2021).
2. Иванов Ю.П. Баараҕай Бахсы. Беседа о шаманской практике / Ю.П. Иванов // Полевые материалы Хомус С.С. от 10.10.2021 г.
3. Ксенофонов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. (Публикации 1926 — 1929 гг.) / Г.В. Ксенофонов ; Сост. и автор предисл. А.Н. Дьячкова. Якутск: Север-Юг, 1992. - 318 с.
4. Кулаковский А.Е. Научные труды / А.Е. Кулаковский. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
5. Одун Э.Е. Куорсунаах. Беседа о шаманской практике / Э.Е. Одун // Полевые материалы фольклорно-этнографической экспедиции студентов СВФУ в Мегино-Кангаласский район от 28.11.2020 г.
6. Полевые материалы Хомус С.С.К. от 05.01.2021 г.
7. Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: (тексты) / А.А. Попов; Сост. Р.И. Бравина. – Новосибирск: Наука, 2006. – 458 с. – (Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа. Ч.3).
8. Саввин А.А. Документы этнографа Саввина Андрея Андреевича: 1886 - 1953 гг. / А.А. Саввин // Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. ф. 4. оп. 12.
9. Саха олоҕун оностуута // Музей дружбы народов им. К.Д. Уткина. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nmdnutkina.ru/?p=1883> (дата обращения: 02.11.2021).
10. Серошевский, В.Л. Якуты: опыт этнографа, исследования / В. Л. Серошевский. -М.: Наука, 1993. 713 с.
11. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис. – М.: Наука, 1974. - 402 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Birch bark box – tursuk // Collection of the Yenisei Museum of Local Lore. Kytmanova. [Electronic resource]. URL: <https://artefact.culture.ru/ru/subject/teh-8#> (accessed: 02.11.2021) [in Russian]
2. Ivanov Yu.P. Baaraҕaj Bahsy. Beseda o shamanskoj praktike [A Conversation about shamanic practices] / Yu.P. Ivanov // Field data, Khomus S.S. from 10.10.2021 [in Russian]
3. Ksenofontov G.V. Shamanizm. Izbrannye trudy [Shamanism. Selected works] / G. V. Ksenofontov (Publications 1926 - 1929) / Compiled and foreword by A.N. Dyachkova. Yakutsk: Sever-Yug, 1992. - 318 p. [in Russian]
4. Kulakovskiy A.E. Nauchnye trudy [Scientific works] / A. E. Kulakovskiy - Yakutsk: Publishing house, 1979. - 484 p. [in Russian]
5. Odun E.E. Kuorsunnaah. Beseda o shamanskoj praktike [A conversation about shamanic practice] / E.E. Odun // Field data on the folklore and ethnographic expedition of NEFU students to the Megino-Kangalassky district, dated 11/28/2020 [in Russian]
6. Field data, Khomus S.S.K. dated 05.01.2021 [in Russian]
7. Popov A.A. Kamlanija shamanov byvshego Viljujjskogo okruga: (teksty) [Rituals of shamans of the former Vilyui district: (texts)] / A.A. Popov; Compiled by R.I. Bravin. - Novosibirsk: Nauka, 2006. - 458 p. - (Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. Vol.3) [in Russian]
8. Savvin A.A. Dokumenty jetnografa Savvina Andreja Andreevicha: 1886 - 1953 gg. [Documents of the ethnographer Savvin Andrey Andreevich: 1886 – 1953]. // Manuscript Fund of the Institute For Humanitarian Research and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences of the Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences". fund 4, inventory 12. [in Russian]
9. Saha oloҕun onostuuta [Personal life] // K.D. Utkin Museum of Peoples' Friendship. [Electronic resource]. URL: <http://www.nmdnutkina.ru/?p=1883> (accessed: 02.11.2021) [in Yakut]
10. Seroshevsky, V.L. Jakuty: opyt ehtnograf, issledovaniya [Yakuts: experience ethnographer, research] / V. L. Seroshevsky. -M.: Nauka, 1993. 713 p. [in Russian]
11. Ergis, G. U. Ocherki po jakutskomu fol'kloru [Essays on Yakut folklore] / G. U. Ergis. - M.: Nauka, 1974. - 402 p. [in Russian]

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.114.12.187>

РОЛЬ И ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОКАЛИЗОВ В ВУЗОВСКОМ ВОКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Научная статья

Сун Гуйцзюань*

Научно-исследовательский институт Российской музыки при Университете г. Линьши, Линьши, Китай

* Корреспондирующий автор (maritaf1[at]mail.ru)

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению необходимости применения вокализов в процессе обучения вокальной технике в вузах. Определено значение вокальных упражнений в развитии певческого голоса опытных исполнителей и педагогов-музыкантов, а также в решении ряда проблем голосоведения. Установлено, что использование вокализов, при условии их правильного подбора, расширяет технические и художественные возможности обучающихся вузов на уроках вокала. Даны практические рекомендации по подбору и методике использования вокальных этюдов, в том числе относительно способов исполнения вокализов. Отмечена особая роль инструктивных вокализов в процессе обучения будущих исполнителей. Статья имеет практическое значение и основана на опыте работы автора.

Ключевые слова: вокализы, профессиональная вокальная подготовка, техника вокала, исполнительское мастерство, художественная выразительность, вузовское вокальное образование.

THE ROLE AND PRINCIPLES OF USING VOCALISES IN VOCAL EDUCATION OF A UNIVERSITY

Research article

Song Guijuan*

Research Institute of Russian Music at the Linyi University, Linyi, China

* Corresponding author (maritaf1[at]mail.ru)

Abstract

This article discusses the need for the use of vocalises in the process of teaching vocal techniques in universities. The author determines the importance of vocal exercises in the development of the singing voice of experienced performers and music teachers, as well as in solving a number of problems of voice science. It is established that the use of vocalises, provided they are correctly selected, expands the technical and artistic capabilities of university students in vocal lessons. Practical recommendations are given on the selection and methodology of the use of vocal etudes, including their usage in relation to the ways of performing vocalises. The study also notes the special role of instructional vocalises in the process of training future performers. The article has practical significance and is based on the work experience of the author.

Keywords: vocalises, professional vocal training, vocal technique, performing skills, artistic expressiveness, vocal education in a university.

В настоящее время занятия вокальным искусством являются одним из самых приоритетных видов музыкальной деятельности на всех уровнях современного профильного образования.

Первоочередной задачей развития певца как профессионала является настройка «певческого инструмента» и обучение игре на нем. Таким образом, особую роль приобретает постановка голоса, создание стереотипных певческих навыков правильного звукообразования, а в дальнейшем – развитие техники и совершенствование искусства вокального исполнительства [3, С. 124]. В основе вокального воспитания лежат определенные певческие навыки, развитие которых происходит не только при выполнении вокальных упражнений, но и путем использования такого особого жанра, как вокализ.

Под вокализом (от лат. *vocalis* – звучащий, поющий) принято понимать вокальную миниатюру для голоса без слов, которую составляют только гласные звуки. Также использование данного термина подходит для обозначения голосовых развивающих упражнений и освоения различных технических приемов [2, С. 75]. Вокализы чаще всего выдержаны в минорном ладу, представляя собой протяжную, медленную мелодию. Минорность является не обязательной, но предпочтительной особенностью, предназначенной для достижения определенных задач обучения, например, развития эмотивной стороны вокализации, что отражено в работе К. Власовой.

Исследователями [4], [8] неоднократно отмечалась прикладная направленность вокализов, задача которых посредством вокализации определенных звуков сформировать голосовой аппарат певца.

Имеются многочисленные исследования, доказательно обосновывающие необходимость использования вокализов в начальном музыкальном образовании для правильной организации голосового аппарата и музыкального развития будущего певца младшего и среднего школьного возраста. Однако и на более позднем этапе, в вузовской практике, применение вокализов необходимо по ряду обоснований, указанных ниже.

Прежде всего, вокализы помогают певцам абстрагироваться от согласных с помощью вокализации, освободить сознание и голосовой аппарат для большей свободы и выразительности пения, сосредотачивая внимание на музыкальном содержании – нюансировке, штрихах, построении фразы, кульминации и т.д. Этой особенностью вокализов объясняется их нередкое применение в аспекте решения ряда проблем голосоведения: отработка сложных интервалов, развитие техники беглости. Более подробно об этой особенности пишет И. Трунов в исследовании «Опыт применения жанра вокализа на уроках сольного пения в аспекте решения некоторых проблем голосоведения» [9].

Использование вокализов влияет на формирование тона будущего певца, учитывает его индивидуальные особенности, такие как тембр, артикуляция; помогает выработке чистоты тона и интонирования. Вокальные этюды, как иногда иначе называют вокализы, являются неотъемлемым атрибутом для расширения диапазона исполнения и

развития грудных резонаторов, в силу способности представлять определенный диапазон [10, С. 101]. Таким образом, опытный исполнитель имеет возможность выбрать среди многообразия вокализов именно те, которые подходят к его голосу и диапазону, будь то высокий – низкий или узкий – широкий.

При этом для обучения принято использовать так называемые инструктивные вокализы, тогда как для демонстрации уже полученных навыков больше подходят концертные. Подобная классификация обусловлена эволюцией термина «вокализ». Появившись в XVII веке в качестве пьес для голоса исключительно учебного характера, вокализ в XX веке становится самостоятельной пьесой, которая содержит художественную ценность, что обусловлено желанием авторов подчеркнуть не только педагогическую, но и выразительную роль данных произведений. Появляется разновидность вокализов – концертные. Как указывает, например, Л. Латыпова в исследовании «Вокализ как средство развития вокальных техник», не случайно одним из самых ярких сочинений XX века является «Вокализ» С. Рахманинова, представляющий собой, безусловно, не сугубо учебное произведение [6]. Однако в образовательной практике особо подчеркивается роль именно инструктивных (учебных) вокализов. Неоднократно они создавались и продолжают создаваться преподавателями вокала для исключительно тренировочных целей, не имея самостоятельной художественной ценности, что, однако, не умаляет их функциональности.

Вокализы, выступая как учебный материал, обеспечивают связь между вокально-технической направленностью упражнений и образным содержанием музыкальных художественных произведений. Исполнение вокализов возможно двумя основными способами – когда применяется определенный гласный (вокализация) или когда называются ноты (сольфеджирование). Исполнение вокализов должно разрушить стереотипное воспроизведение речевой гласной, меняя ее на певческую. Этим достигается ровность звучания, сглаживаются регистровые границы, сохраняется единая певческая позиция [2, С. 75]. При вокализации возможным становится одинаковое качество звучания гласных на всех участках звуковысотного диапазона, а при сольфеджировании выравнивается звучание гласных и согласных. В то же время, поскольку вокализы имеют завершенную музыкальную форму, то они рассматриваются в качестве музыкально-художественных произведений, которые не усложняются содержанием литературных текстов [7, С. 135]. При отсутствии словесного текста особую роль приобретают иные вербальные компоненты: заголовок, посвящение и др. Зачастую указывается, что именно эта двойственность вокализов помогает развивать фантазию и эмоциональность будущих певцов.

Использование вокализов позволяет усовершенствовать многие певческие техники, такие как развитие протяженности дыхания, выработка плавности и подвижности голоса, поэтому подходит не только для начинающих, но и для уже опытных певцов. Особенную актуальность это приобретает при обучении будущих педагогов-музыкантов. Главной задачей их индивидуальной вокальной подготовки является получение умения владения собственным голосом на уровне высокого осознания технологии певческого процесса. Это обусловлено тем, что голос учителя является не только его основным инструментом, но и мощным фактором непосредственного влияния на формирование детских голосов: как поет учитель, так поют и ученики. Использование вокализов в системе технического и музыкального развития будущего педагога-музыканта связано с индивидуальным подходом к студенту и с учетом его вокальных возможностей [7, С. 136].

Отдельно следует отметить специфику подбора вокализов в качестве упражнений для учащихся высших учебных заведений. Вокализы приобретают большое значение в техническом и музыкальном развитии певца только в том случае, если стремиться исключить формальный подход при их введении в учебно-исполнительский процесс. Одной из проблем использования вокализов, таким образом, становится правильный их подбор в качестве упражнения по развитию вокальной техники. В ее основе лежит развитое музыкальное мышление. Конкретный подбор упражнений для начинающих зависит от того метода, который применяется тем или иным вокальным педагогом. Также большое значение имеют особенности звучания голоса ученика, имеющего свои преимущества и недостатки.

Упражнения, построенные из одних и тех же попевок, транспонирующихся по полутонам вверх и вниз, которые педагог дает с точно направленной целью, приводят к выработке прочных навыков исполнения. Бесцельное распевание дает лишь разогревание голосового аппарата для дальнейшей работы с голосом. Не менее важно правильно подбирать последовательность распевов-упражнений, чтобы избежать формирования вредных навыков, которые в дальнейшем потребуют серьезной коррекции. Даже стандартные попевки следует соотносить с певческими возможностями данного конкретного ученика и вносить коррективы в их использование. Упражнения могут быть предельно просты – пение на одной высоте интервалов от прима до терции, во избежание широких интервалов и скачков. Для учеников, не способных на первых порах повторить тон, сыгранный на инструменте, можно использовать показ с голоса [2, С. 74].

Принцип построения работы с упражнениями – от простого к сложному. Он может идти от пения одной ноты на одной высоте до пения широких интервалов, развернутых арпеджио (способ исполнения аккорда, при котором его звуки следуют один за другим) с постепенным усложнением видов техники легато (основная форма пения), стаккато (особая отрывистая форма пения, с акцентами на слогах), пения колоратур (украшение, варьирование вокальной мелодии) и мелизмов (мелодических украшений в музыке), трелей и филировок (вокальный прием, обозначение равномерного долгого звука). Все эти вокальные упражнения дают возможность певцу приобрести технику кантленного, то есть связанного, свободно льющегося, напевного звучания [3, С. 590], достичь беглости, приводят к большей гибкости и эластичности голоса, позволяя исполнять огромное количество вокальных произведений любой трудности. Для студентов младших курсов рекомендуются тренировки с вокализами Абта, Конконе, а для старших – Панофки, Россини, Виардо [9]. Конкретные варианты вокализов-упражнений, подходящих для достижения вышеуказанных задач, предлагаются в сборнике Н. Ладухина [5].

Для педагогов и студентов важно осознавать, насколько продуктивным будет обучение певческим техникам, которое включает использование вокализов и построено ступенчато. Необходимость применения вокализов в

процессе занятий вокалом, таким образом, велика не только в процессе постановки голоса в музыкальных школах, но и для развития индивидуальных певческих и преподавательских навыков опытных певцов при обучении в вузе.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Аспелунд, Д.Л. Развитие певца и его голоса / Д.Л. Аспелунд. – М.: Музгиз, 1952. – 192 с.
2. Власова, К.А. Влияние вокализов на формирование выразительности исполнения в процессе вокальной подготовки / К.А. Власова // Инновационные процессы в культуре, искусстве и образовании: коллективная монография. – М.: Перо, 2016. – С. 70-77.
3. Дмитриев, Л.Б. Основы вокальной методики / Л.Б. Дмитриев. – М.: Музыка, 2017. – 366 с.
4. Гусева, А.Н. К проблеме исследования жанра вокализа / А.Н. Гусева // Проблемы музыкальной науки. – 2010. – № 2 (7) – С. 148-151.
5. Ладухин, Н.М. Вокализы / Н.М. Ладухин. – М.: Классика XXI, 2004. – 77 с.
6. Латыпова, Л. Вокализ как средство развития вокальных техник / Л. Латыпова. – Томск, 2015. – [Электронный ресурс]. URL: <https://pandia.ru/text/80/660/30505.php> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Старцева, Д.В. Значение вокальных упражнений в развитии певческих навыков будущих педагогов-музыкантов / Д.В. Старцева // Интеграция искусств в современном художественном образовании: материалы IV всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / редкол.: И.И. Банникова, В.И. Юдина. – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2021. – С. 132-137.
8. Старчеус, М.С. Слух музыканта / М.С. Старчеус. – М.: МГК им. П.И. Чайковского. – М., 2003. – 640 с.
9. Трунов, И. В. Опыт применения жанра вокализа на уроках сольного пения в аспекте решения некоторых проблем голосоведения / И. В. Трунов // Молодой ученый. — 2016. — № 4 (108). — С. 839-840. — [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/108/26242/> (дата обращения: 12.10.2021).
10. Чепенкова, Т.Ю. Вокализы как основа постановки певческого голоса / Т.Ю. Чепенкова // Проблемы теории и практики постановки голоса: материалы V международной научно-практической конференции. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – С. 100-106.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aspelund, D.L. Razvitiye pevca i ego golosa [The development of the singer and his voice] / D.L. Aspelund. - M.: Muzgiz, 1952. - 192 p. [in Russian]
2. Vlasova, K.A. Vliyanie vokalizov na formirovanie vyrazitel'nosti ispolneniya v processe vokal'noj podgotovki [The influence of vocalizations on the formation of the expressiveness of performance in the process of vocal preparation] / K.A. Vlasova // Innovacionnye processy v kul'ture, iskusstve i obrazovanii [Innovative processes in culture, art and education]: a collective monograph. - M.: Pero, 2016. - pp. 70-77. [in Russian]
3. Dmitriev, L.B. Osnovy vokal'noj metodiki [Fundamentals of vocal methodology] / L.B. Dmitriev. - M.: Music, 2017. - 366 p. [in Russian]
4. Guseva, A.N. K probleme issledovaniya zhanra vokaliza [On the problem of studying the genre of vocalization] / A.N. Guseva // Problems of musical science. – 2010. – № 2 (7) – Pp. 148-151. [in Russian]
5. Ladukhin, N.M. Vokalizy [Vocalizy] / N.M. Ladukhin. - M.: Classics XXI, 2004. - 77 p. [in Russian]
6. Latypova, L. Vokaliz kak sredstvo razvitiya vokal'nyh tehnik [Vocalization as a means of developing vocal techniques] / L. Latypova. - Tomsk, 2015– - [Electronic resource]. URL: <https://pandia.ru/text/80/660/30505.php> (accessed: 15.11.2021). [in Russian]
7. Startseva, D.V. Znachenie vokal'nyh uprazhnenij v razvitii pevcheskih navykov budushhih pedagogov-muzykantov [The importance of vocal exercises in the development of singing skills of future music teachers] / D.V. Starceva // Integraciya iskusstv v sovremennom hudozhestvennom obrazovanii: materialy IV vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii [Integration of arts in modern art education: materials of the IV All-Russian (with international participation) scientific and practical conference] / editors: I.I. Bannikova, V.I. Yudina. - Orel: Oryol State Institute of Culture, 2021. - pp. 132-137. [in Russian]
8. Starcheus, M.S. Sluh muzykanta [The Musician's Ear] / M.S. Starcheus. - M.: Tchaikovsky Moscow State Art Museum. - M., 2003– - 640 p. [in Russian]
9. Trunov, I. V. Opyt primeneniya zhanra vokaliza na urokah sol'nogo peniya v aspekte resheniya nekotoryh problem golosovedeniya [The experience of using the vocalization genre at solo singing lessons in the aspect of solving some problems of voice studies] / I. V. Trunov // Molodoy uchenyj [Young scientist]. — 2016. — № 4 (108). — Pp. 839-840— - [Electronic resource]. URL: <https://moluch.ru/archive/108/26242/> / (accessed: 12.10.2021). [in Russian]
10. Chepenkova, T.Y. Vokalizy kak osnova postanovki pevcheskogo golosa [Vocalizations as a basis for the production of a singing voice] / T.Y. Chepenkova // Problemy teorii i praktiki postanovki golosa: materialy V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Problems of theory and practice of voice production: materials of the V International Scientific and practical Conference]. - Saratov: Saratov Source, 2019. - pp. 100-106. [in Russian]